

МИР И МЫ

МИР И МЫ

ИМАДЕДДИН НАСИМИ

*В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь
Я суть, я не имею места - и в бытие я не вмещусь*

*Все то, что было, есть и будет, - все воплощается во мне
Не спрашивай! Иди за мною. Я в объяснения не вмещусь*

*Вселенная - мой предвозвестник, мое начало - жизнь твоя, -
Узнай меня по этим знакам, но я и в знаки не вмещусь.*

*Все времена и все века я. Душа и мир - все это я!
Но разве никому не странно, что в них я тоже, не вмещусь.*

*Старик - я в то же время молод, я лук с тугою тетивой,
Я власть, я вечное богатство, - но сам в века я не вмещусь.*

Перевод Константина Симонова

Памятник Алишеру Новаи

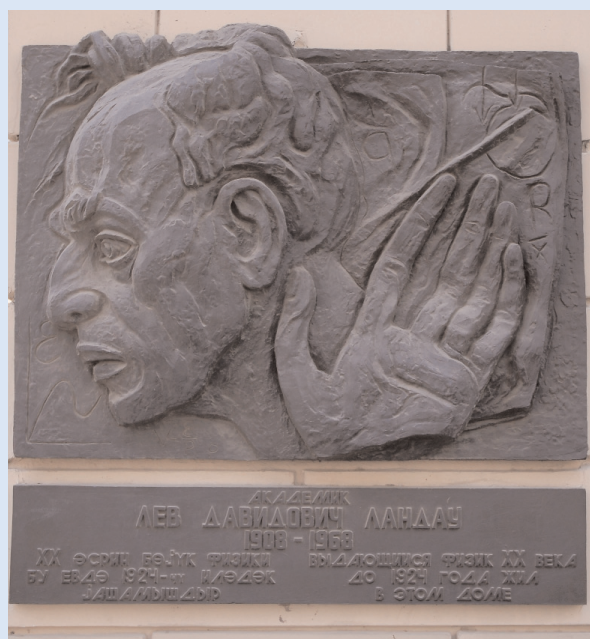
Памятник Амадею Моцарту

Памятник Александру Пушкину

*Настенный барельеф
Сергею Есенину*

Настенный барельеф Льва Ландау

Барельеф Мстиславу Ростроповичу

Памятник Максиму Горькому

Памятник Тарасу Шевченко

*Настенный барельеф
Владимиру Маяковскому*

этом последнем разделе своей книги я собрал статьи, очерки, эссе разных лет, посвященные зарубежной тематике, видным представителям литературы и искусства разных стран и разных эпох. Многие из них в той или иной степени были причастны к Азербайджану.

Учителем, наставником и другом великого турецкого поэта Джалалэддина Руми (Мевланы) был Шамс из Тебриза. Илья Чавчавадзе общался с деятелями азербайджанской культуры в Тифлисе. Рабиндранат Тагор в советское время приезжал в Баку и написал о своих впечатлениях. Тесно были связаны с Азербайджаном Владимир Маяковский, Дмитрий Шостакович, Константин Симонов. Обо всем этом подробно говорить в эссе, посвященным им.

Дружеские отношения с азербайджанскими литераторами связывали Чингиза Айтматова, Расула Гамзатова, Евгения Евтушенко, Мухтара Шаханова. Искренним другом Азербайджана - в радости и беде - является Олжас Сулейменов. Братские отношения были лично у меня с покойным Гурамом Панджикидзе. Моим близким другом и однокашником по Высшим Сценарным Курсам является Иван Драч.

В советское время в Союзе писателей СССР был совет по Азербайджанской литературе. После моего избрания руководителем Союза писателей Азербайджана в 1987-ом году, по моей инициативе Председателем этого Совета стал Владимир Амлинский, а после его смерти Римма Казакова. Бакинский поэт Владимир Портнов, переехавший позже в Израил был также моим другом и переводчиком. Я был знаком с Василием Аксеновым и написал положительную рецензию на повесть Юрия Трифонова в пору, когда на него были нападки. Рецензия была напечатана в журнале "Дружба народов".

Естественно, незабываемые воспоминания связаны у меня с пребыванием в Баку турецких литераторов - поэта Назыма Хикмета, прозаиков Азиза Несина, Орхана Памука. Более обстоятельно, об этом говорится в эссе, посвященным им.

Несколько эссе, посвящены людям, не имеющим никаких точек соприкосновения с Азербайджаном и поэтому чисто условно включенным в раздел "Мир и мы". Это Эрих Мария Ремарк, Эрнест Хемингуэй, Федерико Феллини.

О них в этом разделе говорится поскольку темой моей дипломной работы в Университете было творчество Ремарка и через всю свою жизнь - а это уже личное - пронес я любовь к фильмам Феллини и прозе Хемингуэя.

Впрочем, Хемингуэй, имеет все-таки какое-то отношение к этому разделу. Именно с его помощью я как-то заимел пятьсот азербайджанских манатов. Дело в том, что, как известно, и на нашем телевидении есть игра "Кто, где, когда". Как-то и меня пригласили на эту передачу. Приглашенный задает вопросы, знатоки отвечают. Если не могут ответить, задавший вопрос получает пятьсот рублей. Итак, я задал вопрос: "В каком известном романе известного современного западного писателя, который, кстати, никогда не был в Азербайджане, есть такая фраза: "Мне пишут даже из какого-то городка Азербайджана, если там происходит какая-та несправедливость".

Знатоки не смогли ответить, и я выиграл пятьсот рублей. А эта фраза из романа Хемингуэя "По ком звонит колокол". Это говорит один из персонажей романа, советский журналист Карков, прообразом которого был тогдашний корреспондент газеты "Правда" в Испании Михаил Кольцов.

20 марта 2010 г.

Наши современник Мевлана

Был незрелым, созрел, сгорел.

Джалалиддин Руми

Джалаладдин Руми (Мевлана)

Мевлана Джалаладдин Руми (1207-1273) жил в суровую, жестокую эпоху кровопролитных войн, коварных дворцовых заговоров, социальной, национальной, религиозной нетерпимости. И неустанно провозглашал Любовь - как высшую Истину бытия. Постоянно призывал к миру и согласию, а не к вражде и раздору.

“Мы пришли в этот мир, дабы быть вместе, а не врозь” - таков был девиз его творчества на протяжении всей жизни.

В годы, когда жил и творил Мевлана, огромный регион - Ближний и Средний Восток, Малая Азия, Туркестан - полыхал огнем междоусобиц. С Запада постоянно шли войной крестоносцы. С Востока тщеславный и надменный Хорезмшах Мухаммед вознамерился свергнуть Халифа в Багдаде, с тем, чтобы самому стать не только светским, но духовным главой мусульман. С Юга арабские правители непрерывными восстаниями пытались расшатать Сельджукскую империю. Но самым страшным, всесокрушающим

цунами стало нашествие монгольских орд, разрушающих и сжигающих дотла все на своем пути.

Отец Мевланы Бахедин Велед, прозванный за свою мудрость султаном улемов, то есть королем ученых-богословов то ли будучи не в силах терпеть свое несправедливое положение Хорезмшаха, то ли предчувствуя монгольский смерч, со всей своей семьей и учениками-мюридами покинул родной город Балх, где, кстати, родился Джалаладдин, и устремился в далекую Малую Азию или Рум, как называли восточные источники эту страну, исходя из названия Византии - Восточного Рима. Предчувствие Бахеддина Веледа воплотилось в реальность, город Балх, что находится в нынешнем Афганистане, как и все Хорезмское государство, куда он входил тогда, был захвачен монголами и предан огню и мечу. Хорезмшах, заложник своих амбиций, которые и погубили его, как и многих других тщеславных владык до и после него, потерпев сокрушительное поражение в битве с монго-

лами, окончил свои дни одиноким отшельником на одном из каспийских островов. Его отчаянно смелый сын Джалалладин - тезка Мевланы, - погиб в бою с захватчиками.

На пути из Балха в Малую Азию караван Бахеддина Веледа прибыл в Нишапур, где он и его пяти-шестилетний сын Джалалладин якобы встретились со знаменитым поэтом-суфием Фаридаддином Аттаром, который был старше Джалаладдина на пятнадцать лет. Видный востоковед Е.Э.Бертельс считает эту встречу легендой, придуманной гораздо позже. По его мнению легенда возникла из-за влияния Аттара (также как Санаи) на творчество Руми, в чем благородно признавался сам поэт. Как бы то ни было, согласно этой легенде Аттар предсказал мальчику большое будущее.

Но вовсе не легендой является встреча Мевланы уже в преклонном возрасте с юным Юнусом Имре, одним из родоначальников турецкой поэзии на родном языке. Таджикская исследовательница Мухиба Махмаджонова в своей книге “Философия Джалолуддина Руми” пишет: “Из тюркских современников Мавлоно упоминают Юнуса Имре... Он комментировал Коран, поэзию Мавлоно Джалолуддина и даже перевел несколько газелей Саади Шерози на тюркский язык. Он умер через 47 лет после смерти Мавлоно - в 1320 г. В своих стихах он выражает великое уважение к Мавлоно Джалолуддину Руми и отмечает, что получил благословение у Мавлоно”.

Покинув родной Балх премудрый султан улемов Бахеддин Велед не мог предположить, что опустошительное монгольское нашествие докатится и до города Конья в Малой Азии, где он с семьей поселился в надежде на спасение и покой. И, конечно, он никак не мог предположить, что Конью от монгольского разрушения и разорения спасет авторитет его сына Джалаладдина Руми, ставшего к этому времени влиятельным духовным лицом. Джалалладин Руми спас не только Конью, он “выписал” рецепт спасения всего человечества, рецепт, возможно, в наши дни еще более востребованный, чем в дни его жизни. А рецепт этот прост и мудр: миром должны править Любовь, Согласие, Понимание, Терпимость, а не то, что им противостоит Вражда, Раздор, Ненависть, Мечь.

В те времена (впрочем, как и всегда), из-за жажды власти брат убивал родного брата, сын отравлял отца. В те времена, как и всегда, провозглашались высокие слова и совершались низкие дела, торжествовали лицемерие, фарисейство, так вот, в те самые времена Мевлана вывел бессмертную формулу на века - “Будь таким, каким ты выглядишь, выгляди таким, каков ты есть”.

Когда ученики попросили Мевлану объяснить, в чем сущность эгоизма и альтруизма, он рассадил их друг

Усыпальница Джалаладдин Руми в Конья (Турция)

против друга за обеденным столом и перед трапезой раздал всем очень длинные ложки. Никто не смог этими ложками брать еду из своей тарелки. Тогда учитель предложил каждому кормить этими длинными ложками сидящего напротив. Вот наглядная суть эгоизма и альтруизма, - сказал он.

За много веков до пролетарского и любого иного интернационализма, он провозгласил идею братства наций, рас, религиозных конфессий. Если его почти современник великий итальянский поэт Данте Алигьери (1265-1321) в своей “Божественной комедии”, поместил всех нехристиан в Аду, или, в лучшем случае, в Чистилище, Мевлана приглашал в свою Обитель Добра и Надежды, мусульман и христиан, огнепоклонников и, (о невиданная ересь и смелость!) - даже безбожников, ни во что не веривших.

Если вспомнить, что в некоторых наиболее радикальных исламских течениях (к примеру азракиты), совершившего грех мусульманина переставали считать таковым и более того, любой правоверный мог безнаказанно убить не только его, но и уничтожить все его потомство, то кажется невероятным степень толерантности, которую Мевлана достигает в вышеприведенном стихотворении.

В начальных строках он, провозгласив крамольный для той эпохи призыв к религиозной терпимости, с заключительной сентенцией обращается уже к каждой человеческой личности в отдельности, с пониманием всех психологических ее особенностей и слабостей: “Приходи даже если ты сто раз давал обет и сто раз его нарушал”.

Такой глубины постижения человеческой сущности вряд ли можно отыскать еще у кого-нибудь в XIV веке, да и во все последующие века.

И спустя восемь веков, после двух кровопролитных мировых войн в одном лишь двадцатом столетии, после Холокоста, насильственной депортации целых народов Северного Кавказа и Крыма в середине минувшего века, после жестокого изгнания поголовно всех азербайджанцев из Армении, после Черного бакинского января 1990 года и ходжалинского геноцида, после чудовищного террористического акта 11 сентября в США, уже в начале третьего тысячелетия, после гнусных карикатур на пророка Мухаммеда, опубликованных в ряде европейских газет и журналов безответственными придурками, после варварского уничтожения талибами буддистских памятников в Афганистане, после всего этого - призывы Мевланы к религиозной терпимости набатом звучат в наши дни.

Я не знаю, был ли знаком Лев Толстой с духовным наследием Руми, хотя изучение великим русским писателем восточных языков в казанском университете, его живой интерес к Корану, не исключают такую возможность. Но в любом случае в толстовской идее непротивления злу насилием, с помощью которой, он пытался предотвратить кровавую русскую революцию, слышны отголоски призывов Мевланы. И уж точно идеи Руми оказали, по его собственному признанию, огромное влияние на мировоззрение Махатмы Ганди, который привел Индию, многонациональную и многоконфессиональную страну к независимости без кровоспускания. Хотя Махатма Ганди, как и другой приверженец этой идеи Мартин Лютер Кинг, сами стали жертвами насилия.

Е.Э.Бертельс писал: “Если Аттар поэт только персидский, то Джалаладдин уже поэт мирового масштаба, который, будь он известен шире, стал бы достоянием всего человечества, подобно Шекспиру и Гете”. (“Суфизм и суфийская литература”. Москва 1965).

Действительно, идеи Руми, достигшие Запада спустя лишь много столетий, восхитил и Гете, и по признанию самого Гегеля оказали воздействие в построении им диалектического метода.

Турецкий ученый Джихан Окуюджу в своей книге “Мевлана в нас” приводит такое высказывание: “Дмитрий Кантемир, автор исследований об Османской истории и музыке, отмечал: когда я познакомился с концепцией любви к человеку мевлеви, мне стало стыдно за нас (то есть за христианство)”.

В наше время популярность Мевланы во всем мире, включая Америку и Европу, приобрела небывалую высоту. Тиражи его книг даже в Англии превышают тиражи шекспировских сочинений. Джихан Окуюджу приводит и такое высказывание М.Барреса: “Узнав Мевлану, я понял, чего не хватает у Гюго, Гете и Шекспира”. В той же книге турецкого ученого отмечаем любопытный факт: “Польский композитор Кароль Шимановски (1882-1937) в 1922-ом году написал Третью симфонию на основе газели Мевланы “Ночная песня”. В 1990-ом году это произведение прозвучало и в Турции”.

Я был живым свидетелем неиссякаемого потока зарубежных паломников к усыпальнице Руми в Конье, как и того, как восторженно реагировали иностранцы на ритуальные танцы семазенов - крутящихся дервишей, последователей ордена Мевлеви в той же Конье в декабре 1993-го года.

Мевлана - наш великий современник не только благодаря своему мировоззрению, нравственной толерантности. Он и по формальным признакам своей поэзии близок к поэта-модернистам XX и XXI столетия близок своим стремлением освободиться от кабалы рифм и размеров, полетом свободного вдохновения, вызывающего самые неожиданные и причудливые ассоциации.

Радий Фиш, автор первой на русском языке обстоятельной книги о Джалаладине Руми в серии “Жизнь замечательных людей”, пишет: “Великий поэт был наделен ассоциативным мышлением необыкновенной мощи. И эта мощь позволяла ему сопрягать несопрягаемое, сопоставлять несопоставимое, чтобы вскрыть сущность явления”.

В ряду великих поэтов Исламского Востока Мевлана отличается от Фирдоуси, Низами Навои тем, что все три эпических гения создавали строго сюжетные поэмы (исключая быть может только “Сокровищницу тайн” мудреца из Гянджи). “Месневи Меневи” же - главный труд Мевланы - состоит из цепи рассказов, притч, мудрых, многозначных, порой и грубых, связанных между собой свободным ассоциативным мышлением. Конечно, любая притча переосмысливается Мевланой в суфийском духе и таит в себе тайное значение, противостоящее ортодоксальной религиозной доктрине. Эту особенность произведения Мевланы пронизательно подметил Мирза Фатали Ахундов, хотя и не жаловал великого поэта. В эссе “О Моллаи-Руми и его произведениях” Мирза Фатали пишет: “Моллаи Руми - непревзойденный ученый и мудрец... Убеждения его сходны с убеждениями индийских философов, то есть он верил в пантеизм, он признает вселенную, исходящую от единого света... Моллаи Руми не признает также рая, ада и дня воскресения мертвых. Но при развитии этих идей он поднимает такой шум и крик вокруг согласования с доводами шариата, что человек буквально поражается и стесняется сказать ему: Слушай, оказывается ты - неверующий, атеист... Цель его заключается в том, чтобы разоблачить лживость пророков и вместе с тем остаться целым и невредимым,

убережся от различных посягательств и покушений со стороны невежественной толпы своего опасного века.... Так, например, он начинает рассказывать какую-нибудь небылицу, но вдруг в середине рассказа по какому-нибудь случаю прекращает его и начинает умничать и рассуждать. Этим он перепутывает главный смысл и запутывает мысли читателя. А потом опять неожиданно приступает к изложению оставленного на половине рассказа, и простой читатель этому радуется, думая, что наконец-то нашлась нить неоконченного повествования, и он спасся от непонятных умствований его и рассуждений. Но он не понимает того, что и Моллайи Руми тоже достиг своей цели, так как главный смысл вопроса стал ясным искушенному читателю”.

Мирза Фатали не учитывает того факта, что открытые противоборства ортодоксальным догмам кончались для поэтов Востока жестокими казнями. Такая страшная участь постигла Халаджа Мансура, впервые провозгласившего “Эн ел Хак” (то есть Я - Истина (Бог), распятого, четвертованного и обезглавленного за это на багдадской площади за три века до Руми. Насими, живший после Руми, постигла такая же участь - жестокая казнь на площади в Алеппо.

Эзопов язык Руми (который кстати тоже нередко обращался к жанру басни) обусловлен именно подобными суровыми нравами эпохи, и если он в этих жестких рамках все же сумел донести свои мысли, то это не слабость его, а подвиг.

Уловив главное в творческом методе Мевланы, Мирза Фатали, как просветитель-материалист, уличал также его ошибки с рационалистических позиций. Но оказалось, что ошибся сам Мирза Фатали, полагая невозможным переводы творений Мевланы на другие языки. XX и XXI век доказали как раз обратное, переведенный едва ли не на все основные языки мира, Руми стал одним из самых популярных классиков мировой литературы.

Сославшись на одного великого азербайджанца, недооценившего Джалаладдина, стоит вспомнить другого нашего выдающегося сородича, современника Руми - Шамсааддина Тебризи, изменившего все мировоззрение Мевланы.

Шамсадин (или Шамс) Тебризи, сыграл решающую роль не только в формировании нового образа мышления Мевланы, под его влиянием ученый-богослов стал поэтом.

Радий Фиш пишет по поводу встречи Шамса и Мевланы: “16 ноября 1244 года. Два человека, встретившиеся в Конье семьсот с лишним лет назад, не только открыли себя друг в друге, они совершили еще одно великое открытие - Человека для Человечества. Не будь этой встречи, по иному чувствовали, думали бы десятки миллионов людей от Средней Азии на севере до Аравии на юге, от Индонезии на востоке, до Северной Африки на западе. Для второй природы человека, именуемой “культура”, этот день имел такое же значение, как день встречи Сократа и Платона, Шиллера и Гете”.

Но эта удивительная дружба двух выдающихся вольнодумцев своего времени имела трагические последствия. Завистники, ревниво относившиеся к любви Мевланы к Шамсу, убили его, а тело бросили в колодезь. Мевлана до конца своих дней испытывал острую тоску по исчезнувшему другу. Ведь он не знал о его смерти. Султан Велед, сын и последователь Руми, скрыл от отца обстоятельства убийства Шамса, в котором принял участие его брат, другой сын Джалаладдина, Аладдин. Всю жизнь Мевлана прожил в ожидании возвращения Шамса. И когда однажды кто-то принес ему весть о Шамсе, он

подарил ему свой кафтан. “Ведь эта же ложь, - вразумляли его ученики. - Думаете я этого не знаю? - отвечал Руми. - Я подарил кафтан за несколько секунд утешительной лжи. Если это было бы правдой, я отдал бы за нее свою ЖИЗНЬ”.

Потеряв Шамса, Мевлана стал подписывать свои газели его именем и в то же время запретил произносить имя друга в своем присутствии - всякое упоминание тебризского поэта вызывало у него невыносимую боль.

Султан Велед, вытащивший из колодца тело Шамса и похоронивший его, лишь в конце своей жизни открыл близким место его захоронения, и уже в середине XX века была обнаружена могила Шамсааддина. Теперь они навеки вместе в Конье - Шамс Тебризи, Джалаладдин Руми, Султан Велед.

Издавна в исламском мировоззрении идет спор между сторонниками строго рационалистического сознания и приверженцами эмоционального, интуитивно-чувственного познания бытия.

Спор между рационалистами и суфиями нашел свое емкое отражение в выводе, к которому пришли после встречи знаменитый суфийский Шейх Абу Сайд и великий ученый-медик Ибн Сина. “Он видит то, что я знаю” сказал Ибн Сина о своем оппоненте. Ту же мысль повторил Шейх: “Он знает то, что я вижу”.

Под воздействием Шамса Мевлана, не отвергая рационального начала, все более склоняется к убеждению, что только наитием, чувством, любовью можно достичь Истины, иными словами только таков путь слияния с Богом. Суфизм в Исламе, - а все это вмещается в достаточно широкие рамки этого философского течения - сыграл в истории духовной жизни Востока роль, аналогичную с Ренессансом на Западе. И суфизм, и Ренессанс по разному освободили человеческую мысль от слепого следования догмам, раскрепостили и сердца творцов литературы и искусств для эмоционального восприятия жизни во всей ее красочности и великолепии. И неважно, какой аллегорический, метафорический смысл вкладывали поэты Востока, восхваляя женскую красоту, любовные переживания, муки разлуки и радость встречи - ведется ли речь о реальных красавицах, реальных перипетиях человеческих судеб или все это лишь иносказание для выражения отношения к Богу, страданий из-за отлучения от Него и блаженства слияния с Ним. Гораздо важнее то, что в лирике Мевланы, и не только Мевланы, но и Юнуса Имре, Хафиза, Физули, при любых аллегорических толкованиях с немыслимой глубиной и тонкостью выражены подлинные человеческие чувства, страдания и радости, разочарования и надежды реальной жизни.

Одна из самых вдумчивых исследователей наследия Мевланы, покойная Азаде-ханум Рустамова в своей книге “Мевлана Джалаладдин Руми” приводит такой факт: Великий Саади в ответ на просьбу одного из своих друзей прислать ему лучшие стихи, послал газель Мевлеви с припиской “ничего лучше этого в поэзии не создано”.

Уже в XX веке высокую оценку лирике Джалаладдина дали великие поэты - бенгалец Рабиндранат Тагор, турок Назым Хикмет, пакистанец Игбал. Кстати, Руми, писавший на фарси, подчеркивал, что по происхождению он тюрк: “Аслем турк-ест егерчи хинду куйем” - “ По происхождению я тюрк, хотя и пишу на хинду (то есть на фарси)”. (Цитирую по статье Тофика Меликли “Его прозвали Мевлана”). Впрочем, есть несколько строк написанных им на турецком, а сын Султан Велед, как было сказано выше, счита-

Танцующие дервиши

вопросы Бытия и сделаны попытки, порой весьма убедительные, ответить на них.

Французский писатель-интеллектуал Андре Мальро считал, что западная цивилизация, единственная, которая не знает ответа на вопрос “В чем смысл жизни?” Из этого вытекает запрет Ницше думать о смерти и убеждение Альбера Камю в том, что смерть - это небытие.

Одно из достоинств, коим было отмечено мировоззрение Руми, является его отношение к смерти, как к простому перемещению бессмертной души и слияния ее с Богом.

И когда на похоронах одного из своих близких друзей и единомышленников, он шел во главе траурной процессии танцуя сема, это было не только вызовом ортодоксальным нравам, но и естественной потребностью его мироощущения.

Когда Мевлана лежал на смертном одре, разразилось землетрясение.

“Земля требует жирного куска, - сказал он имея ввиду собственное тело, - когда его предадут земле, она успокоится”. Это были его последние слова.

2007 год объявлен ЮНЕСКО годом Джалаладдина Руми. Через несколько месяцев этот год завершится. Но никогда не завершатся годы, века тысячелетия Мевланы. Современник всех поколений он будет неизменно призывать людей к любви, добру, терпимости и надежде. И еще - учить не бояться смерти.

ется одним из родоначальников поэзии на родном языке.

Не следует забывать, что в эту эпоху на фарси писали и другие не-иранские поэты - азербайджанские турки Низами, Хагани, Мехсети, индийский мусульманин Амир Хосров Дехлеви и многие другие.

В обширном наследии Мевланы Джалаладдина Руми, охватывающем шесть книг “Месневи Меневи”, “Дивэни кябир” и другие произведения, поставлены кардинальные

7-15 сентября 2007 г.

Победа над судьбой

Бывают люди, которые воплощают в себе все лучшие качества своей нации и в то же время подвижнической деятельностью, жизненным и творческим подвигом своим поднимают духовное существование родного народа на новую ступень. Таким великим человеком, великим гражданином Грузии, великим деятелем на поприще литературы и общественной мысли, просвещения и интернационализма был Илья Чавчавадзе. Поэт и гражданин, драматург и критик, философ-просветитель и неутомимый строитель культуры И.Чавчавадзе олицетворял в своем нравственном облике то высокое назначение, которое мы по праву называем совестью народа. Дворянин по происхождению, он был демократом по убеждениям, выразителем народных дум по душевному призванию. Плоть от плоти родной Грузии, он был глашатаем дружбы и братства народов. Связанный глубокими корнями с национальным культурным наследием с нетленными ценностями прошлого, он весь был устремлен в будущее - уже в самых ранних произведениях поэт четко сформулировал идейно-эстетическую суть своего творчества:

Илья Чавчавадзе

*Пусть я умру - в душе боязни нет
Лишь только б мой уединенный след
Заметил тот, кто выйдет вслед за мною...*

(Перевод Н.Заболоцкого)

Вот эта идея преемственности в служении родному народу, в служении свободе, истине, справедливости - проходит через весь творческий путь Чавчавадзе - от четырех лет - "и каких четырех лет" - обучения в России, в Петербурге до рокового сентября 1907 года - когда трагически оборвалась жизнь великого художника.

Свобода личности, порыв человеческой души к воле - основные мотивы И.Чавчавадзе и знаменательно, что герой его поэмы Зарко еще в детские годы мечтая о подвигах, вспоминает легендарных героев грузинского и азербайджанского народов - Арсена и Кероглы.

*И замирало мое маленькое сердце
Мне хотелось стать Арсеном
И я вместе с тем вспоминал Кероглы
И мечтал иметь коня такого, как у него
И всю силу моих мускулов
Готов был применить, чтобы завоевать
Такое же имя*

(Подстрочный перевод)

Упоминание Кероглы отнюдь не случайно. Воспитанный на идеях русских революционных демократов, И.Чавчавадзе проявлял живой интерес к жизни, истории, культуре братских народов Закавказья - армян и азербайджанцев. В редактируемой им газете "Иверия" были опубликованы азербайджанские пословицы, мудрые изречения М.Ш.Вазеха. Когда друг и соратник И.Чавчавадзе Акакий Церетели начал переводить замечательную комедию М.Ф.Ахундвоа "Визирь Ленкоранского ханства", то об этом было сообщено на страницах той же "Иверии". В "Иверии" И.Чавчавадзе поместил ряд собственных статей, в которых с большой симпатией говорится об азербайджанцах, об их национальных чертах:

"Азербайджанец, - пишет И.Чавчавадзе, - так же как и большинство южан, человек с открытой душой, спокойный, выдержанный, и, если хотите, скромный. Если азербайджанец кого-нибудь ценит и доверился, он не изменит и не предаст. Азербайджанец уважает того, кто в его глазах отличается умом, опытом и мужеством".

Одним из ярких подтверждений этих слов Чавчавадзе является отношение азербайджанского народа к самому великому Илье. Наш народ высоко ценит неподкупную музу Чавчавадзе, доверяет ей, уважает великого сына грузинского народа за его глубокий ум, за выстраданный опыт долгих лет, за непоколебимое мужество с которым Илья Чавчавадзе прожил жизнь и встретил смерть.

Обращаясь к грузинской матери, Чавчавадзе писал:

*Да будет сын твой чист и прям отныне,
Да будет верен дедовской святыне.
Вложи в него любовь к добру, к народу,
Пусть славит братство, равенство, свободу.
Учи его дышать святой борьбою.
Готовь его к победе над судьбою..*

(Перевод В.Звягинцевой)

Все, что Чавчавадзе мечтал видеть в будущих сыновьях Грузии - было воплощено в его собственном духовном облике. Он восславил братство, равенство, свободу, любил народ, одержал блистательную победу над судьбой и именно поэтому, опять-таки говоря его собственной строчкой:

По себе оставил след глубокий.

О Тaгope

Европейцы не раз “открывали” Индию.

В 1498 году в Калькутте высадился португалец Васко де Гама. Европейцы открыли территорию Индии, богатства ее гор, лесов, рек, морей, а позже и недр.

В 1671 году французский путешественник Бенье привез в Европу переведенные на персидский язык рукописи Упанишад. В этой книге, которая относится примерно к XIII веку до н.э., говорится: “нет ничего выше личности”. Европейцы открыли для себя глубину мудрости Индии, величие философии, существовавшей задолго до Сократа и Платона. Немецкий философ Шопенгауэр говорил, что изучение Упанишад утешало его в жизни и утешит при смерти. Основная доктрина Канта о том, что “явление есть всего лишь отражение вещи в себе”, одна из главных догм Упанишад.

Великий французский просветитель Вольтер считал, что для духовного прогресса человечества души людей должны быть “брахманизированы”.

Потом европейцы открыли Санскрит - древний язык Индии. Они были изумлены сходством санскрита с греческим. Так были заложены основы сравнительного изучения индоевропейских языков, - той области науки, которая впоследствии стала важным фактом языкознания, да и не только языкознания.

Европейские путешественники приносили удивительные сведения об Индии. Проницательный купец из Твери Афанасий Никитин с глубокой симпатией и пониманием писал об этой стране. Рассказ одного из путешественников Томаса Ро об изобилии в Индии произвел глубокое впечатление на английского поэта Мильтона. Найдя Индию, Милтон написал поэму “Потерянный рай”.

В XVIII веке Европа была потрясена, узнав о существовании древнеиндийской драматургии. В 1789 году Уильям Джонс перевел и издал драму Калидасы “Сакунтала”. Эта драма привела в восторг Гете. Пролог к “Фаусту” написан по образцу пролога к “Сакунтале”. Другая пьеса Калидасы “Облако-вестник” оказала влияние на пьесу “Мария Стюарт” современника Гете - Шиллера.

Были расшифрованы письмена, высеченные на скалах по приказу императора древней Индии Ашоки (III век до н.э.). В этих письменах говорится: “Калинга была завоевана Его Священным и Милосердным Величеством на восьмой год его царствования. Сто пятьдесят тысяч человек было взято в плен, сто тысяч убито в бою и еще больше умерло. Его Священное Величество стал испытывать раскаяние в том, что завоевал Калингу, ибо завоевание прежде свободной страны влечет за собой убийства, гибель и увод в плен людей. Это наполняет Его Священное Величество глубокой печалью и раскаянием”.

Так Европа открыла этический идеал Индии, величие ее души, ее мятущуюся совесть, ее стремление к истине, справедливости, добру, ее милосердие, ее миролюбие.

Европа была потрясена и деятелями нового времени, проповедующими идею братства людей, идею ненасилия - Шрой Рамакришной, Свами Вивеканандой, Махатмой Ганди, о них с большой любовью написаны работы Ромена Роллана.

Конечно, наряду с подлинным интересом к Индии было и мнимое. Порой Индия привлекала своей экзотикой, порой она была модой.

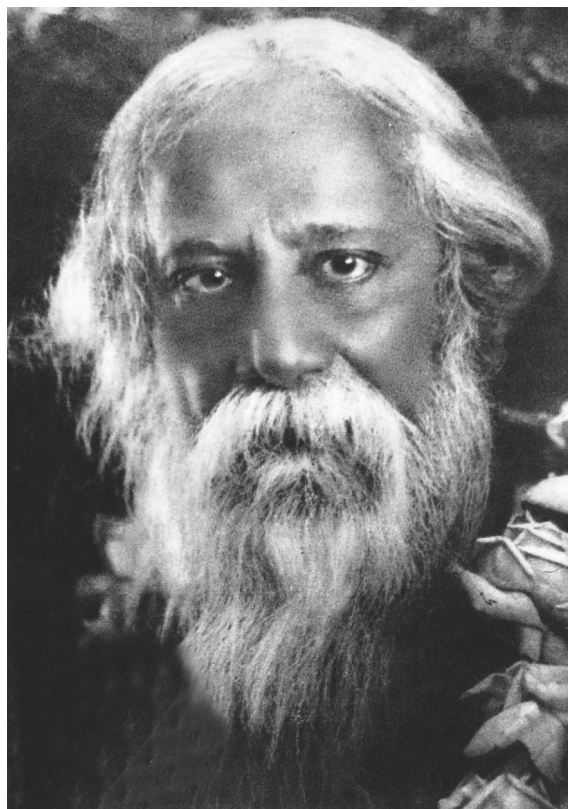
Но лучших умов мира Индия привлекала своей глубиной, человечностью, яркостью и своеобразием талантов.

Именно поэтому Рабиндранат Тагор стал кумиром европейских читателей, именно поэтому он завоевал всемирную славу.

Начиная с 1913 года, когда Тагору была присуждена Нобелевская премия, интерес к его творчеству неустанно рос. Произведения Тагора переводились на десятки языков мира. Книги его выдержали сотни изданий.

Тагор принадлежит к тем большим художникам, которые сближают народы разобщенного мира в наш век недоверия, подозрительности, страха. Но Тагор принадлежит не только нам, он принадлежит также будущему. Его книги, как и надписи императора Ашоки, будут жить долго, ибо “Скала не умрет, не исчезнет, - писал Тагор, - а будет вечно недвижно стоять на краю бесконечной дороги времени, и век за веком все новые и новые спутники будут читать эти слова”.

* * *

Рабиндранат Тагор

Рабиндранат Тагор родился 7 мая 1861 года. Умер 7 августа 1941 года.

Как человек, он с равным правом может считаться сыном XIX века и века XX; достаточно обратиться к хронологии и простой арифметической логике.

Но как художник, как мыслитель Тагор принадлежит к XX веку. И не только потому, что лучшие произведения его, начиная с романа “Крушение”, написаны в этом столетии, не только потому, что во втором десятилетии к писателю пришла европейская и мировая слава. Нет, Тагор - сын нашего века еще и потому, что он разделил иллюзии и разочарования, мечты и надежды, радости и сомнения современности.

В молодости Тагор, как и многие молодые люди, задумывался над проблемой самоубийства. Он, как и многие люди, в молодости решающие покончить собой, но почему-то откладывающие исполнение своего решения, дожил до глубокой старости. Ему довелось быть свидетелем многих эпохальных событий,

изменивших судьбу и Индии, и мира; он был современником величайших революций и величайших войн. На его глазах идея, живущая в сердцах нескольких патриотически настроенных индийских деятелей, стала силой, потрясшей, казалось, незыблемые основы британского могущества, ураганом народных волнений, бушующим на площадях Бомбея и Калькутты, Дели и Мадраса. Я видел портреты Тагора, созданные индийскими и советскими художниками и скульпторами, его многочисленные фотографии; эпически спокойный лик, мудрые, всевидящие, красивые и удивительно выразительные глаза, патриархально-внушительная борода, горделивая посадка головы. Лицо мудреца-пророка, словно сошедшего со страниц древних индийских книг - Ригведы или Упанишад.. мудрец, который решительно знает все на свете - все о прошлом, настоящем и будущем человечества, о цветении лотоса и о великой истине, о причудах любви и о причудах детской души, о тайнах мироздания и о тайнах глиняной лампы, о глубинах океана и о глубинах человеческого сердца, о мраке небытия и о мраке ночи. Такое знание должно принести спокойствие, безмятежность духа. Но достаточно обратиться к произведениям Тагора, чтобы убедиться в обманчивости этого впечатления. Книги Тагора мудры, на каждой странице чувствуются огромные познания писателя-эрудита, мыслителя-энциклопедиста, но в книгах его мы не найдем ни застывшего олимпийского спокойствия, ни безмятежности духа. Тагор не был полумифическим пророком из древних книг, он был живым человеком, сыном своего времени, именно поэтому в книгах его, как и во всем мировоззрении, можно видеть и противоречия, и сомнения, и внутреннюю борьбу.

Есть одна главная проблема, которую Тагор старался решать на всем протяжении своей жизни и своего творчества - это проблема освобождения Индии и пути, которыми индийский народ придет к свободе и независимости. С этой проблемой связаны мучительные противоречия Тагора, его жесточайшая внутренняя борьба. Об этом Тагор писал романы, пьесы, стихи, статьи. Эти противоречия не были выдуманы Тагором, они существовали в реальной действительности индийской жизни. Национально-освободительное движение Индии и, в частности, на родине Тагора - Бенгалии, еще на начальных стадиях своего развития, когда ее задачи ограничивались культурно-просветительными или даже религиозно-обрядовыми моментами, разделилось на два течения. Одно течение было связано с обществом "Брахма Самадж", основателем которого был видный просветитель Бенгалии Рам Мохан Рой и активными членами которого были дед и отец Р. Тагора. Это общество выступало против кастовой системы идолопоклонства, бесправия женщин, против обычая сати - самосожжения вдов. Но борьба с отсталыми обычаями и варварскими обрядами, борьба, справедливая сама по себе и преследующая передовые прогрессивные цели, имела и обратную сторону: "Брахма Самадж", вернее, та часть общества во главе с Кешоб Чандра Сенем (так называемый "Индийский Брахма Самадж") откололась от основного ядра, возглавляемого отцом Рабиндраната Дебондранатом Тагором ("Ади Брахма Самадж"), объявило войну всему культурному наследию Индии, оторвалось от индийской почвы, отошло от индийских традиций и начала тяготеть к христианству. В кабинете одного из героев романа Тагора "Гора" посвященного этим самым проблемам, висят портреты Кешоба Чандра Сена, Христа и американского унитариста Паркера. Другое течение - это Неохиндуизм. Неохиндуисты страстно выступали против низкопоклонства перед Западом. Они пробуждали в народе чувство национальной гор-

Ромен Ролан в гостях у Рабиндраната Тагора

дости, боролись за чистоту традиций. Это течение дало Индии такие крупные фигуры, как Б.Ч.Чоттопадхья, выдающийся бенгальский писатель, предшественник Тагора, как Б.Г.Тилак, которого В.И.Ленин назвал индийским демократом.

Но в движении неохиндуистов было много реакционного. Это движение было облечено в религиозную оболочку. Неохиндуисты зывали к строгому соблюдению всех, даже самых косных обычаев и обрядов прошлого. Пытались отгородить Индию от всего мира.

По аналогии с этими течениями можно вспомнить борьбу между западниками и славянофилами в России. Две крайности - некритическое отношение к иноземному и слепое преклонение перед собственной стариной, видимо, характерны для идеологического развития пробуждающейся страны. И подобно тому, как эти крайности рождали сомнения в мятежных душах Толстого и Достоевского, крайности индийской общественной мысли обусловили противоречия Тагора.

В романе "Гора" Тагор непосредственно обратился к теме борьбы между неохиндуистами и "индийским Брахма Самадж". Эта же борьба легла в основу и других произведений Тагора, хотя в них писатель не уточняет воюющую сторону, борьбу между сторонниками иноземной культуры и поклонниками национального прошлого, дает в более отвлеченной форме, не связывая с определенными конкретными течениями или группами. Но важно другое. Важно, что эта борьба шла не только в общественной жизни Индии, но и в душе ее великого писателя. Конечно, Тагор никогда не принадлежал к тем, кто "ненавидит бенгальский язык и горд знанием английского". Национальный нигилизм был так же чужд ему, как национальная кичливость.

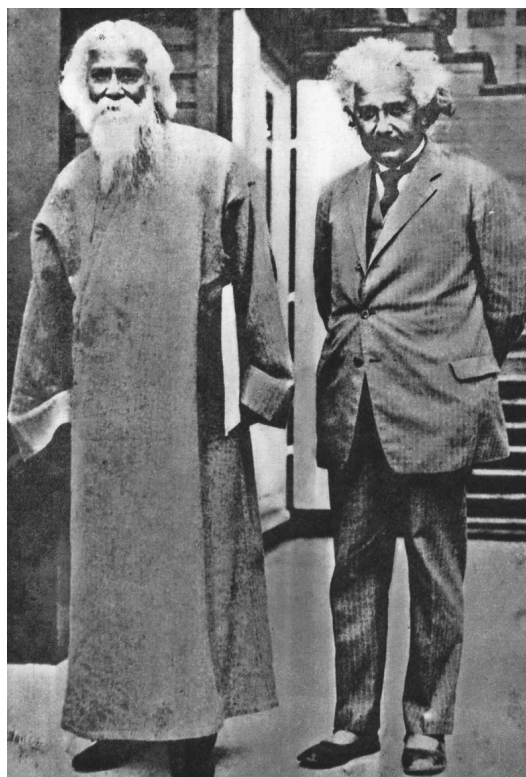
У Тагора есть рассказ “Традиция”. В этом рассказе писатель высмеивает тех поклонников старины, которые, цепляясь за несущественное, были равнодушны к главному. Жена, убежденная сторонница национальных традиций, заставляет мужа, равнодушного к ее убеждениям, носить кхолдор - грубую ткань местного производства. “Я считаю, - утверждает она, - что страна будет спасена только тогда, когда чистота, возникающая в результате ношения кхолдора, свяжет, как купание в Ганге, наших людей узами обычаев”.

Рассказ имеет многозначительную концовку. Жена и муж, одевший по ее настоянию кхолдор, едут в гости. Они становятся свидетелями того, как толпа зверски избивает старика-мусорщика только за то, что тот шел посередине улицы (по традиции каста неприкасаемых, к которой относятся мусорщик, не имеет на это права). Когда муж хочет как-то проявить участие, вступить за старика, жена в гневе кричит на него: “Но если бы это был хоть подметальщик, а то ведь мусорщик”.

Читая этот рассказ, я вспомнил многие произведения нашего Джагила Мамедкулизаде, я вспомнил слова Гоголя о национальных традициях и о сарафане. Хотя Гоголь говорил о сарафанах, а Уста Зейнал, герой Джагила Мамедкулизаде носил чуху, проблема, которую решали и автор “Мертвых душ”, и автор “Мертвецов”, та же, что и в рассказе Тагора, где герой одевает кхолдор. И подобно Дж.Мамедкулизае, Гоголю, Тагор, бичуя отсталые обычаи, отжившие косные традиции, был в то же время страстным поклонником родной культуры, продолжателем лучших прогрессивных традиций национальной литературы.

Но Тагор знал, что упиваться собственным прошлым, страдая в настоящем, гордиться прошлым, не думая о будущем, восторгаться своей культурой, жить только ею, не зная и не желая знать культуры других народов - трагедия для нации. И это недостойно сынов великого народа. Тагор писал:

*Дай силы сыновьям своим с рождения
О мать Бенгалия! В стенах родного дома
Их не задерживай. Пусть будет им знакома
Нужда жестокая. По трудному пути
В любой стране их научи идти.
А то уж чересчур спокойствием полны,
Бенгалия, сейчас твои сыны!..
Бенгальцами ты вырастила их,
Но нет борцов среди сынов твоих!*

Р.Тагор и Альберт Эйнштейн

* * *

Итак, казалось бы, отношение Тагора к национальному наследию четко и недвусмысленно. Он за передовые традиции, он против реакционного наследия. Все это так. Но дело в том, что все это не так просто. В жизни часто очень трудно определить, что истина, а что нет, или, как писал Тагор: “Вода в сосуде прозрачнее, вода в море темна. У маленьких истин есть ясные слова: у великой истины - великое безмолвие”.

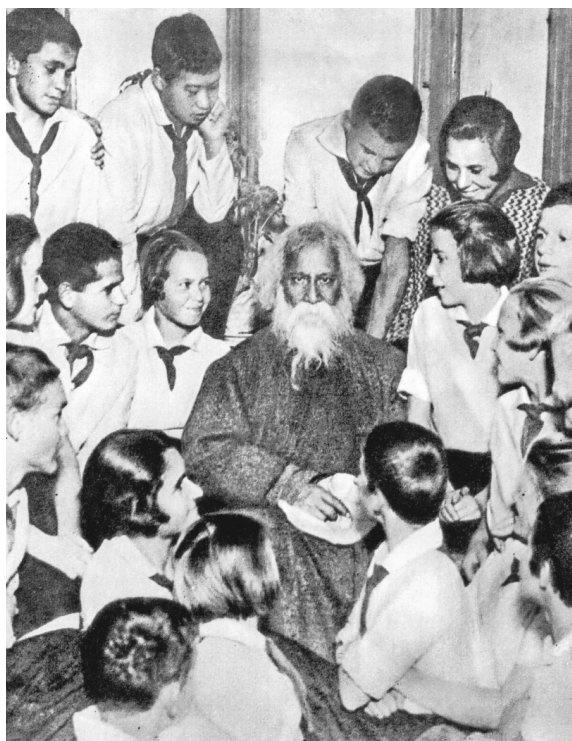
В такой древней и сложной стране, как Индия, где мы видим чудесный сплав различных народов, рас, культур, религий, традиций, зачастую нелегко определить, что нужно и что ценно и должно быть сохранено, а что косно и реакционно и должно быть забыто. Разделение на касты - это зло, сати -саможжение вдов - варварский обычай. Праздники Индии с их культом цветов, музыки, танцев - это чудесно. Здесь все ясно, но как быть со сложностью человеческих душ, в которых чувство современности, ритм эпохи машин совмещается с тысячелетней индийской созерцательностью. Как связать жестокую борьбу XX века с идеями “Дхаммапада”, где говорится о том, что “победы порождают ненависть”, с идеями, которые живут в сердцах многих индийцев, вспомним хотя бы Ганди. И как определить, что важнее - победа над тысячей врагов, как это требует век войн и революций, или победа человека над самим собой. Все эти вопросы, на которые многие дали бы ответы безо всяких колебаний, не были такими уж легкими для гениального индийского писателя, который считал, что в философско-религиозных “Упанишадах” можно найти ответы на все вопросы современности и который, будучи в Советском Союзе, писал: “Атеизм гораздо лучше религии”.

Доживи Тагор до наших дней, он, вероятно, задумался бы над тем противоречием, которое появилось между современной действительностью и миниатюрой из его книги “За-

Махатма Ганди и Рабиндранат Тагор

летные птицы”: “Ракета! Ваше оскорбление к звездам падают за вами обратно на землю”. Говоря об отношении Тагора к национальным традициям, нельзя не упомянуть его знаменитый роман “Крушение”. Сказочность фабулы этого романа близка образцам индийского фольклора. Обручение двух пар - Ромеша и Сушилы, Нолимакхи и Комолы - совершалась по индийским традициям: молодые люди не были знакомы до свадьбы. Во время бури на реке гибнут участники свадебных торжеств, и автор соединяет оставшихся в живых юношу и девушку, ошибочно считающих себя мужем и женой. После различных сюжетных интриг Комола находит своего подлинного мужа Калимаху и соединяется с ним. В сюжет, как уже говорилось, напоминающий фольклорные образцы, Тагор вложил реалистическое содержание в комментариях к роману “Крушение” говорится: “В образе Комолы писатель соединил лучшие черты женского характера. Ее мужество и самоотверженность оттеняются еще ярче при сопоставлении с нерешительным и эгоистичным Ромешом... Этой девушке Тагор отвел в романе ведущую роль, противопоставив ей слабохарактерных и неуверенных в себе представителей бенгальской интеллигенции. Таков, например, адвокат Ромеш”. Мне думается, что это не совсем верно, да, Комола мужественна и самоотверженна, да, Ромеш часто проявляет нерешительность, но нельзя Комолу противопоставлять Ромешу, от этого она только проиграет. Дело не в том, что как человек Комола цельнее и решительнее Ромеша. Дело в том, что Ромеш действует как свободный человек, как человек, сбросивший иго догматических обрядов и обычаев, а поступки Комолы всецело продиктованы ее зависимостью от этих самых обрядов и обычаев. Первая мысль Ромеша, когда он узнает, что Комола не его жена, это мысль о спасении девушки. Он старается сообщить ей это известие осторожно, хочет подготовить девушку к этому. Он не хочет жениться на Комоле, но не потому, что нарушил бы этим традицию, а потому, что любит другую девушку Хемнолини. Борясь со своей нерешительностью, он размышляет: “Комолу бросить никак нельзя, - а значит прощай Хемнолини. И так решение принято, пути назад нет и... прочь все колебания!” И в то же время юноша чувствовал, что расстаться с Хемнолини для него равносильно смерти. Здесь Тагор дает тонкую психологическую зарисовку: решение, принятое доводами ума, сейчас же аннулируется, как только Ромеш представляет Хемнолини в красках, воспоминаниях, осязаемо или если употребить избитое выражение - чувство побеждает рассудок. Итак, конфликт Ромеша - это конфликт чувства и рассудка, конфликт не новый в мировой литературе, но очень знаменательный в индийской литературе. У Ромеша если и возникают мысли о конфликте между чувствами и рассудком, с одной стороны, обычаями и тради-

Р. Тагор в Советском Союзе

и самоотверженность оттеняются еще ярче при сопоставлении с нерешительным и эгоистичным Ромешом... Этой девушке Тагор отвел в романе ведущую роль, противопоставив ей слабохарактерных и неуверенных в себе представителей бенгальской интеллигенции. Таков, например, адвокат Ромеш”. Мне думается, что это не совсем верно, да, Комола мужественна и самоотверженна, да, Ромеш часто проявляет нерешительность, но нельзя Комолу противопоставлять Ромешу, от этого она только проиграет. Дело не в том, что как человек Комола цельнее и решительнее Ромеша. Дело в том, что Ромеш действует как свободный человек, как человек, сбросивший иго догматических обрядов и обычаев, а поступки Комолы всецело продиктованы ее зависимостью от этих самых обрядов и обычаев. Первая мысль Ромеша, когда он узнает, что Комола не его жена, это мысль о спасении девушки. Он старается сообщить ей это известие осторожно, хочет подготовить девушку к этому. Он не хочет жениться на Комоле, но не потому, что нарушил бы этим традицию, а потому, что любит другую девушку Хемнолини. Борясь со своей нерешительностью, он размышляет: “Комолу бросить никак нельзя, - а значит прощай Хемнолини. И так решение принято, пути назад нет и... прочь все колебания!” И в то же время юноша чувствовал, что расстаться с Хемнолини для него равносильно смерти. Здесь Тагор дает тонкую психологическую зарисовку: решение, принятое доводами ума, сейчас же аннулируется, как только Ромеш представляет Хемнолини в красках, воспоминаниях, осязаемо или если употребить избитое выражение - чувство побеждает рассудок. Итак, конфликт Ромеша - это конфликт чувства и рассудка, конфликт не новый в мировой литературе, но очень знаменательный в индийской литературе. У Ромеша если и возникают мысли о конфликте между чувствами и рассудком, с одной стороны, обычаями и тради-

Р.Тагор. Скульптор Селим Гулиев

циями, с другой, то эти последствия не играют важной роли в его решениях и поступках. У Комолы же все наоборот, принимая Ромеша за своего мужа она искренно привязывается к нему, но как только она узнает, что Ромеш не тот человек, с которым она соединилась по традиционному обряду, она с поразительной легкостью, не задумавшись ни на миг, уходит от Ромеша и ни разу даже не вспоминает о нем, для нее Ромеша больше не существует, он ей чужой, хотя она и делилась с ним радостью и горестью в течение долгого времени. Для нее теперь единственный смысл существования заключен в ее настоящем муже, человеке совершенно чужом, только потому, что их родители обручили их. Такова сила традиции. Ромеш и Комола - это два подхода писателя к традициям. Относительная свобода человека от традиций и беспрекословное подчинение этим традициям, спящая человеческая воля и воля, медленно пробуждающаяся к свободе и самостоятельности. Но следует отметить, что чаша авторских симпатий больше

склоняется к образу Комолы. Не говорит ли это о противоречиях в отношении самого писателя к традициям? В Ромеше ему импонирует его самостоятельность от традиций и в то же время в Комоле ему нравится верность тем традициям, которые были близки и родны писателю.

* * *

Не меньший интерес представляет и другое - отношение Тагора к западной культуре. Мысль Ганди “Я не хочу, чтобы дом мой со всех сторон окружала высокая стена, чтобы все окна в нем были забиты. Культура всех стран должна иметь самый свободный доступ в мой дом” вполне мог разделить и Тагор. Не случайно Дж.Неру назвал Тагора “самым выдающимся интернационалистом Индии”. “Он принес в другие страны то, что Индия могла им дать, а в Индию то, что мир мог дать его собственному народу”, - отмечает Неру.

С этой целью Тагор много путешествовал. Он побывал во многих странах Европы, Америки, Азии. Он видел великую цивилизацию, нетленные культурные ценности, созданные гением многих народов. Он познакомился с лучшими людьми Европы - Роме-ном Ролланом, Эйнштейном и др. Он видел величие Запада, но также и его закат. Мишуру буржуазной цивилизации. Культ денег. Фетишизацию машин. Разгул фашизма.

С глубокой болью писал он своим разочарованием. Для того, чтобы понять глубину разочарования Тагора, надо понять трагедию Индии. В судьбе родины Тагора, как и в судьбе многих других колониальных стран, заключен трагический парадокс. Англия нещадно эксплуатировала Индию, брала все, что можно было взять из этой страны, из ее недр, из ее лесов, из ее рек и морей, все то, что мог дать ей народ Индии. Она не заботилась о

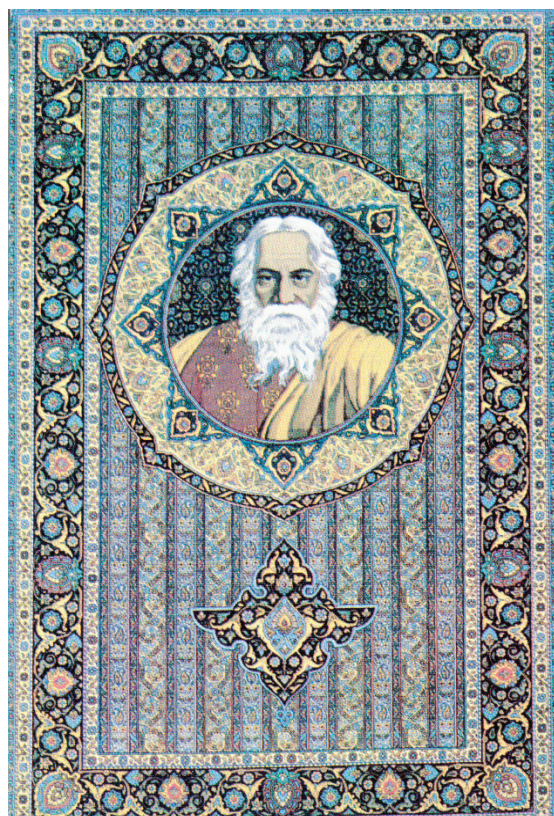
развитии культуры, ее не интересовали проблемы просвещения; даже крупнейшие языки Индии - хинду, бенгальский, пенджапский, урду, томильский не имели никаких перспектив на будущее. Для молодых индийских интеллигентов английский язык был единственным средством общения с миром. В то же время мир мог ознакомиться с культурными сокровищами Индии только при помощи английского языка. Английские ученые открыли язык древней Индии - санскрит, они расшифровали надписи на скале - и древний император Ашока заговорил не только со всем миром, но и с самой Индией. Конечно, и сами индийские ученые прекрасно расшифровали бы и санскрит, и древние тексты Ашоки. Индийская культура, индийские ценности все равно заняли бы достойное место в мире, но история сложилась иначе. Индия была завоевана, отброшена на много веков назад. Этот огромный дом народов превратился в тюрьму народов, и эта тюрьма имела единственное окно в мир - английское окно. Ганди и Тилак, Вивекананда и Тагор, Радхакришна и Неру смотрели в мир сквозь это окно.

Английский король пожаловал Тагору титул баронета. Когда англичане в 1919 году в Амритсаре затопили в крови движение индийцев за независимость, Тагор отказался от этого титула, но как мог он отказаться от ценностей литературы, культуры, цивилизации Запада. И перед Тагором стал трагический вопрос: можно ли верить ценностям этой самой западной цивилизации? “Сейчас нам следует уяснить себе достойную сожаления историю того, как мы постепенно утратили веру в европейскую цивилизацию, - писал Тагор, - мы познали ее насильственную сторону, но не свободолюбивую”.

Трудно было Тагору с одним эпитетом “английский” связать и гуманизм Шекспира и деятельность полковника Клайва, завоевателя Индии, свободолюбие Байрона и указы вице-короля лорда Керзона, деятельность Уильяма Джонса, посвятившего свою жизнь изучению санскритских текстов и деятельность сэра Уинстона Черчилля, посвятившего свою жизнь укреплению Британской империи.

“Настанет день, - писал Тагор, - когда поворот колеса судьбы заставит англичан покинуть принадлежащую им Индийскую империю, но какую Индию оставят они после себя, какую ужасающую нищету! Когда поток их более чем векового господства схлынет, какое останется количество грязи, какое опустошение”.

Но величие Тагора и в том, что в дни тягчайших испытаний, в дни, когда “цивилизованные” английские колонизаторы огнем и мечом пытались подавить стремление многомиллионного народа к свободе и независимости, великий художник, проклиная колонизаторов, страстно борясь за изгнание англичан из своей родины, в то

Камиль Алиев. Ковер с портретом Р. Тагора

же время писал о своем друге-англичанине М.Русе: “Лично я по одной причине чувствую к нему особую благодарность. На склоне моих лет он помог мне снова обрести веру в английский народ, почитанию литературы которого я всей душой отдавался в юности”.

* * *

Одна из самых острых и противоречивых проблем в жизни и деятельности Тагора - это проблема языка. С этой проблемой сталкивались и сталкиваются все писатели и общественные деятели колониальных народов. Желание каждого народа, чтобы его дети учились на родном языке. Что это желание означало конкретно в то время, когда эта проблема стояла перед Тагором? Волею англичан на бенгальском языке не находилось книг, которые были необходимы для получения современного образования. “Кроме грамматики, словари и географии в тяжелой судьбе бенгальского ребенка ничего не остается, несчастнее его никого на свете нет”, - писал Тагор.

Недостаток учебников можно ликвидировать в относительно короткий срок, но как быть со всем остальным мировым культурным наследием, с достижениями современности, которые волею судеб оказались недоступными языкам Индии. Путь к этим сокровищницам в Индии лежал только через английский язык. Но освоение мировой культуры через английский язык было чревато другой опасностью, отходом от национальной почвы. И Тагор с болью писал о тех, “кто не стыдился писать письма близким по-английски, кто способен глумиться над бенгальской орфографией и грамматикой, путаясь в частях речи, подобно безумному слону в лесной чаще, и в то же время малейшую ошибку, ничтожное отклонение в английском языке считают равносильным землетрясению, кто не станет реагировать, если его назвать на бенгальском языке танцующим слоном, но готов упасть в обморок, если его назовут невеждой на английском”. Тагор добавляет замечательно тонкую и характерную психологическую деталь: “многие из них ненавидят английскую пищу... однако они не чувствуют отвращения к тому, что их национальная душа выкормлена чужеземной пищей”. Как видим, у некоторых людей в Бенгалии, да и не только в Бенгалии, пищевой “патриотизм” устойчивее всех других форм “патриотизма”.

Тагор понимал значение английского языка и сам нередко писал на этом языке, но он понимал и знал другое: чужим языком можно и нужно пользоваться, но им нельзя жить. “Чувства не могут быть выражены достаточно живо на чужом языке, - писал он, - и никогда особый стиль поэтического предложения, отдельные воспоминания, волнующие нас, интуиция, постепенно придающая нашему уму зрелые формы, не могут завоевывать подлинную свободу в рамках иностранного языка”.

“Ах, где же наш гордый язык? - страстно вопрошал Тагор, и грустно добавлял: - у нас вода есть, а мы испытываем жажду, и это вызывает у людей смех. Мы же плачем, потому что не умеем пить”.

* * *

“Наконец я прибыл в Россию. Все, что я вижу, - интересно, не похоже на другие страны, в корне отлично, они всколыхнули всех”.

Так начинается Тагор свое первое письмо из Москвы. Его письма полны живого и неподдельного интереса к нашей стране, куда он прибыл по приглашению наркома просве-

щения Луначарского. В Советском Союзе Тагора привлекло все, и положение крестьян, и проблема образования, и национальный вопрос, и религиозный. Он отмечал величие нашей страны, которая воздвигала новый мир, окруженный со всех сторон врагами.

В глубоко сочувственном тоне “Писем из России” Тагора, сказалось не только его восхищение перед величием подвига СССР, но давнишняя любовь к русскому и другим народам нашей страны, его преклонение перед русской литературой. Толстой был кумиром Тагора. Книга Горького “Мать” - любимая книга одного из героев его романа.

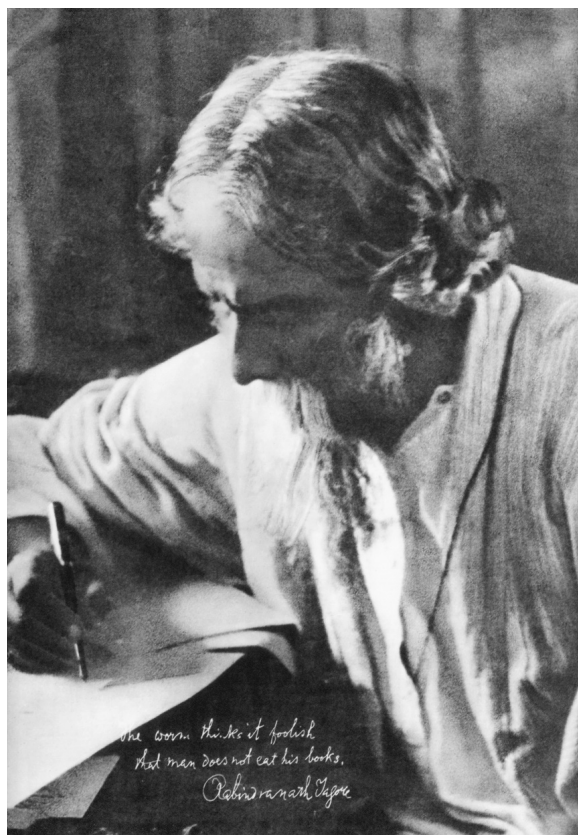
С радостью писал Тагор о больших экспериментальных сельскохозяйственных станциях, основанных по всей стране: в Азербайджане, Узбекистане, Грузии, на Украине и др. республиках.

Много пишет Тагор конкретно о нашей республике - Азербайджане. “Империалистическая политика царских генералов после завоевания Азербайджана состояла в том, чтобы превратить районы, население мусульманами, в колонии, предназначенные снабжать сырьем основные рынки России”.

Далее Тагор пишет о том, как изменилось положение после революции. Говоря словами писателя - часы, отбивавшие рост благосостояния советского народа, в частности, азербайджанского народа, приобрели необходимый ритм движения. Тагор приводит слова из бюллетеня: “Агенты царского правительства безжалостно осуществляли принцип “Разделяй и властвуй” и делали все, что было в их силах, чтобы разжечь ненависть и вражду между различными национальностями”. Далее Тагор с гордостью приводит слова из того же бюллетеня: “Никогда в течение последних восьми лет не нарушался мир между национальностями Азербайджана, этот факт является несомненным и его не могут отрицать даже самые злейшие враги советов”.

Тагор, с таким сочувствием писавший о нашей республике, является одним из любимых писателей азербайджанского народа. Его произведения неоднократно издавались на азербайджанском языке. Роман “Крушение” дважды издавался в Азербайджане (первый раз в 1925 году). В журнале “Мариф ве меденийят” и в газете “Адабият ве индже-сенет” периодически печатались переводы из Тагора.

Многочисленные узы дружбы связывают Азербайджан с родиной Тагора - великой Индией. Со времен Низами до наших дней азербайджанские поэты и писатели проявляли большой интерес к Индии. Достаточно назвать Физули, М.Ф.Ахундова, Сабира, Джалила Мамедкулизаде, Г.Джавида, Дж.Джабарлы.

В дореволюционном номере журнала “Молла Насреддин”, в котором сотрудничал художник А.Азимзаде, была нарисована карикатура, в которой предсказывалось освобождение Индии. Детям и внукам Азимзаде, современным азербайджанским художникам удалось увидеть свободную Индию и запечатлеть ее на своих полотнах.

* * *

Он был поэтом, его стихи об Африке как будто написаны сегодня.

Он был писателем, который обратился почти ко всем жанрам литературы. Писал стихи, поэмы, драмы, рассказы, повести, романы, стихи в прозе, лирические миниатюры, афоризмы, статьи, очерки, эссе.

Он был художником, его картины очень своеобразны и колоритны. Выставка его работ в Москве имела огромный успех.

Он был музыкантом. Музыкантом-теоретиком, написавшим историю индийской музыки и композитором, автором музыкальных драм. “Его музыкальные драмы “Почтовая контора”, “Читра” предвосхитили новаторство европейских драматургов Лорки и Брехта, сочетавших в своих произведениях лиризм, народную музыку и фантазию с подлинным реализмом”, - пишет современный индийский писатель Бальвант Гарги.

Он был педагогом. В Шантиникетоне в поместье своего отца он организовал школу, а затем на базе этой школы университет, где преподавание велось на основе оригинальной методологии, разработанной им самим.

Он был энергичным организатором, организовал театр, основал и редактировал большой журнал.

Он был ученым, замечательным ученым, написавшим грамматику бенгальского языка, и исследователем древних санскритских текстов.

“Я - поэт, и не могу сделаться воином... Мое сердце говорит мне: “сядь в уголок и твори свою поэму”, - писал он в письме к Ганди, но он был и воин, чей голос принадлежал народу в дни тягчайших испытаний. Кто как не поэт является воином в годы, когда единственным знаменем нации является слово и единственным оружием - перо. Впоследствии его стихотворение стало национальным гимном Индийской республики.

Он был замечательным человеком, смелым, добрым, глубоким, мудрым. Р.Роллан писал: “тот, кто впервые встречается с ним, невольно замедляет шаги, точно в храме и говорит вполголоса”.

Он был великим гуманистом. “Люди жестоки, но человек добр”, - утверждал он.

Он воплощал в себе все богатое и многострадальное прошлое Индии, все ее многообразие, глубину ее мысли и тонкость ее души. Он был под стать тем великим и разносторонним гениям европейского Возрождения, титаном мысли и духа, о которых пишет Энгельс.

“залетные птицы летом слетаются под окно мое, чтобы спеть свою песню и улететь далеко.

А желтые листья осени, у которых нет песен, трепещут и опадают на землю и со вздохом остаются со мной”, - писал Тагор.

Он был поэтом.

“Литературный Азербайджан” 1961, № 5

Погиб непобежденным

Среди газетных сообщений, привычных и будничных ярким пламенем вспыхнул и обжег глаза петит: “СМЕРТЬ ХЕМИНГУЭЯ”.

И вот слова маленькой заметки стали далекими, отчужденными, как разговор у засыпающего под наркозом в операционной, а потом минутное головокружение - результат внезапности, прошло, фразы, снова стали весомыми, они вернули свой смысл, свое значение и тогда мы осознали все до ужаса ясно и уже наверняка. Сообщение о смерти Хемингуэя стало реальностью также как и десятки других сообщений.

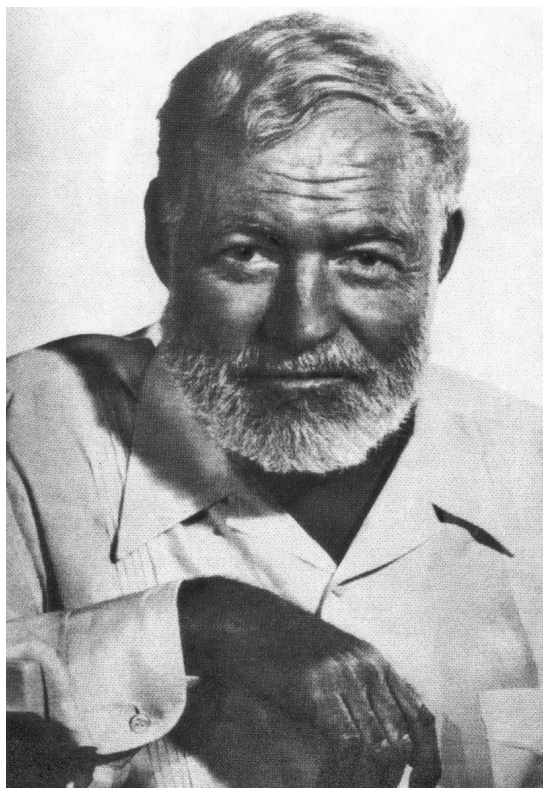
И сразу, как только я прочел о смерти Хемингуэя, появились разные мысли, ассоциации, связанные с жизнью, книгами, высказываниями писателя, со всем тем, что я читал о нем.

Я записал эти ассоциации. Я понимаю, они отрывочны, не связаны. Мне хотелось просто поделиться теми чувствами и мыслями, которые породили во мне скупые слова заметки о смерти большого мастера.

Я не знаю, в какое время дня он умер, но я прочел о смерти Хемингуэя и вспомнил его книгу “Смерть после полудня”. Книгу, где говорится об Испании и бое быков, о музее Прадо и о трудности писательского ремесла, и о том, как безвозвратно уходит влюбленность, “помнишь все, что было, но нельзя вызвать самого ощущения”.

Я прочел о смерти Хемингуэя... И я подумал о том, что от нелепого “фокуса” охотничьего оружия погиб автор романа “Прощай, оружие”, человек, который прошел через огонь двух мировых войн, гражданской войны в Испании и революции на Кубе, человек не раз терпевший авиационные и автомобильные катастрофы, не раз рисковавший своей жизнью (недаром многие утверждали, что Хемингуэй всю жизнь искал смерти), человек, который получил 237 ранений в мае 1918 года на участке близ Фоссальти на реке Пиаве в Италии.

Я прочел о смерти Хемингуэя... Я узнал, что он умер у себя дома в Сам Вэлли, штат Айдахо. И я вспомнил строки из нашего байаты:

Эрнест Хемингуэй

*Gəzməyə gürbət ellər
Ölməyə Vətən yaxşı.*

*(Хорошо бывать в чужих странах
Но умереть лучше дома.)*

Хемингуэй много бродил по свету, много гулял в разных странах. Не только гулял - сражался. Он воевал за свободу "чужих стран", которые стали ему "не чужими", ибо земля, политая кровью твоей, становится родной землей, если ты дрался за нее.

Он любил разные страны. Любил сурово, как воин, и нежно, самозабвенно, как любя женщин. Италия, Испания, Франция. Об этих странах он говорил, как о любимых женщинах. "Я любил трех женщин, и каждый раз терял", - говорит полковник Кантуэл в романе "За рекой в тени деревьев". А несколькими страницами позже мы читаем: "Я любил три страны и трижды их терял. Ну, зачем же так? Это несправедливо. Две из них взяли мы назад. И возьмем третью, слышишь ты, толстозадый генерал Франко?"

Он изъездил всю Африку. Он любил этот континент. Он долго жил на Кубе. Он радовался кубинской революции и приветствовал Фиделя Кастро. В старости он хотел вернуться в Париж - город своей молодости, вернуться не известным писателем, а инкогнито, и посещать самые дешевые бары и захолустные рестораны, и ходить по маленьким улочкам и встречаться с обыкновенными простыми людьми. Он хотел приехать и в СССР.

Он подолгу жил в разных странах. Но умер он дома, на родине, то есть там, где "лучше всего умереть". Он умер в Америке, в "хорошей стране, - как говорил он, - которую мы сильно изгадили".

Я прочел о смерти Хемингуэя и вспомнил маленькую новеллу Барбюса "Нежность". В новелле этой говорится об огромной нежности женщины к мужчине, о нежности, которая была даже больше и сильнее ее любви. Она кончает жизнь самоубийством, и мужчина не знает об этом. В течение многих лет он получает от нее письма без обратного адреса. Письма, которые она написала в день своей смерти, и которые пересылают доверенные лица. Ее нежность оберегает любимого человека от боли утраты.

Хемингуэй оставил три неопубликованных новых романа в сейфах банков. По его завещанию они должны быть опубликованы после его смерти. Я не случайно вспомнил рассказ Барбюса. Независимо от того, хотел этого Хемингуэй или не хотел, его поступок воспринимается как акт нежности к человечеству, нежности, смягчающей боль утраты художника, нежности в том смысле, в какой эти слова употребил Барбюс. Нет Хемингуэя. Но еще долго в течение того времени пока эти книги будут опубликованы и переведены на многие языки, он будет говорить с миром, и это будет новым словом, будто сказанным только что, а не давно, так же как письма героини Барбюса.

Через много лет, получив последнее письмо и узнав тайну, мужчина, вероятно, примет далекую смерть своей далекой подруги относительно спокойно.

Но даже через много лет, прочитав последний из неопубликованных романов Хемингуэя, нельзя будет спокойно думать о его смерти.

У Назыма Хикмета есть строки:

*В XX столетье
Утраты печаль
длится
От силы год.*

Умиравшая Катрин в “Прощай, оружие” говорит своему любимому лейтенанту Генри: “Ты не будешь с другой девушкой так, как со мной?! Не будешь говорить наших слов?!” В этой предсмертной реплике высочайшая поэзия и творчество Хемингуэя, и XX века. В век темпа и машин горечь смерти длится только год. Пусть так. В век трезвости и реализма никто не умирает от любви, никто не дает обет безбрачия, потеряв любимую. Пусть так. Но, утратив иллюзии старых романтиков, человек XX века не стал циником, не растратит ни глубины своих чувств, ни их трепетности, ни их неповторимости. Пусть у лейтенанта Генри будут другие девушки, но ни с кем у него не будет того, что неповторимо, ничто не заменит ему его чувства к Катрин, и никому не скажет он “их слов”.

Пусть мы живем в XX веке, и пусть печаль утраты Хемингуэя будет длиться даже менее, чем год... Но никто, даже более великий писатель не займет то место, которое занимал в жизни многих людей Хемингуэй, никто не скажет “его слов”.

Я прочел о смерти Хемингуэя... и я вспомнил эпиграф к его роману “По ком звонит колокол”, взятый из английского поэта Джона Дона. “Нет человека, который был бы, как остров сам себе, каждый человек есть часть материка, часть суши, и если волной снесет в море береговой утес, меньше станет Европа и так же, если смочит край мыса или разрушит замок твой или друга твоего; смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я один со всем человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит колокол: он звонит по тебе”. Смерть каждого человека умаляет человечество и смерть большого писателя умаляет литературу, но все, что он создал - книги, образы героев, живут, и никогда по ним не будет звонить колокол - они бессмертны.

Ник Адамс - герой ранних новелл Хемингуэя был двойником и ровесником самого автора. Он так же, как и Хемингуэй, в детстве бродил на берегу реки Биг-Ривер, охотился, рыбачил, дружил с индейцами. Новелла “Индийский поселок” кончается так: “В этот ранний час на озере, в лодке, возле отца, сидевшего на веслах, Ник был совершенно уверен, что никогда не умрет”.

Детство кончилось. Хемингуэй много шатался по свету, работал, сражался, писал и, наконец, погиб. Но Ник Адаме, как слепок детства писателя остался на страницах “Индийского поселка” с верой в то, что он никогда не умрет.

Лейтенант Генри из “Прощай, оружие”, как и Хемингуэй сражался на итальянском фронте, был ранен, награжден, влюблен. Но Хемингуэй потом воевал и в Испании, и на подступах к Парижу, он повзрослел, постарел, и вот - умер. А лейтенант Генри остался навеки молодым у постели умирающей Катрин, нет, вернее он ушел от постели мертвой Катрин к себе в отель под дождем.

Это не значит, что писатель в отдельных произведениях закрепляет этапы своей жизни. Но это значит, что образы, созданные большим писателем, становятся настолько жизненными, реальными, ощутимыми (правдивее самих фактов - говорил Хемингуэй), что жизнь, гаснущая у автора, продолжается биться в сердцах его героев.

Но все герои Хемингуэя пережили автора в переносном или прямом смысле слова. В переносном смысле его не пережили неудавшиеся образы. Герои неудачных произведений были скоро забыты. Неудачи бывали и у Хемингуэя, но не о них хочется говорить сейчас. В прямом смысле его не пережили те герои, которые умирали.

В рассказе “Снега Килиманджаро” умирает писатель Гарри. Умирает и полковник Кантуэлл - герой романа “За рекой в тени деревьев”.

Гарри умирает на снежной вершине Килиманджаро от гангрены. Но творчески он умер фактически давно. “Он загубил свой талант, не давая ему никакого применения, загубил изменой самому себе и своим верованиям, загубил пьянством, притупившим остроту его восприятия, ленью, сибаритством и снобизмом, честолюбием и чванством, всеми правдами и неправдами. И сейчас перед смертью он вспоминает все то, о чем хотел написать и не написал. О войне в Турции, о Париже и об офицере Уильямсоне, у которого внутренности вывалились наружу и повисли на проволоке. И еще о том, как было тогда в Константинополе - один, после ссоры в Париже перед самым отъездом. Он развратничал все те дни, а потом, когда опомнился и чувство одиночества не только не прошло, а стало еще острее он написал ей, первой, той, которая бросила его, написал о том что ему так и не удалось убить в себе это... О том, как ему показалось однажды, что она прошла мимо Regence и у него все заныло внутри, и о том, что если какая-нибудь женщина чем-то напоминала ее, он шел за ней по бульвару, боясь убедиться, что это не она, боясь потерять то чувство, которое охватывало его при этом.

Почему я не написал об этом? - думал Гарри. Но уже поздно. Больше он не пишет.

Писатель Гарри умер. Но писатель Хемингуэй остался жить, никто и ничто не могло загубить его талант, и он написал много книг. О войне и о любви, о разных людях и о разных странах.

О написал грустную книгу о веселом празднике “Фиесту”. Он написал “Иметь и не иметь” - книгу о бедствующем флоридском рыбаке, и о богачах, и о писателе, продавшемся богачам.

Он написал “По ком звонит колокол” - роман об Испании, о революционерах, о партизанах.

Он написал тонкий психологический рассказ “Кошка под дождем”. Это рассказ о том, как могут сузиться человеческие желания, как тоскующему и пресыщенному человеку, которому доступно все и в то же время не доступно ничего, остается хотеть есть за своим столом, и чтобы были свои ножи и вилки... и хочу новое платье, хочу кошку сейчас же. Если уж нельзя длинные волосы и чтобы было весело, так хоть кошку-то можно”.

Какая боль за потерянное поколение чувствуется за этим типично хемингуэевском обороте последней фразы, звучащей, как крик души.

Хемингуэй написал и другие великолепные рассказы: “Дома”, “Белые слоны”, “Альпийская идиллия”, “Мистер и миссис Эллиот”, “Убийцы”, “Там, где число, светло” и “Дайте рецепт, доктор”, “Недолгое счастье Френсиса Макомбера”, триптих “Посвящается Швейцарии” - всего не пересчитаешь.

Мне очень дороги два его рассказа, из которых один является как бы продолжением другого - “Что-то кончилось” и “Трехдневная непогода”.

Написал Хемингуэй еще одну книгу, местами неровную, местами утомительную, но удивительно чистую, прозрачную. “За рекой в тени деревьев” - это роман о полковнике Кантуэлле, который был храбрым и честным солдатом, и который всегда, когда было нужно воевал на самом опасном фронте. Верховодители тыла, из числа тех генералов, которые “умирают в своей постели”, по своей трусости и тупости посылали на верную гибель лучшие подразделения полковника в то время, как в этом не было никакой необходимости. И вот кончилась война, и эти люди опять на высоте. Кантуэлл говорит: “Правят нами в наши дни, можно сказать, подонки. Знаешь, вроде того, что остается в недопитом стакане пива, куда шлюхи натолкали целый ворох окурков”...

А сам полковник неудачник. Не раз раненый, не раз рисковавший своей жизнью, не раз смотревший в глаза смерти, он дослужился до генерала, но стал по переквалификации полковником в захолустном Триесте. Ничего не оставалось у него. Ни воспоминаний, - они изгажены чувством виновности, ответственности за бессмысленную смерть ни в чем неповинных людей, ни надежд. Разве только муки, а ими никто не интересуется. Да Кантуэлл и не думает делиться с кем бы то ни было. И вот он встречает Ренату - юную, красивую итальянскую аристократку, “у которой голос был таким красивым и так напоминал ему виолончель Пабло Казальса, что внутри у него невыносимо ныло как от ран”.

В Венеции, в прекрасном городе, где когда-то полюбили друг друга Отелло и Дездемона, Рената полюбила старого полковника Кантуэлла за муки его, и он полюбил ее за сострадание к ним.

В конце романа полковник рассказывает эпизод из истории гражданской войны в Америке. Генерал Джексон смертельно ранен. В бреду он дает последние боевые приказы: “А.П.Хиллу приготовиться к атаке”. Но вдруг он обрывает себя и говорит: “Нет, нет, давайте переправимся и отдохнем там, за рекой, в тени деревьев”.

Боевой генерал Ричард Кантуэлл, переквалифицированный в полковника, всю жизнь воевал с врагами и со своими, и с собственным прошлым, и с мучительным чувством неверности прожитой жизни. И вот наступил момент перед самым концом, когда он в полубреду отменил все боевые задачи, изгнал из своего сердца все бередающие воспоминания и боль, и ненависть и решил отдохнуть, успокоиться, утешиться, за рекой в тени деревьев в любви девушки Ренаты, что по-итальянски означает Возрождение.

Полковник Кантуэлл возродился, чтобы умереть, но он умер, испытав любовь, найдя утешение, во всяком случае какой-то смысл в своей жизни.

Я прочел о смерти Хемингуэя и вспомнил американский фильм “Старик и море”. Фильм мне не понравился. Дело не в хорошем актере и не в удачных съемках. Мне кажется, что, сохранив все то, что есть в повести, авторы фильма потеряли главное - суть повести, суть хемингуэевского гуманизма.

“Победитель не получает ничего” - утверждал Хемингуэй названием цикла своих рассказов. Старик Сантьяго до конца борется за огромную рыбу, которую поймал, зная, что все равно рыбы ему не довезти. “Ты губишь меня, рыба, - думает старик. - Ну что ж, убей меня, мне уже все равно, кто кого убьет”.

Что это - фатализм? Это хемингуэевский гуманизм, пусть ущербный, пусть неприемлемый для нас. Суть этого гуманизма, как мне кажется, в том, что даже зная, что побе-

дитель не получает ничего, человек до конца борется в одиночку, борется за то, чтобы не оказаться побежденным в своих глазах, не потерять веру в себя, чувство собственного достоинства. “Ты убил рыбу не только для того, чтобы продать ее другим и подержать свою жизнь, - говорит старик себе, - ты убил ее из гордости и потому, что ты рыбак”.

И вот поэтому он сражался до конца.

“А что ты теперь станешь делать, если они придут ночью - думает он об акулах, которые уносят по частям его растерзанную рыбу. - Что ты можешь сделать? Драться, - сказал он, - драться пока не умру..

Вы полночь он сражался с акулами снова, и на этот раз знал, что борьба бесполезна”.

И старый рыбак, как и старый матадор Манола из рассказа “Непобедимый”, как и Роберт Джордан из “Колокола”, как и многие другие герои Хемингуэя, не побежден.

“Человека можно уничтожить, но его нельзя победить”, - в этой фразе суть этического гуманизма Хемингуэя. Внутренняя, победа ценой внешнего поражения - это мотив, проходящий через все творчество Хемингуэя и выраженный, быть может, наиболее ярко в “Старике”.

И вот всего этого, как мне кажется, нет в картине. Там есть все основные и незначительные персонажи повести, диалоги и даже описания Хемингуэя. Но этот фильм скорее увлекательный документ о необычной рыбной ловле, а не философский шедевр о трудности борьбы, о бесплодности победы и о том, что, зная эту бесплодность, зная, что победитель не получает ничего, человек тем не менее сражается, чтобы ценой внешнего поражения добиться куда более важной внутренней победы - утверждать свое человеческое достоинство, свою силу, свою гордость. Так поступали все герои Хемингуэя, которых он любил. Так поступал и он сам.

Непобедимым он и умер, погиб.

Я прочел о смерти Хемингуэя и вспомнил стихи, не знаю, чьи:

От первой любви печаль остается

От упавшей звезды след.

И несколько строк остается

когда умирает поэт.

Хемингуэя не стало. Осталось несколько книг.

Опубликован в газете “Молодежь Азербайджана” № 137. 1962 г.

Время жить. Время любить. Время умирать

*(Дайджест дипломной работы, посвященной творчеству Э.М.Ремарка,
защищенной при окончании филологического факультета
Азербайджанского Государственного университета в 1960-м году)*

Эрих Мария Ремарк родился в 1898-ом году в городе Оснобюрк (Северная Германия) в семье небогатого книготорговца и переплетчика. Восемнадцатилетним юношей, прямо со школьной скамьи, отправился на фронт. Прошел войну рядовым солдатом. На войне был не раз ранен.

Весной 1929-го года Ремарк, в то время редактор иллюстрированного журнала “Спорт им бильд”, написал роман “На Западном фронте без перемен”. Этот роман имел сенсационный успех, сделав безвестного журналиста всемирно известным писателем. Книга была переведена на большинство языков мира, переработана для радио. В 1931-ом году американская киностудия “Универсал интернешнл фильм” выпустила фильм по роману Ремарка.

Следующий роман Ремарка “Возвращение” (буквально “Обратный путь” или “Дорога назад”) вышел в 1931-ом году. Он посвящен первым послевоенным месяцам.

Фашисты, придя к власти в 1933-ом году, сожгли книги Ремарка. Они обвиняли писателя в “подрыве воинского духа”, в принижении “героики” немецкой солдатчины.

С 1932-го года Ремарк живет вне Германии. Все его крупные произведения, за исключением первых двух романов, созданы в эмиграции. В 1938-м году вышел роман “Три товарища”, в 1946-м роман “Триумфальная арка”.

Вершина творчества Ремарка “Время жить и время умирать”. Этот роман был издан в 1954-ом году на немецком и английском языках.

Тема любви, занимающая столь важное место в этом романе, впервые была разработана писателем еще в “Трех товарищах”.

Американский писатель Эрнест Хемингуэй в романе “Прощай, оружие!”, а вслед за ним и Ремарк в “Трех товарищах” показали удивительно чистое, светлое, глубоко поэтичное чувство любви. И в обоих романах это чувство обрывается, умирают героини романов, в “Прощай, оружие!” - Кетрин, в “Трех товарищах” - Пат. В уста умирающей Кэтрин Хемингуэй вкладывает слова, обращенные к ее возлюбленному лейтенанту Генри: “Ты не будешь с другой девушкой так, как со мной, не будешь говорить наших слов”.

В этих словах нет ханжески-лицемерных клятв о вечной любви, патетических, но часто лживых уверений в любви и верности до гроба. Человек XX века, отбросив пышные слова, сурово и мужественно посмотрел в глаза жизни. Он знает истину, открытую еще

великим Чеховым: жизнь не кончается отдельными драматическими или трагическими эпизодами, эффектные, потрясающие сцены бывают, но и они проходят, жизнь продолжается и великий целитель - Время лечит все раны. Забываются горечи утрат, человек продолжает жить своей естественной жизнью, обогатившись еще одним горьким и трагическим уроком. Не каждый кончает самоубийством, потеряв близких. Жизнь людей не всегда заканчивается как драма. Занавес опускается только в театрах. Это открыл Чехов. И поэтому, когда кончаются его пьесы, мы не думаем, что сейчас артисты, одев свою гражданскую одежду, собираются к себе домой. Мы думаем, что они продолжают еще жить той жизнью за закрытым занавесом. Именно потому, что жизнь не кончается эффектными моментами, Чехов заканчивает свои пьесы не выстрелом Войницкого, и не смертью Тузенбаха или Треплева, а тем, что Телегин тихо наигрывает на гитаре.

Кэтрин знает, что ее смерть - это не конец для Генри, как бы тяжело он не переживал. Человек XX века имеет мужество признать это. Но реплика хемингуэйвской героини замечательна другим. Поняв это, человек XX века не стал циником, не утратил глубину своих чувств. "Не будешь говорить наших слов" другой? Да, лейтенант Генри не покончит самоубийством, не уединится в монастыре. Он будет продолжать жить, возможно, нет, наверное, у него будет другая девушка. Но никогда для него не повториться то, что бывает только однажды, никогда никому не скажет он "их слов".

Потому и кажется такой горькой судьба лейтенанта Генри, и судьба Робби, героя "Трех товарищей", что, потеряв любимых, они продолжают жить, неся в своем сердце неутоленную печаль.

Сцена смерти Пат написана Ремарком с большой эмоциональной силой и не без влияния Хемингуэя. Манера, интонация, стиль Ремарка в последних сценах "Трех товарищей" живо напоминают потрясающие страницы "Прощай, оружие!". Разумеется, здесь нет речи о каком-либо заимствовании, Ремарк, как талантливый и самобытный художник, творчески использовал многие открытия Хемингуэя, и конец "Трех товарищей" будучи в какой-то мере "хемингуэйвским", в то же время является глубоко "ремарковским".

Тема любви является доминирующей и в романе "Триумфальная арка". Роман начинается случайной встречей героев Равика и Жоан на улицах Парижа. Равик спасает готовую на самоубийство Жоан в трудный для нее час. В этом парадокс "Триумфальной арки". Роман, который начинается спасением Жоан Равиком, посвящен спасению Равика Жоан. Жоан многим читателям и критикам кажется пустой, легкомысленной женщиной, словно "возникшей из хмельного угара ночного Парижа". Это отчасти так. Но для Ремарка Жоан не только пустая женщина, образ ее вырастает до символа чуда любви, способного воскресить человека.

"Будь же благословенна, мадонна с изменчивым сердцем, Ника с румынским акцентом (Жоан-румынка - А.), - мысленно обращается к Жоан Равик, - ты мечта и обман, зеркало, разбитое вдребезги каким-то темным божеством".

К сожалению, в романе, написанном ярким языком, изобилующим неожиданным образами, метафорами, находят место и высокопарности, вроде приведенных выше, "Леса любви, словно по волшебству выросшие во мраке ночи, теперь снова маячат бесконечно далеким миражом над пустыней времени"... "Любовь - вечное чудо. Она не только

озаряет радужой мечты серое небо повседневности, она может окружить романтическим ореолом кучку дерьма... Вечное чудо и безобразная насмешка”.

Все эти перлы “красивости” невысокого класса и сомнительного вкуса. “Обнаженная Жоан, стоящая среди хризантем на коленях перед Равиком - это уже “романтика” почти бульварного пошиба”, - справедливо отметил один из критиков. Язык героев предельно интеллектуален. Они так и сыплют афоризмами, сентенциями, парадоксами, скептическими остротами. Здесь Ремарк порой теряет чувство меры. Бесконечное умничанье даже в самых обыденных разговорах придает диалогам ремарковских героев привкус некоторой искусственности. Порой кажется, что писатель сам говорит за своих героев. Тем более, что многие афоризмы писатель списал из своих ранних книг, в частности из романа “Три товарища”.

“У нас... боязнь громких слов в любви и склонность к громким словам в политике”... “Без любви человек не более, чем мертвец в отпуску”, - все это знакомо нам по “Трем товарищам”. Ремарк повторяет не только отдельные фразы из своих ранних работ. Иногда он повторяет сюжетные ходы, ситуации, характеры. Видимо, повторяемость многих мотивов, коллизий, образов были обусловлены тем, что все герои писателя были так или иначе связаны по своему мировоззрению и судьбе с “потерянным поколением”, что проблемы борьбы в фашизмом и новой войной они решали с позиций этого поколения.

И поэтому новым словом в творчестве Ремарка и в тематическом и в идейно-художественном отношении, явилось произведение, герои которого принадлежали уже к другому, следующему поколению. Этим произведением стал роман “Время жить и время умирать”.

Название книги, как и название романа Хемингуэя “И восходит солнце...”, взято из знаменитой главы Библии о суете сует, приписываемой пророку Екклесиасту. В одном отрывке этой главы говорится о том, что для всего на свете есть свое время, свой час, своя пора: “Время находить и время терять... время любить и время ненавидеть... время жить и время умирать”.

Роман посвящен событиям второй мировой войны. Героями Ремарка стали новые люди - новое поколение - Гребер, Элизабет, Иммерман, Биндинг, Штейнбрэннер - поколение второй мировой войны. Это поколение существенно отличается от поколения участников первой мировой войны, хотя в судьбе Гребера, многих других персонажей книги можно найти немало черт, сближающих их с героями романов “На западном фронте без перемен” и “Возвращение”. Первое и наиболее существенное отличие заключается в том, что сейчас нет и следа от той идеи “фронтового товарищества”, которая железной цепью связывала представителей “потерянного поколения”, являясь для них фактически единственной реальной ценностью, что породила война. В противовес этому, поколение Гребера резко раздроблено. Второе, что отличает два поколения это то, что стихийный протест первых был во многом абстрактным. Пафос же книги “Время жить и время умирать” - иной. Ее пафос - это конкретная борьба с фашизмом. Ненависть, отвращение к фашизму прежде всего, и уж потом - к войне, порожденной им.

Первый шаг в борьбе, которую Гребер решает вести единолично, он делает, убивая яркого фашиста, гестаповского шпика и эсэсовского палача Штейнбрэннера, при этом спасая пленных русских и сам при этом гибнет нелепо и трагично.

Роман начинается властными, мрачными, грозными аккордами, подобно 5-ой симфонии Бетховена: “Смерть пахла в России иначе, чем в Африке...”

Крупными, резкими мазками воссоздает Ремарк общий мрачный колорит войны. Не осталось ничего, что не ассоциировалось бы с образами войны. В небе ярко сияют звезды. Но люди не любят чистым звездным небом. Они смотрят на небо с ненавистью: “значит будет хорошая видимость для самолетов-бомбардировщиков”.

Лиризм любовных эпизодов в “Трех товарищах” находит новое воплощение в изображении любви Элизабет и Гребера.

Эта любовь происходит на фоне военных раскатов и опять же явления природы ассоциируются с войной.

“Элизабет пошевелилась: “Что они, - пробормотала она, - бомбят или летят дальше?” “Это не бомбы, и не артиллерия и не самолеты, Элизабет, - сказал Гребер - это гроза”.

Во фронтовой жизни Гребера небольшая передышка. После 4-х лет службы ему представляют 3-х недельный отпуск, и свои последние иллюзии Гребер связывает с поездкой на Родину. Но на родине наступает крах и этой иллюзии. Границы между тылом и фронтом исчезли, война бушует и здесь, и в родном городе Гребера ждут не хлеб с кофе и герань на окне, а развалины, паника, одичание. Но, правда, писатель дарует своему герою еще одну, последнюю иллюзию-утешение - Любовь. Любовь Гребера и Элизабет, зародившаяся во мраке удушливой фашистской ночи, заменяет для них очень многое, почти все. Понятие “любить” для героев равнозначно понятию “жить”. Неслучайно, роман вышел под двумя названиями - “Время жить и время умирать” в немецком издании, и “Время любить и время умирать” в английском. Разуверившись в фашистских “истинах” Гребер “забывается” в любви Элизабет, “но это забытие не уход от проблем жизни в узкий мирок личного счастья, не вид “наркотического опьянения”, а великий стимул жизни. Любовь воскрешает Гребера к жизни. Любовь для Гребера в то же время какая-то форма самоискупления, очищения от скверны прошлого.

“Он ощущал ее и ощущал как свое второе “я”, которое в нем раскрывается теплее, богаче, многокрасочнее и легче, чем его собственное, раскрывается без границ и без прошлого, только как настоящее, как жизнь и притом без всякой тени вины”.

Любовь Гребера и Элизабет ограничена строгими границами “времени любить” и страх неумолимо приближающего “времени умирать” заглушает даже те маленькие радости, которые ищут в своем чувстве они.

Вот Гребер и Элизабет ночуют под открытым небом, укрывшись плащ-палаткой, после того, как дом, где жила Элизабет, разбомбили, и Гребер вспоминает, что иногда на фронте солдаты делились друг с другом всякими несбыточными желаниями и одним из них было как раз вот это - “кров, постель, женщина, спокойная ночь”.

Но мечты героев не ограничиваются этим. Есть в романе чудесный поэтический образ, к которому не раз обращаются Гребер и Элизабет в своих мечтаниях. Это образ Швейцарии. Швейцария в романе не только определенная географическая территория, не просто нейтральная страна, это какой-то символ покоя, тишины...

“Затемнена почти вся Европа. Говорят, только в Швейцарии по ночам еще горят огни. Это делается специально для летчиков, пусть видят, что летят над нейтральной страной. Мне рассказывал один, он побывал со своей эскадрилей во Франции и Италии, что это прямо-таки какой-то остров света - света и мира - одно ведь связано с другим. И тем мрачнее, точно окутанные черными саванами лежат позади и вокруг того острова Гер-

мания, Франция, Италия, Балканы, Австрия и все остальные страны, участвующие в войне”.

“Подумать только, - говорит Элизабет, - ведь есть на свете целые страны, где совсем нет развалин”.

В последней части книги мы узнаем, что и в Швейцарии свет уже не горит. Германия предъявила ультиматум и Швейцария вынуждена была его принять.

В последний вечер перед отъездом Гребера на фронт Элизабет сообщает ему, что у них будет ребенок, которого она хочет воспитать противником всех этих ужасов. Гребер уезжает на фронт, оставляя на родине жену и будущего ребенка. Для него кончилось время любить. Настало время умирать.

В романе “Время жить и время умирать” показано как любовь, заменяющая все ценности, все иллюзии, сама становится иллюзией. Элизабет разделила одиночество Гребера на “пустынном острове”, но не могла заменить ему все ценности. Любовь пробудила его чувства, но не смогла решить его проблемы. Любовная робинзонада может отвлечь на какое-то время, но она не может снять с человека ответственности выбора. Элизабет пробудила чувства Гребера не только для любви, но и для борьбы.

Гребер приходит к беспощадно правдивому выводу - для него наступает время бороться. Это время наступает в последней главе романа. Опять, как и в начале романа, схвачены четверо партизан. Двое мужчин и две женщины... Их охрана поручена Греберу. Штрейнбреннер хочет спровоцировать бегство и убить партизан. Но Гребер прогоняет его, достает для пленных соломы, дает им сигареты.

“- Вы добрый, - говорит ему партизан, видимо уловив в Гребере что-то человеческое, отличающее его от изуверов, подобных Штейнбреннеру. Старик предлагает ему выход. - Война проиграна для немцев, - говорит он на ломаном немецком языке. - Идем с нами... Маруся... прятать... хорошем месте... жить, жить, не мертвый, только пленный, вы тоже не мертвый...”

- Это не выход, - думает Гребер, - нет, не выход. Но где же он?”

Простые слова старика западают в его душу.

“Вероятно, люди и в самом деле невинновы, - подумал Гребер, - при них не нашли оружия, и они не похожи на партизан, во всяком случае старик и пожилая женщина. А что если я их выпущу? Этим я хоть что-то сделаю, хоть что-то. Спасу несколько невинных людей. Но идти с ними я не смогу. Туда - нет. Не могу идти к тому, от чего хочу бежать”.

И Гребер решается. Когда начинается отступление и Штрейнбреннер прибегает, чтобы расстрелять русских, Гребер убивает его. Потом он отпускает пленных. “Что-то навсегда решилось в его жизни”, - пишет Ремарк.

Собственно, на этом и мог бы кончиться роман. Но тогда он, вероятно, назывался бы “Время жить и время бороться”, а не “Время жить и время умирать”. Вторая часть заглавия романа связана с последним абзацем книги. Вот он:

“Он увидел русских. Они бежали кучкой, пригнувшись, впереди женщины. Старик оглянулся и увидел его. В руках у старика вдруг оказалась винтовка, он поднял ее и прицелился.

“Значит, это все-таки партизаны”, - подумал Гребер. Он видел перед собой черное дуло, оно разрасталось. Гребер хотел громко крикнуть, надо было громко и быстро сказать так много...

Он не почувствовал удара. Только вдруг увидел перед собой траву и прямо перед глазами какое-то растение, полурастоптанное, с красноватыми кистями цветов и нежными узкими лепестками. Цветы росли и увеличивались - так уже было однажды, он не помнил когда. Растение покачивалось, стоя совсем одиноко на фоне сузившегося горизонта, - ибо он уже уронил голову в траву, бесшумно и естественно неся ему простейшее утешение, свойственное малым вещам, и всю полноту покоя. И растение это росло и росло, оно заслонило все небо, и глаза Гребера закрылись”.

Такой конец романа вызывает горячие споры среди советских читателей. Критики по-разному объясняют смерть Гребера. На войне любого человека может поразить шальная пуля. Но герои литературных произведений не умирают случайно. “В жизни полно случайностей. Их нет только в хорошей литературе” - писал Ремарк в “Триумфальной арке”. Ясно, что Ремарк вкладывает определенный смысл в гибель Гребера. Гребера убивает тот самый старик, которого он освободил, причем выстрелом из той винтовки, которую Гребер бросил. Конечно, как правильно отмечает один из критиков, “старик не был посвящен во все психологические тонкости натуры Гребера, естественно, видел в нем врага, тем более, что Гребер отказался уйти с освобожденным им людьми. Ситуация сложная, не позволяющая винить в чем-либо старика, защищающего себя и свою родину”.

И все же мотивировка поступка старика не совсем ясна. Да, он не был посвящен во все тонкости переживаний Гребера, но он сам видел, что Гребер не совсем такой, как другие враги, что он добрый. Разумеется, старик видел и то, что их освободил Гребер, убив при этом солдата своей армии, наконец, Гребер бросил винтовку, которую поднял старик. И, тем не менее, старик безо всяких причин убивает Гребера. Возможно, Ремарк хотел лишний раз подчеркнуть преступную бессмыслицу войны, не различающей ни правых, ни виновных. Убит палач Штрейнбреннер, пытавшийся расстрелять русских, и Гребер, их освободивший.

Возможно и то, что смерть Гребера - это вариация популярной в западной литературе темы внутренней победы, добытой ценой внешнего поражения, ценой гибели, то, что Хемингуэй выразил кратко и метко: “Победитель не получает ничего”. Такая трактовка в частности, применима и к романам английского писателя того же “потерянного поколения” Ричарда Олдингтона.

Еще одно толкование финала ремарковского романа - идея возмездия. Гребер все время думал о своей личной ответственности, о своей личной вине. Но возмездие настигает и его, ибо дело не только в личной ответственности каждого, дело в общей виновности всех. Потому личное самоискупление отдельного человека не может спасти его от возмездия за чудовищные преступления, совершенные захватчиками.

Греберу, перед смертью надо было очень многое сказать, очень многое объяснить для того, чтобы оправдаться, доказать, что он не соучастник. Но для того, чтобы признать его виновным, не надо было никаких доказательств и объяснений, достаточно было только того, что он с оружием в руках пришел на чужую землю. И когда наступило “время умирать” он нашел свою смерть в чужой стране, под чужим небом.

1960 г.

Косой дождь

Месяц тому назад, довольно-таки скромно в соотношении с круглой датой, да и с масштабами самой личности юбиляра, было отмечено столетие со дня рождения Маяковского. В сутолоке нашей напряженной, стрессовой жизни, полной драматических и трагических событий, трудно помнить о памятных литературных датах, и, лишь просмотрев газетные публикации, я вспомнил о дне и годе рождения Маяковского. Захотелось написать несколько слов о поэте, который так много значил в духовном становлении моего поколения, был одним из литературных кумиров нашей молодости. Измена кумирам юности, в том числе поверженным, а скорее всего и в первую очередь, поверженным, представляется мне предательством своего же личного прошлого. В самом факте запоздалости в отношении прошедшего юбилея уже наличествует особенность нашего времени, такого склеротично неопределенного, размытого и разбросанного. Можно ли представить, чтобы “круглая” годовщина Маяковского, случилась она волею хронологии, скажем, лет на десять раньше, оказалась бы такой “незаметной”, “проходной”. Нет, конечно, лет десять или даже, может быть, пять тому назад об этой дате трубили бы все средства массовой информации, газеты и журналы, радио прожужжало бы нам уши об атом событии, на телевидении мозолили бы глаза соответствующие сюжеты, и это началось бы задолго до самого памятного дня и продолжалось бы еще и много месяцев спустя. Да и сам год, энергичными усилиями советского правительства, был бы, очевидно, объявлен по линии ЮНЕСКО “годом Маяковского”. Были бы юбилейные торжества в Большом театре, где в полном составе блистало бы Политбюро, юбилей отмечался бы во всех городах и весях бывшего Союза с участием “местных вождей”. Появились бы новые публикации, исследования, переводы на все мыслимые языки, всплыли бы воспоминания тех, кто был знаком если не с самим Маяковским, то, по крайней мере, со знакомыми его знакомых.

Теперь все “значительно незначительней”, все - тише, глуше, бледнее. И в прессе больше спорят о поэте, чем утверждают бесспорные истины о его подлинном месте в поэзии. Неужто сбывается еще один прогноз Владимира Владимировича из числа его прочих сбывшихся пророчеств “Я ни одной строкой не могу существовать при другой

Владимир Маяковский

власти, кроме советской власти. Если вдруг история повернется вспять, от меня не останется ни строчки, меня сожгут дотла.

Книг его, правда не сжигают, но уже не издают или издают редко, мало и далеко не все. Литературное аутодафе - это ведь не только костры, это и забвение. Но Маяковский при всей его частых гипертрофированных самооценках, думается, в этом пассаже все же недооценил себя, связав только с советской властью. По масштабам дарования он вне пределов досягаемости всякой власти, даже если искренне хотел бы выглядеть связавшим себя с ней по рукам и ногам. И его кажущееся сегодня почти неприличными слова: “Я не поэт, а прежде всего поставивший свое перо в услужение, заметьте, и услужение сегодняшнему часу, настоящей действительности и проводнику ее - советскому правительству и партии”, - это, конечно же, просто эпатаж, точно такой же, как в свое время эпатажными, уже по отношению к другой аудитории и другому контингенту, были “пощечина общественному вкусу”, желтая кофта и “я люблю смотреть, как умирают дети”. Недаром многие современники отмечали чисто мальчишеское бузотерство Маяковского. Эту браваду он сохранил и в зрелом возрасте, до последних дней жизни оставаясь драчуном. Забияка с истерзанной душой, задира с кровоточащим сердцем. Ленин сделал в свое время своеобразный комплимент Маяковскому в связи с его поэмой “150 миллионов”: “Это особый вид коммунизма. Это хулиганский коммунизм”. Кстати, почему Маяковскому никак не могут простить посмертную сталинскую похвалу и забывают суровый ленинский приговор в отношении той же поэмы “150 миллионов” (в записке Луначарскому):

“Как не стыдно голосовать за издание “150000000” Маяковского в 5.000 экз.? Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность”.

Единственный сочувственный отзыв о “Прозаседавшихся” тоже ведь сопровождается оговоркой о том, что Ильич не принадлежит к поклонникам поэтического таланта Маяковского и стихи положительно оцениваются лишь с точки зрения политической и административной(!).

Сталинская же оценка, оградив Маяковского от огульного охаивания в конкретном историческом отрезке времени, сыграла с ним в конечном счете злую шутку. И не только с самим Маяковским, Сталинское клеймо “лучшего, талантливейшего” создало прецедент - иерархическую систему в искусстве, когда один художник при прочих “хороших и разных” объявлялся кем-то вроде главного поэта или верховного писателя. Тоталитарная система нуждалась в таких единоличных, хотя бы и усопших, культах в разных сферах, в том числе в литературе. Эта установка тотчас была усвоена в национальных литературах, где назначались свои литвожаки (часто они совмещали и должности литначальников), князя, ханы и баи. Именно их творчество должно было стать эталонным по отношению ко всем остальным. Но причем здесь сам Маяковский? Какую ответственность он может нести за царственную оценку его личности после смерти поэта, оценку, которая скорее была важна для собственных идеологических задач Сталина, чем для памяти Маяковского? Итак, что же получается? Если Сталин говорит о Маяковском хорошо, то сейчас это плохо для Маяковского, но если Ленин говорит о нем плохо, то это тоже плохо. Да разве только в Ленине или Сталине дело? Сколько зубодробительной критики обрушивалось на Маяковского, кто только ни травил его? Даже осознавая, тот непреложный факт, что травля писателя - хлеб критика, даже предполагая, что каждый критик гораздо лучше самого

поэта знает, как ему, поэту, писать, что писать, и от чего воздержаться, даже допуская, что все писавшие о Маяковском точнее самого Владимира Владимировича знали, как Маяковскому быть Маяковским, все же поражает безапелляционность и апломб, с каким современники судили великого художника. Известный в ту пору литературовед, критик Шенгели писал в книге “Маяковский во весь рост” (1927):

“Значение Маяковского в нашей поэзии отрицательное; по его стихам можно узнать, как не следует писать стихи. Бедный идеями, обладающий суженым кругозором, ипохондричный, неврастеничный, слабый мастер - он вне всяческих сомнений стоит ниже своей эпохи, и эпоха отвернется от него”.

И так до сталинской резолюции - табу на критику Маяковского. Но вот теперь, когда, это табу, как многие сталинские табу, потеряло силу, критики уже новых времен вновь потрошат Маяковского. Маяковский один из тех поэтов, которых ниспровергали не только при жизни, но и спустя свыше полувека после смерти. Менялись эпохи, идеологические, эстетические и этические ценности, оставалась неизменной ненависть к Маяковскому слепая, яростная, порой просто какая-то одержимая в своем пафосе уничтожения. Все новые и новые сокрушители в новых исторических обстоятельствах - это по существу признание и доказательство несокрушимости поэта. Каким же недюжинным запасом прочности надо было обладать, чтобы на протяжении всей жизни и после смерти вызывать на себя огонь и выходить живым после всех пожаров? Маяковскому не могли простить его популярности, его необычности и непохожести. Его не прощают за самоубийство; одни потому, что увидели в этом протест против эпохи, строя, другие - потому, что он, “успев” уйти из жизни, избежал участи быть уничтоженным в сталинско-ежовских жерновах. И вот спустя полвека с лишним после трагической гибели Маяковского критик нового поколения Юрий Карабчиевский пишет работу “Воскресение Маяковского”, она издается сперва “за бугром”, а потом и в стране Советов. Книга яркая, талантливая, но вся пронизанная каким-то яростным геростратовским азартом разнести Маяковского в пух и прах, разобрать его по косточкам. Придираясь к каждому слову, к каждому поступку, к каждому знакомству Маяковского, автор стремится доказать его сервильность по отношению к власти, его неискренность, то, что у него не было лица, а была одна лишь маска. В чем только не обвиняется Маяковский? В стихах, которые он написал и в произведениях, которых не писал, но мог бы, по предположению критика, написать, случись ему прожить дольше. В том, что он использовал ранее созданные строчки в предсмертном письме, в том, что сам способ самоубийства был, по мнению Карабчиевского, не безупречным, ведь поэт вложил в обойму пистолета лишь один патрон (“надеясь выжить” - догадывается Карабчиевский). Автор обзывает Маяковского “канцелярской душой” (это Маяковский-то, готовый волком выгрызть бюрократизм - “канцелярская душа”), уверяет, что поэт исполнял “самую унижительную шестерочью службу”. Ну и так далее, в том же роде. И уж совсем бесподобны предположения, выдаваемые вполне серьезно, о том, что Маяковский был исполнителем воли сатанинских, злых и низких сил, порождением дьявола, который, оказывается, заключил с ним договор по всем пунктам творчества и судьбы. Оказывается этой дьявольской сделкой были оплачены не только талант Маяковского, его могучий творческий напор и энергия стиха, но и сама трагическая смерть, как основа для дальнейшей посмертной славы, - всевозможные памятники, миллионные тиражи, многотомные

издания. Но и это, оказывается, еще не все. В договоре с дьяволом был предусмотрен и пункт, по которому произойдет воскресение Маяковского в ипостасях сразу трех поэтов -Евтушенко, Рождественского и Вознесенского. Дальше, как говорится, некуда. Вспоминается и недавняя книга Бориса Олейника о “князе тьмы” Горбачеве, где так же вполне серьезно Михаил Сергеевич объявляется порождением потусторонних сил зла. Не много ли развелось в последние годы дьявольского потомства? Впрочем, пристрастие к потусторонним ориентирам, к мистике, спиритуализму и т.д. - один из верных симптомов деградации общества. Не будем, однако, спорить с покойным Ю.Карабчиевским, пользуясь его же собственным методом сокрушения усопших. Мертвые не могут отвечать. Отметим, что лишь в одном пункте предложение Ю.Карабчиевского, увы, оказалось пророческим: “Маяковский - как засасывающая воронка, сближение с ним всегда опасно, порой губительно. Даже трагическая его судьба есть великий соблазн”, - писал он. Ю.Карабчиевский покончил жизнь самоубийством.

Самый суровый из упреков, предъявленный Маяковскому уже нашей современностью, является в сервильности по отношению к советской власти (Впрочем, этот упрек тоже своими корнями уходит в те годы, когда Маяковский был жив и получал порой на литературных выступлениях записки вроде: “Прочтите вашу поэму “Хорошо-с”). Упрек этот базируется на твердой уверенности в том, что вся история советского общества есть только уголовная хроника и ничего больше, что в ней будто бы все омерзительное было заложено с самого начала и сохранялось на протяжении всех десятилетий без движения, без каких-либо изменений и т.д. И таким образом Маяковский делается как бы ответчиком за все преступления режима, в том числе и за те, которые были совершены значительно позже его ухода из мира сего. Разуверившись в течение этих страшных лет, последовавших после Маяковского, во всем, мы как бы не допускаем мысли, что он-то мог быть абсолютно

Двадцатидвухлетний Маяковский

искренним и в своей любви к революции, и в своем неведении относительно подлинной личности Ленина. Поэму о Ленине он написал сразу после смерти Ильича, искренне потрясенный утратой и с неподдельной верой в чистоту помыслов вождя пролетариата. Ведь он наверняка не знал подробности, открывшихся подавляющему большинству граждан страны лишь в последнем десятилетии XX века о первых в мире концлагерях, о директивах на расправы со священнослужителями, о лицемерии национальной политики, о прямом или косвенном санкционировании расправы над царской семьей, включая убийство детей, о многом другом. Ленин олицетворял для Маяковского Революцию, а Маяковский был революционером по самому складу своей натуры, по уникальным особенностям своего художественного дарования. Может, точнее было бы назвать его даже не революционером, а бунтарем. А брать под сомнение значение бунтарство Маяковского -

это значит отрицать бунтарское начало в человеке вообще, то начало, которое двигало поступками мифологических, исторических и литературных героев от Прометея до протопопы Аввакума, от Франсуа Вийона до пушкинского литературного Пугачева из “Капитанской дочки” с его притчей об орле. Да и самого Пушкина, в конце концов. Бунт Маяковского, как это отражено в его ранней лирике и гениальных любовных поэмах - изначально метафизичен, это бунт против конформистской, филистерской морали общества, любого общества, бунт вне времени. Бунт, или если угодно, революционный порыв, вполне можно было бы определить словами Альбера Камю: “Революционный дух полностью сводим к возмущению человека своим уделом. Революция всегда, со времен Прометия, поднимается против богов, тираны же и буржуазные куклы тут просто предлог”.

И если этот внутренний революционный дух, этот индивидуальный бунт, обусловленные самой личностной сущностью Маяковского, совпали с конкретными историческими катаклизмами русской истории с 1905 года по 1917-й, то по какую же сторону баррикад Маяковский должен был оказаться? Он, которого с юношеских лет вышибли за убеждения из 5-го класса и “пошли, швырять в московские тюрьмы”. И нельзя требовать от Маяковского, к тому же такого молодого в ту пору, “красивого. 22-летнего” той же глубины понимания сущности революции, какое было, скажем, у Бунина, писавшего: “... революция есть только кровавая игра в перемену местами, всегда кончающаяся только тем, что народ, даже если ему удалось некоторое время посидеть, попить и побушевать на господском месте, всегда в конце концов попадает из огня, да в полымя”.

То, что изначально было понятно Бунину, воспитанному на традициях дворянской культуры, не могло так рано открываться Маяковскому, хотя он тоже во всех анкетах неизменно отмечает свое дворянское происхождение. Свое позднее прозрение Маяковский оплатил сполна. В самый последний период творчества он как бы оправдывался в “Письме “Татьяне Яковлевой”:

*Видел на плечах заплат
их чахотка лижет вздохом
Что же, мы не виноваты -
Ста миллионам было плохо.
Мы теперь к таким нежны -
Спортом выпрямишь
не многих
Вы и нам
в Москве нужны
не хватает
длинноногих*

Маяковский не виноват, что еще юношей стал на сторону тех, кому было плохо. И не виновен в том, что после столь нетерпеливо ожидаемой им революции, мало кому стало лучше. Он нашел в себе мужество громко сказать о том, что

*Подернулась тиной
Советская мешанина.*

И вылезла из-за спины

РСФСР

Мурло

Мещанина.

Персонажи “Клопа” и “Бани” - все эти главначпупсы и присыпкины с их “древним, незапятнанным пролетарским происхождением”, с их “нарождающимися тонким вкусом” к “изячной” жизни, с их эстетическими пристрастиями (“покажите нам красивых живчиков, на красивых ландшафтах и вообще буржуазное разложение”, “сделайте нам красиво”), все эти убийственные сентенции, вроде “когда мы умирали под Перекопом, а некоторые в самом деле умерли”, весь этот убогий, идиотский уровень нового советского менталитета, языка и стиля коммунистических нуворишей вздрызг высмеяны Маяковским. Весь его сарказм обрушен на эти абсурдные приметы новой жизни - от “Площади имени десятилетия советской медицины” до оказавшихся веским аргументом в споре сведений о том, что Маркс был картежником, и даже известен случай, когда он играл на деньги. Если сравнить даже количественно, то обличительных, сатирических красок в палитре Маяковского гораздо больше, чем радужно восторженных тонов. И восторгался-то он больше тем, чего не было, о чем мечталось, чем тем, что видел повседневно. Недаром адресатом его все чаще и чаще служило Будущее. Разочарование в настоящем, крушение идеалов трансформировалось в надежды или иллюзии, спроецированные на Будущее. Эта тема схематично и плакатно заявлена в “Клопе” и “Бане”, лирически оркестрована в “Про это”, набатно гудит в последнем выкрике “Во весь голос”.

Но революционность, бунтарское начало в Маяковском только одна его ипостась, дополненная беспощадным сарказмом, разящей сатирой. Другой ипостасью его дарования, бесспорно гениальной ее частью, является глубоко лирическая стихия, ставящая Маяковского в ряд с величайшими певцами любви в истории поэзии. И, быть может, самой большой трагедией Маяковского являются его собственные упорные усилия, не увенчавшиеся, к счастью, полным успехом, убить в себе лирика, наступить на горло собственной песне. Исходя из ложно, сиюминутно понимаемых задач искусства, он не единожды наступал на горло собственно поэтического естества, но его песня оказалась все же сильней, прочней, могущественней его же тяжелых башмаков.

Ему так и не удалось убить в себе поэта и “пуля-точка” в конце - мрачный исход этого жестокого и бессмысленного поединка с самим собой. Ну как можно было, написав горестные и сокровенные строки:

Я хочу быть понят

моей страной

А не буду понят -

что ж

По родной стране

пройду стороной.

Как проходит косой дождь, -

вычеркнуть их из печатного варианта, да еще с таким самоприговором: “Ноющее делать легко, оно щиплет сердце не выделкой слов, а связанными со стихом параллельными ноющими восклицаниями. Несмотря на всю романсовую чувствительность (публика хватается за платки), я эти красивые, подмоченные дождем перышки вырвал”.

Чего он боялся? Собственных чувств, которых не боялся когда-то так обнаженно выражать в ранних, да и в поздних поэмах “Облако в штанах”, “Флейта-позвоночник”, “Люблю”? Или его сдерживала спартанская строгость “лефовких” эстетических и идеологических принципов, однозначных, прямолинейных. Хотя Марковский всегда излишне болезненно воспринимал упреки в том, что массы его не понимают, он, кажется, больше всего тревожился и опасался, что его “чувствительность” не поймет и не примет узкий и близкий круг “своих”, что они воспримут “ноющие” стихи как измену. Неужели Маяковский всерьез полагал, что вышеприведенные “ноющие” строки для поэзии менее важны, чем рекламы Моссельпрома, которых он не только не стыдился а наоборот, с какой-то чисто мальчишеской задиристостью демонстративно выдавал за самое насущное. Ведь он, поэт и умница, не мог не понимать, что истинный художник всегда шире всех эстетических или политических деклараций, которые он провозглашает или даже сам составляет, что какими бы тотальными, всеобъемлющими ни казались идеологии, идеи, социально-политические позиции, жизнь всегда гораздо шире. Вспомним замечательную мысль того же А.Камю: “Я находился на полпути между нищетой и солнцем, - пишет он о своей алжирской молодости. - Нищета помешала мне уверовать, будто вое благополучно в истории и под солнцем, солнце научило меня, что история - это не все...”.

Это знал и Маяковский, знал, что помимо нищеты, социальной несправедливости, помимо классовых, национальных битв, помимо войн и революций, помимо истории есть еще вечное небо, вечное солнце и в ночи “млечпуть - серебряной Окою”. Недаром в одной из самых идеологизированных поэм он вдруг так неожиданно простодушно восклицает:

*Надо мной небо -
синий шелк
Никогда не было
так хорошо.*

Никогда - не потому, что советская власть и победившая революция, а потому, что человек внезапно почувствовал синий шелк неба. У другого великого поэта нашего столетия Назыма Хикмета есть замечательное стихотворение, близкое к этому по ощущению. Поэта, долгие годы просидевшего в темнице, в воскресный день выводят на прогулку в

В.Маяковский - рисунок Давида Бурного

тюремном дворе и он стоит, пораженный небом, таким далеким, таким безоблачно чистым, голубым. В этот момент ему не хочется думать ни о классовых битвах, ни даже о жене, с которой так долго разлучен. Он счастлив одним приобщением к небу и солнцу.

Это - истинная поэзия, которой никак не наступишь на горло, из каких бы возвышенных идеологических и партийных побуждений ни исходить. Впрочем, разве сам Маяковский меньше нас с вами понимал и переживал эту драму? Да и в самой партийности Маяковского, которую, конечно же, не следует оспаривать ("сто томов партийных книжек"), есть глубоко личный, затаенный момент, связанный с его беспросветным одиночеством. От одиночества, подобного "последнему глазу у идущего к слепым человека", от желания ночью "свой стон спрятать в мягкое, в женское", один шаг до горького признания-самообмана:

***Партия единственное,
что мне не изменит.***

Изменила и она. Ведь Маяковский не заблуждался насчет партмаксимумов, нарождающийся и наглюющей день ото дня номенклатуры со всеми ее потребительскими вожделениями. Бессребреники-рыцари революции очень быстро почувствовали сладкий запах роскоши и всем сердцем привязались к вольготной вельможной жизни. Круг сомкнулся. Кому оставалось верить? Другим? Они предали. Женщинам? С одной из них с самых молодых лет он был связан мучительными, порой двусмысленными, неясными до конца ни для него, ни для нее отношениями. Другая, увлечение последнего периода его жизни, была в Париже. Он грозился взять ее "одну или вдвоем с Парижем", а она вдруг неожиданно выскочила замуж. Третья его любовь уже была замужем и, кажется, не собиралась разводиться ради Маяковского. Что оставалось?

Партия, единственное что не изменит? Или легкий вздох сожаления в конце веселого стихотворения:

***Вот и жизнь пройдет,
как прошли
Азорские острова...***

Хорошо хоть, что он не вымарал и это грустное признание, как строчки про косой дождь.

Будем не то, чтобы снисходительны (он с гневом отверг бы любое снисхождение) к драме Маяковского. Будем почтительны к его трагической памяти. Попытаемся все же не упрекать, не укорять, не изобличать гения, а понять его душевное смятение. Его мектания. Его одиночество. Боль. Юношескую чистосердечность горького признания:

***Я с сердцем ни разу
до мая не дожили,
а в прожитой жизни
лишь сотый апрель есть.***

Маяковский застрелился 14 апреля 1930 года. Это был тридцать седьмой апрель в его жизни. Он так и не дожид до мая.

7 августа 1993 год Газета "Вышка

Как Керем

В 1957 году в своем стихотворении “Последний автобус” Назым Хикмет писал:

*Смотрю я, подняв голову от работы,
Передо мной возникают из прошлого
Какое-то слово, запах, жест,
Слово - по-дружески, запах - родной,
Машущая рукой - моя любимая
Не печалит меня больше приглашение
воспоминаний,
Я не жалобищик на воспоминания*

(Подстрочный перевод)

Этот мудрый покой, которого поэт достиг в 55 лет, наверное, удел не всех. Лично я, хоть и не жалею о воспоминаниях, все же их приглашения меня печалят. И когда я, подняв голову от работы, думаю о прошлом, передо мной возникают другие голоса, незабываемые встречи, беседы, слова. Воспоминания, связанные с Назымом Хикметом - одни из самых дорогих, самых значительных дней, часов моей жизни. Как и в жизни многих других, в мою жизнь Назым Хикмет вошел своими стихами. Он еще был в Турции, сидел в тюрьме, но в нашем доме о нем говорилось как об очень родном, близком человеке. Одной из двух книг, которые я слушал впервые в жизни, наряду с дастаном “Кероглу” была “Песня пьющих солнце”. Я говорю прослушанных, а не прочитанных, потому что обе книги были напечатаны арабским алфавитом. И тогда я не только не знал арабский алфавит, но вообще не умел ни читать, ни писать. Еще не ходил в школу. Эти книги читала мне мама. С тех пор подобно тому, как извечно вошли в мою жизнь строки “Я из Ченлибеля с думой о тебе пришел, мой яблокоглазый, девичекудрый Гырат”, постоянное место в памяти заняли и строки “а Баку - перекачивающее свежую кровь сердце нашей страны, чей думающий мозг - Москва”. Назым говорил “нашей страны”, потому что он Советский Союз, как и Турцию, считал своей родиной. И мы тоже считаем Назыма Хикмета своим поэтом. Напечатанная в 1928 году в Баку “Песня пьющих солнце” была для Назыма Хикмета (у которого вышли сотни произведений на всех языках мира), первой книжкой, первой радостью. Эта книга стала фактом и азербайджан-

Назым Хикмет

Сулейман Рустам и Назым Хикмет

ской литературы, оказала сильное влияние на развитие нашей поэзии. Назым Хикмет был большим турецким поэтом и большим советским поэтом, большим азербайджанским поэтом. Он был связан с нашей страной, с нашей республикой неразрывными нитями. Впервые приехав в Баку в 1927 году, он через тридцать лет снова прошел по тем же дорогам, восхищенно глядел на совершенно изменившуюся жизнь. Возвратился в город своей молодости - "вернулся к морю". С 1957 года до конца своей жизни поэт каждый свой приезд бывал гостем нашего дома. То, что я рассказываю воспоминания о Назыме Хикмете, возможно, покажется несколько странным. Когда я увидел его впервые, мне было 18, лет, а когда Назым умер - 25. естественно, я не мог быть ни другом, ни собеседником великого поэта. Я только начинал печататься. Моих работ он, по всей вероятности, не читал. Но он был дорогим нашей семье человеком, был близким другом моего отца, приезжая в Баку, непременно бывал у нас, и мы, наезжая в Москву, обязательно встречались с ним - ездили к нему в гости домой, на дачу, или сам он вместе с Акпером Бабаевым приходил к нам в гостиницу, в номер. Воспоминания, как кинолента, проходят перед моими глазами. Помню, как Назым впервые пришел к нам в дом, в Баку. Он перенес тяжелую сердечную болезнь, поэтому с трудом поднимался на третий этаж. Между этажами для него ставились стулья. Назым садился, отдыхал и преодолевал следующий марш лестницы. Бюльбюль, который был старше него на пять лет, преодолевал ступеньки с какой-то юношеской лихостью. Мама выразила восхищение бодростью певца. Тогда Бюльбюль по-детски шаловливо снова сбежал по лестнице и так же резво поднялся еще раз. В тот день кроме Назыма и Бюльбюля у нас были Михаил Рафили, Сабит Рахман, Джафар Джафаров, Акпер Бабаев. Никого из них не осталось. Нет и Расула Рзы, и Нигяр Рафибейли. Эти воспоминания, наверное, должны были писать они, а не я. В тот вечер Бюльбюль пел теснифы "Сейгях". Назым Хикмет, как и все собравшиеся, был восхищен, он говорил, что в Азербайджане, Турции, вообще на Востоке многие певцы во время пения так произносят слова, что нельзя разобрать ни одного выражения. Одним из достоинств Бюльбюля Назым считал то, что он каждое слово четко доносил до слушателя. И Назым повторял только что пропетую Бюльбюлем баяты: "Польюсь, как дождь, заколыхаюсь, как камыш, парню девушка подходит, как кинжалу - серебро", "Как это красиво", - говорил он. Двоих из собравшихся - Михаила Рафили и Сулеймана Рустама Назым знал по своему первому приезду в Баку - с 1927 года. Вместе с ними он вспоминал людей того времени.

Однажды мой отец повел Назыма Хикмета на могилу Джафара Джаббарлы. После посещения могилы Джафара Джаббарлы Сона-ханум пригласила всех к себе домой. Помню, в доме Джафара Джаббарлы, Акпер Бабаев читал Назыму отрывки из “Айдына”. Кто-то сказал, что “Айдын” похож на “Чудака”. Назым тотчас поправил: не “Айдын” на “Чудака”, а “Чудак” может быть похож на “Айдына”.

Конечно, “Айдын” написан намного раньше “Чудака”. Назым, создавая “Чудака”, несомненно, не был знаком с “Айдыном”. То, что произведения двух больших художников в чем-то перекликаются друг с другом, не удивительно. Но поправка Назыма была проявлением чуткости, благородства, скромности, присущих характеру этого большого поэта, большого человека. Назым Хикмет проявлял живой интерес к азербайджанской литературе. Стихотворение Физули, начинавшееся строкой “Менем ки, гафиле салари карвани гемем”, звучало как-то по-особому в его устах. Ему очень нравились строки Ашыга Алескера “Чершенбе гюненте чешме башында гезюм бир алагез ханыма дюшдю”, а выражение “атды мюжгян охун” - категорически не принимал. Стихотворение Сабира “Где вижу мусульманина, пугаюсь” не сходило с его уст. Он внимательно следил за современной азербайджанской литературой, и что, и кого он одобрял в этой литературе, хорошо известно из статей, написанных и опубликованных им самим. У поэта была одна задумка, связанная с азербайджанской литературой, она почему-то не осуществилась. Помню, он рассказывал об этом замысле моему отцу и Энверу Мамедханлы. Назым хотел переработать повесть М.Ф.Ахундова “Обманутые звезды” в пьесу, хотел осовременить сюжет (как осовременил “Тартюф” Мольера). Одна мысль в “Обманутых звездах” - жалоба людей на Юсифа Седельника: “Ну что это за падишах, никого не вешает, не казнит?” - казалась Назыму в высшей степени актуальной и современной. Когда поэт в последний раз был у нас дома, в Баку, он уже более уверенно поднимался по лестнице. Зажили раны перенесенного инфаркта, и к тому же в отличие от докторов, в свое время ре-

Назим Хикмет у могилы Джафара Джаббарлы вместе с азербайджанскими писателями

комендовавших ему не летать на самолетах, вести неподвижный образ жизни, другой врач, напротив, посоветовал летать на самолетах, побольше двигаться, одним словом, жить вполне активно. Назым как будто помолодел, посвежел. Этот человек всегда излучавший сияние, будто засветился еще сильнее. Возможно, причиной тому была последняя любовь Назыма - "Солома волос - последняя любовь, последняя боль неугомонного, большого человека". Он пришел к нам со своей супругой Верой Туляковой. Бодрость, радостный душевный настрой Назыма сразу бросались в глаза. Когда ему об этом говорили, Назым же по-русски, чтобы поняла и Вера, с присущим ему мягким акцентом, отвечал: "Я как луна, это она - солнце, я отражаю ее свет". Любовь заставила Назыма говорить языком ветхих поэтических метафор, над которым он всегда смеялся. По настроению Назыма Хикмета нельзя было догадаться, что у этой любви есть и второе лицо - мучительная, трагическая сторона. Это точно выразил сам поэт: самая страшная ревность - это ревность к будущим дням, которые твоя возлюбленная проживет после тебя.

Немногим больше 60-ти лет прожил Назым. Четвертую часть этого, отпущенного ему срока, целых пятнадцать лет он провел в тюрьмах. В годы, когда сам был на свободе, под запретом была его поэзия. И на свободе ему угрожали - "законным" смертным приговором или "случайной гибелью" - в автомобильной катастрофе, от ножа убийцы, нападения пьяницы. В чем его только не обвиняли, какую только клевету на него не возводили продажные буржуазные журналисты, невежественное литературное отребье, завистливые "поэтишки". Самые "мягкие" из этих обвинений были литературные упреки - отрицает классиков, ломает национальные стихотворные размеры, кому-то подражает. Не могли осознать, что поэт уровня Назыма не может повторять классиков - он сам классик. Не могли понять, что размер, привнесенный в национальную литературу поэтом масштаба Назыма, уже становится родным для этой литературы. Не соображали, что поэт Назымовской величины не может никому подражать и сам неподражаем. Возможно и понимали, но делали вид, что не понимают.

Знакомясь с написанным в турецкой литературе за шестьдесят лет о Назыме Хикмете, встречаешься с полярно противоположными мнениями. Можно встретить любые оценки, от высказывания "самый великий из поэтов", появившихся когда-либо в Турции, - это Назым Хикмет" (Нурулла Атадж) до самых омерзительных, уличных ругательств и оскорблений. Но и среди этой неразберихи мнений, оценок вырисовывается определенный вывод: писатели, имеющие определенное место и значение в литературной жизни, вне зависимости от их убеждений, идеологии, эстетических вкусов, по крайней мере знают масштабы Назыма. Те же, кто выступал с самыми бесстыдными, бессовестными, несправедливыми нападка на Назыма - просто мелкие бумагомаратели. Если их имена и застрянут в каком-нибудь уголке истории литературы, то именно из-за Назыма. Будут упоминаться с проклятиями за то, что бросали грязь в великого поэта.

Его талант был оценен с самых юных лет, как только Назым вошел в литературный мир. Еще в 1930 году Садри Эртем писал: "Есть новый голос: голос Назыма... Назым - поэт, и поэт новый по технике, вкусу, нутру. Назым - выражение новизны. Его строки не знают других правил, кроме свободы духа и голоса... Строки Назыма дышат".

Другой видный представитель турецкой прозы Сабахаддин Али в своем письме, poslanном Хикмету в 1941 году, признается: "Назым, я горжусь не только тем, что являюсь

твоим другом, но и тем, что живу в одно время с тобой”.

Даже в тюрьме Назым не прекращал ни активной общественной деятельности, ни кипучего творчества. В заключении он очень активно занимался и просветительской работой, своеобразной педагогической деятельностью. В том, что сидевшие в разное время, в различных тюрьмах вместе с Назымом Ибрагим Балабан стал художником, а Орхан Кямал - писателем, заслуга Хикмета, поэт угадал природный талант обоих, нацелил этот талант, верно направил их дарование.

Орхан Кямал уже после того, как прославился, в стихотворении, посвященном Назыму, писал:

*Ты мой голубоглазый друг,
не в силах я забыть тебя...
У тебя я учился любить наш мир и людей,
Писать стихи, рассказы
И драться, как мужчина, у тебя учился*

Расул Рза, Назым Хикмет и Сулейман Рустам

Один из продолжателей Назыма, Орхан Вели, скончавшийся, к сожалению, очень молодым, так говорит о большом мастере: “Сегодня у нас есть всего один поэт, известный в Европе: Назым Хикмет. И он известен не благодаря нам. Мы говорим: ах, как бы никто не заметил, не узнал его, но бесполезно: уже заметили, узнали”.

Любовь и уважение к большому мастеру прогрессивных турецких писателей и поэтов Азиза Несина, Яшара Кямала. Фазила Хюсню Дагларджи, Мелика Джовдета Андая, Халдуна Танере, Октая Акбала и других естественны.

Но Назым Хикмета признавали и те видные писатели, которые были далеки от него по идейным убеждениям, эстетическим позициям.

Назым Хикмет “украсил турецкий язык” (Зия Гекалп), “написал стихи, которые могут считаться шедеврами с точки зрения оригинальности, вдохновения и мощи” (Халида Эдиб Адывар), “после Назыма ни один поэт нового поколения не может достичь такой славы” (Якуб Гадри Гараосманоглу). Классик турецкой литературы Абдулла Гамид говорит: “Назым Хикмет-бек не сможет безошибочно прочесть даже одну мою страничку, не поймет меня. А не понимая, как может критиковать? Но я справедливый человек... Назым Хикмет, в его собственном жанре, мне нравится. Талант у него есть...”

Все это цитаты я привожу из вышедшей в 1967 году в Стамбуле книги “Назым Хикмет в турецкой печати”.

Перелистывать эту книгу, вобравшую в себя разнообразные статьи о Назыме Хикмете в турецкой печати, весьма поучительно с точки зрения понимания трудной судьбы поэта, его многострадального творческого пути. Чтобы лучше представить драматическую жизнь Назыма, прошедшую в борьбе, почувствовать и осознать, что ему пришлось вынести и с кем сталкиваться на протяжении долгих лет, в высшей степени важно, интересно, ознакомиться с этими высказываниями.

Некто (мне не хочется даже называть имена этих невежд в статье о Назыме) так выражает свою мысль: “Сказать мне, что я могу полюбить или одобрить поэта-футуриста, или буду приветствовать стих Назыма Хикмета, все равно, что убить меня”.

“Назым Хикмет - поэт, но не большой поэт. Родился на этой земле, но не турок. Пишет грустные стихи, но не искренен. Представляется патриотом, но не любит свою родину”.

“Назым не прославляет, а чернит эту нацию, этот народ, эту родину, эту историю. Причем это не просто пятно, а жирное пятно”.

“Хотя он противопоставляется всей турецкой литературе, он лишь средний поэт”.

“Назым может быть чем угодно, но турком быть не может... Предположение, будто он обогатил турецкий язык и культуру, абсолютно вздорно”.

Чего хотели авторы этих статей, порожденных бессильной злобой мелкой мучительной завистью? Больше всего их бесило то, что Назым был коммунистом. Именно поэтому тогдашний премьер-министр Турции Сулейман Демирел, пытаясь оторвать поэта от турецкой литературы, заявлял с трибуны меджлиса: “Назым Хикмет, завещавший своего сына коммунистической партии Турции, не может считаться поэтом родины”.

Реакционные политические убеждения порождали и консервативные художественные воззрения. Отвергая мировоззрение, политические идеалы, они пытались принизить и художественное значение его поэзии.

“Интересно, какое значение в искусстве имеет этот поэт товарищ Назым Хикметов? (ясно, что слова “товарищ” и “Хикметов” сказаны с иронией. - А.)? Неужели действительно поэтичность этого Санчо Пансо, объявленного некоторыми бездельниками самым великим поэтом века, стоит на все сто процентов. А по-моему не сто, а нуль. Стих должен иметь размер и рифму. Иначе это именуется прозой”.

Итак, еще одна вина Назыма - несоблюдение размера и рифмы.

Назым с очень юных лет привык к таким нападкам и не оставлял их без ответа. Причем, за словом в карман не лез. В ответ на слова одного турецкого генерала: Назым, если бы у меня в руках была прежняя власть, я велел бы тебя повесить, а потом под виселицей рыдал бы, он сказал: Паша, а если бы у меня в руках была власть, я бы велел тебя повесить, но плакать бы не стал.

Отвечая на нападки, Назым объяснял свои взгляды на искусство: “Поэзию от прозы, рассказа, романа, театра, и прочего отличает не то, что они имеют размер и рифму. Есть такие писания в размере хеджа, с рифмой, которые не имеют ничего общего с поэзией. Стихотворение, роман, рассказ и другие жанры литературы отличаются друг от друга больше содержанием чем формой”.

Через тридцать лет после этих слов, написанных в 1929 году, Назым во время спора с одним греческим поэтом, в ответ на его высказывание: “стихотворение без рифмы похоже на лысую женщину”, сказал: “а стихотворение, зарифмованное там, где надо и не надо, похоже на женщину с заросшим волосами лицом” (этот диалог мне в свое время пересказал Акпер Бабаев).

Хулители Назыма были так темны и невежественны, что не стоило вступать с ними в творческие споры. Чтобы продемонстрировать невежество одного из них, достаточно единственного примера. В одном стихотворении Назым уподобляет туркменского лодочника статуе Будды. Осмеивающий эту “крупную ошибку”, поэта критик поучает его: “Читать надо, товарищ! Буддийская религия никогда не получала распространения в Туркменистане”.

Другой приводит в качестве примера самые прекрасные строки Назыма:

*Жить - как дерево одиноко и свободно,
и по-братски, как лес. -*

И после этого долго и нудно разводит “научные” рассуждения по поводу свойств деревьев и леса. “Большой поэт - это поэт, умеющий прекрасно пользоваться языком. Что внес в наш язык Назым Хикмет? Ничего. Напротив, внес выражения, не имеющие сути, корня... Увлечшись свободным стихом и обращаясь к новым темам, он совершил разрушительное действие. Свободная поэзия не нова для турецкой литературы, темы Назыма - переработка с копии”.

Наряду с обвинениями в отрицании Намика Кямала и других классиков, нарушения турецкой поэзии своим свободным стихом, рифмой, поэта винят и в подражательстве. Кому же по мнению недоброжелателей, подражал Назым? Конечно Маяковскому. Отвечая на вопрос о влиянии Маяковского, Назым говорит: “Первый образец моего “безразмерного” стиха, которым я стал писать, оставив размер хеджа, - “Зрочки голодных”. Когда писал его, я еще не понимал по-русски и не слыхал даже имени Маяковского... Те, кто сегодня обвиняет меня в подражании Маяковскому, в сущности не читали Маяковского и не знают его творчество” (1937).

Несмотря на этот ответ, из года в год, из работы в работу, из статьи в статью, снова и снова повторяются обвинения в подражательстве, эпигонстве.

“Назым Хикмет подражал известным красным поэтам Маяковскому и Есенину. В чем его литературная ценность?” Автор этих слов, как видно, кроме Маяковского, слыхал и фамилию Есенина. Только фамилию слышал, ибо если бы был знаком с его поэзией, убедился бы, что Назым Хикмет и Сергей Есенин - совершенно разные поэты.

“Назым Хикмет - не большой турецкий поэт, даже не большой поэт. Подражание Маяковскому и Багрицкому не может сделать кого-либо большим поэтом”. Человек, написавший эти слова в 1967 году, слыхал, оказывается, имя еще одного советского поэта - Багрицкого (в свое время Багрицкий перевел стихотворение Назыма на русский язык).

Те самые писаки, которые считали Назыма подражателем, обвиняли его в том, что он внес в турецкую литературу “не голос Анатолии, а дыхание русских степей”, которые считали себя турецкими патриотами, националистами, пресмыкались перед французскими бульварными писателями, заклеянным Назымом Пьером Лоти:

*Со словами “враг турок”
не обращай к Пьеру Лоти.
Если говорить откровенно,
Он во много раз больше тебя любит нас,
Он во много раз нам ближе тебя.*

Вот они, национальные герои. Вот их национальная гордость. Характерно, что и художественный уровень стихов, написанных в форме пасквилей на Назыма, весьма низок. Это предельно примитивная рифмованная болтовня. Но характерен также и другой факт. В свое время один из таких пасквилей на Назыма написал Абдулбагы Гелпинарлы, прославившийся впоследствии как серьезный ученый. Он обвинял Назыма в отрицании традиций турецкой литературы, в нигилистском отношении к классикам. А через несколько лет А.Гелпинары высказывает о Назыме совершенно иное мнение: “Кто может отрицать, что он дал нам услышать новый, абсолютно новый, не слышанный нами до сих пор голос. Кто может отрицать, что в нем мы открыли мир и нашу страну. Он напомнил нам о нашем забытом прошлом, он создал поэзию сегодняшнего дня... Кто из молодых поэтов, связанных с жизнью и действительностью, не читал его, кто им не восхищался, и признаемся, кто из них мог к нему приблизиться. Его голос на протяжении веков будет наполняться в души. Его голос переживет эпохи и накроет людей как океан”.

Самое удивительное - это отношение к Назыму Хикмету популярного поэта того времени, “путешествующего в глазах красавиц” Орхан Сейфи Орхана. Это отношение в течение разных лет, а порой в течение одного года многократно коренным образом менялось. Приведем примеры из написанного Орханом Сейфи в разное время и в разных газетах, журналах:

1932. “Назым Хикмет... заслуживающий внимания поэт”...

1937. “Ни вкус, ни мышление, ни идеал Назыма не похож на наши... Не имея прочной культуры, он оборвал, отбросил все связи, считающиеся для нас священными как в искусстве, так и в жизни... Не придавая значения ни одной из принятых нами художественных и общественных ценностей, он даже жизнь свою не сообразовал с устоями нашей жизни. Его возбужденность и странность, считающиеся сначала фантазиями, постепенно стали принимать серьезную и опасную форму.

Для Назыма коммунизм - некая религия. Однажды приняв эту веру, необходимо без всяких оговорок до самой смерти слепо ей следовать.

С тех пор, как Назым Хикмет отказался от размеров и известных поэтических форм, в его произведениях бросается в глаза какая-то беспорядочность. Разве не необходимо искусству находиться в каких-то рамках? Как может существовать искусство, не подчиняясь никаким меркам?”

1963. “В душе Назыма Хикмета навсегда осталась тоска по родине... Одно из его написанных в тюрьме стихотворений показывает, что внутри коммуниста Назыма Хикмета живет и сын отчизны, поэт Назым Хикмет:

*Сегодня воскресенье.
Меня впервые вывели на солнце.*

*Впервые в жизни удивившись
тому, что небо от меня так далеко,
такое голубое,
такое просторное,
я стоял, не шевелясь.
Я в этот момент - ни в волны броситься,
ни свобода, ни жена...
Я счастлив
вместе с землей и солнцем.*

1967. Что значит поэт отчизны? Самый простой смысл -это поэт* больше всего любящий свою турецкую родину. Назым прежде всего был коммунистом-пропагандистом. Своими стихами хотел распространять коммунизм. Большинство их - не стихи, а расклеенные на стенах коммунистические афиши... В свободных режимах подобных поэтов называют не “поэт родины”, а “изменник Родины”.

1967. “Назым - большой поэт, намного выше наших критериев, поэт на мировом уровне. Это неверно, что он разрушил и отбросил старую поэтическую технику. Он сумел по-новому, очень выразительно использовать эту технику. Вы тотчас уловите, что среди произведений Назыма нет ничего искусственного и чуждого. Стихи Назыма соответствуют нашему разговору, нашим понятиям, вкусу, также как народная поэзия. Сегодняшняя новая поэзия ограничивается отбрасыванием старого. На его место ничего не ставит. Ни один из нынешних поэтов не может сравниться с Назымом.

Афишные стихи плохи в любом виде. Мы должны принимать Назыма Хикмета как большого турецкого поэта, какими бы ни были его взгляды и мысли. Мы не властны исключить его из наших учебников по литературе”.

Трудно поверить, что эти прямо противоположные суждения принадлежат одному и тому же человеку, причем два последних высказывания в одном и том же году. Но это так, именно поэтому у Орхана Сейфи никак не уместается в голове, как же может Назым всю жизнь сохранять верность своим убеждениям. Этим “смена мнений” Орхана Сейфи не исчерпывается. В том же 1967 году в третьей своей статье, посвященной Назыму, опубликованной в газете “Сон хавадис”, он снова совершает сальто-мортале: “Газета “Ахшам” считает, что нас так легко обмануть, представляя Назыма как самого крупного турецкого поэта-патриота. Назым, оказывается, возвысил Турцию. Не злитесь и не смейтесь! Назым Хикмет, оказывается, самый большой поэт родины! У бедного Назыма, захороненного в одной из официальных усыпальниц в Москве, и притязаний таких не было. Увы, он боролся против национализма. Пытался разрушить наши национальные ценности”.

Долгие годы в такой вот литературной и общественной среде жил Назым. Предъявляемые Назыму обвинения в другие эпохи, в других странах, в других условиях предъявлялись и другим художникам, не похожим на Назыма. Насколько непохожи друг на друга большие художники, настолько же сходны между собой их недоброжелатели, враги. Своей злобой и яростью, невежеством, завистливостью... Уровнем мышления, способами выражения, даже особенностями стиля.

Основное направление нападок на Назыма было связано с попытками оторвать поэта от турецкого народа, его духа, традиций, представить как безродного “сына человечества”, нигилистически относящегося к национальным ценностям, космополита, “нашего первого поэта Назыма Хикмета, старающегося передать аромат этой земли, людей” (Октай Акбал) один “деревенский писатель” представляет следующим образом: “Подражатель Маяковского, Назым Паша заде сын Хикмет-бека очень далек от духа этого народа. Он не обошел этот край (пятнадцать лет просидевший в тюрьмах, как он мог обойти этот край? - А.), не увидел, не почувствовал свою землю”. Эта “теория”, являющаяся типичным образцом “деревенской демагогии”, продолжается таким образом: - Если бы он, как мы, жил подобно медведям, спал под одной крышей вместе с быком, питался испеченными в тендыре черным хлебом, на равнине Сакаръя сражался плечом к плечу с солдатами, тогда бы он мог нас понять. И тогда понял бы, что горе этой земли не имеет ничего общего с грохотом его прибауток. В стихах Назыма Хикмета нет того, что именуется местным колоритом. А это главный признак, определяющий фальшивость и ничтожность произведения искусства. В этих воплях, не являющихся продуктом конкретного общества и конкретной земли, излишне искать сильную мысль или философию”.

Не довольствовались отлучением Назыма от турецкого народа. Завидовали его славе и потому отрицали даже саму эту славу: “Назым Хикмет не является крупнейшим поэтом мира. Назым Хикмет далек от того, чтобы стать большим поэтом, известным во всем мире. Стать крупным поэтом мира - не такое уж легкое дело...”

Не выдержавший всех этих нелепостей, Азиз Несин спрашивает: “Мир что безумен? Заявляют, что самая сильная сторона Назыма - его поэзия - незначительна. Сказать подобное суждение - все равно, что считать весь мир безумным. Придерживающиеся этого взгляда должны подумать о том, что произведения Назыма переведены на 60 языков, многократно издавались в разных странах и с течением времени все более распространяются, им стоило бы подумать о причинах этого.

* * *

Впечатляет эпизод, связанный с Назымом Хикметом и Азизом Несином. С тех пор, как Назым уехал из Турции, Азиз Несин его больше не видел, не слышал его голоса. В 1966 году Азиз Несин приезжает в Советский Союз (в том числе участвует и выступает на юбилее Мирзы Джалила в Баку). В Москве он посетил могилу Назыма, побывал в квартире поэта. Азизу подарили кассету, где незадолго до смерти был записан голос Назыма. Там он не нашел возможности ее прослушать. Когда же вернулся в Турцию, его тотчас схватили, увели в полицию, обыскали чемоданы, нашли кассету, включили. Азиз Несин слушает этот родной, годами не слышанный голос, с глубоким чувством читающий прекрасные стихи, в полицейском участке, среди уставившихся на него вражескими глазами офицеров службы безопасности. Глаза Азиза застилают слезы, он курит сигарету за сигаретой. Офицеры, глядя на него, смеются - если бы они были способны ощутить силу воздействия поэзии Назыма, зачем бы им работать в полиции?.. Они смеются над Азизом Несином. Над Азизом Несином, который своими произведениями смешит всю Турцию. Но на этот раз Азиз Несин не смеялся, не смешил, он плакал. Плакал

по великому изгнаннику Назыму, плакал по себе, плакал по горькой судьбе народа, чьи самые достойные сыны от Намика Кямала до Йылмаза Гюнея гниют в тюрьмах, ссылках, эмиграции.

* * *

Те, кто хочет все урвать у сегодняшнего дня, здорово страшатся будущего. Но Будущее - неизбежно, его приход не сможет сдержать ни одна сила. Порой истины, которые мы полагаем велениями далекого будущего, подтверждаются на глазах одного поколения. Обращаясь к своим преследователям - от тогдашнего премьер-министра Турции до холуйствующего редактора бульварной газеты, Назым говорил: "Пока живет мой народ, мой язык, будет жить и мое имя, а кто вспомнит вас?". Эти слова подтвердились в течение жизни всего лишь одного поколения. Кто теперь помнит имена преследователей Назыма, тех, кто запугивал поэта - будь это премьер-министр или его литературные панегиристы. А Назым живет и будет жить, пока стоит мир. Он - на одной из самых высоких вершин поэзии нашего века. Иногда спорят - первый ли поэт Назым XX столетия, второй или третий? Нумеровать поэтов - бессмысленное занятие. Каждый большой поэт занимает только ему предназначенное место, и в этом мире у него нет никакого конкурента, соперника.

...В 1973 году я был в Стамбуле. Этот город с многотысячелетней историей был для меня более всего связан с именем, творчеством Назыма Хикмета. Я видел Богазичи (пролив), который Назым "пересек, превратившись в волну", пристань Гадыгей, в которую он "бился, став волной", бродил по площади Баязит, где упал турецкий юноша, "на груди которого распустилась гвоздикой пулевая рана", гулял по улице Истиглал, по мосту Галатарасай, по современным кварталам, старым рынкам, широким проспектам, узким тупикам.

Не увидел ни улицы Назыма Хикмета, ни площади Назыма Хикмета. Ни памятник ему не поставлен в Стамбуле, ни музей его не открыт. Ни одна школа, ни одна библиотека, ни один парк, театр, не названы именем поэта. Издалека доносится корабельный свисток. По Богазичи проходит корабль. Корабль "Назым Хикмет". Советский корабль.

Мне вспоминаются строки Назыма:

*Поэта поместили в рай,
"Ах, где родина моя", - сказал он.*

И еще вспоминаются другие строки - стихотворение "Как Керем":

*Ведь если ты гореть не будешь,
и если я гореть не буду,
и если мы гореть не будем,
так кто ж тогда рассеет мрак?*

Перевод с азербайджанского

Поэт столетия

Назым Хикмет

Назым Хикмет - один из величайших поэтов тюркского мира и мировой литературы двадцатого века. Пусть всяк говорит, что угодно, но это неоспоримая истина, не нуждающаяся в доказательстве. Решение ЮНЕСКО - международной организации, объявившей год 2002-й, год столетия поэта, Годом Назыма Хикмета, - еще одно подтверждение этой истины.

Назым Хикмет - художник-новатор, оказавший беспрецедентное влияние на движение азербайджанской поэзии, на поэзию других тюркских и восточных народов, проложивший новые пути в поэтическом искусстве, классик своего века и всех минувших и грядущих столетий, которому суждено жить вечно.

Назым Хикмет, в тридцатые годы принявший фамилию Ран, родился в 1902-м году в Салониках, входивших тогда в состав Османской империи. Скончался и обрел последний приют в Москве, - на шестьдесят первом году жизни.

Кое-какие недоброжелатели поэта, у которых кишка тонка устоять перед мощной, как сель, стихией стиха Назыма, теперь копошатся в его биографии, пытаются выискать в ней “червоточинку”. Одна из таких невежественных претензий относится к его родословной. Злопыхатели усматривают “компромат” в том, что один из прадедов поэта был польского происхождения, другой - гагаузом. Убожество и смехотворность такого “уличения” очевидны. Во-первых, гагаузы “голубые огузы” - один из древнейших тюркских этносов. Что касается прадеда-поляка, то этот достопамятный человек принял ислам и участвовал в боях за Турцию. Знают ли те, кто пытается на таком “основании” отторгнуть Назыма от плоти турецкого народа, что и в жилах Пушкина текла кровь его африканских предков, но никому и в голову не приходит сумасбродная мысль на этом основании не считать Пушкина русским поэтом. Точно так же, как и Лермонтова, в чьих жилах текла и шотландская кровь. И ни один здравомыслящий человек не вздумает отторгать гениального средневекового поэта Ли Бо от китайской литературы под предлогом того, что у него в жилах текла тюркская кровь. Если следовать этому расистскому принципу, то придется отказать чуть ли не большинству султанов Османской Турции в турецком происхождении. Ибо у многих султанов

женами и, следовательно, матерями будущих престолонаследников были сербки, болгарки и даже армянки.

И пусть охочие до таких бессмысленных упражнений подсчитывают, сколько процентов турецкой крови приходилось на каждого новоявленного султана, по мере того, как предки-метисы разбавляли ее, в очередной раз сочетаясь браком с иностранками. Тут им могут подсобить нацистские идеологи-расисты вроде Геббельса и Розенберга. Зная, что мои предки до седьмого колена были тюрками и никаких других кровей за мной не числится, тем не менее, не колеблясь, сообщаю, что питаю презрение к расизму любого пошиба.

Другая претензия к Назыму - его приверженность к идеологии, которую он смолоду считал истинной и верной - коммунистической идеологии. Прежде чем судить об истинности или ошибочности этой идеологии, не будем забывать о том, что Назым Хикмет за верность своим убеждениям поплатился самой прекрасной порой своей жизни - пятнадцатью годами, проведенными в турецких застенках, а после выхода на свободу подвергся угрозе смертной расправой. Конечно, Назым очень легко мог бы, отрекшись от своих убеждений, занять место в высших слоях общества, стать и министром, и депутатом, или же, по меньшей мере, как человек огромного таланта, преспокойно жить и творить, как лояльный поэт и драматург. Но Назым по велению своей совести избрал иную, тернистую стезю, и на этом поприще пережил величайшую трагедию - и свою личную, и многих людей левых убеждений, и, вообще, трагедию XX столетия.

Назым Хикмет действительно прожил многострадальную жизнь, но он же был вправе говорить: "...благодарен чрезвычайно я появлению на свет". Ибо он явился в мир, отмеченный одним из славнейших призваний - художника, он родился Поэтом. И мне кажется, Назым не мог быть ни кем иным на свете, кроме как поэтом.

По-моему, Назыма нельзя считать профессиональным политиком или даже профессиональным революционером. Он был бунтарем не по профессии, а по природе, по характеру, по духу своему, И так как он был Поэтом до мозга костей, первым же его бунтом стал бунт литературный - против окостеневших литературных понятий, обронзовевших литературных бонз, догматизированных литературных вкусов - долой литературных идолов! Долой стереотипы!

Иные представители новой литературной смены, берущие примером для подражания линию поведения поэтов-бунтарей в предвкушении позднего признания и грядущей славы, видят лишь поверхностную сторону вопроса, сводя все к фронде - не принимать предшественников, хулить, отрицать, ниспровергать кумиров... Они забывают о том, что истинно большой художник не довольствуется только лишь ниспровержением отживших идолов, он возводит и создает Новое, более долговечное, более возвышенное. Те, кто не способен создать что-либо путное, не умеют даже и разрушать с толком.

Если бы неприятие Назымом Хикметом старой литературы, ее духа и формы, протест против содержания и покроя архаичного стиха не опирались на воплощенные им самим новое содержание и новую форму, если бы он не внес новаторский дух в поэзию, - то не смог бы открыть новую страницу в своем искусстве.

Второй бунт Назыма - бунт национальной гордости. Впечатление юных лет - лицемерие родного Стамбула, ставшего пленником "сорока разбойников" - под англо-француз-

ско-греческой оккупацией - посеяло в его душе такие семена возмездия и гнева на западный империализм, что до скончания дней пламень этой борьбы не угасал в его сердце. И в свете этого огня он написал стихи, воспевающие национальное воинство, создал совершеннейшее художественное творение во славу Освободительной войны Мустафы Кемаля, и сам устремился из Стамбула в Анкару, к Великому Гази - вождю, чтобы быть возле него, чтобы сражаться в его строю. У Назыма Хикмета нет стихов, воспевающих конкретно Ататюрка, но, по-моему, никто из поэтов не был столь близок, как Назым Хикмет, к идеалам и целям Ататюрка.

То, что выпало свершить Ататюрку в истории, в обществе - модернизировать Турцию, открыть ее миру и открыть мир Турции, сокрушить пропавший средневековым косный уклад и построить новый, - подобную же миссию Назым Хикмет выполнил в поэзии, в искусстве. И сегодня поэты, не приемлющие Назыма Хикмета по тем или иным причинам, создают стихи в свободной просодии в новых поэтических метрах, новых литературных формах, именно им привиты турецкой поэзии. Разве это само по себе не является творческим триумфом поэта?

Дороги, исхоженные Назымом Хикметом от Стамбула до Анкары, от Анкары до восточного приграничья Турции, села и становья, люди, с которыми он сходил на путях-перепутьях, открыли ему Анатолию, жизнь турецкого крестьянина, горькие и горестные человеческие картины своего отечества. Впоследствии эти картины умножились сценами и персонажами тюремной жизни. Назым, возвращенный в довольстве и достатке внук паши, столкнулся с бедностью, нищетой, голодом, невежеством, социальным неравенством и несправедливостью, контрастом богатых - бедных, и все это выковало, выпестовало в поэте нового бунтаря. И впредь его борьба против империализма стала не только борьбой за национальную свободу и независимость, но и борьбой за равноправие людей, за достойную жизнь униженных и оскорбленных. Он сам не однажды подчеркивал, что с социалистическими идеями до московского коммунистического образования его связали анатолийские впечатления,

С этими чувствами, с этой убежденностью, переправившись через Батум, он устремился в Москву, полный решимости во имя этих своих идеалов вынести все лишения и даже, если потребуется, пойти на смерть. В те времена молодому поэту казалось, что держава, с которой он связал свои надежды, нашла решение всех тревоживших его вопросов или являет пример строя, который нащупывает их решение. В этом смысле Назым Хикмет разделил заблуждения массы людей левых убеждений, которые, видя несправедливость, классовое неравенство, роскошь богатых и убогое прозябание бедных в своих капиталистических царствах-государствах, воспринимали СССР как альтернативу такого общества.

Тогда как Советы, может быть, только лишь декларированной целью, заглубленной в пору своего же установления, более или менее отвечали этим идеальным чаяньям левых сил в мире.

Эта страна по своей политической и общественной биографии, и по длившемуся тридцать лет сталинскому режиму, никак не могла считаться альтернативой мира гнета и кабалы. Напротив, быть может, она была более страшной, коварной и жестокой разновидностью несправедливых обществ и формаций. Трагедию "левых" интеллектуалов

мира, хотя и запоздало, но осознавших (а подчас и доныне не сумевших или не желающих осознать) эту истину, - трагедию разбитых иллюзий, - пережил и Назым Хикмет.

Назым Хикмет, в двадцатые годы причащавшийся к марксистскому Образованию в Москве, всем сердцем уверовал в коммунистическую идеологию, и творчество его, в основном, развивалось в революционном духе.

Вернувшийся на родину в 1924 году, Назым Хикмет сразу попадает под арест; через некоторое время выходит на свободу, сотрудничает в газетах, журналах, студиях. В 1938 году вновь арестовывается по сфабрикованному обвинению и приговаривается к двадцати восьми годам тюремного заключения.

Прибытие Н.Хикмета в Москву. Среди встречающих Мамед Рагим, Константин Симонов

В 1950-м году по закону о всеобщей амнистии его отпускают на волю; уверившись в готовящемся покушении на свою жизнь, поэт эмигрирует из Турции и добирается до Москвы. И вскоре осознает: Советский Союз, которым он был очарован и восхищен в молодости и вспоминал с добрыми чувствами, превратился в страну, разительно отличающуюся от той, за идеалы которой он просидел пятнадцать лет за решеткой. Разочарование было глубоким. От кипучей творческой атмосферы двадцатых годов ничего не осталось, - ни “маяковского” духа в поэзии, ни мейерхольдовского, таировского новаторства в театре, ни эйзенштейновского дерзания в киноискусстве. Маяковский давно свел счеты с жизнью. Мейерхольд после несметных пыток был расстрелян... Эйзенштейн, после безжалостных критических анафем был отлучен от кинотворчества... А позже дотянулись и до Камерного театра - закрыли. Малочисленные турецкие коммунисты, жившие в СССР, - кроме одного - были расстреляны или сосланы в Сибирь. Как и миллионы других людей.

Вскоре Назым Хикмет узнал и о трагической участи Гусейна Джавида, Ахмеда Джавада, Михаила Мушфика, тысяч азербайджанских интеллигентов.

Какую же линию поведения должен был избрать Назым Хикмет перед открывшейся горькой и страшной правдой? Покаяться; “Нет, я ошибался, посвятив жизнь иллюзорным идеалам...” - и вернуться с повинной головой в Турцию, на милость алчущих его крови врагов?.. Во-первых, это было невозможно, ибо ни советская система не выпустила бы его из своих железных “объятий”, ни турецкий режим не распахнул бы перед ним двери. Во-вторых, - ведь Назыма Хикмета потрясло искажение, опошление и фальсификация его идеалов юности в Стране Советов, но он не потерял веры в их справедливость, истинность. Или не хотел потерять.

Недруги Назыма Хикмета брюзжат, мол, якобы он изменил родине. Но Назым Хикмет бежал не от Турции, не от турецкого народа, а от режима, гноившего его в застенках, расставлявшего ему смертельный капкан. Разве какой-либо режим, политический строй, власть и родина - равнозначные понятия? Разве такие патриоты, как Зия-паша, Намик Кемаль, эмигрировавшие из Османской империи, спасаясь от султанской тирании, - изменники Родины? Разве отрекались от Азербайджана Алибек Гусейнзаде, Ахмедбек Алиоглу, вырвавшиеся из колониального удушья в царской России, и Мамед Эмин Расулзаде, Алмас Ильдым, - спасаясь от лап советской инквизиции, обретшие пристанище в Турции?.. И разве не ностальгия - величайшая тоска русских политических эмигрантов-литераторов от Герцена до Солженицына, вообще, всех скитальцев, вынужденных жить на чужбине?

“Поэта водворили в рай. Ах, Родина моя! - сказал он”, - это строки Назыма. “На пражском кладбище еврейском тишь смертная, могильная. Чужбина пуще смерти. Ах, милая, ах, милая...” - тоже Назым. “Что дальше от меня: созвездья? Юность? Родина моя?” - тоже его строки.

Тоска по родине, по семье, по малолетнему сыну, невозможность издаваться на родном языке у себя на родине, и там же замалчиваемое или предаваемое анафеме имя с ярлыком “перебежчика”, превратили последние годы поэта в мучительную пытку. Неслучайно, что в эти годы, в отличие от молодых революционно-романтических медитаций, он писал печальные, пессимистические произведения. Руководители марионеточной Турецкой компартии, обретавшиеся в Москве, на кремлевских харчах, даже предпринимали попытку вынести Назыму партийный выговор за эти пессимистические стихи.

Вообще отношения Назыма с турецкими коммунистами никогда не были однозначными; в годы молодости поэта, когда эта партия вела деятельность в Турции, он некоторое время пребывал исключенным из партии за “идейные срывы”.

Еще одно инкриминируют Назыму, - если уж он был вынужден бежать из Турции ради своего спасения, пусть бы искал себе прибежище в другой стране, скажем, во Франции. Тем более, он и французский язык знал несравнимо лучше русского. И сам Назым порой склонялся к этой мысли, но понимал: живи он хоть во Франции, все равно, не отрекся бы от своих убеждений, стало быть, оказался бы в сфере влияния французской компартии, а эта партия (в сталинские времена) была ни чем иным, как парижским филиалом Кремля.

Такой вот тупиковый излом жизненного пути в далеко немолодые годы, тоска по Родине, по семье, по сыну, инфаркт, возвещавший о приближении рокового исхода, изводили Назыма, и хотя в “Плаче по Микаилу Рафили” он храбрился: “я смог прожить без утешенья, без утешенья смерть приму...” - он все же нуждался в утешной милости горькой судьбы. И последняя любовь его, после тяжелых разочарований жизни, была связана с надеждой найти утешение в этой любви. Творческий плод этой последней любви - лебединая песня поэта.

Порой высказывают такое мнение, что дам, с которыми Назым был близок в московском “соломенном вдовстве”, ему “подставляло” КГБ. Пока не будут открыты тайны архивов КГБ, трудно на этот счет сказать что-либо категоричное. А без достоверных документов бросать тень сомнения на последнюю любовь поэта - непорядочно. Да если это и вправду так было, то хвала КГБ, что невольно подвигло великого поэта написать прекрасные гимны любви... Как бы то ни было, правда искусства, художественная истина - не в тайных или явных документах, а в чудесных творениях Назыма, очарованного “соломой волос, ресниц синевой”.

Несколько лет тому назад, проходя знаменитым стамбульским проспектом “Истиглал”, я услышал песни, доносившиеся из магазина, торгующего кассетами. Я узнал летящие строки Назыма... Здесь продавали и песни, написанные на его слова, и записи стихов в его собственном бесподобном чтении. Я ничуть не удивился. Знал, что Назым Хикмет, при жизни сгоравший от тоскливой мечты увидеть хоть одну книжечку свою, изданную па родине, после смерти, снятия запретов и табу с его имени и творчества, - самый издаваемый автор, самый “репертуарный” драматург, самый “песенный” поэт. Я знал и о выставках, конференциях, симпозиумах, посвященных поэту; на иных из них довелось участвовать. Слушая вольно и раздольно плывущее над проспектом “Истиглал” эхо Назыма, я и радовался, и печалился. Радовался, что наконец-то братскому народу возвращается сокровище великого искусства, долгие годы утаивавшееся от него. Печалился потому, что такой день Назыму виделся только в грезах и снах.

В январе этого года, когда мне предстал битком набитый зал стамбульского культурного центра “Ататюрк”, вмещавший три тысячи человек, когда помимо них, увидел часами стоявших на балконах людей (я, как опоздавший, оказался в их числе), зрителей, дружно подхватывавших стихи и песни на слова Назыма и сопровождавших их нескончаемой овацией, я убедился, что те, кто пытался вырвать из сердца этого народа величайшего современного поэта Турции, не добились своей цели. Не могу представить, как можно, не любя великого чародея турецкого слова, любить этот язык, этот народ, эту страну.

Как нет тюркского мира без Вещего Деде Горгуда, Юниса Эмре, Навои, Физули, так нет его и без Назыма Хикмета.

Теперь только единичные твердолобые людишки пытаются самым низкопробным образом запятнать Назыма. Они не стесняются выносить на газетные страницы всякие пошлые сплетни, от отношений его с женщинами до нелюбви к частому купанию.

Жаль, что и в Азербайджане находятся кое-какие невежды, по-попугайски повторяющие этот вздор; есть и претенциозные спесивцы, пытающиеся из низкой мстительной ревности противопоставлять Назыма Хикмета азербайджанским поэтам, которых он

сам очень любил и чтит. Но такие экземпляры предстают перед гением Назыма еще более убогими и жалкими, время само сметает таких, не оставляя от них никаких следов в истории.

Как-то в пылу полемики по поводу Назыма в Турции я сказал:

“- Вы-то сами и повесили бывшего премьер-министра Мендереса, назвавшего Назыма “изменником родины”!

- Но теперь мы воздвигли Мендересу грандиозный мавзолей, - отозвались оппоненты.

- Настанет день, и турецкий народ воздвигнет Назыму памятник пограндиознее, - сказал я”.

Этот разговор состоялся год тому назад, В марте нынешнего года, услышав добрую весть о намечаемом возведении памятника Назыму Хикмету, я уверился, что мои мечты претворятся в жизнь еще раньше, чем предполагал.

На январский Международный симпозиум в Стамбуле, совместно инициированный и организованный министерством культуры Турции и Вагфом (Фондом) Назыма Хикмета, прибыли переводчики, исследователи поэта из различных стран - Англии, Франции, Германии, России, Индии, Пакистана, Израиля, Азербайджана.

В апреле муниципалитет Стамбула проведет посвященные Назыму Хикмету мероприятия с международным охватом, - поэтические вечера, научные симпозиумы, выставки, кинофестиваль, концерты.

Как на протяжении всей истории, Турция и в XX веке подарила многих выдающихся людей - политических деятелей, военачальников, поэтов, художников, творцов искусства и науки. И все же Турцию XX века в мире знают, в основном, по двум великим личностям - Кемалу Ататюрку и Назыму Хикмету.

В век двадцать первый Назым вступает не как коммунист, политэмигрант, а как великий художник, стоящий выше всех политических распрей, политических игрищ и политических заблуждений.

Прискорбно, что в беспощадной холодной войне, шедшей между двумя политическими системами в XX веке, одной из мишеней оказался и Назим. Холодная война окончилась. Советская империя пала, блок под названием “социалистический лагерь”, сдан в архив истории. А мир капитализма, со всеми его социальными контрастами, продолжает жить. Продолжает жить и поэзия Назыма, оставаясь разящим оружием во всех уголках земли в борьбе за социальную справедливость, за человеческое достоинство, за единение людей и народов, призывая людей “жить по-братски, как лес, жить свободно, как дерево”. И приходит на помощь миллионам, - вне политических ристалищ, во внутренних борениях человеческой души, как исповедница страданий, тоски одиночества, надежды и отчаяния, радости бытия и смертных страхов.

*Сегодня - воскресенье.
Сегодня вывели меня
В сиянье солнечного дня,
И я застыл впервые в изумленье,
Что небеса столь далеки,*

*Столь голубы.
Столь широки-
И в этот миг
Душа моя вольна.
Что бури? Воля? Битвы? Что жена?
Мы счастливы - земля, и я, и солнце...*

Задаюсь вопросом - какое значение имеет, есть ли, нет ли партбилета в кармане у поэта, запечатлевшего эти вечные человеческие чувствования? И в какие идеологические колодки можно втиснуть поэта, сказавшего:

*В граде на семи холмах
Вянет цвет души моей.
Не грешно бояться смерти,
Как и помышлять о ней.*

И какой такой партийной программе соответствует пронзительно щемящий лиризм стихотворения “Я - дерево ореховое в парке Гюльхане...”, философское наполнение “Сказки сказок”? Надо быть лишенным слуха, зрения, души, чтобы не ощутить высокую художественную ценность этих стихов.

То, что Н.Хикмета высоко ценят турецкие “левые” естественно, но так как Назым - поэт, стоящий выше “левых-правых” артикулов, его талант признавали и почитали также большие личности Турции, придерживавшиеся разных убеждений. Ататюрку импонировало гордое достоинство Назыма. Такие выдающиеся личности, как патриарх туранизма Зия Гейалп, классики турецкой литературы Абдулхак Хамил, Яхья Кемаль, Халида Адиб Адывар, Ягуб Гадри также дали литературную оценку Назыму. Характерно, что несколько лет тому назад один из политических лидеров турецкого национализма Алпарслан Тюркеш в телевизионном выступлении с восхищением говорил о произведениях Назыма Хикмета, посвященных Освободительной войне, проникнутых высоким патриотическим духом, прочитал наизусть отрывки из них.

На открытии Стамбульского саммита глав различных государств в устах тогдашнего Президента Турции Сулеймана Демиреля прозвучали стихи Мехмеда Акифа Эрсоя, а на закрытии - стихотворение Назыма Хикмета.

В годы, когда имя поэта было под запретом на родине, Азербайджан подставил плечо изгнаннику. Могут сказать: “Это потому, что тогдашний Азербайджан был составной частью Советского Союза и воспринимал Назыма в рамках общесоветских политических установок”. Верно, но это только часть правды, не вся правда. Другая сторона правды в том, что, если в те годы Назым для Турции был символом “еретического” декларативного интернационализма, то для Азербайджана он был символом Турции, турецкого народа, турецкого языка, и бакинская аудитория, окатывавшая поэта восторженными овациями, приветствовала в его лице не носителя коммунистической пропаганды, а человека, турка, своими несравненными стихами доносившего до нас дух и аромат Турции, кровно родное для нас турецкое слово, турецкую речь по которой мы тосковали

Самед Вургун и Назым Хикмет

долгие годы... В те годы никто в тюркских регионах Советского Союза, в первую очередь, в Азербайджане, не смог возродить и возвысить дух тюркства так, как Назым Хикмет. Когда турецкое слово в Азербайджане было под запретом, как и этноним нашего народа, как и название нашего языка, когда всякая мысль об общности нашей истории, литературы, фольклора, корней, обычаев и традиций считалась крамольной, когда за симпатии и любви к Турции

сотни азербайджанских интеллигентов подвергались расправе и ссылке, Назым Хикмет заявил во всеуслышание с высоких трибун перед массовой аудиторией: “Я - турок, и вы - турки, у нас единый дух, единые корни, наши языки, наши народы братья”.

Назым, столь любивший Баку еще и за сходство с Измиром, посвятивший ему и Каспию проникновенные стихи, чувствовал себя в Азербайджане, как в родной среде, ощущал себя комфортно в стихии азербайджанско-тюркской речи, близкой ему. Кому он мог в Москве читать свои стихи в оригинале, - в первую очередь, конечно, Акперу Бабаеву и еще нескольким тюркологам. А в Баку у него была просторная аудитория, готовая заполнить до отказа большие залы и слушать его ненасытно часами.

Впервые он побывал в Баку в 1927 году. Спустя год здесь же вышла первая книга поэта, впоследствии издававшегося на всех основных языках мира сотнями названий: “Песня пьющих солнце” (под редакцией Сулеймана Рустама). Если не ошибаюсь, это, вместе с тем, единственная книга Назыма Хикмета, отпечатанная на арабском алфавите. Первую статью, посвященную первому сборнику (а, может быть, вообще творчеству) поэта написал виднейший критик тех лет Али Назим. Называлась она “Güneşi icirik... güneşlenirik” (буквально: “Пьем солнце... осолнечниваемся”).

Али Назим особенно акцентировал влияние талантливого турецкого поэта на современную азербайджанскую поэзию. Вообще, в те годы определение “турецкий поэт” звучало идентично с понятием “азербайджанский поэт”.

Во второй раз он посетил Баку тридцать лет спустя, и эта встреча отозвалась стихотворным посвящением. Впоследствии он часто приезжал в Баку, и чтение стихов на родном языке, понимание и горячие прием в домах и дружеских компаниях, куда его приглашали, или в вузах и больших аудиториях воодушевляли его, одаряли радостями, которые были в череде последних. Издание стихов Назыма в Баку в переложении на азербайджанский язык очень близком турецкому оригиналу, безмерно радовало его, он был

очень доволен переводами и, скромничая благодарил: “Мои стихи по-азербайджански звучат краше, чем по-турецки...”.

Произведения Назыма Хикмета неоднократно издавались в Азербайджане, и отдельными книгами, и в периодике, его пьесы были поставлены на наших сценах. По его сценариям Аждар Ибрагимов снял три фильма. Один из его сценариев воплотил на экране Рамиз Аскеров. Балет композитора Арифа Меликова “Легенда о любви”, созданный на основе либретто Назыма Хикмета, обошел крупнейшие театральные сцены мира. Приемная дочь Назыма Хикмета, скульптор Минавар Рзаева изваяла бюст поэта, Тогрул Нариманбеков и другие наши художники создали его портреты. Творчеству Назыма Хикмета посвятили весомые и ценные исследования, монографии, книги Акпер Бабаев, Гадир Исмаил, Тофик Меликли, Агшин Бабаев, Азер Абдулла. Азербайджанские поэты посвятили замечательному турецкому уstadу множество стихов, поэм, написали о нем статьи, воспоминания. В свою очередь, у Назыма есть статьи об азербайджанской литературе, культуре. Памяти Микаила Рафили он посвятил поэтический “Плач”, в московской печати он опубликовал три статьи о Расуле Рзе.

Все это собрал и составил в единую книгу наш исследователь, ныне покойный Гадир Исмаил. В связи со столетием Назыма Хикмета мы пришли к мысли издать эту книгу в Баку, и министр культуры Азербайджана Полад Бюль-Бюль оглу тепло принял наше предложение и взял обязательство издать сборник по линии министерства. Как жаль, что безвременная смерть не позволила Гадир-муаллиму полностью подготовить рукопись книги к изданию. Отбор стихотворений Назыма выпал на мою долю, и отобранные стихи я в возможной мере постарался приблизить к азербайджанско-тюркскому языку. Это обстоятельство отмечаю особо потому, что могут найтись и несогласные с подобным принципом адаптации текста, и их претензии должны адресоваться не составителю книги покойному Гадир муаллиму, а мне. Эта адаптация носит, преимущественно, фонетический характер; т.е., например, вместо “ben” я даю “mən”, “istiyor” - “istiyirəm”. Там, где одно и то же слово на турецком и азербайджанском языках имеет разный смысл, мне приходилось заменять их, например, по-турецки “pul” в отличие от нашего, означает “почтовая марка”. Или вопросительное “ağlındamı” у нас строится на другом корневом слове: “yadımdamı”. За исключением двух-трех таких случаев тексты Назыма Хикмета не претерпели никаких изменений в отношении лексического состава и синтаксиса.

Мы решили дать сборнику название первой бакинской книги Назыма Хикмета, изданной в далеком 1927 году, - “Песня пьющих солнце”.

Этой книгой, издаваемой на латинице - спустя семьдесят пять лет, великий поэт современности Назым Хикмет вновь возвращается в край, который он считал родным - свободный и независимый Азербайджан.

24 февраля 2002 г.
Перевод с азербайджанского

С победой Назым!

Я говорю “Назым”, я обращаюсь на “ты”, ибо уже на целых десять лет старше него.

Каждый день со страниц газет, с экранов телевидения, волн радио-эфира на нас обрушивается поток негативной информации. Трагедия Палестины, братоубийственные стычки между мусульманами в Ираке, террористический акт в Индии, бои в Афганистане, щедрое одаривание Россией оружием Армении, страдающие от зимнего холода из-за отсутствия газа европейские страны, аресты в Турции в связи с операцией “Эрканокон”, взрывы, убийства, похищение людей, природные катаклизмы - землетрясения, цунами, извержение вулканов, ураганы, лесные пожары, наводнения... Среди нависших над миром подобно страшному призраку зловещих новостей, не дающих нам ни минуты покоя, вдруг светлым лучом сверкнула радостная весть: Назыму Хикмету вернули Турецкое гражданство.

Когда я прочел об этом в наших газетах в начале не поверил: подумал: очередная утка. Когда же выяснилось, что это правда, я послал письмо с благодарностью Премьер-Министру Турецкой Республики Р.Т.Эрдогану. Вчера турецкие каналы сообщили, что указ подписанный Президентом А.Гюлем и Премьером Эрдоганом опубликован в офи-

Встреча Анара с Премьер-министром Турции Р.Т.Эрдоганом

циальной газете и вступил в силу. Справедливость, которую мы жаждали в течении стольких лет, наконец-то восторжествовала. Если Назым и не смог соединиться с Родиной, которую любил больше жизни, в страну вернулось его доброе имя.

В свое время с Обращением Союза писателей Азербайджана с просьбой вернуть Н.Хикмету турецкое гражданство, мы обратились к правительству этой страны и оно с помощью турецкого посольства в Баку, была доведено до сведения руководителей Турции. Во время встреч с официальными лицами, в том числе и в короткой беседе с тогдашним заместителем главы правительства Эрдалом Иненю я доводил до их сведения желание литературной общности Азербайджана. Об этом я говорил и во время бесед с Министрами культуры Турции Намиком Кемалом Зейбеком, Фикри Сагларом, Истемиханом Талаем. Я неизменно подчеркивал особую заинтересованность в этом деле азербайджанской общественности, поскольку мы считаем Назыма Хикмета и нашим азербайджанским поэтом. Здесь, в Баку вышла его первая книга, он много раз бывал в Азербайджане, посвящал нашей стране стихи, дружил с нашими поэтами, писателями, художниками, композиторами. Писал о них. У нас издавались его книги, на сценах наших театров ставились пьесы, по его сценариям на нашей киностудии снимались фильмы.

Конечно, я далек от утверждения, что наши усилия также сыграли роль в принятии этого исторического решения. Просто хотел подчеркнуть, что мы никогда не оставались безучастными к этой проблеме, не забывали о ней. Потому что тоску Назыма по родине я вычитал не из книг, газет, из воспоминаний о нем, а видел, чувствовал во время личных встреч с великим поэтом. До сих пор звучат в моих ушах строки, которые Назым читал в нашем доме с неповторимой интонацией:

Так далеки от меня Родина ли, звезды ли, молодость ли моя...

Или

*Ты сейчас в морщинах моего лба, в седине моих волос,
в инфаркте моего сердца, родина моя, родина моя, родина моя...*

(Подстрочные переводы)

*Афиша презентации книги Анара
о Н.Хикмете в Анкаре*

Для того, чтобы уточнить эти строчки я не заглядываю в книги, я привожу их так, как слышал их из уст Назыма. Так они сохранились в моей памяти.

Н.Хикмет, книги которого издавались на основных языках мира, мечтал о возвращении в свою страну, в свой любимый город, к своей семье, или хотя бы о том, чтобы на родную землю вернулись его произведения. Ни одно из этих желаний не сбылось при жизни поэта. Его произведения пришли в Турции только после его смерти. Сейчас в Стамбуле, Анкаре, Измире, в других городах Турции, нет книжного магазина, где не продавались бы книги Н.Хикмета, книги, исследования, воспоминания о нем. В Стамбуле проходят по улице Истиглал из магазинов доносится музыка, записанная на кассеты - песни на стихи Назыма. Его пьесы ставятся на сценах разных театров, снимаются телефильмы о нем, проводятся фестивали поэзии, международные конференции, научные симпозиумы, посвященные творческому наследию поэта. Официальная Турция наконец-то признает самого великого поэта своей литературы.

Правда, даже в те годы, когда произведения Назыма Хикмета и вообще любое упоминание его имени было под запретом, бессмертные строки поэта жили в памяти тысячи любителей поэзии. Теперь и официально признаны гражданские права великого национального поэта. Я подчеркиваю слова национальный поэт.

Честь и слава поэтам, которые пишут патриотические стихи. В пробуждении национального самосознания народа подобная поэзия играет исключительную роль. Но статус национального поэта относится не только к пишущим подобные стихи, как это по-

рой, пытаются определить. Поэт, создающий на родном языке прекрасные и вечные стихи - независимо от их содержания и стиля - является национальным поэтом. Как, скажем, Физули. Его газели не носят сугубо патриотического содержания, но они национальны по духу, по сути. Назым Хикмет великий национальный поэт не только как автор стихов, посвященных Освободительной войне, но в своей лирике, адресованной любимым женщинам. Так же как когда пишет об Ореховом дереве в Парке Гюльхане, так же как когда создает “Сказку сказок” и “Как Керем”, “Последний автобус”, или стихи, навеянные музыкой Баха. Десятками, сотнями поэтических образцов Назым Хикмет национальный поэт не только Турции, но и всего тюркского мира. Подобно тому, как Тюркский мир непредставим без Деде Горгуда, Юнуса Имре, Навои, Физули, Сабира, его нельзя представить и без Назыма Хикмета.

Когда лучшие годы своей жизни Назым Хикмет томился в турецких застенках, и в сво-

Афиша презентации книги Анара
о Н.Хикмете в Амстердаме

ей стране и во всем остальном мире он олицетворял собой символ коммунистических убеждений. Когда же после турецких тюрем он оказался в Советском Союзе, то в Азербайджане, в других тюркских республиках СССР он воспринимался как символ Турции, тюркства. В самые суровые годы коммунистического режима никто в Советском Союзе не воплощал больше Назыма Хикмета идеи тюркского братства, тюркского единства. Мой друг, современный турецкий поэт Яхья Акенкин по своим идейным убеждениям очень далек от Назыма. Он рассказывал мне, что будучи в Казани в гостях у татарского поэта Рената Хариса стал свидетелем того, как Ренат показывая на полку с книгами Назыма говорил: вот по этим книгам мы полюбили Турцию.

В 50-е годы обучаясь в Бакинском Университете я участвовал на встрече Назыма Хикмета с преподавателями и студентами и своими ушами слышал слова поэта: “Я турок, и вы тюрки, наши народы братья, у нас родственные языки”. Эти слова произносились тогда когда в Азербайджане само слово “турк” было крамольным, и называть азербайджанцев турками считалось государственным преступлением.

Мы должны быть благодарны турецким “левым” за то, что они свято чтут память Назыма, пропагандируют его творчество. Но Назым -художник, который стоит выше и левого и правого крыла. Любопытным фактам является то, что несколько лет тому назад - лидер ультранационалистов Алпарслан Тюркеш выступая по телевидению - и это я видел собственными глазами - прочел наизусть большой отрывок из посвященного освободительной войне дастана Назыма Хикмета. Задолго до этого другой политический деятель Турции, прямо противоположных назымовским убеждениям Исмет Иненю говорил, что этим дастаном Назым во второй раз выиграл освободительную войну. Великий Ататюрк также ценил стихи Назыма, ему нравилась и независимая, гордая натура молодого поэта.

На открытии саммита глав государств в Стамбуле, тогдашний Президент Турции Сулейман Демирель прочел стихи Мамеда Акифа Эрсоя, а на закрытии стихи Назыма Хикмета. Нынешний премьер Эрдоган, который в свое время был подвергнут аресту за чтение стихов другого поэта, на днях также процитировал строки Назыма:

*Жить свободно и одиноко, как дерево,
и по братски как лес*

(Подстрочный перевод)

И, наконец, еще один факт последнего времени. По инициативе супруги Эрдогана Эмине-ханым первые леди ряда арабских стран встретились в Стамбуле с протестом против трагических событий в Палестине. Я следил за выступлением Эмины-ханым по каналу АТВ Турции. Она говорила о гибели палестинских детей со слезами на глазах. В конце своего выступления задыхаясь от слез она прочла стихи Назыма Хикмета, посвященные детям Хиросимы, уничтоженным атомной бомбардировкой. По мере чтения печальным голосом этих стихов, на экране возникали кадры - дети погибшие от бомб и взрывов, под гусеницами танков... Убитые, раненные, ставшие инвалидами палестинские дети. Казалось, что стихи Назыма посвящены именно им.

В этом сила великого искусства. Оно не признает ни временных, ни пространственных границ. И стихи Назыма посвященные безвинным детям, погибшим в Хиросиме, одинаково относятся и к палестинским детям, и к ходжалинским, уничтоженным с такой же жестокостью.

Меняются политические режимы, власти, в конце концов вечными ценностями остаются образцы истинного искусства.

Я глубоко уважаю турецкого ученого Турана Язгана. Во многих вопросах наши с ним позиции полностью совпадают, но мы не соглашаемся, когда касаемся Назыма Хикмета. Однажды в ожесточенном споре Туран бей назвал Назыма “изменником родины”. Я ответил, что так его называл тогдашний Премьер Министр Аднан Мендерес, которого вы, кстати, повесили.

- Но мы теперь воздвигли Мендересу величественный мавзолей, - сказал Туран бей.

- Настанет день и Назыму будет воздвигнут еще более величественный мавзолей, - сказал я

Но дело в том, что Назым сам не хотел бы какого-либо помпезного мавзолея. В одном из стихотворений он завещал, чтобы его “похоронили на каком-либо сельском кладбище Анатолии и если над могилой будет одна чинара, то не надо и никакого надгробного камня...

Я верю, что когда-нибудь у пристани Кадыкой, куда Назым хотел ударяться брызгами морской волны, будет воздвигнута статуя поэта из мрамора, гранита или бронзы и он вечно будет вглядываться в любимый город с чинарами, арками, с голубым лиманом - в свой Стамбул. И это станет еще одной победой Назыма.

Расул Рза, как бы предчувствуя будущий триумф Н.Хикмета свою статью, посвященную его памяти назвал: “Я поздравляю твою победу Назым”. И я в заглавии своей статьи воспользовался этим выражением. Я знаю, что одним из тех, кто больше всех обрадовался бы вести о возвращении Назыму турецкого гражданства, был бы мой отец. Как только я узнал об этой новости, я посетил могилу отца. Если мы верим в бессмертие души, то я уверен, что сегодня дух Расула Рзы разделяет эту радость вместе с духом Назыма Хикмета.

11 января 2009 г.

Музыка вместо сумбура

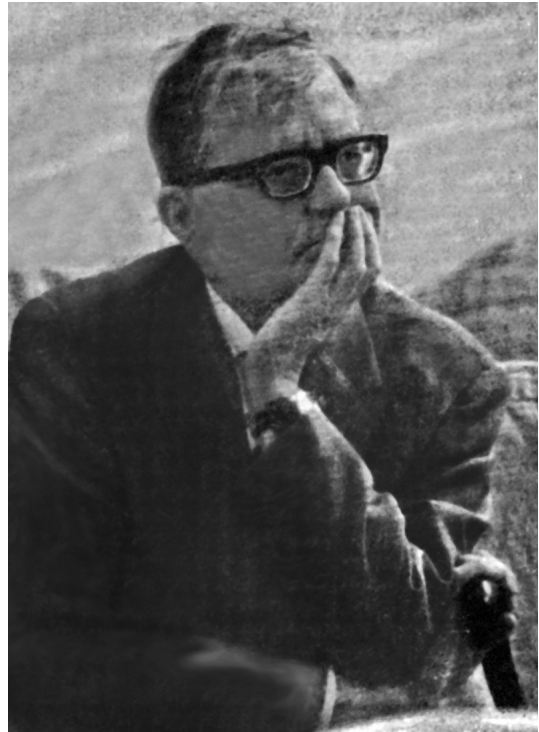
О гениальном русском композиторе XX века Дмитрие Дмитриевиче Шостаковиче написаны сотни статей, книг, исследований. О его творчестве высказывались крупнейшие деятели советской и мировой музыкальной, и не только музыкальной культуры от С.Прокофьева, Б.Бриттена до Бернарда Шоу, К.Сендберга, Назыма Хикмета. Им вдохновлялся Чингиз Айтматов. Евгений Евтушенко посвятил ему стихи. Наиболее выразительными мне представляются слова кинорежиссера Григория Козинцева, с которым Д.Шостакович работал над “шекспировскими” фильмами.

“Природа наградила его особой чуткостью слуха - писал Г.Козинцев - он слышал, как плачут люди, он улавливал низкий гул гнева и режущий сердце стон отчаяния. Он слышал, как гудела земля: шли толпы за справедливостью, гневные песни закипали над пригородами, ветер доносил напевы окраин, взвизгивала грошковая гармошка: в строгий мир симфоний входила революционная песня. Потом лязгало и скрежетало железо на окровавленных полях, выли под Европой гудки стачек и сирены войны. Он слышал стон и хрип: на мысль надевали намордник, шелками кнутом, искусство учили припрыгивать у сапога власти, выпрашивать подачку и стоять на задних лапках перед квартальным... Над миром завывали сирены, как трубы Страшного суда... Менялись времена... Он трудился всю жизнь”.

Гений Шостаковича проявился очень рано, с отроческих лет. Необычность, непохожесть его музыкального дарования вынуждены были признавать даже те, кому была глубоко чужда это необычность, непохожесть. С просьбой о материальной помощи сильно нуждающемуся юному Шостаковичу, ректор Петербургской Консерватории А.К.Глазунов обращался не только к Наркомпросу А.Луначарскому, но и к М.Горькому. Горький спрашивает: какую музыку пишет это юное дарование?

- Отвратительную, - отвечает Глазунов. - Эта первая музыка, которую я не слышал, читая партитуру.

Естественно, Глазунову, одному из последних представителей традиционной русской классической композиторской школы, новаторская музыка Шостаковича не мог-

Дмитрий Шостакович

Молодой Д.Шостакович

ла нравиться, но, тем не менее, он говорит Горькому:

- Мне не нравится, но дело не в этом, время принадлежит этому мальчику, а не мне...

Глазунов был абсолютно прав, настало время Шостаковича, но само это время оказалось для великого композитора весьма сумбурным. В последующие годы М.Горькому пришлось защищать Шостаковича от несправедливых нападков и обращаться по этому поводу даже к самому Сталину.

Шостаковича, яркий талант которого проявился уже с самых ранних произведений, законодатели музыкальной политики из РАПМ-а (Российской ассоциации пролетарских музыкантов) считали лишь попутчиком. Также как и литераторы РАПП-а (Российской ассоциации пролетарских писателей) попутчиком считали В.Маяковского, который во весь голос вопрошал: Кому это я попутчик, когда рядом никого нет?

За роялем В.Мейерхольд, Дм.Шостакович, стоят В.Маяковский, Родченко

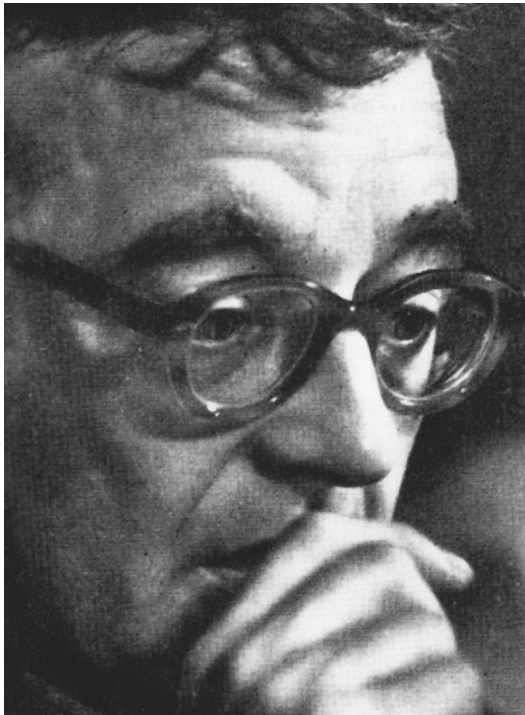
Кто помнить имена тех, кто великого композитора и великого поэта отлучали от магистральной дороги искусства, милостиво определив им лишь роль попутчиков.

Талант молодого Шостаковича уже в качестве сотрудника по творческой работе, заметил знаменитый режиссер Всеволод Мейерхольд. По его предложению Шостакович написал музыку к постановке по пьесе Маяковского “Клоп”. Музыка понравилась и скупому на похвалы поэту.

Оперу Шостаковича “Леди Магбет Мценского уезда” (“Катерина Измайлова”) высоко оценили не только выдающийся музыкальный критик И.Соллертинский, но и маршал М.Тухачевский, который был не только видным военачальником, но и глубоким знатоком музыки, блестяще играл на скрипке. По иному отнеслись к опере многие коллеги - композиторы, и, вероятно, с их подачи и партийные функционеры.

Дм.Шостакович и И.Соллертинский

8 января 1936 года в главной партийной газете “Правда” была напечатана редакционная статья “Сумбур вместо музыки”, посвященная опере Шостаковича. Вслед за ней в той же газете появились другие разносные материалы - статья “Балетная фальшь” была уже посвящена балету Шостаковича “Светлый ручей”. Если в “Леди” критиковалась усложненность музыкального языка, то в балете осуждалась уже его простота. Стало ясно - что бы и как бы ни писал Шостакович, он будет подвергнут разносной критике. В эти же дни в “Правде” публиковались резолюции собраний московских и ленинградских композиторов, также с суровым осуждением творчества Шостаковича.

Смена настроений

В 1979 году в США была напечатана книга эмигрировавшего из Советского Союза журналиста-музыковеда Соломона Волкова “Свидетельство: мемуары Дмитрия Шостаковича в записи и под редакцией Соломона Волкова”. И хотя книга вызвала резкое возмущение вдовы композитора, его третьей жены Ирины Шостакович, ее поддержали дети от других браков - дочь Марина и сын Максим Шостаковичи. Основываясь на беседах с великим композитором, С.Волков впервые поведал миру о подлинных настроениях Д.Шостаковича, оппозиционных по отношению к советской политике, в частности о его отрицательных оценках личности Сталина. В другой работе “Сталин и Шостакович” С.Волков утверждает, ссылаясь на самого Дмитрия Дмитриевича, что статья “Сумбур вместо музыки” написана самим Сталиным или, по крайней мере, продиктована им в буквальном смысле слова.

Начиная с этих времен, почти все крупные произведения Шостаковича, симфонические, вокальные, камерные сочинения, сначала подвергались огульной критике, через некоторое время признавались удачными, но только для того, чтобы по сравнению с ними обрушиться с критикой уже на новые работы композитора. “После Орфея никто столько не страдал за свою музыку, как Шостакович” - пишет С.Волков.

1937-ой год унес близких друзей и единомышленников Шостаковича - маршала Тухачевского и режиссера Мейерхольда. Трагедия произошла и в личной жизни, умерла любимая жена композитора. Прямая угроза ареста нависла и над самим Дмитрием Дмитриевичем. Мейерхольд, под нечеловеческими пытками в числе “врагов народа” назвал Эренбурга, Пастернака и Шостаковича.

На опалу Шостакович, как и в течении всей своей жизни отвечал работой. От него ждали покаяния, а он вместе покаяния писал Четвертую симфонию. Затем Пятую, Шестую...

В годы Отечественной войны Шостакович в блокадном Ленинграде создал едва ли не самое свое известное произведение - Седьмую симфонию. Советское музыковедение в течении десятилетий трактовало это произведение - как антифашистское, а тема “Наше-

ствия” в ее первой части, определялось как зловещая поступь немецких войск в первые годы войны. С.Волков, однако, утверждает что, Седьмая Симфония не только антифашистское, но и антисталинское произведение и Нашествие - это не только механизированный марш германских полчищ, но и раненная память о страшных репрессиях 37-го года в Советском Союзе. Обосновывая свою мысль, критик пишет, что тема Нашествия была записана Шостаковичем задолго до начала войны, непосредственно под воздействием трагических событий в стране.

Я вспоминаю и слова моего покойного друга Араза Дадашзаде, большого любителя музыки: У композиторов есть счастливая возможность, - говорил Араз, - Шостакович пишет о муках своей души и называет это Ленинградской симфонией или Симфонией, посвященной 1905-ому году.

Следующий шквал нападок на Шостаковича относится к 1948 году и связано оно с печально известными постановлениями ЦК ВКП(б). Особенно изощрялся секретарь ЦК А.А.Жданов, ведающий вопросами идеологии. Рассказывали даже об анекдотическом случае, когда Жданов пригласив С.С.Прокофьева и Д.Д.Шостаковича объяснял им, какую музыку надо писать, наигрывая на рояле мелодию “Чижик-пыжик”. Об этом пишет и И.Эренбург, хотя сам Шостакович отрицает этот факт.

Во всяком случае сразу же за партийными приговорами, опять же инициированными лично Сталиным, в бой ринулись коллеги - композиторы. В 1948 году в трех номерах журнала “Советская музыка” публиковались статьи композитора М.В.Ковалья “Творческий путь Шостаковича”. Как пишет автор двухтомной книги “Шостакович” музыковед С.Хентова, в статье Ковалья “негативные оценки были доведены до крайности”.

“Во всех ранних сочинениях Шостаковича Коваль обнаруживал “декадентские стороны” - пишет С.Хентова - в формалистические работы попали пьесы для струнного октета, Первая соната, “Афоризмы”. “Произведения эти, - писал Коваль, - с полным основанием можно назвать отвратительными”. Раскритиковав симфонии “Посвящение Октябрю” и “Первомайскую”, Коваль специальный раздел посвятил “Леди Магбет”, где “Шостакович изредка дразнит слушателей подобием человеческих звучаний”. Следуя хронологии, Коваль далее не упустил ни одного сколько-нибудь объемного сочинения, для каждого нашел уничтожающие определения. Первый концерт и Прелюдии назвал какофонией, разрушением мелодии и гармонии, романсы на стихи А.С.Пушкина - свидетельством того, что “Шостакович - композитор с недоразвившимся мелодическим даром” и что он “убивает пушкинскую поэзию”.

“Заумь”, “мелодическая бедность”, “формалистический змей” - такими словами и выражениями пестрят статьи Ковалья. Исключение делается только для Пятой симфонии, но лишь для того, чтобы выразить возмущение. Его возмущает, что После этой симфонии Шостаковича стали считать классиком советской музыки. “Многие годы творчества Шостаковича, - заключает Коваль, - прошли преимущественно на холостом ходу... Он не дал своей родине того, чего ждали от его большого дарования”.

Если Коваль сквозь зубы признает все же большое дарование Шостаковича, другой, ныне забытый композитор Захаров, отказывает Дмитрию Дмитриевичу даже в этом, т.е. в каком либо даровании. И М.Коваль, и Захаров в те годы были секретарями Союза композиторов СССР. Именно они обращались к Шостаковичу с призывом “не повторять старых ошибок”.

Профессор Ленинградской консерватории Д.Д.Шостакович был уволен от преподавания, как сказано было в приказе, “по сокращению штатов”.

И в то же время - и это в характере эпохи - Шостакович в разные годы удостоивался самых престижных званий и премий страны - он неоднократный лауреат Сталинской премии, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического труда, Народный артист СССР, Депутат Верховного Совета СССР. Но разве все эти поощрения могли вычеркнуть из памяти травму, нанесенную молодому композитору, не достигшему тогда и тридцати лет, когда его опера “Леди Мценского уезда” с пронзительной лирикой, была названа “сумбуром вместо музыки”.

И какое наказание исторически справедливо для тех, кто травит таланты - полное забвение их имен? Я так не считаю. В очень молодые годы мне в отцовской библиотеке попалась изданная стенограмма обсуждения в Союзе композиторов. К сожалению, позже я ее не нашел, но из прочитанного тогда - пятьдесят лет тому назад - запомнилась фамилия Захарова, который более всех поносил Шостаковича, более остальных говорил о нем уничижительно. Второй раз в своей жизни я наткнулся на фамилию В.Захарова лишь в книге С.Хентовой. Чем же больше, какими же нетленными музыкальными произведениями прославился этот “сокрушитель” Шостаковича? А ведь был даже секретарем Союза. Позорные имена гонителей обязательно должны сохраниться для истории, в назидании другим подобным им в Настоящем и Будущем.

На протяжении почти всей творческой биографии Шостаковича бал в стране правил зависть и невежество. Зависть коллег и невежество власть предержащих. “Искусство непонятное народу”, “влияние упаднического буржуазного искусства”, “бесплодный формализм”, “лженоваторство” - шаблонная обойма обвинений советской пропаганды, которые применялись не только по отношению к Шостаковичу и композиторам. У завистливых коллег-обвинителей не хватало фантазии, чтобы предъявлять какие-то иные, не столь стандартные обвинения. Впрочем, если бы они обладали какой-либо фантазией, то писали бы хорошую музыку, стихи, а не доносы.

Кстати о зависти. Шостакович дает очень мудрый совет одному из своих учеников: “Несколько слов о Ваших обидах. Я советую Вам завидовать Моцарту, Бетховену, Чайковскому. Завидовать М. и т.п., ей-богу, не стоит, как бы удачливы ни были эти неудачники... Повторяю: зависть к Моцарту будет вести Вас вперед. Зависть к бездарным неудачникам поведет Вас назад”.

Сам Шостакович, - и этим отличаются истинные таланты, никому и никогда не завидовал. Даже Моцарту, Бетховену, Чайковскому. Тем более к своим современникам. Он написал восторженное письмо С.С.Прокофьеву, который, кстати, Шостаковича не очень жаловал, по поводу его Седьмой симфонии. Когда Шостакович был представлен на премию, он счел невозможным баллотироваться, пока эту премию не получит С.С.Прокофьев. Мягкий, деликатный, предельно скромный Шостакович “ни единой долькой не отступался от лица” (Б.Пастернак) в вопросах искусства, всегда и при всех обстоятельствах сохранял принципиальность. Во времена огульных нападков на мастера один из его бывших учеников совершил предательство, подключился к хору хулителей. Позже, в относительно удачные для Шостаковича годы, выступая на пленуме он, в числе успехов отметил и произведения отступника. И когда его стали упрекать за это, Дмитрий Дмит-

риевич ответил: Он у меня ходил в лучших учениках, и я не имею права менять свое мнение о его таланте из-за его бестактности. Меня за то и выбрали руководителем композиторской организации РСФСР, что я не умею сводить счета.

И добавил: - Ну разумеется и за то, что я руководить тоже не умею.

В этих словах весь Шостакович, - его принципиальность, честность, умение прощать, да и скромность, чувство юмора.

Рассказывают, что отдыхая и работая в Рузе, в доме творчества композиторов, Шостакович как-то обедал в столовой, когда к нему подошел композитор из провинции. Дмитрий Дмитриевич ел суп и молодой композитор-верзила так фамильярно стукнул его по плечу, что чуть не разлился суп:

- Дмитрий Дмитриевич, научите писать симфонии.

- Научу, научу, - торопливо ответил композитор, суп доем, научу...

О его скромности ходили легенды, в дружеской попойке, его могли послать за лишней бутылкой водки в магазин. Во время одной из таких вояжей за водкой, он сломал ногу. Анекдотический, но реальный случай рассказывает Назым Хикмет. Незнакомый с композитором лично, Назым был поклонником его творчества, говорил, что в годы тюремного заключения в Турции, Седьмая симфония Шостаковича, которую он слушал по радио, помогла ему выжить. И вот судьба их свела в совместной поездке в Стокгольм на заседание Бюро Всемирного Совета. В своих воспоминаниях вдова поэта Вера Тулякова-Хикмет пишет: "Назыму понадобились деньги, на какие-то мелочи, и тогда он посмотрел на всех членов делегации и попытался определить, кто же из них "бухгалтер?" Он "вычислил" его мгновенно, им мог быть только вот этот худенький, стеснительный человек в больших круглых очках, с тонкими нервными пальцами, явно привыкшими к счетам. Назым подошел к нему и очень вежливо попросил его сделать то-то и то-то. Товарищ с готовностью согласился. Тут же ушел по его делам и тихо выполнил поручение. Назыму нужны были билеты в театры, адреса выставок и музеев, и он снова обращался к нему. Так продолжалось целую неделю (! - А.) В Москве они обнялись на прощанье, и Назым очень благодарил своего нового друга за помощь и поддержку. Он почувствовал к нему огромную симпатию, не хотел потерять его из вида. Он предложил ему свой телефон, а в ответ получил визитную карточку. На ней было написано: "Композитор Дмитрий Шостакович". Назым был ошеломлен. Великий Шостакович! С этого времени началась их счастливая дружба".

Следует отметить и то, что еще в 1927 году Шостакович в составе советской делегации побывал в Турции, выступая в Стамбуле и Анкаре с концертами в качестве пианиста. В Стамбуле он жил в номере 147 знаменитого отеля "Пера палас". Он познакомился с молодыми турецкими композиторами Гасаном Фаридом Альнаром и Джемалом Решидом Реем, которые играли для него свои произведения.

Творческая биография Шостаковича характерна и для многих других видных деятелей советской культуры, в том числе и в Азербайджане. По отношению к ним власти прибегали к политике кнута и пряника, то, как уже говорилось, осыпали всевозможными почестями, премиями, званиями, то низвергали, как бы перечеркнув все былые заслуги. И в такие моменты выходили на сцену всякого рода бездарные завистники, которые только и ждали подходящей возможности, чтобы наброситься на очередную жертву. Такие ситуации, к со-

жалению не редкость и в наше время. Особенно болезненно реагируют они на чей-то успех за пределами страны. Седьмая симфония, написанная в блокадном Ленинграде, буквально покорила мир, чего не удалось ни Гитлеру, ни Сталину. Поэтесса Ольга Бертгольц, так же одна из легенд блокадного Ленинграда, писала: “Помню, как на сверхъестественные овации зала, вставшего перед Симфонией, вышел Шостакович - с лицом подростка, худенький, хрупкий, казалось, ничем не защищенный. А народ, стоя, все рукоплескал и рукоплескал сыну и защитнику Ленинграда. И я глядела на него, мальчика, хрупкого человека в больших очках, который взволнованный и невероятно смущенный, без малейшей улыбки, неловко кланялся, кивал головой слушателям. И думала: “Этот человек сильнее Гитлера”.

Седьмую симфонию, как и многие другие произведения русского композитора исполняли лучшие дирижеры мира - Артуро Тосканини, Юджин Орманди, Леопольд Стоковский. Его музыка звучала во всем мире. Только не в своей стране. Правда, в определенные годы. О нем вспомнили, только тогда, когда надо было показать Западу - истинные культурные ценности страны. Шостакович был включен в состав делегации, направляемый в США, где его знали больше, чем кого-либо из членов делегации. Но композитор отказался от этой поездки, и пришлось в это дело вмешаться самому Сталину. Вождь спросил Шостаковича о причинах его отказа. - Как же я буду объяснять там, почему моя музыка запрещена в моей стране. - Этот вопрос можно решить, - сказал Сталин, - вы все же готовьтесь в путь.

Через час на квартиру Шостаковича примчался перепуганный чиновник из ведомства культуры и попросил, чтобы композитор немедленно предоставил все свои произведения для немедленного же исполнения.

Видные Советские композиторы.

Сидят слева А.Хачатурян, Уз.Гаджибейли, Дм.Шостакович, Р.Глиер, С.Прокофьев

Этот рассказ я слышал из уст Джафара Джафарова. Подтверждения его рассказа я нашел и в других свидетельствах. Правда, слова в телефонном разговоре со Сталиным могли быть другими, но содержание было адекватным рассказу Джафарова.

Джафар Джафаров рассказывал и о своей встрече с Шостаковичем в Баку, в доме у Кара Караева. Когда Шостакович в очередной раз приехал в Баку, - а здесь он бывал не раз, начиная с тридцатых годов, - Караев пригласил своего учителя в гости. Был приглашен и близкий друг Караева, литературный критик и театровед Джафар Джафаров. Позже я слышал, как Джафар-муаллим рассказывал об этой встрече моему отцу: “Этот человек, - говорил он имея в виду Шостаковича, - весь соткан из горя. Он, конечно, многим недоволен в нашей жизни, в том числе и политикой в области искусства. Он мне чем-то напоминал Гоголя. Я сказал ему об этом”.

Позже знакомясь с материалами о Шостаковиче, я видел, что и до Джафарова многие современники находили общее между ним и Гоголем. Недаром Гоголь был любимым писателем композитора и по его повести он написал оперу “Нос”.

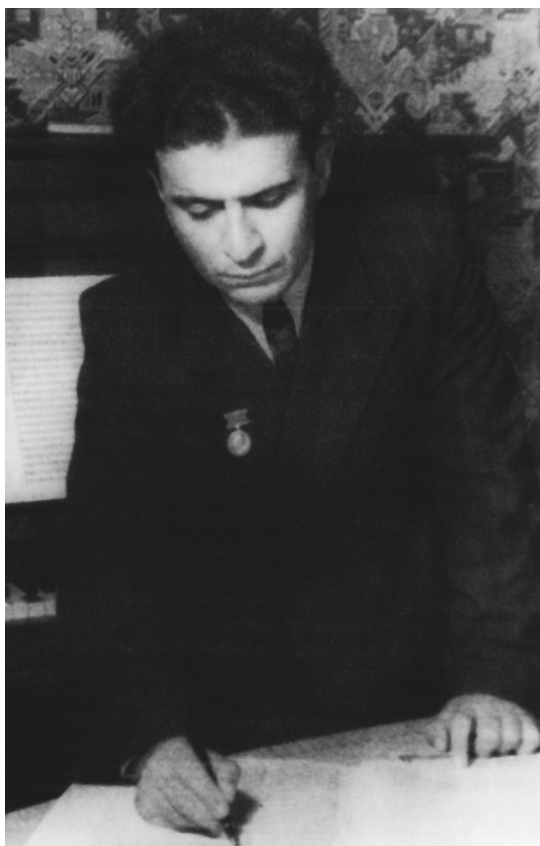
Здесь я подступаю к теме, в связи с которой это эссе включено в раздел “Мир и мы”. Эта тема - Шостакович и Азербайджан, не раз разрабатывалась нашими музыковедами. Этой теме посвящена и книга музыковеда Фарах Таировой “Дмитрий Шостакович и Азербайджанская музыкальная культура”, из которой я также почерпнул немало любопытных фактов.

Я, например, не знал, какой смелый поступок совершил Джемдет Гаджиев в совсем юные годы. После появления статьи “Сумбур вместо музыки” не только в Москве и Ленинграде, но и во всех республиках были организованы митинги и собрания, в которых обвинялись в формализме Д.Шостакович, С.Прокофьев, и противопоставлялась им опера “Тихий Дон” И.Дзержинского как образец реализма.

“На собрании в Азербайджанской Государственной Консерватории с участием партийных и государственных чиновников присутствовали Джемдет Гаджиев и Кара Караев, - пишет Ф.Таирова. - Выступавшие требовали наказания видных деятелей искусства, вышедших за пределы курса партии В.И.Ленина и попавших под буржуазное влияние. Обвинения одного из выступавших в адрес Дмитрия Шостаковича и его оперы “Леди Макбет Мценского уезда” переполнили чашу терпения юного Джемдета - студента консерватории. И он выступил с речью, очень резкой и неожиданной для многих. Гаджиев назвал Шостаковича “великим музыкантом своего времени”, а “Леди Макбет” “уникальным явлением эпохи”. А “Тихий Дон” он охарактеризовал как “тихий ужас”.

После этого выступления Дж.Гаджиева в газете “Заря Востока” была опубликована статья ее корреспондента в Баку под рубрикой “Против формализма в искусстве и литературе”. В статье отмечалось: “Композитор Гаджиев пошел еще дальше. Он выступил в защиту западноевропейских экспрессионистов - Шенберга, Стравинского и других, заявив, что не считает “Тихий Дон” Дзержинского для себя образцом, а предпочитает совершенную музыку “Леди Макбет” Шостаковича. На прямо поставленный вопрос - считает ли он правильным статьи в “Правде” об искусстве, Гаджиев ответил: “местами да, местами нет”.

Весть об этом неслыханно смелом поступке молодого композитора достигла ЦК партии. Секретарь ЦК Азербайджана Рухулла Ахундов вызвал к себе старшего брата Джемдета Гаджиева Джабира Гаджиева, руководителя партийной организации Азизбековско-

Джовдат Гаджиев

ир-бек приглашает его с концертами в Баку. “С бакинских гастролей началось общение Шостаковича с азербайджанскими композиторами, которые впоследствии привели в его композиторский класс Кара Караева, Джевдета Гаджиева, Султана Гаджибекова, Эльмиру Назирову”, - пишет С.Хентова.

Шостакович всегда живо интересовался дальнейшей судьбой не только своих учеников в Азербайджане, но работой других наших композиторов. “Азербайджанские композиторы в многонациональной семье советских музыкантов стоят в первом ряду, - писал он, - и что особенно характерно: музыкальное творчество находится здесь в состоянии непрерывного развития и притом развития очень быстрого”.

Успехи нашей музыки Шостакович по справедливости связывал прежде всего с именем великого Узеира Гаджибекова, который заложил ее крепкие основы на современном этапе.

Художественные завоевания Узеира Гаджибекова, внедрившего в сокровищницу национальной музыки мугамы и ашугское искусство - композиторское творчество, высоко оценивалось Шостаковичем.

“Узеир Гаджибеков по праву считается основоположником азербайджанской советской музыки, писал он. Композитор большого таланта, видный общественный деятель, Гаджибеков всю жизнь посвятил развитию азербайджанской советской музыкальной культуры. Его ученики и последователи - азербайджанские композиторы, достойно занимают одно из ведущих мест в советском музыкальном искусстве. И в этом огромная

го района и сказал: Какой же ты борец за партию, если не занимаешься воспитанием брата? Он выступает с речами против партии, против советской идеологии. Защищает оперу Шостаковича, вредную для социалистического реализма. Знаешь, к чему может привести этот его поступок?”

Джабир Гаджиев дает слово поговорить с братом. Рухулла Ахундов на следующий день приглашает и самого Джевдета Гаджиева и неожиданно спрашивает: “Знаком ли ты с произведением Шенберга “Лунный Пьеро?”.

Какой-то театр абсурда на самом деле.

Через год - в 1937 году были репрессированы и расстреляны и Рухулла Ахундов и Джабир Гаджиев, а Джевдет Гаджиев, окончив Московскую Консерваторию по классу Д.Шостаковича, в послевоенные годы стал дважды лауреатом Сталинской премии, Народным артистом республики, ректором Бакинской консерватории. В Московскую Консерваторию в 1939-ом году Джевдет Гаджиев был направлен по рекомендации Узеира Гаджибекова.

В 1939-ом году в письме к Шостаковичу Узе-

заслуга Узеира Гаджибекова. Советские музыканты и любители музыки, весь советский народ будет с любовью и огромным уважением вспоминать славного сына азербайджанского народа Узеира Гаджибекова. Я хотел бы пожелать композиторам Азербайджана свято развивать великие традиции Узеира Гаджибекова”.

Один из учеников Шостаковича Дж.Гаджиев отмечает человечность и доброту великого композитора и считает, что с Шостаковичем в этом мог сравниться только Узеир Гаджибеков. “Недаром они, разделенные большим расстоянием, так хорошо понимали, более того - чувствовали друг друга, так одинаково оценивали различные явления жизни искусства”.

“Азербайджанская композиторская школа, фундамент которой был заложен основоположником азербайджанской профессиональной музыки Узеиром Гаджибековым, на современном этапе по праву считает себя восприимчивой

Кара Караев

К.Караев и Дм.Шостакович

на себя груз ответственности за состояние азербайджанской музыки. Он активно интересовался тем, что делали Ниязи, Фикрет Амиров, Эльмира Назирова, Султан Гаджибеков, Рауф Гаджиев и многие другие композиторы”

Все учившиеся у Шостаковича считали его не только великим композитором, но и великим педагогом. Но сам он свою роль как педагога оценивал со свойственной его натуре скромностью:

традиций Шостаковича, конечно, не монополизируя этого права...”, - писал другой ученик Шостаковича Кара Караев.

Это же подтверждает и Джевдет Гаджиев: “Своим учителем Шостаковича считает не только его непосредственные ученики, но все азербайджанские композиторы нынешнего старшего и среднего поколения. Все они росли на его музыке, все они учились на его клавирах и партитурах, по разному преломляя и трансформируя его идеи. Да и Шостакович после смерти Узеира Гаджибекова тоже будто при-

К.Караев и Дм.Шостакович

Шостакович делится со своим бывшим учеником самым сокровенным: “Хотя мне никто не мешает работать, однако работа идет посредственно. Когда “творческий потенциал” находится на высоком уровне, тогда ничего не мешает сочинять. А когда на среднем или на нижнем, то ни Дома творчества, ни прочие удобства не могут помочь...”

Другое письмо Караеву дышит неподдельной заботой и тревогой за состояние любимого ученика.

“Дорогой Карик, - пишет Шостакович узнав, что Караев будет писать музыку к фильму “Дон Кихот” Г.Козинцева. - Особенно рад, что Вы взялись за “Дон Кихота”. Г.М.Ко-

“Я не столь самонадеян, чтобы пользоваться выражением “мой ученик”, говоря, к примеру, о таком большом советском композиторе, как Кара Караев. Но я всегда буду гордиться тем, что этот замечательный музыкант, так же как и другой выдающийся представитель азербайджанского симфонизма Джевдет Гаджиев, занимался в Московской консерватории по классу композиции, руководить которым было доверено мне”, - писал Шостакович и в этих словах не была никакого кокетства.

С.Хентова отмечает, что когда Шостакович обратился к ректору Консерватории В.Шебалину, с просьбой сократить количество своих занятий до минимума, то выразил пожелание, чтобы в его классе оставили только троих из числа его учеников. Одним из них был Караев.

Теплые отношения между Шостаковичем и Караевым сохранились на всю жизнь. Их переписка свидетельствует не только о пристальном внимании к творчеству друг друга, но изобилует и чисто бытовыми подробностями.

К.Караев с Дм.Шостаковичем

зинцев - мой большой друг, и я радуюсь, что Вы будете с ним работать. С другой стороны меня терзает некоторое беспокойство: не слишком ли много Вы набрали работы? В нашем деле главное - не надорваться. Поэтому, требуйте себе достаточно длительные сроки, чтобы не устывать, чтобы всегда чувствовать себя хорошо. Я в свое время очень много работал. И, пожалуй, это мне не пошло на пользу. Ведь к тому же Вы председатель Союза, работаете в консерватории. Ужасно это много и мне беспокоит за Вас. У Вас огромный талант. Не надорвитесь с такой огромной нагрузкой”.

Естественно, в письмах или на страницах печати Шостакович много раз давал высокую оценку творчеству Караева: “Кара Караев - один из самых любимых моих композиторов. Секрет успеха его музыки - в талантливом, ярком, только ему одному присущем соединении народных традиций, классического наследия с самыми современными формами музыки” - отмечал Дм.Шостакович.

Каждый успех Караева Шостакович воспринимал с искренней радостью, как собственное творческое достижение. Восторженно отзывался он о музыке “Семи красавиц”, “Тропю грома”, о Третьей симфонии и других произведениях азербайджанского композитора. Так же живо откликнулся Дмитрий Дмитриевич на творческие успехи другого своего ученика Джевдета Гаджиева.

С искренней любовью относясь к своим непосредственным ученикам, Шостакович так же был внимателен и чуток к поискам других азербайджанских композиторов. Подчеркивая различие стилистических направлений Кара Караева и Фикрета Амирова, Шостакович дает проницательную оценку творчеству и того и другого. “Важно подчеркнуть, что Шостакович признает высокую художественную значимость и К.Караева и Ф.Амирова, разных по своим творческим принципам”, - пишет Ф.Таирова.

Удивительно, что Шостакович высказывался почти о всех сферах азербайджанской музыки, о

Солтан Гаджибеков

Эльмира Назирова

Таир Салахов в гостях у Дм.Шостаковича

преувеличения можно сказать, что эта этапный спектакль”.

Кроме К.Караева и Дж.Гаджиева прошедших полный курс обучения в классе Шостаковича, у него некоторое время учились и Султан Гаджибеков, и Эльмира Назирова. Недавно раскрылся секрет - оказывается в третьей части Десятой симфонии Шостакович зашифровал имя своей ученицы Эльмиры Назировой в виде монограммы “Э-л(я)-ми-р(е)-а”.

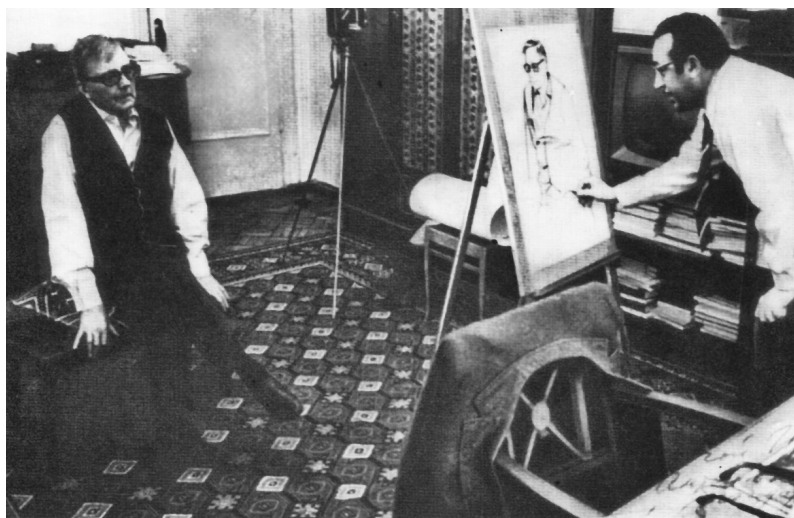
Музыка Шостаковича в той или иной степени оказала влияние на творчество многих композиторов Азербайджана разных поколений. С.Хентова отмечает, что “тематизм и структура эпизода нашествие определили характер первой части Второй симфонии азербайджанского композитора Мамеда Кулиева (1968 г.)”

Учитывая большие заслуги Шостаковича перед азербайджанской музыкой 19 апреля 1972 года ему было присвоено звание Народного артиста Азербайджана. Великий композитор выразил за это искреннюю признательность.

Связь Шостаковича с Азербайджаном не ограничивалась лишь сферой музыки. Лучший живописный портрет великого композитора написал Таир Салахов. “В Жуковке Шостакович после долгих колебаний, несмотря на болезнь, согласился позировать художнику Таиру Салахову” - пишет С.Хентова.

наших композиторах от Узеира Гаджибекова до очень молодого в те годы Исмаила Гаджиева (сына Джевдата Гаджиева), о таких выдающихся исполнителях как певец Бюль-бюль, дирижер Ниязи.

Шостакович присутствовал на премьере балета “Легенда о любви” Арифа Меликова и выразил свое мнение: “Ариф Меликов -одаренный композитор, музыка его подлинна профессиональна. Новый балет - большое событие в советской хореографии. Без

Таир Салахов рисует портрет Дм.Шостаковича

Таир говорит, что много-много лет подходил к портрету Шостаковича. “Не скрою: холст дался мне нелегко. Помню особенно четко, как прозвучал давно желанный звонок и негромкий голос великого музыканта пригласил меня приехать в Жуковку... Мы сидели, беседовали. Он много говорил о произведениях искусства, о музыке. Я слушал, слушал внимательно, пристально вглядываясь в его черты... К процессу работы над портретом он отнесся очень серьезно... Он забыл, что я пишу его, и пальцы его неслышно скользили... Мне порой казалось, что передо мною звучит, да, звучит немая музыка, мощная, подобная колокольному набату. Я трепетно ощущал борьбу этого человека с физическим недугом... возможно, с возрастом”.

Однако Шостакович, к сожалению, не увидел своего портрета. Работа была закончена уже после смерти композитора. Сейчас она находится в Третьяковской галерее.

Впервые живого Шостаковича я видел и слушал его выступление на Первом съезде композиторов Азербайджана весной 1956-го года. На этом съезде выступил и мой отец. Не знаю, познакомились ли они там. Во всяком случае отец пишет в своих воспоминаниях, что “познакомился с Шостаковичем на заседаниях Комитета по Ленинским и Государственным премиям. Среди обсуждаемых произведений был и балет Арифа Меликова “Легенда о любви”. О музыке и спектакле были высказаны противоречивые мнения. Я защитил произведение, обосновывая свои слова цитатами из статьи Шостаковича о балете. В перерыве во время беседы Шостакович еще раз подтвердил свою положительную оценку балета. Он также высоко отзывался о творчестве Караева. Позже я получил письмо от Шостаковича, он интересовался моим циклом “Краски”. Я послал ему книгу “Долгое эхо” с автографом. Через несколько дней получил еще одно письмо от Шостаковича: он благодарил за книгу и писал: “Ваше творчество я очень люблю и с восхищением читаю “Долгое эхо”.

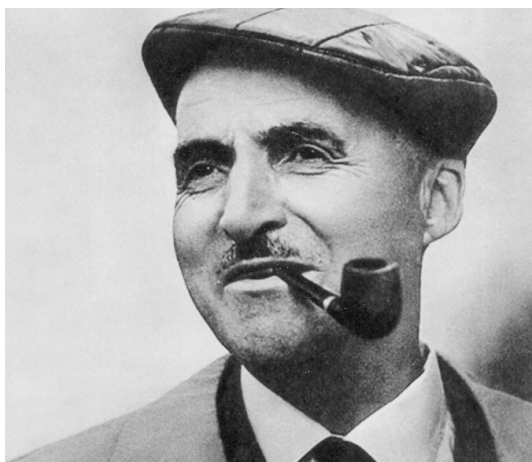
Д.Шостакович жил в сложную, трагическую и сумбурную эпоху. Его ответом на сумбурное время была музыка. И когда из страны, именуемой СССР, на весь мир доносились сумбурные звуки советской жизни, оттуда же доносилась и великая музыка. И в мире осталась музыка Шостаковича вместо сумбура.

Таир Салахов. Портрет Дм.Шостаковича

Сентябрь 2012 г.

Вспоминая Симонова

Константин Симонов

28 ноября Константину Михайловичу Симонову исполнилось бы 70 лет. Поэт и прозаик, драматург и публицист, боевой корреспондент, прошагавший дорогами войны с ее первого и до последнего дня - К.Симонов оставил яркий след и в истории нашей многонациональной литературы, и в душе каждого, кто с ним был лично знаком.

Симонов давно и близко дружил с Азербайджаном, со многими деятелями нашей литературы. Еще очень молодым человеком приехал он в Баку в составе бригады поэтов под руководством В.Луговского для работы над переводами первой антологии азербайджанской поэзии на русский

язык. К.Симонов блестяще перевел вершинные образцы азербайджанской лирики - стихи Насими, Вагифа, Видади и неизменно включал эти переводы в свои книги избранных стихов.

*В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь.
Я суть, я не имею места, и в бытие я не вмещусь.*

Перевод этого бессмертного стихотворения Насими можно считать конгениальным тексту оригинала.

Помнится, во время одного из своих последних выступлений по телевидению Симонов наряду с собственными стихами вдохновенно прочел и перевод из Видади:

*Не думай о нашем страданьи, всему наступит конец
В груди удержи рыданья, слезам наступит конец.
Наступит пора увяданья, цветам наступит конец.
В душе не храни ожиданья - душе наступит конец
Нас сгложут могильные черви - всему наступит конец.*

Сам Константин Михайлович, вспоминая свою переводческую деятельность в молодые годы, объяснял успех этой работы так: “Наверное, большую роль в этом сыграло и наше знакомство, перешедшее потом в дружбу, с нашими замечательными современниками, такими, как Самед Вургун, как Расул Рза, то ощущение дыхания современной

азербайджанской поэзии, которое нам помогло переводить и азербайджанскую классику” (К.Симонов. “В памяти нашей, тогда еще молодой...” “Литературный Азербайджан”, 1975, № 8).

Узы крепкой мужской дружбы связывали Константина Симонова с Самедом Вургуном. Одно из лучших стихотворений Симонова “Речь моего друга Самеда Вургуна на обеде в Лондоне” навеяно совместной поездкой поэтов в Англию. А дружеское общение с Симоновым, эпизод, связанный с пребыванием у него в гостях на подмосковной даче вдохновил Самеда Вургуна на создание проникновенных стихов “Телогрейка”, которая, кстати, как и два других замечательных образцов позднейшей лирики Вургуна “Поэт, как рано постарел ты” и “Я не спешу” блистательно переведены Константином Михайловичем.

Симонов участвовал на юбилейных торжествах, посвященных 50-летию С.Вургуна, трагически совпавших с последними днями азербайджанского поэта. После смерти С.Вургуна К.Симонов свято хранил память о нем, неоднократно выступал в телевизионных передачах, посвященных другу, рассказывая с киноэкрана свои воспоминания.

Симонов умел дружить прочно и навсегда. Такой же верной была и его дружба с Назымом Хикметом.

Вспоминая о встрече с Симоновым, уже после его кончины Расул Рза писал: “Я познакомился с Константином Симоновым более чем сорок лет тому назад... Его и моя дружба с Назымом Хикметом еще более укрепила наши взаимосвязи. Я никогда не забуду, как истинно по-братски горевал Симонов в дни похорон Назыма. Потом мы неоднократно встречались, вместе работали в комиссии по литературному наследию Назыма”.

Группа участников и гостей II съезда Азербайджанских писателей: слева сидят А.Макаров, Самед Вургун, К.Симонов, М.Ибрагимов, С.Рагимов; стоят слева направо: Р.Кочар, Мехти Гусейн, И.Мурадов, Г.Сейтлиев, П.Антокольский, Э.Велиев. 16 марта 1954 г.

В архиве Расула Рзы сохранилось несколько писем К.Симонова.

“Дорогой Расул! Очень жалко, что вы не были на открытии доски Назыма. Ведь Вы один из тех, кому не на словах, а на самом деле близка его поэзия, - писал К.Симонов Р.Рза 29 июля 1976 года. - Над переводом буду думать, - как, получится ли у меня. “Путь жизни” - по первому впечатлению - получится”.

Перевод стихотворения Расула Рза “Путь жизни” действительно получился отлично, и он был опубликован в “Правде” в декабре 1976 года.

Теплые дружеские отношения связывали К.Симонова с Сулейманом Рустамом, Мирзой Ибрагимовым и другими азербайджанскими литераторами старшего поколения. К.Симонов внимательно следил и за творчеством наших композиторов, художников. Посвятил специальную статью работам “монгольского” цикла азербайджанского живописца Джавида Джамала.

Пресс-конференция К.Симонова, справа Анар

причудливых песчаных холмов - в Кападокию, встречались в самыми разными людьми и мне доставляло истинную радость тесное общение с Константином Михайловичем, человеком редкостного душевного обаяния, простым и мудрым, доброжелательным и контактным. В Турции, как собственно говоря и во множестве других стран, имя Симонова пользуется огромной популярностью. Переведены и неоднократно изданы почти все его основные книги. С особым интересом читается его военная проза. Ко времени нашего приезда издательством “Джем” была опубликована его последняя книга на турецком языке “Двадцать дней без войны” и во всех встречах с турецкой интеллигенцией разговор заходил об этом произведении писателя.

Представители прогрессивной интеллигенции с живым интересом расспрашивали Константина Михайловича о принципах и методах его творческой работы, о фактах его писательской и человеческой биографии. Симонов отвечал с присущей ему основательностью, не уходя и от острых вопросов. Как-то в гостях у одного из турецких литераторов, где кроме нашей небольшой группы, присутствовали и несколько турецких писателей, журналистов, речь зашла о знаменитом стихотворении “Жди меня”, давно переведенном на турецкий язык. Лариса Алексеевна, жена Симонова, вспомнила, что сейчас

Судьба одарила и меня личным знакомством с Константином Михайловичем. В мае 1975 года наша небольшая группа в составе четырех человек - К.М.Симонова, его супруги Л.А.Жадовой, тюрколога В.Б.Феоновой и меня - были в творческой командировке в Турции в течение двух недель. Мы побывали в Стамбуле и Анкаре, в Измире, Бурсе, Трое, Конье, ездили в край

это стихотворение так же популярно во Вьетнаме, как и в нашей стране в годы Великой Отечественной войны. И это понятно: ведь в то время во Вьетнаме шла война и чувства, которые с такой подкупающей искренностью выразил Симонов в своем стихотворении, находят живой отклик в сердцах вьетнамских солдат, оставивших дома свои любимых. - Но это стихотворение близко и нам, - вставил известный турецкий публицист, - мы тоже ждем, ждем Свободу, и эта сама Свобода как бы говорит каждому из нас: Жди меня и я вернусь, только очень жди.

Симонова засыпали вопросами и на пресс-конференции. Отвечая на эти вопросы, он говорил о многонациональной советской литературе, в частности вспоминал и своих друзей, азербайджанских поэтов. На пресс-конференции присутствовали и журналисты, норвившие задать вопросы позаковыристей. Помню такой вопрос: “Как Вы думаете, могла бы быть написана, скажем “Анна Каренина” методом социалистического реализма”?

Симонов отвечал спокойно и вдумчиво: - Нет, конечно, так же, как она не могла бы быть написана методом сюрреализма, неореализма, символизма и т.д. Ну и что из этого? Это не умоляет ни достоинства метода социалистического реализма, ни достоинств гениального толстовского романа”.

В частных беседах Симонов рассказывал о своих встречах с видными советскими военачальниками, с Назымом Хикметом, Самедом Вургунум, живо интересовался сегодняшним состоянием азербайджанской литературы, обещал непременно приехать к нам в Баку.

Свои впечатления от встречи с людьми, от поездок по стране он диктовал сразу, так сказать по свежим следам событий, в небольшой карманный диктофон. - Каким способом Вы пишете? - спрашивал он меня, и когда я ответил, что сперва от руки, затем на машинке, Константин Михайлович посоветовал: - Научитесь пользоваться диктофоном, очень удобная вещь.

Слева Имран Касумов, Константин Симонов, Мирза Ибрагимов, Чингиз Гусейнов, Исмаил Шихлы

- Хорошо тебе советовать, - шутливо вмешалась Лариса Алексеевна, - имея личного секретаря, стенографистку и машинистку, которая расшифровывает твои кассеты! У Анара их нет. (Не кассет, разумеется, а секретаря, стенографистки и машинистки).

Турецкие литераторы всячески старались выразить Симонову свои искренние симпатии, дарили ему книги, альбомы, а один - не самый привлекательный - приволок в гостиничный номер целый тюк - это был ковер. Симонов поморщился, а после ухода дарителя сказал нам: Каким же чутьем надо обладать, чтобы дарить мне то, что я ненавижу. - И добавил: - терпеть не могу ковры.

При всей насыщенности программы пребывания Симонов успевал и читать, и писать во время поездки. Я подарил ему свою книгу и поразился, когда буквально через день он высказал мне свои впечатления и даже цитировал какие-то показавшиеся ему любопытными мысли. Даже когда он не писал, не читал, и не диктовал, его мысль постоянно работала. Помню, однажды, когда ему сказали, что он один из самых талантливых современных писателей, Константин Михайлович в характерной полушутливой манере ответил: "Не знаю, насколько я талантлив, но то, что я самый трудолюбивый писатель - это на самом деле так".

Завтракая, обедая, ужиная в ресторане, переезжая в автомобиле, прогуливаясь по улице, Симонов постоянно сочинял поэтические экспромты и тут же читал нам. Вот один из этих экспромтов:

*Был здоровым, стал недужным
Из тележки табельной
Выпал никому не нужный
НИкомуникабельный.*

Или вот еще такой экспромт:

*Выпьем, выпьем, выпьем тут.
Там нам выпить не дадут.
Ну, а если там дадут
Выпьем там и выпьем тут.*

При слове "там" он поднимал палец к небесам.

Он вводил в свои экспромты и только что услышанные турецкие слова. "Кадын" - по-турецки женщина, и вот Симонов рифмует это слово в одном шутливом экспромте:

*Скажи, Адам,
За что страдам?
Зачем кадын
прошли, как дым?
Кадын, кадын,
прошли, как дым.*

По моей просьбе Константин Михайлович записывает эти экспромты в мою записную книжку и приписывает: “К сему руку приложил К.Симонов”.

Этот автограф Симонова, как и две его книги с дарственными надписями я бережно храню в память о дорогом Константине Михайловиче.

После поездки в Турцию мы несколько раз встретились в Москве. В его московской студии писали совместный отчет о нашей командировке, в котором было несколько пунктов предложений, в том числе и предложения о том, чтобы назвать именем Назыма Хикмета одну из улиц в Баку. Было и несколько случайных встреч в Союзе писателей, в Доме литераторов. Неизменно приветливый и доброжелательный Симонов приглашал в гости, на дачу, и повторял это приглашение через нашего тогдашнего литконсультанта Азера Мустафазаде. Но зная его большую занятость, мне не хотелось воспользоваться его любезностью, отнимать его время. Сейчас я все же сожалею об этом. Так же, как и о том, что ему не довелось исполнить свое обещание - приехать к нам в Баку, город, который он любил, город, с которым у него было связано много прекрасных воспоминаний молодости, где у него были искренние друзья и несметное число почитателей.

Горькой болью отозвалась в моей душе весть о безвременной кончине К.Симонова.

В последний раз я видел его в Москве на съезде кинематографистов. Симонов одобительно отозвался о моей рецензии на повесть Ю.Трифонова “Другая жизнь”, опубликованной в “Дружбе народов”.

Другая жизнь... Прошло всего десять лет со времени нашей поездки в Турцию, а кажется, что все это было в какой-то другой жизни, будто прошла целая эпоха. Сколько потерь за эти годы. Нет Константина Михайловича, нет Ларисы Алексеевны. Умер издатель книг Симонова в Турции Огуз Аккан - глубоко симпатичный человек, бескорыстный друг советской литературы. И сегодня, в день 70-летия К.Симонова и спустя десять лет после нашей поездки я вспоминаю далекий день на Принцевых островах, неописуемую красоту Мраморного моря, залитого майским солнцем. Справа - берег, где кончается или начинается - в зависимости от точки отсчета - Европа, слева - начинается или кончается Азия. Мы все - Константин Михайлович, Лариса Алексеевна, Вера Феонова, Огуз Аккан и я сидим в живописном ресторане в районе порта, обедаем, затем нам подают кофе средней крепости - по-турецки - Орта, Константин Михайлович с неизменной трубкой во рту, с чуть усталой и грустной улыбкой читает только сочиненный экспромт:

*На отдыхе, не на трибуне я
На Принцевых, в районе порта.
Я пью вино, я ем барбукию
И запиваю кофе орта...*

Таким - живым, улыбающимся, простым запомнился мне Константин Михайлович Симонов - прекрасный писатель, мудрый, добрый, чуткий человек.

“Вышка” 18 января 1987 г.

Встреча с Алексом Ла Гумой

В середине октября из Гаваны пришла печальная весть - скончался видный южно-африканский писатель Алекс Ла Гума.

Расистский режим Южно Африканской республики вынудил Алекса Ла Гуму покинуть родину. Вынужденный эмигрировать в 60-ые годы, писатель некоторое время скитался по европейским городам, а в последние годы поселился в столице Кубы.

Литература потеряла талантливого художника, движение Афродиазатской солидарности - видного деятеля, но наряду с этими причинами, меня печалит и то, что совсем недавно, в августе-сентябре этого года мы Алексом совершили совместную поездку в Корею Народную-Демократическую республику и подробности этого приятного вояжа все еще свежи в моей памяти. Цель поездки было укрепление связей между корейскими писателями и Ассоциацией Афродиазатских писателей. Алекс Ла Гума был со своей супругой Бланш, советских писателей представлял я. С помощью переводчицы - преподавателя МГУ Татьяны Валентей, я тесно общался с африканской четой, мы беседовали на самые разные темы.

Анар, Алекс Ла Гума, его супруга Бланш в Корее

Родившись в 1925-ом году в квартале “цветных” Кейптауна, Алекс с молодого возраста выбрал путь борьбы и сопротивления. Отец его Джимми Ла Гума был одним из организаторов Коммунистической партии Южной Африки. Вся жизнь Алекса прошла в условиях жесточайшего преследования. Он испытал и пытки в застенках расистского режима. Жизнь черных, цветных и белых, которую Южноафриканский режим превратил в сущий

ад, нашло свое отражение в романах, рассказах, публицистических статьях Ла Гумы во всей своей беспощадной правде. Покинув свою родину, Ла Гума приобрел широкую известность в международных прогрессивных движениях. В 1979-ом году избирается Генеральным секретарем Ассоциации писателей Азии и Африки, удостоивается литературной премии “Лотос”. В связи с шестидесятилетием Советское правительство награждает его орденом Дружбы народов.

Еще во время первого знакомства в Москве я сказал Алексу, что читал его книги. “Разве их кто-то еще читает?” - спросил он с удивлением. В свою очередь этому вопросу удивился я. Бланш, вмешавшись в разговор, сказала, что по мнению Алекса, все уже давно забыли его произведения. Затем Бланш с нескрываемым удовлетворением добавила, что в Ташкенте его узнавали на улицах, просили автограф. Определенную горечь, прозвучавшую в вопросе Алекса, я понял позже, в ходе наших более обстоятельных бесед. В последние годы напряженная общественно-политическая активность отрывает его от литературы. Ограничение творческой деятельности тяготит Алекса, как всякого истинного художника, и он с сожалением отмечает, что в последние годы ничего не написал. Последний его рассказ был опубликован в Лондоне восемь лет назад. - Стихи пишете? - спрашиваю я. - Да, - отвечает он. - Даже я не знала, что он пишет стихи, - говорит Бланш, - узнала только, когда прочла в журнале “Лотос”.

Бланш очень обаятельная женщина. Помогает мужу в его общественной деятельности в качестве секретаря, сопровождает во всех поездках, всячески заботится о нем. У них двое сыновей. Часто бывают в Москве. Вся жизнь проходит в поездках и переездах. Только за последние месяцы побывали на четырех континентах земли: Из Гаваны в Анголу, Болгарию, Советский Союз и теперь вот в Корею... Из Кореи полетят в Москву, от туда в Канаду, лишь после этого домой - то есть в Гавану. “До конца этого года; уже никуда не поедем, будем сидеть дома”.

Кто бы мог подумать, что этот визит в Корею последнее путешествие Алекса.

Бланш ласково укоряет мужа - никак не следит за своим одеянием. На приемы к президентам, премьер-министрам ходит вот в этой одежде -коричневым пиджаке, клетчатой рубашке. Еле уговорила его купить черный костюм, но никак не согласился надеть белую сорочку, завязать галстук...

Алекс спокойно улыбается.

Я спрашиваю Алекса о философии “негритюда”, о том, насколько учение Махатмы Ганди применимо к освободительному движению народов Южной Африки. “Мы не отрицаем важность этого учения в освободительной борьбе, но считаем необходимым сочетание его с вооруженным сопротивлением”.

Алекс был в Баку, с удовольствием рассказывает о своих приятных впечатлениях от нашего города. Я говорю ему о балете Кара Караева “Тропой грома”, написанного на основе романа южно-африканского писателя Питера Абрахамса. Он об этом слышит впервые, и это его очень заинтересовывает. - Вы знакомы с Питером Абрахамсом, он жив? - спрашиваю я. - Жив, покинул, Южную Африку, живет на Ямайке, отошел от политики и общественной деятельности. Когда он отправлялся в эмиграцию, последнюю ночь в Южной Африке провел в доме моего отца.

Разговор заходит о религии. - В Африке есть племена, - говорит Алекс, - которые почитают не Бога, а Дьявола. По их убеждениям Зло в мире сильнее Добра, следовательно, все в его власти.

После этих слов Алекс слегка улыбается и неожиданно добавляет: - Я тоже порой в своей жизни действовал по наущению Дьявола.

Иногда трудно определить грань между шуткой и правдой в его словах. С юмором рассказывает он и о своем первом посещении Кореи.

Гид, сопровождавший Алекса во время его первого посещения Пхеньяна, спросил в метро: Вы, наверное, в первый раз в жизни видите метро?

Впрочем, и цивилизованные европейцы в этом смысле не далеко ушли от корейского гида. В Лондоне, узнав, что Алекс и Бланш африканцы, на полном серьезе спрашивали: Вы там, наверное, ходите голышом и живете на деревьях?

Во время переговоров с руководителями Союза писателей Кореи решили провести в следующем году в Пхеньяне широкий симпозиум писателей Азии и Африки. На этом симпозиуме, безусловно, Алекс Ла Гума должен был принять самое активное участие,

Прощаясь в Москве, Алекс сказал: - Пока. До новых встреч в Корее, Гаване, Москве, Баку.

И в свободной Южной Африке, - добавил я. Легкая грусть скользнула в глазах Алекса. Несомненно, день свободы настанет и для Южной Африки. Но Алекс уже не увидит этот радостный день.

Возвращаясь из Пхеньяна в Москву, в самолете Алекс подарил мне свою книгу на русском языке. Я поблагодарил и обещал перевести на азербайджанский язык один из его рассказов. К сожалению, мне довелось сделать это лишь после смерти писателя.

Он скончался ровно месяц спустя после нашего последнего прощания в Москве.

Газета "Ədəbiyyat qazeti"
15 ноября 1985 г.

Прощание с мастером

Несколько дней тому назад услышал по радио: Феллини в коме, врачи не оставляют никакой надежды, определяют срок оставшихся дней - не более недели. И хотя я понимал, что несомненно для его спасения мобилизованы все новейшие достижения мировой медицины и сделать уже ничего нельзя, чисто подсознательно тлела мысль - лишь бы оттянулся срок исполнения приговора, лишь бы опоздал горький час еще на неделю, еще на несколько дней.

Но вот вчера пришло сообщение - Федерико Феллини -автора великих фильмов, открывших и завершивших целый этап в искусстве, - не стало.

Весть эта, настигшая меня в хмурый, сырой, дождливый стамбульский день, принесла какое-то чувство сиротливости в мире. Мир стал как бы намного беднее, скучнее, тоскливее.

Близкие к этому чувства я испытывал в те дни, когда мир прощался с Чаплиным, Хемингуэем, Пастернаком, Шостаковичем, Назымом Хикметом, Кара Караевым, когда вторично убивали Маяковского на страницах газет, журналов, книг, в эфире нападками духовно пресыщенных людей, которым повезло дожить до эпохи повального, вседозволенного хамства (впрочем, хамство в этой стране дозволено было всегда, просто существовали лишь некоторые его пределы в отношении хоть нескольких усопших. Сейчас же настал “беспредел” - слово выплеснуто самим временем).

Конечно, за тысячелетия в мировой культуре было немало гениев, но тяжело переживаешь потерю тех, с кем существовал, жил в одно историческое время, кто был твоим, хоть и старшим, современником, кто своим творчеством обращался как бы и к тебе лично, делился с тобой, размышлял, спорил, страдал, любил, утешал, скорбел, шутил - на твоих глазах.

Феллини, наверное, последний из ушедших кумиров нашей молодости. И с каждой такой потерей уходит в небытие часть и нашей жизни. “Не спрашивай, по ком звонит колокол, он звонит по тебе”.

Не берусь утверждать от имени всего поколения, но для меня лично он был одним из тех художников, которые формировали вкусы и пристрастия в искусстве, мироощуще-

Федерико Феллини

Федерико Феллини и Джульетта Мазина

Его ранние работы “Белый Шейх”, “Сосунки”, “Мошенники”, - лишь подступы к главным темам мастера, а фильмы последнего периода - изыски высокого профессионала, когда уже до этого высказано все - даже мысль о невозможности сказать что-то сверх сказанного. Поздний Феллини, на мой взгляд, - это дальнейшая шлифовка отточенного, уже несколько холодного мастерства: даже в таком внешне темпераментном фильме, как “Казанова” с его какой-то вымученной эротикой.

Это отнюдь не означает, что Феллини, как художник, исчерпал себя задолго до физической кончины. Художник, создавший хоть одно гениальное творение, - а Феллини автор не одного такого произведения, - прописан в вечности, независимо от того, на каком этапе биографии осуществлен этот прорыв в бессмертие.

Вчера по первой программе турецкого телевидения показывали “8/12” как дань памяти Мастера. Я видел этот фильм, наверное, раз десять. И вот в этот раз был поражен тем, какая это все же прозрачно-простая для восприятия картина,

ние, эмоциональный настрой души, отношения к жизни, к смерти, к любви

В кино у Феллини были великие предшественники, выдающиеся современники, замечательные соотечественники. Но гениями в этом искусстве XX века являются, на мой взгляд, лишь двое - Федерико Феллини и Чарли Чаплин. Точнее, Феллини - гений звукового кино, как Чаплин - гений немого, а это не только технологически разные этапы одного и того же искусства - это два его разных вида: разных по исходным данным и возможностям, по средствам художественной выразительности, по формам образного воплощения, по стилистике, пластике.

Я люблю все творчество Феллини и видел почти все его фильмы, за исключением, разве что самых последних. Наиболее дороги мне четыре его шедевра: “Дорога”, “Сладкая жизнь”, “8 1/2”, “Амаркорд”.

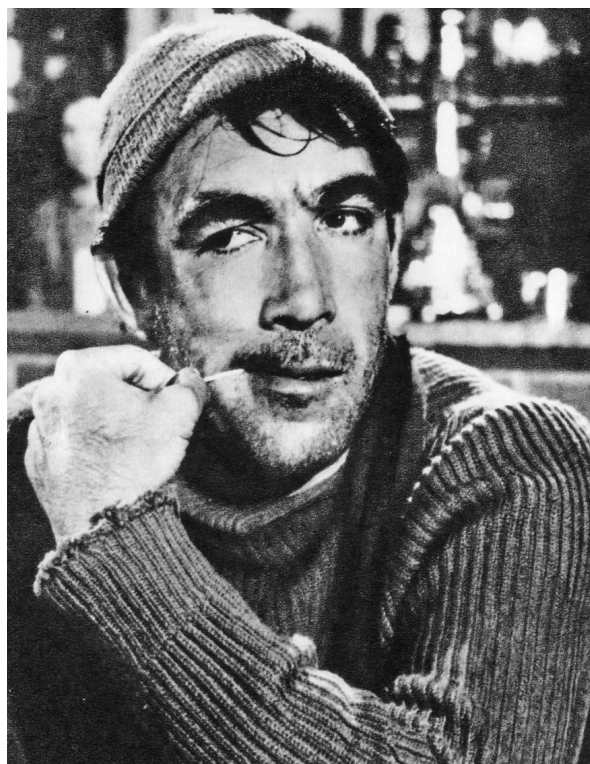
Кадр из фильма “Ночи Кабирии” в роли Кабирии Джульетта Мазина

хотя когда-то она многим, в том числе и мне, после первых просмотров, казалась изощренно сложной, нарочито труднодоступной. Сегодня режиссерский прием - неуказанные, неотмеченные, нефиксируемые переходы из реальности в мир воспоминаний, воображаемых возможностей - настолько эле-

Джульетта Мазина в фильме «Дорога»

И теперь уже не напрягаешься, чтобы постичь логику причудливого монтажа, перетасовки, переброски реально-го, вспоминаемого и воображаемого времени, границы действительно переживаемых событий с замышляемыми эпизодами в будущем фильме режиссера Гвидо - героя картины (это сам Феллини в исполнении Марчелло Мastroяни). Абсолютно точно можно

Энтони Куин в фильме «Дорога»

ментарно ясен, что недоумеваешь по поводу нашего тогдашнего всеобщего непонимания. Но для того, чтобы осознать это, понадобилось не столько многократные просмотры, сколько сам ход времени, который сделал феллиниевские шифры расхожими штампами кинематографа.

М.Антониони и Ф.Феллини

Марчелло Матростяни в фильме "Сладкая жизнь"

туальная Джульетта Мазина в роговых очках), что он изменяет ей не с другими женщинами, а с искусством и со своей памятью.

Искусство и память. Память, жаждущая воплотиться в жизнь, в то же время неспособная на это, - вот мучитель героя, источник его терзаний, неприкаянности, и они занимают во внутренней жизни то место, которое отнято, отвоевано от уравновешенного, нормального семейного существования

Марчелло Матростяни, Аниита Эксберг в фильме "Сладкая жизнь"

определить, где кончается кино и начинается "кино в кино" и наоборот. Сегодня воспринимаешь "8/2" как предельно простую и искреннюю исповедь мятущейся души, как стремление художника, человека, мужчины объясниться со своей женой, оправдаться перед ней за свою ложь, за свою неверность, непостоянство, мимолетные измены, как отчаянную попытку убедить свою супругу (в фильме ее образ воплощает актриса Ануk Эме - интеллек-

Аниита Эксберг в фильме "Сладкая жизнь"

Естественно, было бы наивным сводить все поистине неисчерпаемые мотивы, идеи, проблемы этого фильма к теме семейных взаимоотношений, к томлению душ и суете сует.

Марчелло Мастрояни, Анук Эма в фильме “Сладкая жизнь”

Необъятность жизни и необузданность памяти, которую невозможно укротить средствами искусства, и, следовательно, бессилие художника. Как единственный итог - молчание, отказ, от своей профессии, неисписанный белый лист бумаги, к чему, в конце концов, пришли поэты Рембо и

Рисунок Федерико Феллини к фильму “Амаркорд”

Марчелло Мастрояни в фильме “8/2”

Малларме - так, по крайней мере, утверждает в фильме критик, постоянно стоящий над душой Гвидо.

Недопустимость счастья “Я несчастлив, отец мой”, - говорит Гвидо кардиналу и получает ответ: “Сын мой, а кто сказал, что человек приходит в мир, чтобы быть счастливым?”

Невозможность любить. В ответ на горькую исповедь Гвидо его муза, идеал чистоты и женственности, воплощенная на экране Клаудией Кардинале, которая вся в белом, как бы не ходит, а парит в облаках, в невесомости, жестко констатирует “Потому что ты не способен любить”.

Анук Эма в фильме “8/2”

Продюсер, постоянно озабоченный не оправдывающимися финансовыми расходами. Его глуповатая подружка.

Сексуально озабоченная стареющая кинодива. Друг Гвидо, также стареющий, но бодрящийся бонвиван и его юная пассия, строящая из себя загадочное, тонкое существо.

Пожилые статисты, отставные генералы неизвестно какой армии и какой сгинувшей в небытие страны с жалкими, алчущими глазами. Двойняшки-субретки, костюмерши, помощники режиссера, ассистенты, окружение продюсера - вся эта “кишащая” публика, воссозданная с ювелирно точной характерностью. Жена Гвидо - Луиза, ревнующая его, страдавшая, перегоревшая, гордая, нервная, аристократичная. Примчавшаяся к мужу в радостном порыве и стремящаяся не потерять своего достоинства при унижительных ситуациях. Несколько занудливая в своем резонерском правдолюбии и дотошном изобличении

Травмированное аскетическим католическим воспитанием детское сознание Гвидо в соприкосновении с буйно-языческой, стихийно-природной эротической плотью Сарагины на фоне моря.

Ностальгия по далекому миру детства с его сокровенными секретами - заклинаниями “Аса, низи, масса”. Трепетная, сенти-ментальная нота - свидание с покойными родителями Гвидо. Неслучаен выбор актера, и в других фильмах Феллини воплощающего образ отца главного героя. Рационалистические, сухие рассуждения критика-догматика, который знает все об искусстве, но не способен понять само искусство, аналитика, разрезающего живую ткань художественного замысла, как хирург препарирует труп. Все это - “8/2”. Все это, но далеко не все.

Подпрыгивающая, как бы на шарнирах, метресса Гвидо (актриса Сандра Мило), с водевильной внешностью, с сетчатой вуалью, с игровыми ужимками и вульгарным вкусом, пытающаяся в постели любовника провернуть дела обожаемого мужа.

Феллини получает главный приз Московского фестиваля.

Справа растерянный председатель жюри Г.Чухрай.

Фильм так и не был показан в СССР в Хрущевское время

тельстве. И, наконец, сам Гвидо - художник и фигляр, человек мягкий, добрый, нежный. Любвеобильный и растерянный. Сибарит и меланхолик. Циник и мечтатель. Романтик и сластолюбец. Весь в воспоминаниях, фантазиях, сомнениях.

Вся многообразная галерея человеческих характеров, типажей, лиц, воссозданных с поистине микеланджеловской мощью и чеховской психологической тонкостью. Все это - "8/2".

Или такие вот удивительные находки - отчаянный, предостерегавший жест давно умершей матери Гвидо в последний миг перед его воображаемым самоубийством. Поразительная реплика Луизы, жены Гвидо, воплощенной в его фантазиях в образе заботливой, обремененной бытовыми семейными обязанностями, хозяйки большого дома: "Гвидо, иди, суп остыл", - говорит она в разгар эротического, гаремного зрелища с фрейдистскими садистскими мотивами. Это чисто чеховская реплика.

"8/2" - фильм на все времена и на все страны, но его мог создать только итальянец. Это чисто итальянский фильм, в котором воплощены особенности национального характера, в том числе и такие, как шутовство, говорливость, экзальтированная, выразительная жестикуляция. Буйный, неукротимый темперамент, паясничанье - в чисто итальянской, грустно-смешной, забавно-печальной интерпретации.

Феллини, конечно же, наследник не только итальянского неореализма, но и итальянский комедии дель арте. При этом он созвучен и с другими мастерами кино - своими современниками в других странах.

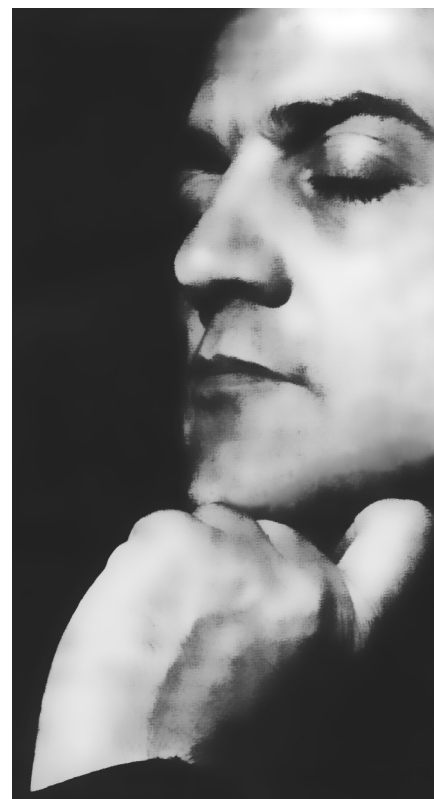
Догматы и клише католического мировоззрения и мучительные попытки их преодолеть. Как у испанского режиссера Луиса Бюнюэля. Грусть паяца, Арлекина, ощущение цирка, скорее печального, нежели веселого искусства, как у Чарли Чаплина. И опустошенность после шумного карнавала жизни. Неизбежность конца. Как сегодня у самого Федерико Феллини.

Монстры и музы, святоши и проходимцы, педанты и жизнелюбы, неразделенные чувства, драма непонимания, обиды и примирение, душасщие воспоминания и химерические надежды, изощренные фантазии и покой освобождения от бремени памяти.

В конце концов, так и не состоявшаяся съемка. Обломки низвергнутых декораций. Развалины невоплощенных замыслов. Руины несостоявшегося счастья. И последняя щемящая нота, исполняемая на одинокой, последней трубе мелодия композитора Нино Рота.

Как только и только у Федерико Феллини.

Прощайте, Мастер. Спасибо, что вы были.

Федерико Феллини

СТАМБУЛ, 3 ноября 2003 г.

Поэт Азиз Несин

Азиз Несин

Азиз Несин - турецкий писатель с мировым именем, лауреат престижных международных премий, талантливый сатирик и юморист. После патриарха тюркских балагуров и шутников Моллы Насреддина - Насреддина Ходжи, после "Моллы Насреддина" XX века, великого Мирзы Джалиля Мамедкулизаде, Азиз Несин, на мой взгляд, самый яркий мастер смеха в литературах тюркских народов. Он прозаик - умеющий смешить и убивать смехом. Я неслучайно употребил слово "прозаик", ибо в поэзии народов Востока вершиной является, несомненно "Хопхопнаме" М.А.Сабира, а

шедеврами драматургического искусства в Азербайджане являются комедии М.Ф.Ахундова, все того же М.Дж.Мамедкулизаде, Узеира Гаджибейли, Сабита Рахмана.

С Азизом Несином я несколько раз встречался и беседовал в Баку, Стамбуле, Каире. В 1999-ом году выступал на его юбилее 75-летия в Стамбуле. В последний раз видел его в 1993-ем году на Стамбульской книжной ярмарке. Авторы, участвующие на турецких книжных ярмарках подписывают читателям-покупателям свои книги.

В то время я преподавал Азербайджанскую литературу в Стамбульском Университете Мемар Синан. Только что в Турции вышла моя вторая книга "Шестой этаж пятиэтажного дома" в переводе Илдениза Гуртулана и я также был приглашен на эту ярмарку-распродажу книг. Вместе с Азизом Несином и несколькими турецкими писателями я оказался за одним столом, за кото-

На книжной ярмарке в Стамбуле, Азиз Несин, Анар, Ильдениз Куртулан

рым мы должны были подписывать наши книги. За автографом к Азизу Несину выстроилась большая очередь. Он надписал приблизительно более двухсот книг. Точно помню и количество надписанных мной книг - их было всего 8. Другие писатели за нашим столом не подписали ни одной книги, и мне даже было как-то неловко за них. Ну, я, скажем, из другой, хоть и братской страны, и меня в Турции в те годы мало знали. Но ведь турки были довольно таки известные писатели.

Расул Рза, Азиз Несин, Чингиз Айтматов

Просто слава Азиза Несина затмила их всех. Уверен, если бы ярмарка-распродажа продолжилось бы и на следующий день, было бы продано столько же книг сатирика. В те годы, в Турции не было писателя популярнее Азиза Несина.

В тот день на ярмарке Азиз Несин подарил мне свою книгу эпиграмм “Дашлама” (буквально можно перевести как побитие камнями). Именно в тот день я узнал, что Азиз Несин, оказывается еще и поэт. Он писал в жанре “дашлама” в традиционной форме са-

Слева: Юсиф Самедоглы, Зейнаб Орал, Азиз Несин, Анар, посол Азербайджана в Египте Исрафил Векилов в Каире

Слева Мирза Ибрагимов, Яшар Кемаль, Азиз Несин

ки сатирическим и юмористическим образцам нашей азербайджанской поэзии. Читая “Курбан байрам” (“Праздник жертвоприношения”) Азиза Несина сразу вспоминаешь стихи М.П.Вагифа “Наступил праздник”. Другие эпиграммы напоминают стихи из “Хопхопнаме” Сабира. Возможно Азиз Несин не читал это стихотворение Вагифа и вообще не знаком с его поэзией. Сабира он, во всяком случае, знал и ценил. В каждом номере издаваемого им журнала печаталось одно из стихотворений великого азербайджанского поэта. И как бы то ни было Азиз Несин по духу, по стилю, форме своих сатирических стихов очень близок к поэтам “молланасреддинской школы”. Это, очевидно, обусловлено как с влиянием общих литературных традиций, так и со сходными социальными, бытовыми проблемами, с которыми в разные времена сталкивались эти авторы в Азербайджане и Азиз Несин в Турции. Ведь похожи уклад национальной жизни в обеих странах, близки характерные особенности людей, часто полностью совпадают и беды, и наши горести. И одинаковы переживания по поводу этих бедствий, и то, как мы справляемся с ними смеясь сквозь слезы.

Одна из самых известных эпиграмм Азиза Несина называется “Изиндейиз”. Необходимо разъяснит значение этого слова. Одно значение этого выражения на турецком языке от слова “из” (след). Многие в Турции утверждают, что они следуют по пути Ататюрка, по его следам. “Изиндейиз” - то есть мы идем по твоему следу, по твоему пути. Вто-

тирической поэзии Турции, восходящей своими корнями к средневековью, к таким поэтам как Нафи, а позже Ашраф. Нафи, кстати, казнили за высмеивания в стихах власть имущих. В эпиграммах Азиза Несина, как и в его рассказах, пьесах болезненные социальные проблемы отображаются языком острой и резкой сатиры. Прочитав его книгу я узнал не только прекрасного поэта, но сделал для себя еще одно открытие: стихи Азиза Несина разительно близ-

Анар и Азиз Несин в Египте

рое значение слова “изин” - разрешение. В переносном смысле это “разрешение на отпуск”. В этом смысле “изиндейиз” - означает “мы в отпуску”. Обыгрывая два значения слова Азиз Несин создает сильную сатирическую метафору - люди утверждающие, что они идут по следам Ататюрка, на самом деле отлынивают от какой-либо созидательной работы, ссылаясь на то, что они в вечном отпуску.

Заинтересовавшись другими поэтическими книгами Азиза Несина, я обнаружил, что его поэзия не ограничивается только сатирическими жанрами. И его сугубо лирические стихи раскрыли для меня совершенно другой образ писателя.

“Несин” - псевдоним Азиза - по-турецки означает вопрос: “Кто ты?” или “Что ты?”. Этот вопрос, который Азиз как бы обращает к самому себе: Кто ты, что ты, что ты из себя представляешь? Когда я думаю о нем, этот вопрос задаю и я: Кто ты Азиз-бек? Писатель с уникальным сатирическим даром? Безусловно. Вышедший из гущи народа, глубоко чувствующий боли простых людей не на словах, а всеми фибрами души и потому непримиримый борец за социальную справедливость? Разумеется. Верный своим убеждениям, враг врагам, друг друзьям, честный, бескорыстный, самоотверженный человек? И эта так. И вместе с тем упрямец, на мой взгляд, излишне задиристый, готовый лезть в драку даже тогда, когда в этом никакой необходимости нет. Раздражитель общественного мнения, чья стихия - литературный эпатаж, политические скандалы. Иногда казалось, что без схваток он не может жить. Некоторые трактовали это, как желание всегда быть в центре внимания. Может, и это где то было правдой. Такой образ существования, такая жизнь в постоянном напряжении вытекали из самой его природы, темперамента. Этот характер, как и талант - дарованы были Азизу Несину Богом. Так я думал, предполагал, до знакомства с его лирическими стихами. После прочтения его лирики передо мной предстал совершенно иной Азиз Несин. Оказывается, в глубине этой драчливой натуры скрывался легкоранимый, хрупкий, нежный и грустный человек, в последние годы, весь во власти пессимистических настроений.

Азербайджанские читатели с любовью читают рассказы турецкого писателя. Его пьесы, инсценировки рассказов ставились на наших театральных сценах, демонстрировались на телеэкране. Но никто в Азербайджане, возможно кроме нескольких специалистов-тюркологов, не знал ДРУГОГО Азиза Несина.

Мы не знаем не только Азиз бека-поэта, но Азиз бека - глубоко печального человека. Поэтому я и представил читателям журнала “Мутарджим” несколько стихотворений Азиза Несина - сатирических и лирических.

Слева: Азиз Несин, Октай Акбал, Анар

8 ноября 1999 г.

Всёры и примирения с Расулом Гамзатовым

В послевоенные годы Расул Гамзатов стал одним из самых известных поэтов советской эпохи. Его стихи в переводах Наума Гребнева и Якова Козловского могли соревноваться в популярности с поэзией самых модных русских поэтов. Особенно большим успехом пользовались песни на его слова, в том числе и прекрасная песня о журавлях. Правда, злые языки утверждали, что высокий уровень его творчества - заслуга прежде всего переводчиков и обосновывали свое утверждение тем, что язык, на котором пишет Гамзатов, не обладает потенциальными возможностями для выражения такого богатства чувств и мыслей. Не соглашавшиеся с этим утверждением резонно замечали, если переводчики так уж талантливы, почему же не пишут такие же замечательные стихи сами? Как бы то ни было - феномен Расула Гамзатова был заметным явлением в советской литературе нескольких десятилетий. И этот феномен зиждился не только на поэзии Гамзатова, но и на его яркой, незаурядной личности. Обладая сильным чувством юмора, он на своем корявом русском языке мог рассмешить любую аудиторию, от членов Политбюро до рядовых слушателей. Притчей во языцех стали его забавные экспромты. Когда в большой компании кто-то провозгласил тост за женщин, попросил стать всех мужчин и те стали, Расул Гамзатов громко сказал: Какое самомнение...

Расул Рза и Расул Гамзатов

Его замечательную жену - кумычку звали Патимат и Расул знакомся с кем-то, представлялся как "доктор патиматических наук". С какого-то большого совещания в Москве Гамзатов направил такую телеграмму: Махачкала. Маме. Сижу в Президиуме, а счастья нет.

Первый раз Р.Гамзатова я видел в нашем доме. Р.Гамзатов с женой и мой отец возвратились с какого-то совещания в Ташкенте. Так как из Ташкента не было прямого рейса в Махачкалу, Гамзатовы несколько часов провели у нас. Помню, как Патимат-ханым смеясь рассказывала: в Ташкенте пропала шляпа Расула (не Гам-

затова, а моего отца) и когда Расул Рза спросил о ней, ему ответили, что ее отправили в райком. - Что ей делать в райкоме, - сказал Расул, - моя шляпа беспартийная.

Привыкшая к юмору мужа, Патимат ханым от души смеялась этой шутке. В это время у нас был и мой дядя по матери геолог Рашид Рафибейли. Гамзатов все спрашивал его, какие полезные ископаемые можно обнаружить в Дагестане.

Вторая встреча с Гамзатовым, опять же в отцовском доме, к сожалению, была не столь радужной и завершилась настоящей ссорой.

Расул Гамзатов приехал на съезд наших писателей. Вагиф Самедоглу, с которым я вышел на прогулку, предложил зайти к ним, в квартиру-музей его отца Самеда Вургуня, куда должен был явиться Расул Гамзатов. Там мы и встретились с ним. Узнав, чей я сын, он стал укорять меня: если бы Расул, (т.е. мой отец) приехал бы в Махачкалу, я встретил бы его прямо на вокзале. А я вот уже второй день в Баку, а Расул даже не показывается.

Черт дернул меня пригласить его в наш дом: Отец неважно себя чувствует, - сказал я. - но он с удовольствием встретится с вами у нас дома.

Так как Гамзатов был навеселе, он сразу согласился. Он на этот раз был без жены, его сопровождал дагестанец, живущий в Баку, которого тоже звали Расулом.

Я позвонил, предупредил родителей, и мы все отправились к нам - дети Самеда Вургуня Юсиф, Айбениз, Вагиф, два Расула и я. По дороге я спросил Гамзатова: А кто еще приехал из Дагестана? Он остановился и с укором посмотрел на меня: - Одного Гамзатова разве недостаточно? -сказал он.

Вначале у нас дома все шло нормально. Гамзатов вспомнил, что когда он напечатал в "Литературной газете" стихи о родном языке, мой отец направил ему поздравительную телеграмму. Точно помню его слова: Что может быть для одного поэта выше, чем поздравление другого поэта.

Но потом под влиянием коньячных градусов, которые добавились у нас дома к прежде принятым им дозам, Гамзатов стал вести себя вызывающе. Незадолго перед этим в журнале "Азербайджан" были напечатаны стихи отца в стиле народной поэзии. - Ты же всегда писал свободным стихом, зачем же демонстрировать свое умение писать в разных стилях, стал предъявлять он нелепые претензии отцу. Придерживаясь законов гостеприимства, отец, обычно резко отвечающий на любые наскоки, сперва хотел перевести разговор в шутку: откуда ты знаешь про мои стихи, они же еще не переведены, а ты не владеешь азербайджанским языком. Кто же тебя информировал? Гамзатов все не унимался и тогда отец уже резко сказал: Что, я должен советоваться с тобой как и о чем мне писать что ли?

Удивительная метаморфоза произошла и с сопровождающим Гамзатова третьим Расулом. Мои родители, оказывается, знали его как весьма скромного и вежливого человека, но тут при своем именитом земляке его как бы подменили; он тоже стал проявлять задиристость, но в весьма смешной форме. Вынул из кармана небольшую коробку и раскрыл ее - в ней были разные награды Гамзатова.

- Это у тебя есть? - показывал он моему отцу орден Ленина, Государственную премию.

- Есть, есть, - со смехом отвечал отец на такую пьяную ахинею. Тогда тот вытащил значок Ленинской премии - А это?

- Этого нет, - так же со смехом ответил отец. - То-то, - торжественно провозгласил Расул третий.

Покойный Юсиф, чуть заикаясь, обратился к Гамзатову, указывая на третьего Расула - А это ваш орденосец?

Оказалось, что в каждый приезд Гамзатова в Баку, он свои награды временно вручал своему земляку, дабы не растерять в состоянии подпития.

Гамзатов все более распалялся: - Кто вас переводит? Только второстепенные поэты...

Тут уж не сдержался я:

- Наших поэтов переводили Пастернак, Ахматова, Сельвинский, Луговской, Светлов, Симонов, а не только Гребнев с Козловским, - сказал я и прочел строчки Пастернака:

*Быть знаменитым некрасиво
Не это поднимает ввысь
Цель творчества самоотдача
А не шумиха, не успех
Позорно ничего не знача
Быть притчей на устах у всех.*

Все восприняли это как прямой выпад против Гамзатова. И когда он сказал что-то еще более оскорбительное о нашей литературе, Энвер Мамедханлы, который тоже в это время был у нас, припомнил Гамзатову, позорный факт его биографии. В годы, когда Шейх Шамиль был объявлен турецким шпионом, Гамзатов написал против него стихи, где назвал героя горцев - чеченским волком и ингушской змеей. Это было вдвойне подло, ибо в это время были сосланы и чеченский и ингушский народы, а Шамиль, как известно, не был ни ингушом, ни чеченцем. Он, как и сам Гамзатов, был аварцем.

Это конечно, был удар ниже пояса, но Энвер не стерпел выходок пьяного Гамзатова, и когда тот после упоминания позорного факта, связанного с Шамилем, грубо оскорбил Энвера, тот замахнулся на него. Только благодаря быстрой реакции Юсифа, схватившего Энвера за руку, Гамзатов не получил звонкую пощечину.

- Расул, - обратился Гамзатов к отцу, - в твоём доме оскорбляют меня.

- Веди себя пристойно, и никто тебя не будет оскорблять, - ответил отец.

Обстановка накалялась, но вдруг Гамзатов неожиданно сказал:

- Можно я закажу Махачкалу, хочу поговорить с Патимат.

- Конечно

Он заказал, вскоре соединили:

- Патимат, я у Расула, - сказал Гамзатов, - все передают тебе привет.

Допустим, все это было в пьяном состоянии. Но на завтра, уже трезвым, выступая на съезде, Гамзатов сказал, что в Азербайджане после Самеда Вургуня не осталось поэтов. Удивительно, что ему стали громко аплодировать. Тут же на съезде ему резко ответили Мирза Ибрагимов, Мамед Рагим, Гылман Мусаев. И им также, может даже еще громче, аплодировали. Психологию масс - понять трудно.

Позже они встретились с моим отцом в Москве, и Гамзатов извинялся за свой поступок - то ли за то, как вел себя у нас дома, то ли за выступления на съезде. - Что ты оби-

жаешься, - говорил он Расулу Рзе, - ну я что-то сболтнул в пьяном состоянии.

Он дал поздравительную телеграмму в связи с юбилеем отца:

Дорогой Расул муаллим! Ваш юбилей еще один повод для меня выразить вам свою любовь и уважение. Ваше прекрасное творчество долгие годы радовало и радует миллионы читателей. Желая вам вечного вдохновения, крепкого здоровья, светлых радостей. Обнимаю вас Расул Гамзатов.

Еще одна телеграмма от семьи Гамзатовых поступила в дни октябрьского праздника и видимо, связано с болезнью моей матери.

Дорогая сестра Нигяр, дорогой друг Расул. Поздравляем по случаю октябрьского праздника ваши прекрасные произведения - ваших детей. Желаем, чтобы Нигяр в скором времени выздоровела, радуя всех нас. Печаль и болезни, чтобы больше никогда не находили дорогу в ваш дом. Пусть в вашем доме всегда царят радость, дружба и счастье, а грусть и печаль и то совсем немного пусть будет только в ваших стихах Зарема, Патимат, Расул Гамзатовы.

В 1981 году Расул Гамзатов выразил глубокое соболезнование в связи с кончиной моего отца.

“Очень печальное известие дошло и до меня. Нас покинул мой дорогой друг Расул. Я глубоко скорблю. Сожалею, что в эти дни не могу быть с вами, чтобы разделить ваше горе. Расул Рза не умер. Он вечный поэт и вечный друг. Я всегда буду хранить память о нем в своем сердце”. Расул Гамзатов.

Задолго до этой печальной даты, в мои молодые годы, в Москве, в ЦДЛ я как-то встретил Гамзатова. Он сделал вид, что не узнал меня, может быть и действительно не узнал, ведь прошло столько лет после ссоры в нашем доме. Когда ему сообщили что я из Азербайджана, он - опять-таки в состоянии сильного подпития сказал: - ваш поэт валялся у моих ног, умоляя помочь ему получить Государственную премию. И хотя я понял, о ком он говорит, и с этим поэтом у меня были непростые отношения, я все же ответил: Ни один азербайджанский поэт, никогда не будет валяться у чьих-либо ног, ради какой-либо премии.

- Ты контуженный, - сказал Гамзатов. Видимо это было его любимое выражение, ибо он еще несколько раз повторил его, имея в виду уже других участников застолья.

Я уж не стал отвечать, учитывая и его возраст, и его состояние в данный момент.

Но все это мелочи по сравнению с тем, как он повел себя с началом карабахского конфликта. Всех в Азербайджане глубоко возмутила его проармянская позиция, недвусмыс-

Турецкий писатель Х.Асилазчы, Р.Гамзатов, Анар

*С.Р.Гамзатовым и его супругой
Патимат ханум на прогулке по Босфору*

ленно выраженная на страницах центральной прессы. Наби Хазри, учившийся с ним в Литинституте в Москве и считавшийся его другом, написал ему гневное открытое письмо с резким протестом.

Спустя несколько лет я, будучи уже Председателем Союза писателей Азербайджана, встретился с Гамзатовыми в Стамбуле на юбилее Азиза Несина. Во время прогулки на пароме по Босфору Патимат ханым - кстати очень милая и обаятельная женщина, - говорила мне, что Расул сильно переживает, из-за отношения к нему в Азербайджане. Ведь в начале событий, он, толком не вникнув в них, что-то сказал не так, и теперь крайне сожалеет об этом.

Мы беседовали втроем. Говорила в основном Патимат ханым, Расул молчал.

- Приезжайте в Баку, - сказал я ему, - выступите по телевизору, выскажите свою позицию и все станет на свои места.

Тогда он не приехал в Баку, но дважды направлял в мой адрес телеграммы - в связи с годовщиной Черного января и в связи с Ходжалинским геноцидом.

“Баку, Союз писателей Азербайджана Анару. В день годовщины Черного января в Азербайджане я с вами. Вместе с вами я глубоко скорблю по поводу гибели наших братьев и сестер. Желая, чтобы такое больше не повторилось никогда и нигде. Расул Гамзатов Махачкала 4 января 1991”.

“Баку Союз писателей Азербайджана Анару.

Дорогой Анар. В эти дни, когда Азербайджан в трауре, мы разделяем страдания твоего народа и горе наших братьев-писателей. Очень верим, что на вашей земле воцарятся мир и спокойствие. Ваши Расул Гамзатов, Мустай Керим, Муса Гали”.

В Стамбуле он говорил мне, что ему очень понравилось мое выступление на юбилее Азиза Несина, хотя непонятно как он мог его оценить, если не знал нашего языка. Возвращаясь в Москву, в самолете он спросил у меня, почему нет Советского комитета дружбы с Турцией. Откуда было мне знать это. Он сказал, что обязательно поднимет этот вопрос и предложит, чтобы я стал его Председателем. “Ведь тебя хорошо знают в Турции и так тепло принимали там”.

Возникла идея установления более тесных связей с литераторами Дагестана и Расул Гамзатович написал мне письмо по этому поводу:

“Дорогой Анар! Мы с удовлетворением восприняли и приветствуем Ваше предложение, являющееся подтверждением неизменной верности традициям нашей дружбы и служащие насущным интересам не только настоящего, но и будущего наших народов и литератур. Соответствующие соглашения (протокол) совместных мероприятий мы готовы согласовать и подписать в любое удобное время. Конкретные предложения к совместным планам будут подготовлены и представлены. Предварительное обсуждение мы могли бы провести в удобное для Вас время. Желая всего доброго.

Только сейчас узнал о круглой дате твоей жизни. Сердечно поздравляю. Надеюсь вместе с тобой отметить в Дагестане. С глубоким уважением Расул Гамзатов. Председатель Правления СП РД 29 апреля, 1998”.

К сожалению, мне не довелось поехать в Дагестан, но Р.Гамзатов, приехал-таки в Баку на девяностолетие Самеда Вургуня.

Поэт Идаят, работавший в то время в Президентском аппарате, в своих заметках, вспоминая о предыстории приглашения Расула Гамзатова в Баку пишет: “Я не был лично знаком с Расулом Гамзатовым. Поэтому решил посоветоваться с Анаром. Попросил его позвонить Гамзатову и пригласить на юбилей. Анар согласился и прямо из моего кабинета позвонил в Махачкалу, переговорил с ним. Расул Гамзатов спросил, куда послать поздравительную телеграмму, в Союз писателей? Это означало, что он не думает приезжать в Баку. Анар-муаллим сказал, что вы давно не были в Баку, было бы хорошо, если бы приехали. Гамзатов сослался на свою болезнь, сказал, что не покидает не только Махачкалу, но даже не выходит из своего дома. На этом разговор был исчерпан, но Анар уведомил его, что вопросами его приглашения будет заниматься государственный советник Идаят. Таким образом открылась линия моей непосредственной связи с Расулом Гамзатовым. Звонок такого серьезного, авторитетного писателя как Анар, был к месту и стал хорошим началом для контактов”.

Идаят отмечает, что когда приглашение было сделано от имени Президента Гейдара Алиева Гамзатов вместе с женой все же приехал.

В своем выступлении на торжественном мероприятии Расул Гамзатов выразил большую любовь к великому поэту и свои глубокие дружеские чувства к азербайджанскому народу. Вечером того же дня Гейдар Алиев устроил прием в честь гостей, на котором они с Гамзатовым делились воспоминаниями о своих встречах. Но об этом я уже писал.

В последние годы своей жизни, после перенесенных инфарктов Р. Гамзатов перестал пить, чем злоупотреблял до этого. Несмотря на неровный характер Гамзатова, особенно в состоянии подпития, а бывал он в таком состоянии нередко, несмотря на ссору в нашем доме, его неуместное выступление на съезде и, особенно, на его недостойную позицию в начале карабахского конфликта(позже он таких ляпсусов уже не допускал), я все же вспоминаю о нем с теплым чувством. Может быть потому, что яркая личность, сочный юмор и несомненный талант, перевешивают все наносное в его поведении.

На юбилее Самеда Вургуня я видел его в последний раз. Получив приглашение, я, к сожалению, не смог поехать на его юбилейные торжества в Махачкалу. Мы командировали туда поэта Мансура Векилова. Как рассказывал сам Мансур, выступая там, он закончил свою речь буквально такими словами: “Дорогой Расул Гамзатович. Ваш друг Самед Вургун очень скучает без вас”.

Через месяц Расул Гамзатов скончался.

Сентябрь 2012 г.

“Другая жизнь”

С печальнейшего события начинается рассказ Ольги Сергеевны о своей жизни, которая казалась ей то счастливой, то грустной, а то и “совсем ужасной”.

Какой была эта жизнь?

Счастливые дни начала их любви с Сергеем на берегу Черного моря, потом свадьба, дочь, работа и невзгоды, неурядицы, ссоры, стычки со свекровью, а иногда “вечер в лесу, мы трое на лыжах - счастье”.

И вот все кончилось, надежды, неудачи, иссушающие душу ревность, любовь. Сергей умер, утрата невозполнима. И Ольга Сергеевна чувствует неутолимую боль и еще - необъяснимое, смутное чувство вины. Но в чем она, эта вина?

Почему муж ее Сергей Троицкий, прожил такую короткую и беспокойную жизнь? Почему он метался, кидался от одного к другому, ничего не доводил до конца, терпел поражения, верил и обманывался, внезапно загорался и так же быстро остывал.

Почему он не мог, как другие, посидеть усердно в архивах месяц, два, три, пять, сколько нужно, вытянуть из гигантской очереди все, что касается московской охраны накануне Февраля и добросовестно это обработать.

Сергей Троицкий жил неудобной жизнью человека, поступающего вопреки общепринятой благоразумности. Он беспорядочно тратил свою жизнь на какие-то бесцельные поиски, увлекался нелепейшими фантазиями, приходящими ему в голову, пытался проникнуть в глубь вещей, найти “продолжение нити”, проходящей сквозь поколения, обнаружить след внутренней преемственности среди людей.

Не просто собрать и обработать факты в своей диссертации, но извлечь истину, докопаться до сути, найти доказательства того, что человек не исчезает вместе со своим физическим отмиранием, что смерть человеческая это не химия, после него остается нечто, чему нет названия, но что существует, эмануясь в других людях, в их сознании и чувствах.

Потеряв Сергея и тяжело страдая, Ольга Сергеевна, всегда насмехавшаяся над чувствами мужа, вдруг понимает это.

“Боже мой, если все начинается и кончается химией - от чего же боль? Ведь боль - не химия, и их жизнь, померкшая внезапно, как перегоревшая лампа, разве была соединением формул?”

Метания Сергея, кажущиеся легкомыслием и бездумностью, на самом деле глубоко последовательны по своей внутренней динамике, это поиск человека мыслящего глубоко и не допускающего поверхностных обобщений.

И даже его дальнейшее увлечение спиритизмом никак не блажь, не безумие, как считают два самых близких ему человека - мать и жена. Это логическое внутреннее продолжение всей работы его души, жаждущей найти ключ, разгадку тайны человеческого вза-

имопонимания. Стремление разбить стеклянную оболочку человеческого одиночества, исцелиться пониманием, обрести надсловную связь, ибо слова часто бессильны.

“Парапсихология” - мечтательная попытка проникнуть в другого, отдать себя другому, исцелиться пониманием”.

Жизнь и поступки Сергея Троицкого проходят перед нами, отражаясь в кривом зеркале рационализма его жены, Ольги Сергеевны.

Это как бы история незаурядного человека, увиденная глазами заурядного человека, честного, преданного, любящего, но не способного подняться над кругом очевидностей, над привычностью общепринятых понятий, не способного допустить мысли о том, что порой Истина начинается там, где кончается очевидность.

Ольга Сергеевна не сомневается в правильности избранного ею пути, она в свое время (не проболтавшись, как Сергей, несколько лет в каком-то музее) защитила диссертацию, стала заведующей лабораторией... Если у нее и есть какие-то сомнения и неуверенности в связи с ее работой, то все они носят временный и неопределяющий характер.

В главном, в том, что она на своем месте, у нее сомнений нет.

И тут возникает парадокс. Ольга Сергеевна не любит свою работу, или, во всяком случае, она к ней совершенно равнодушна. Для нее это работа, которая длится ровно 8 часов, 5 дней в неделю. Ничто, связанное с ее работой, не лихорадит этого человека.

И вот весь этот духовный вакуум заполняет постоянно терзающая ее душу, невыносимая ревность, ревность к прошлому, к настоящему, ревность к действительному и вымышленному, придуманному ею самой, ревность, отнимающая все силы, иссушающая, озлобляющая, унижающая и заставляющая страдать долго и тяжело.

Ольга Сергеевна мечтает о спокойной жизни, без бурь и безумств, она даже готова ничего не требовать от Сергея, ни диссертации, ни курорта, ни телевизора. Как человеку порядочному ей конечно отвратительно блистательное восхождение бывшего друга ее мужа Гены Климука.

В запрограммированной жизни Гены Климука ни один день, ни один час не были потрачены впустую.

Школа, институт, диссертация и затем должности, должности, все выше и выше, без каких-либо колебаний и душевных волнений: пробиваться, расталкивая всех локтями, переступая через близких, дружбу, порядочность, честность, извлекать из всего пользу для себя, преуспевать, преуспевать... - вот цель.

Однако, даже безусловно понимая духовное превосходство Сергея над Климуком, Ольга Сергеевна считает все-таки Сергея неудачником. Ощущение виновности связано у Ольги Сергеевны, на наш взгляд, с тем, что не сумела она поверить в Сергея до конца, все казалось ей, что он погибает, и она жалела его и жалостью своей еще больше отягощала и без того тяжкое бремя непонимания, которое пронес ее муж сквозь свою короткую жизнь.

Невыносимо трудно Сергею объяснить окружающим его людям, что вовсе не достоин он жалости, что вовсе не погибший он, что просто не нужно ему то, что все от него ждут, нужны ему лишь та внутренняя свобода, тот стержень, который бы “оставался нетронутым, пружинил, но не ломался”. Он не хотел меняться в своей сердцевине, и это значило, что хотя он мучился и много терпел неудач, терял веру в себя... “он все же не хотел ломать то, что было внутри, такое стальное, не видимое никому”.

Угнетенность Сергея была как бы отражением того, что внушала его жизнь окружающим. Отчаяние его было вызвано не тем или, во всяком случае, не столько тем, что ему не давалась его работа, а тем, что он не мог заставить себя стремиться к тому, к чему, казалось, должен был стремиться - к ее продолжению.

Как шелест травы, проходит через всю повесть щемящая тема “другой жизни”.

В двух этих словах, ставших и названием повести заключен глубокий смысл - неоднозначный, емкий образ, который может трактоваться в самом широком спектре. “Другая жизнь” - это жизнь Другого, пусть и самого близкого человека, жизнь, недоступная по своей глубине сути постороннему взгляду, та самая, про которую русская пословица говорит: “чужая душа - потемки”. И первый - наиболее верхний слой этого образа - попытка Ольги Сергеевны пройти по этим самым потемкам с ярким фонарем совершенно ясного и все же от этого не менее унылого рационализма, объяснять все умозрительно, хотя, конечно, в рассудочности ее логических построений замешано немало чисто эмоционального, субъективно-душевного, “бабьего”, наконец. В этом и мастерство писателя, что Ольга Сергеевна не схема, а полнокровный и непростой характер. Другая жизнь это и ее собственная, Ольги Сергеевны, душевная биография, по коренной своей сути отличная от душевной биографии ее мужа. И еще другая жизнь - эта та самая иная судьба, которая могла бы быть у Сергея, и не только у Сергея. Это - идея вариантности судьбы, идея альтернативности жизненной ситуации - перед которыми так или иначе поставлены почти все персонажи повести.

Для Ольги Сергеевны мечта о возможности “Другой жизни” - это мечта о существовании ясном, определенном, понятном, упорядоченном, радостном, спокойном, застрахованном от всех эмоциональных неожиданностей.

Понятно, что эта ее версия возможной “другой жизни” неразрывно связана с ее мечтаниями о “другой жизни” Сергея, вернее, для Сергея. Ибо она считает, что их жизнь - цельный, живой, пульсирующий организм, со своим сердцем, легкими, органами чувств, и вот одна из слагаемых этой самой единой, третьей жизни, ее вторая составная часть - жизнь Сергея, в идеале, ее идеале, должна быть без несуразностей, нелепостей, безрассудств, бесцельных усилий ума.

У Григория Максимовича, друга Шагала и Модильяни, уничтожившего все свои юношеские работы и теперь заседающего в каких-то комиссиях, выполняющего какие-то заказы, с его “рошицами и прудиками” тоже “другая жизнь”, с той лишь разницей, что ту свою, настоящую, о которой мечтается, он уже прожил в начале, в юности, а потом, она, покореженная, изломанная, раздавленная, осталась лежать где-то далеко в прошлом, и началась для него тихая, благополучная, спокойная и сытая жизнь.

Для самого же Сергея “другая жизнь” - символ невоплощенного, неосуществленного, неуловимого и вечного, как движение, бесконечного в своей изменчивости.

Зыбкость поиска и невозможности находки, тайный зов непознанного, сладкая истома сомнений и негасимое пламя несогласия - вот это и есть - другая жизнь Сергея Троицкого.

Из всего этого - разноречивого, нередко путаного, ненужного, несуразного - складывается нечто цельное и ценное: ощущение внутренней свободы, та самая “жажда свободы”, о которой азербайджанский прозаик Энвер Мамедханлы сказал, что она или “сжигает людей дотла или ее вовсе нет”.

Да, у Сергея “вкусовое отношение” ко всему. Но в это определение входят точные и незыблемые нравственные критерии, максималистская неуступчивость в главном, основном, нежелание становиться удобным, “каучуковым”, невозможность принять, пусть даже вполне благовидную, помощь от того же милейшего Григория Максимовича.

“Какая-то внутренняя несуразность и желание делать только то, что им нравилось, губили этих людей”, - свидетельствует Ольга Сергеевна.

“Эти люди” - имеется в виду весь род Сергея - от самых дальних предков, беглых крестьян и раскольников, от попа-расстриги, саратовских поселенцев, живущих коммуной, отца Сергея - петербургского студента, жаждавшего перемен и справедливости, - к самому Сергею.

“Тут было что-то, неистребимое ничем, ни рубкой, ни поркой”, - отмечает Ольга Сергеевна. - Во всех них клокотало и пенилось несогласие”.

И надежда в этой довольно-таки грустной, но трезво-грустной, мужественно-грустной, если можно так выразиться, повести, связаны, на мой взгляд, именно с этой верой в неистребимость духовной потенции, передающейся через многие поколения Сергею, а от него - его дочери. Ведь, как считает Сергей, “если можно раскапывать все более в глубь и назад, то можно попытаться отыскать нить, уходящую вперед...”

У Ирины, дочери Сергея, также своя “другая жизнь”, которую опять-таки по всем меркам внешне разумной и житейски справедливой шкалы, не может понять и принять Ольга Сергеевна.

Можно понять справедливое возмущение Ольги Сергеевны, когда дочь прямо-таки кощунственно сопоставляет свои мелкие школьно-девичьи тревожнения с подлинным и по-настоящему глубоким горем матери. Причем ведь Ирина не бездушна, она и отца “так любила!”. “Станный характер, - рассуждает Ольга Сергеевна и догадывается... “отцовское”.

И вновь она теряется перед загадкой другой жизни, которая, я имею в виду жизнь, уже есть и ответ на эту самую загадку. Другая жизнь - это значит жизнь, существующая по своим собственным, имманентным законам.

Глубокий и далеко неоднозначный мир духовных ценностей, душевных сложностей, психологических, интеллектуальных перипетий открывает перед нами Ю.Трифонов своей новой повестью. По кругу проблем и тематически продолжая цикл городских повестей писателя, новая его работа, на мой взгляд, стоит на более высокой художественной ступени, хотя, признаться, некоторое увлечение модной нынче манипуляцией со временем, несколько “сюрреалистический” прием смещения реальности и предположений, яви и сна (особенно в финале) не всегда органически сочетаются с густой и сочной бытописью, столь характерной для Ю.Трифопова и так тесно связанной с традицией русской прозы. Именно в русле лучших традиций этой большой литературы святого правдоискательства написана в целом повесть, в которой писатель как бы предлагает пристальной вглядеться в человеческую судьбу, переоценить, перепроверить привычные стереотипы, элементарные, потому и неточные, поверхностные представления о счастье и несчастье, о мнимом процветании и подлинном непокое, о кажущейся незыблемости житейской мудрости и о том, что “вдруг сверкнет, как догадка, как слабая заря за стволами, - другая жизнь”.

Мы гордимся и мы

Чингиз Айтматов

Так уж довелось, что в течение последнего полумесяца я дважды берусь за перо, чтобы написать несколько слов любви и уважения по отношению к двум замечательным людям, в связи с их юбилейными датами. 28 ноября в газете “Бакинский рабочий” была напечатана моя заметка “Верность”, которой я откликнулся на 75-летие художника Таира Салахова.

12 декабря исполняется 75 лет писателю Чингизу Айтматову, Совпадают не только годы рождения этих двух выдающихся творцов - художника кисти и художника пера. Совпадают и некоторые особенности их биографий. Отец Чингиза - Торекул Айтматов, слушатель института Красной профессуры в Москве, так же, как и отец Таира, видный партийный деятель Теймур Салахов, стал жертвой сталинских репрессий, был расстрелян в расцвете сил, оставив малолетних детей в самом раннем возрасте. Эти многострадальные дети выжили в неимоверно трудных условиях, благодаря прежде всего, поистине героическим усилиям двух самоотверженных женщин - Нагимы Айтматовой и Соны Салаховой.

У Чингиза Айтматова, помимо отца, были репрессированы и дяди, три брата Торекула. 9-летний Чингиз остался самым старшим из всей мужской части большой семьи.

И вот, пройдя в детстве и отрочестве через все суровые испытания жизни, и Чингиз, и Таир своим талантом, упорством и волей уже в молодые годы добились всесоюзного признания, в затем - и мировой славы.

Чингиз Айтматов - писатель от Бога - по специальности зоотехник, окончил ветеринарный факультет, и это наложило отпечаток на его творчество. Трудно назвать другого прозаика, который так досконально, точно мог бы описать слитность всего живого на Земле, таинственную сопричастность человеческого существования, людских страданий к судьбе иноходца Гюльсары или верблюда Каранера. Я не буду приводить здесь ставшие уже банальными в литературной критике, сравнения с “Холстомером” гениального Л.Толстого.

Пантеистическое ощущение мира, со всем сущим в нем, будь то Мать-олениха или волк Бостон, просторы киргизских степей и величавость гор, священные воды Иссык-Куля или травы в Таласской долине - родине Манаса и самого Айтматова. Буранный по-

лустанок и родной аул Шекер, космические фантазии и библейские сюжеты - все это органически отражается в художественной галактике Айтматова. Естественно, в центре этой галактики человеческие судьбы людей XX столетия - со всеми многосложными проблемами времени. Проблемами, которые обрушила на отдельных людей, на семьи и на целые народы советская действительность в двадцатые, тридцатые годы минувшего века. Проблемами военных и послевоенных лет. Но и теми проблемами, которые не привязаны к определенному отрезку истории. Вопросы Жизни и Смерти, Добра и Зла, Чести и Бесчестья, Любви и Ненависти - извечны, метафизичны, с ними сталкиваются представители человеческого рода вне зависимости от того, в каком времени, в какой стране и при какой социальной системе они живут. Именно осознание и умение выразить эти общечеловеческие проблемы в связи с реалиями киргизской жизни и истории и стали причиной того, что Ч.Айтматов, обладая, разумеется, в первую очередь огромным художническим даром, стал всепланетарным писателем, которого переводят, издают, читают и любят на всех континентах Земли.

Из своего трудного детства Ч.Айтматов вынес и увековечил трогательно-чистый образ мальчика, не способного примириться с торжествующим злом и уплывающим по реке вслед за белым пароходом мечты. Но он уплыл не в смерть и даже не в священные воды Иссык-Куля, он уплыл в Вечность и потому жив и будет жить во веки веков. Ч.Айтматов как-то рассказывал про любопытный случай - во время пребывания в Пекине, ему позвонил молодой человек и на киргизском языке объявил, что он сын писателя. При встрече этот киргизский юноша объяснил, что является студентом, обучающимся в Китае, и добавил: Я - тот самый из вашей повести "Белый пароход", который уплыл по реке. Чингиз Айтматов, обильно использующий мифы в своих произведениях, и сам стал мифотворцем.

Обращаясь к древним мифам, Ч.Айтматов переосмысливает их таким образом, что они приобретают самые злободневное звучание. Выступая на юбилейных торжествах писателя в Стамбуле, я сказал о том, что еще в VII веке в Орхонских письменах с горечью говорится о представителях тюркской знати, которые, обольщенные сладкими речами и дорогими подношениями чужестранных табгачей, утратили свои тюркские имена, свой тюркский язык, свою тюркскую сущность и стали носить табгачские имена, по существу ассимилировались с табгачами. И вот писатель XX столетия Ч.Айтматов, используя древнюю легенду о манкурте-рабе, потерявшем память и поднявшем руку на собственную мать, не узнавая ее, предупреждает об угрозе исчезновения исторической памяти народа, опасности индивидуального и национального обезличивания. Это предостережение большого писателя-гуманиста в эпоху официально провозглашенной доктрины о "новой общности людей - советском народе" было смелым вызовом господствующей идеологии. И очень жаль, что этого не понимают, не помнят или не хотят помнить манкурты уже новой постсоветской эры в своем отрицании всего и вся, готовые выплеснуть из корыта вместе с грязной водой и самого ребенка.

Вот ведь в чем грустная особенность нашего времени вседозволенности на страницах печати. Иным из пишущей братии, счастливо поздно появившихся на свет, не довелось испытать каких-либо давлений со стороны бдительной цензуры, весьма и весьма опасных партийно-идеологических и иных служб. И сейчас стало вольготно чохом поливать и поносить всех писателей, поэтов, художников, живших и работавших в советское время. Ко-

Слева на право: Чингиз Айтматов, Шахмар Акперзаде, Тогрул Нариманбеков, Бахтияр Вагабзаде

нечно, в советское время было немало (возможно, большинство) творческих работников, может быть, порой даже искренне, но чаще напоказ, лояльных к существующему режиму. Были и просто конъюнктурщики “творившие” ради весьма земных выгод, привилегий и наград. Но ведь были - (среди них Ч.Айтматов один из самых ярких) по-настоящему честные писатели, даже получившие официальное признание, награды, премии, но не поступившиеся своей художнической, гражданской совестью и служившие только правде.

Парадоксом наших дней стало то, что бездарных и корыстных конъюнктурщиков уже никто не помнит, не поминает и, следовательно, не ругает, а объектом хулы, всяческого роста обвинений как раз таки становятся честные художники тех времен. Их ругают за то, что они не сгнили в лагерях, не были умерщвлены, остались жить, чтобы написать хотя бы часть правды о своем времени. Как раз в этом и обвиняют, что они сказали не всю правду, только часть ее. Во-первых, - кто, кроме господ Бога, знает всю правду? Во-вторых, - то, что сегодня кажется абсолютной истиной, завтра может восприниматься совсем иначе. И в-третьих, истинные писатели типа Айтматова, если и не сказали всей правды, то во всяком случае в своих художественных произведениях не написали ни слова лжи (различные официальные группово-подписанные заявления, дежурные интервью и вынужденные отклики не в счет).

Они, эти художники, в максимально возможных пределах выразили часть и очень важную часть правды. Могут возразить - полуправда хуже лжи. Нет, часть правды - это отнюдь не полуправда. Если, положим, писатель преподносит в своих произведениях всю правду о полуголодной деревне в России, Киргизии или Азербайджане в военные годы и в послевоенную пору, его нельзя упрекать в том, что он умалчивает о страданиях городской интеллигенции. Или, если он, в меру возможностей, пишет правду о мучительных духовных терзаниях интеллигенции, его нельзя обвинять в равнодушии к проблемам рабочего класса.

Каждый писатель, достойный этого имени, в соответствии со своим жизненным опытом, перипетиями собственной биографии, наиболее близкими ему проблемами, поднима-

ет определенный пласт жизни, и настоящая литература советского периода - а Чингиз Айтматов в числе ее значительных созидателей - в своей совокупности отразила в той или иной мере свое время. Я подчеркиваю это определение - "литература советского периода", которая, на мой взгляд, отнюдь не совпадает с понятием официальной "советской литературы" так называемого социалистического реализма. И никому, кроме пролеткультовских вульгаризаторов, не взбредет в голову именовать Низами, Данте или Шекспира, живших в эпоху феодализма, феодальными поэтами, драматургами, или же Марселя Пруста, Фолкнера, Маркеса - капиталистическими писателями. Точно так же язык не повернется в наше время назвать, скажем, М.Булгакова, автора не только "Мастера и Маргариты", но и пьесы о Сталине, советским писателем. То же самое можно сказать и об Айтматове, и многих других писателях, в числе которых важное место занимают "шестидесятники".

Для азербайджанских писателей моего поколения, выросших на национальной классике, освоивших прежде всего уроки великого М.Дж.Мамедкулизаде и хорошо знакомых с русской и мировой литературой, очень важным оказался опыт двух наших старших современников - Исы Гусейнова и Чингиза Айтматова.

Кстати, в этом году исполнилось 75 лет и Исе Гусейнову и, пользуясь случаем, я хочу особо отметить какую значительную роль сыграл этот выдающийся мастер в становлении нашего литературного поколения. Если принять условное деление литературы на "городскую" и "сельскую", то повести И.Гусейнова, посвященные жизни азербайджанского села в годы войны, на мой взгляд, и сегодня являются никем непревзойденной вершиной азербайджанской "деревенской прозы".

Точно так же в Ч.Айтматове мы видели нашего старшего товарища, и мне очень приятно, что в автографе, подаренной мне книги "Тавро Кассандры" Чингиз-ака написал именно эти слова: "Анару от старшего брата".

Слева на право: Бахтияр Вагабзаде, Назим Ибрагимов, Чингиз Айтматов, Эльдар Салаев

Тогрул Нариманбеков.
Портрет Чингиза Айтматова

Тогрул Нариманбеков.
“Ч.Айтматов и его герои”

Чингиз Айтматов - один из любимых писателей и нашего народа. Его книги переводились и издавались в Баку. На сценах наших театров ставились пьесы по его произведениям. Он и сам относится с искренней любовью к Азербайджану, дружил и дружит со многими нашими поэтами, прозаиками, композиторами, живописцами. Стены его квартиры в Бишкеке, куда он нас гостеприимно пригласил, украшают картины нашего прекрасного художника Джавада Мирджавадова.

Совсем недавно, в октябре, мы с Фикретом Годжой были в Бишкеке на конференции “Платформы диалога Евразии”, встречались Ч.Айтматовым, еще раз убедились в его доброжелательности, простоте, доступности, симпатиях к Азербайджану.

Конференция была приурочена к 2200-летию киргизской государственности. Конечно, мы были огорчены, что перестал существовать Союз писателей Киргизии и, что еще печальней, прекратил свое существование единственный литературный журнал на киргизском языке “Ала-Тоо”, что нет сегодня и киргизского кино, в свое время заслужившего мировую славу усилиями, как самого Айтматова, так и талантливых режиссеров, в числе которых был и мой покойный друг Толомуш Океев.

Но мы разделили и гордость киргизского народа, одного из самых древних народов на земле, создавшего свою государственность две с лишним тысячи лет тому назад, когда многих современных амбициозных стран не было и в помине.

Киргизский народ сотворил самый большой по объему эпос в мире. “Манас” количеством строк в несколько раз превосходит “Илиаду”, “Одиссею”, “Махабхарату” и “Рамаяну” вместе взятых.

И киргизский народ подарил миру Чингиза Айтматова, нашего сородича по общетюркским корням, большого писателя, которым гордимся и мы, азербайджанцы.

“Бакинский рабочий”,
12 декабря 2003г.

Прощайте Чингиз-ака

“Мы теперь уходим понемногу” - сказал поэт. Ушел Чингиз Айтматов - великий писатель современности, великий сын киргизского народа и всего тюркского мира, друг Азербайджана, мой старший брат, как определил он сам в своем предисловии к моей книге.

Незадолго до этого ушла Римма Казакова. “Листопад поколения” - писал другой великий поэт.

Мне трудно осознать, что уже никогда больше не встречу с Чингизом-акой, не буду общаться с ним, подолгу беседовать на самые разные темы, в Москве или Бишкеке, в Анкаре или Стамбуле.

И в Баку. Всего несколько месяцев тому назад он был гостем нашего города. Президент И.Алиев вручил ему высокий орден Азербайджана. Из-за ремонта в помещении Союза писателей мы отметили его восьмидесятилетие в Центре Ататюрка.

Чингиз Торекулович был бодр, полон энергии, готовился к юбилейным торжествам во многих странах и городах, и, конечно, на своей родной земле. . 2008-ой год был объявлен годом Айтматова. Он покинул нас в середине этого года. Вторую половину года мы проживем уже без него. Как и следующие годы, десятилетия из отпущенного нам жизненного срока. Появятся другие писатели, может быть такие же значительные, может быть даже более великие. Но никто не заменит в памяти нашего поколения Ч.Айтматова.

Он уже был живой легендой, когда мы только вступили в литературу. Мы читали “Прощай, Гюльсары”, “Белый пароход”, “Буранный полустанок” поражаясь не только силе художественного воплощения, но и неслыханной, до той поры, смелости поднятых проблем нашей жизни.

Советская власть допустила немало глупых ошибок, но порой ей все же хватало ума не делать диссидентами, подобно Солженицыну, русских писа-

Чингиз Айтматов гость Союза писателей Азербайджана

телей В.Шукшина, В.Астафьева, В.Распутина, Ю.Трифонов, белоруса Василя Быкова, киргиза Ч.Айтматова, хотя по остроте поднятых проблем, по жгучей достоверности в описании жестокой правды советской действительности, они ничем не уступали тем, кого зачислили в диссиденты, травили и изгоняли из страны. Наоборот, этих писателей, в том числе и Айтматова поощряли самыми высокими наградами, премиями, широко издавали, тем самым пытаясь доказать всему миру их лояльность в отношении системы.

В Бишкеке у могилы Ч.Айтматова, справа Гулу Магеррамов

вают при этом, что никакие официальные посулы и признания ни на йоту не влияли на творческое мужество истинных художников, а Чингиз Айтматов в своих произведениях был одним из самых бесстрашных и принципиальных.

Говорили “Свобода - не вседозволенность”. Правильно, но и дозволенная свобода - не совсем свобода. Так же как и дозволенная смелость. Чингиз Айтматов был свободным человеком и смелым художником в годы, когда требовалось совсем другое. Легко быть смелым в эпоху “дозволенной смелости”, гораздо труднее быть им, рискуя многим.

Уроженец Таласской долины, родины легендарного праотца Ч.Айтматова Манаса, сын репрессированных родителей из маленького селения Шекер, зоотехник по образованию Чингиз Айтматов, благодаря своими незаурядному таланту и яркой личности стал писателем мирового класса, которого издают, читают, любят на всех континентах земли.

Свою статью об Айтматове, написанную к его 75-летию, я назвал “Им гордимся и мы”.

Сегодня мир скорбит по Айтматову. Скорбим и мы. Скорбим, но и гордимся, что он был, что он и наш. Прощайте дорогой Чингиз-ака.

Но никакие награды и поощрения, не могли заставить этих писателей, да и многих других, достойных называться этим именем, изменить своим убеждениям, своей художнической сущности, своему гражданскому долгу - быть свидетелем и летописцем суровой реальности. Недалекие люди или просто злые неудачники, готовы чохом упрекнуть всех писателей советской эпохи за полученные от государства премии, звания, привилегии. Но забы-

11 июня 2008 г

Час справедливости

Новая повесть Владимира Амлинского “Оправдан будет каждый час...” заканчивается печальным абзацем: “Многострадальный труд отца, издание “философии ботаники”, наконец-то, кажется, выйдет. Без него. Без него уйдет в армию внук и вернется, без него свершится много событий, без него, вспоминая его слова, мысли, выражения, затерянные, но живые, буду я писать эти страницы... Все уже будет - без него”.

В 1981 году в течении ста дней я потерял двух самых любимых на свете людей - отца и мать, отец скончался 1 апреля - в день веселых шуток и розыгрышей. 10 июля умерла мать. Спустя два года я завершил и опубликовал роман-воспоминание о последних днях их жизни, да и о более ранних годах. Роман называется “Без вас”.

Владимир Амлинский

Читая повесть Амлинского, я ловил себя на частых ассоциациях с тем, о чем попытался рассказать сам. И в какой-то момент я осознал, что это не случайно. Дело не только в том, что людьми одного поколения являемся мы с В.Амлинским, как и наши отцы, что и ушли они из жизни с разницей в два года. И дело, очевидно, не только в том, что разительно схожи обстоятельства, приметы, персонажи - солисты и статисты эпохи, в которой формировались, жили, боролись, работали, страдали, сталкивались с несправедливостью, невежеством, малодушием, и, преодолев все, остались верны своим идеалам наши родители. Дело, наверное, и в том, что взявшись за этически непростую задачу воссоздания образа родного человека, мы, я полагаю, руководствовались не одним лишь чувством сыновнего долга, но и гораздо более важным и значительным мотивом - восстановлением общественной, исторической справедливости, да и простой человеческой справедливости, в коей им нередко при жизни было отказано.

Крупный ученый-ботаник и философ Илья Ефимович Амлинский, всеми своими корнями связанный с благородной русской научной традицией, не изменивший своей совести исследователя и интеллигента в самые мрачные периоды “нарастающего облысения науки” (так он характеризовал комплекс проблем, связанных с деятельностью Т.Д.Лысенко и ее апофеоз - сакраментальную сессию ВАСХНИЛ в 1948 году) - вписан в московский и российский фон, а поэт Расул Рза - мужественно нес свой крест новатора-первопроходца стиха в Азербайджане, подвергаясь разнообразным формам критического шельмования в разные периоды своей драматической биографии и ни в чем не уступив, ушел из жизни несломленным, непонятым, неоцененным.

Не буду здесь рассказывать о зигзагах судьбы своего отца - у Расул Рзы были и пики официального признания и годы опалы, остракизма, организованной травли - обо всем

этом частично, в меру предельных возможностей “застойного периода” рассказано в “Без вас”. Здесь же мне хочется сказать о том, чем меня взволновала судьба Ильи Ефимовича, чем она показалась мне удивительно узнаваемой... В.Амлинский пишет, что даже в пору появления погромных статей о заклеянных ученых “вейсманистах” и “морганистах”, и в их числе Илье Ефимовиче, он оставался в чем-то уверенным, на что-то надеющимся.

“На что? На справедливость. Может, это звучит несколько романтично. Справедливость подвергалась разгрому, несправедливость наступала, правила, поучала, ставила на место. И все-таки он употребил именно это слово, понятие, имеющее свою как бы самостоятельную силу”.

Мне кажется, что подчеркивая эту непоколебимую уверенность своего отца в конечное торжество справедливости, В.Амлинский подметил вообще одно из главных и, возможно, решающих качеств наиболее достойных людей их поколения, что в определенной мере, отличает это поколение от последующих. Столкнувшись с куда менее существенными проявлениями несправедливости, лжи, с социальной демагогией, общественным лицемерием, наше, скажем, поколение порой готово впасть в скоропалительный цинизм, как бы не веря в преодоление всех преходящих отступлений от истины, не надеясь на неизбежность конечного утверждения справедливости. А ведь, повторяю, нашему поколению пришлось жить в относительно более благоприятных общественных условиях, когда от человека не требовалось вполне определенных и категорических жертв - отказа от своих подлинных научных и художественных убеждений, измены правде, друзьям, самому себе. Именно перед таким выбором и не раз стояло поколение наших отцов, и лучшие люди этого поколения делали свой выбор с честью. В.Амлинский приводит выдержки из стенограммы все той же злополучной сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Мне доводилось читать изданные за десять лет до этой сессии судебные протоколы трагически известных московских процессов, читать о том, как обвиняемый до перерыва в судебном заседании яростно отвергал инкриминируемые ему поступки, а после перерыва признавался во всем. Всего одна бессонная ночь понадобилась некоторым именитым академикам, чтобы во второй день сессии ВАСХНИЛ признать глубоко ошибочными те свои научные позиции, которые они накануне горячо отстаивали. Приводя фрагменты из стенограммы, В.Амлинский не спешит обвинить этих раскаявшихся “грешников” в малодушии. Думается, это связано и со святой обязанностью каждого настоящего писателя - понять, прежде чем осудить, и с тем, что Амлинский-сын генетически перенял от своего отца драгоценное качество подлинного интеллигента - милосердие к человеческим слабостям, терпимость к тем, кто, увы, не оказался на высоте в тяжкий час испытаний. Илья Ефимович, в том своем нравственном облике, в каком он встает в описаниях Владимира Амлинского, в воспоминаниях коллег и учеников, в своих собственных дневниках - способен понять человеческую непоследовательность, но поступать так сам - не способен...

Я, разумеется, не компетентен судить о вкладе И.Е.Амлинского в историю отечественной генетики, но уверен в том, что без таких скромных, тихих, мягких, но непоколебимых в своих духовных устоях рыцарей совести - не было бы ни нашей науки, ни нашей нравственности, ни наших сегодняшних больших надежд на справедливость в настоящем и будущем, на справедливость в оценках и переоценках прошлого.

Этим оправдан каждый год, каждый день, каждый час их стоической, подвижнической жизни.

Об этом повесть Владимира Ильича Амлинского.

“Литературное обозрение” № 4 1987 г.

Памяти Риммы Казаковой

Из Москвы пришла скорбная весть - скончалась Римма Федоровна Казакова, замечательная русская поэтесса, добрый, давний и верный друг Азербайджана, нашей литературы.

Всего полтора месяца назад я видел Римму Федоровну в Москве, на моем юбилейном вечере в ЦДЛ. Она уже чувствовала себя неважно. - Я теперь никуда не хожу, - сказала она мне, - но на этот вечер не могла не придти.

Пришла, очень тепло, сердечно выступила и сказала необычайно важные для меня слова.

Римма Казакова принадлежала к той прекрасной плеяде шестидесятников, сыгравших неоценимую роль в обновлении всей советской литературы, которая все же существовала как бы пренебрежительно-иронически не относились к этому понятию сегодня.

И еще Римма Казакова несла на своих хрупких женских плечах и в своем нежном сердце то бремя совестливости, которая всегда отличала истинных русских, да и не только русских лите-

Римма Казакова

Римма Казакова выступает на юбилее Анара в Москве, в УДА

Анар, Римма Казакова, Азиз Несин, Юсиф Самедоглы в Каире

мне письма с выражением солидарности: великий русский прозаик Виктор Астафьев и незабвенная Римма Казакова. Мне хочется привести небольшой отрывок из обширного письма Римма Федоровны, подтверждающий мои слова о совестливости:

“Глубокоуважаемый, дорогой Анар Расулович! Ваша статья в “Литгазете” произвела на меня очень сильное и, я бы сказала, ранящее, устыжающее впечатле-

С Риммой Казаковой у сфинкса

Анар, Римма Казакова и ее сын Егор у Пирамид

раторов. Помню, после январских событий 90-года, когда советские войска залили кровью невинных людей улицы Баку, я напечатал в “Литературной газете” статью, в которой упрекнул своих со товарищей по перу в стране за полное безразличие к трагедии моего народа. Многие тогда выражали мне сочувствие, говорили о согласии с моей статьей. И только два литератора - зато каких! - написали

ние. Может быть, лично я меньше, чем многие повинна в равнодушии ко всему, что мы годами декларировали, но я ничего не сделала, никак не откликнулось на все трагические события в Азербайджане. Все мое участие и соучастие в Ваших делах ограничилось рыданием вместе с подругой Зарифой Салаховой после страшных январских событий, когда она мне растолковала, что к чему, да письма к Бахтияру Ва-

габзаде, так и оставшемуся без ответа. И все же я решилась написать Вам - не для того, чтобы в чем-то оправдаться, а тем более отвечать за кого-то.... Все это не отменяет вины за то, что кровавые события в Азербайджане, как Вы правильно написали, не вызвали гневного отклика российских гуманистов с пером. И, увы, я в их числе. Есть одно, все же немаловажное оправдание: никто не понял, что события в Баку - военные действия тоталитарного государства против своего народа.

Вот, пожалуй, и все. Пишу, как Вы надеюсь понимаете, абсолютно искренне, без утилитарных целей. Цель одна, не потерять то, что любишь, и без чего жизнь будет беднее бесконечно. Всем сердцем с Вами

Римма Казакова Москва 16 ноября 1991 г.

В советское время в Союзе писателей СССР действовали общественные советы по национальным литературам. Азербайджанский совет порой возглавляли незначительные или одиозные личности. Став руководителем Союза писателей Азербайджана я попросил Римму Федоровну возглавить этот совет. Она согласилась и работала не на страх, а на совесть. Ибо, кроме врожденного чувства ответственности за выполняемую работу, ею еще двигала искренняя любовь к Азербайджану, к нашей литературе. Она блистательно переводила многие образцы азербайджанской поэзии, а к Бахтияру Вагбзаде относилась не только как к переводимому поэту, но и как к метру, Учителю с большой буквы.

Вспоминается одна из наших встреч в феврале 1993-го года в Каире. Покойный Юсиф Самедоглы и я прибыли на международную конференцию писателей стран Азии и Африки. Из Турции прилетел Азиз Несин, из Москвы Римма Казакова со своим сыном Егором, талантливым прозаиком. Мы ходили по музеям Каира, выступали на разных мероприятиях, плыли на теплоходе по реке Нил, бродили среди развалин Луксора, и фотографировались, как полагается, на фоне пирамид и Сфинкса. Подолгу беседовали, вспоминали минувшие дни, годы, встречи. Я сказал, что был знаком с ее покойным мужем Радовым и как-то принимали участие с ним в каком-то застолье в ЦДЛ. Римма Федоровна очень обрадовалась этому известию, подозвала сына: оказывается Анар был знаком с твоим отцом.

Теперь я понимаю причину такой реакции, ей было приятно, что ее покойный муж не забыт, что его помнит даже далекий от Москвы азербайджанский писатель и хотела, чтобы их сын знал об этом.

В последние годы Римма Федоровна, может быть помимо своей воли, был втянута в затяжные конфликты по поводу Литфонда, его имущества. Не для ее поэтической и тонкой души были все эти дразги. И в одном из последних номеров "Литгазеты" я увидел подпись Р. Казаковой рядом с именами тех, кому она не так давно оппонировала. Это было ее решение. Увы, последнее.

Азербайджанские литераторы будут хранить память о Римме Казаковой, как о настоящем друге, надежном, верном, прошедшем через сложные испытания разных времен. И по нашему обычаю я говорю Аллах рахмет елесин - Да успокоит Господь ее душу.

19 мая 2008 г.

Размышления в связи с конгиной Василия Аксенова

Василий Аксенов

Умер Василий Аксенов - выдающийся русский писатель. В.Аксенов был знаковой фигурой, одним из самых ярких представителей великого поколения “шестидесятников”. Более того, он был одним из тех, кто сформировал это поколение не только в хронологическом смысле, но и как литературное и общественное явление со своей системой нравственных, эстетических, социальных ценностей. Как бы яростно ни оспаривали значение этого поколения нынешние ниспровергатели всего, что было до них, сами эти ниспровергатели не состоялись бы без славного и горького опыта “шестидесятников”.

Литературная жизнь, как и вообще жизнь, никогда не может прекратиться, одно поколение сменяет другое. Но не все поколения в литературе завоевывают почетное право называться знаковым определением. Никто не говорит о поколении пятидесятых или семидесятых. Для того, чтобы хронологическое десятилетие стало термином в истории литературы, необходимы определенные и весьма значительные общественно-политические события и связанный с ними эстетически-художественный прорыв. Подобным событием была Первая мировая война и последующие за ней годы, когда западная литература выдвинула таких известных писателей, как американцы Э.Хемингуэй, Дж.Фицджеральд, Дж.Дос-Пассос, англичанин Р.Олдингтон, немцы Э.М.Ремарк и Г.Фаллада, французы Л.Ф.Селин и А.Мальро. На войне они сидели в разных окопах и сражались на стороне воюющих друг с другом армий. Как американец Хемингуэй и немец Ремарк. Да и в последующие годы пути представителей этого поколения разошлись. Андре Мальро с оружием в руках защищал республиканский Мадрид от фалангистов генерала Франко, а Луи-Фердинанд Селин стал коллаборационистом во Второй мировой войне, предав свою родину немецким оккупантам (кстати, его примером кое-кто вдохновляется и ныне). Но, несмотря на разные судьбы и разные политические позиции, в те годы все они были представителями определенного поколения, которое американская писательница Гертруда Стайн в разговоре с Хемингуэем назвала “потерянным поколением”, и Хемингуэй поставил эти слова эпитафией к своему роману “Фиеста”. Таким образом

это емкое и лапидарное словосочетание стало определением целого поколения в мировой литературе.

Я не знаю, кто впервые употребил определение “шестидесятники”, но этот термин также прочно вошел в историю литературы, ибо объединил в некой общей общественно-эстетической платформе не только русских поэтов и прозаиков, но и писателей из разных республик бывшего Союза. И не только литераторов - понятие “шестидесятники” охватывает и живописцев, и композиторов, и деятелей театра, кино, и исполнителей.

В чем же было отличие этого поколения и от предшествующих, и от последующих художественных генераций? А в том, на мой взгляд (если определить это различие самыми краткими словами), что представители этого поколения были молодыми, когда были молоды. И это не тавтология. Они прекрасно осознавали и никоим образом не принимали всю суть существующего политического режима, но, вместе с тем, они знали, что кроме режима существует еще и молодость - лучшая пора жизни, есть в мире солнце и звезды в ночи, море и весна, путешествия, модные одежды и спорт, красивые женщины, любовь, музыка - “песня Солвейг” и джаз Дюка Эллингтона, Стена Кентона, а в нашем, азербайджанском, варианте - произведения Узеира Гаджибекова, Кара Караева, мугамы, импровизации Вагифа Мустафазаде.

То есть они, “шестидесятники”, ощущали радость бытия, несмотря на все ограничения Системы, на ее подавляющие мысль идеологические и цензурные запреты. Они были внутренне свободными, они открыли окно в мир, и не только в мир внешний, но и в истинный, не показной, не декоративный, а настоящий мир своей собственной страны. И, наконец, в свой внутренний мир, в мир души. Творчество для них было самоцелью и самоценностью, а не средством для карьерных достижений, для обогащения и роскошной жизни.

Нынешние ниспровергатели обвиняют “шестидесятников” в том, что не все из них стали диссидентами, то есть не выступили открыто против режима и не заплатились за это репрессиями, казнями, ссылками, тюрьмами, психушками, в лучшем случае эмиграцией. Но с глубоким уважением относясь к пострадавшим диссидентам, справедливо было бы признать, что тексты, распространяемые “Самиздатом”, имели весьма ограниченный, узкий круг воздействия, тогда как легальные издания “шестидесятников” оказали огромное влияние на раскрепощение общества от догм и идейных табу. Это признавали и признают наиболее умные и широкомыслящие политические деятели, не раз говорившие о том, что идеи свободы, демократии, а в республиках и национальной независимости поселили в обществе именно “шестидесятники”. И это никак не могут понять те, кто, подобно неблагодарным детям, вырос в атмосфере, созданной в значительной мере усилиями “шестидесятников”. И как ни странно, а может и закономерно, что “шестидесятников” более всего ненавидят именно эти “дети свободы”. И проклиная к месту и не к месту советский период истории страны, - а это жизнь нескольких поколений, - они, ниспровергатели, к литературе относятся с чисто необошевистских позиций: во-первых, кто не с нами, тот против нас, и во-вторых, литература должна быть только партийной - неважно прокоммунистической или антикоммунистической.

Не понимают или просто не хотят понять, что чисто лирические стихи или роман о любви, безо всякой политической окраски сыграли немалую роль в нравственном обнов-

лении общества, в духовном обогащении людей, приучая их чувствовать, думать. Именно потому, когда все информационные средства - телевидение, радио, газеты, журналы, книги - были заполнены изнурительно-скучным, часто лживым официозом, лучшие произведения “шестидесятников” вызвали такой живой интерес, были столь популярны, ими заслушивались и зачитывались.

Нынешние камерные, келейные сочинители ненавидят “шестидесятников” еще и за это. Ненавидят лютой ненавистью за то, что “шестидесятники” своими стихами собирали целые стадионы любителей поэзии, что их романы, повести, рассказы, изданные огромными тиражами, мгновенно расходились. Ненавидят за то, чего им самим никогда не добиться. И как бы ни декларировали свое якобы равнодушие к славе, именно славе и завидуют.

Если есть “потерянное поколение”, то, очевидно, поколение периода после распада СССР можно было бы определить как “растерянное поколение”. Растеряв не только все идеалы и веру в нравственные ценности, некоторые (не все, конечно, но немалая часть) представители новых поколений, как стервятники на падаль, бросились писать про некрофилов, зоофилов, педофилов, про нетрадиционные сексуальные отношения. Конечно, никому не возбраняется писать про то, что ему близко, но приверженцы всех этих извращений составляют ничтожную часть человечества, и, кроме прав сексуальных меньшинств, есть еще право сексуального большинства писать и читать про нормальную жизнь. Один из новомодных русских писателей сетует на то, что Толстой не описал, как пахнут потные подмышки Наташи Ростовской. Что ж, Толстой любим миллионами читателей за то, что гениально описал трепетные чувства Наташи во время ее первого бала, а про ее подмышки пусть пишут те, кому это доставляет эстетическое удовольствие.

Даже после смерти В.Аксенова автор порнографических романов Э.Лимонов позволил себе откликнуться на эту потерю так: “Аксенов, как и другие “шестидесятники”, был литературным противником моего поколения. А идеологию своих противников мы не принимали - много диссидентщины, жидкие в литературном плане романы. Не думаю, что они останутся в веках”.

Чьи романы жидкие, а чьи рассчитаны только на эпатаж - определит время, так же как и то, кто останется в веках, а кого и не вспомнят. Но сейчас мне интересно отметить другое. Это небольшое высказывание Э.Лимонова как две капли воды совпадает с тем, что пишут наши доморощенные азербайджанские “противники” “шестидесятников”. Не опубликовав ни одного более или менее достойного литературного текста, некоторые возомнили себя великими, даже гениальными (что, конечно, было бы смешно, если бы не было так печально), и чем меньше это признается другими, с тем большим ожесточением они провозглашают свою липовую победу над “шестидесятниками”, провозглашают их вождленную смерть, по крайней мере, литературную. Вот уж поистине, мертвые судят живых, литературные мертвецы, вернее, мертворожденные, судят живущих, работающих, создающих новые произведения писателей.

Эти слова никак не относятся к огромному количеству писателей нового поколения.

Я ни в коем случае не могу и не хочу отрицать интересные явления в литературе, в том числе и в нашей, азербайджанской, последних двух десятилетий. Есть весьма та-

лантливые прозаики, поэты и в русской, и в азербайджанской, и в грузинской литературе. Но вряд кого-нибудь из нынешних русских писателей можно поставить рядом с Ю.Трифоновым или В.Шукшиным, трудно поверить, что в киргизской литературе появится писатель масштаба Чингиза Айтматова. Едва ли в Армении, ставшей мононациональным государством, в котором господствует дух ксенофобии, может родиться писатель подобный Гранту Матевосяну. И в азербайджанской литературе на сей день нет романа равного “Дню казни” Юсифа Самедоглу.

Никто не заменит и Василия Аксенова. Первые же произведения этого замечательного писателя - “Коллеги”, “Звездный билет” - стали столь же популярны, как и стихи Е.Евтушенко, А.Вознесенского, а прозаiku такая популярность дается гораздо труднее, чем поэтам.

Кстати, о Евтушенко и Аксенове. С Аксеновым в редакции журнала “Юность” меня познакомил покойный Илья Авербах, мой друг и сокурсник по Высшим сценарным курсам. В их биографиях было несколько общих моментов, оба были ленинградцами, оба были врачами, окончили медицинский институт, и обоих потянуло в искусство. Аксенов стал писателем, Илья после окончания сценарных курсов - кинорежиссером.

Наше знакомство с Аксеновым в редакции “Юности” было мимолетным, и я из ненужной деликатности почему-то не сказал ему, что читал его книги, и они мне очень нравятся. Кстати, один наш критик, который в те годы яростно обрушивался на меня за то, что я в своей прозе нарушаю законы социалистического реализма и описываю светлую советскую действительность в мрачных тонах (теперь он ужасно смелый разоблачитель советской системы), в числе прочих обвинений предъявлял мне тогда и такое, будто я в “Белом лимане” повторил какие-то образы “Звездного билета”. Любой человек, знакомый с азбукой, кириллицей ли, латиницей ли, может прочесть обе эти повести, сопоставить их и убедиться, что ничего схожего, кроме общего духа неприятия эпохи, в них нет. Если, конечно, у него, у предполагаемого читателя, есть совесть.

Вообще, сегодня, в пору дозволенной смелости, появилась уйма “бесстрашных” писателей, критиков, обвиняющих предшественников в сервильности, лояльности к тогдашним властям. Прекрасно разбираясь в их психологических особенностях, в специфических чертах натуры, в их честолюбии и тщеславии, я легко представляю, кем бы они были в советские годы, доведись им жить в ту пору - бесспорно, железными партийными и комсомольскими функционерами, бдительно следящими за любыми идеологическими отклонениями в литературе, искусстве, безжалостными критиками, беспощадно обрушивающимися на любые произведения, не вмещающиеся в рамки метода социалистического реализма или чернившие советскую действительность, да и просто кgbэшными стукачами, писавшими доносы на своих же литературных коллег. Теперь же они рыцари, борющиеся с тенями прошлого.

Но бог с ними, с критиками-оборотнями и иже с ними.

Второй раз я видел Аксенова в ЦДЛ. Мы обедали там с Максудом Ибрагимбековым и грузинским писателем Тамазом Чиладзе. К Чиладзе подошел В.Аксенов, поздоровался с нами, и мы пригласили его за свой стол. Вскоре к нашему столу присоединился Евтушенко, потом Борис Можаев, Георгий Радов, Поженян. (Привожу список по своим дневникам тех лет). Как обычно в таких разношерстных компаниях, разговор шел о са-

мом разным. Я запомнил и частично записал в то время некоторые моменты беседы. Это было в дни Всесоюзного съезда писателей, в котором я и Максуд, естественно, не участвовали, поскольку еще не были даже членами Союза. Обсуждали письмо Солженицына съезду, и Евтушенко сказал, что написал в его поддержку. Можаяев предложил тост за Солженицына, и все мы выпили. Слегка опьяневший Радов говорил Евтушенко: “Вот когда я умру, и ты придешь на мои похороны”, на что Евтушенко, резко оборвав его, сказал: “А ты уверен, что я приду на твои похороны? Ты должен еще сделать много добрых дел, чтобы я пришел на твои похороны”.

Я обратил внимание и на то, что Евтушенко, который тогда был на пике своей популярности, не то что рисуется (нас с Максудом он видел в первый раз), но как-то говорит о себе выражениями из чьей-то будущей монографии о поэте Евг.Евтушенко. Он объяснял, почему часто меняет страны, женщин с какой-то чисто исследовательской, литературоведческой точки зрения. Аксенов говорил ему в тон: “Женя, ты теперь не только человек, ты скорее миф”, и Евтушенко принимал эти слова с удовлетворением, как должное.

К концу вечера мы были уже изрядно пьяны, и когда все встали из-за стола, стоящий рядом со мной Поженян, который до этого был вежлив и корректен, вдруг, по неистребимому армянскому народному обычаю, вспомнил про “геноцид”. Я сказал, что такими разговорами не надо портить этот славный вечер, на что он ответил мне: “Ты еще маленький”.

Так как мы стояли рядом, и низкорослый Поженян не доходил до моего плеча, я сказал: “Все видят, кто из нас маленький”.

Все рассмеялись, и он как-то сразу сник. Сейчас, спустя столько лет, я думаю, что зря сослался на его физическую особенность. Это не в моих правилах - наносить удары ниже пояса.

Я, конечно, далеко отвлекся от темы, но смерть Аксенова, передачи московских телеканалов, которые я смотрел в эти дни, всполошили во мне воспоминания о тех прекрасных годах нашей жизни, которые, несмотря на все трудности, были полны надежд.

Ведь мы были так молоды.

Одним из тех, кто жил этими надеждами и сделал все, чтобы они осуществились, был Василий Аксенов. Мир праху его.

10-11 июля 2009 г.

ЕЩЕ ОБ В.АКСЕНОВЕ В СВЯЗИ С ДВУМЯ ЕГО КНИГАМИ

Узнав о смерти Василия Аксенова я невольно погрузился в ностальгические размышления о нашем поколении и под впечатлением этой печальной вести написал эссе, которое предлагается читателям в этой же книге. Я вспоминал о годах нашей молодости, когда слава Аксенова гремела по всей стране, а мы знакомились с первыми повестями писателя, которые так сильно отличались от кондовой советской прозы тех лет. В них весело, с каким-то юношеским озорством рассказывалось о наших современниках и свер-

стниках, от этих текстов веяло свежестью, новизной: Джаз, спорт, джинсы, Прибалтика - были какими то брендами, если определить все это словом вошедшим в обиход гораздо позже. И язык этих повестей - какой-то особый московско-молодежный говор...

Теперь в Карловых Варах я с большим запозданием прочел две книги позднего Аксенова - его мемуары и утопический роман "Остров Крым" и, скажу, откровенно, был сильно разочарован. Даже в сравнении с мемуарами Евтушенко, где наряду с самолюбованием, ставятся все же важные и серьезные проблемы, есть интересные суждения и запоминающиеся зарисовки встреч с разными людьми, аксеновские воспоминания - это ЦДЛовские сплетни о том, кто с чьей женой переспал в Коктебеле, а с кем пере-переспал ее муж. Причем все персонажи часто выводятся под собственными именами или если не называются прямо, то легко узнаваемы. И от всего этого несет той самой пошлостью, какой потчуют нас ежедневно телевизионные каналы.

И вот "Остров Крым". Казалось бы блестящая находка для политико-фантастического романа - полуостров Крым, вроде бы отделившись от совдепии в годы гражданской войны стал самостоятельным государством, капиталистического образца. Ну, нечто вроде Тайваня, Гонконга...

Но коробит фактура романа, которая давно изжила себя. Опять то же смакованье шмоток и фирменных вещей - от американской жевательной резинки до марок модных автомобилей. Опять же спорт, джаз, все те же джинсы и беспорядочные половые связи, вернее случайные сношения с перепрыгиванием из одной постели в другую. Опять же богемно-московский жаргон отягощенный уже англо-американским сленгом. Обилие ненормативной лексики, непристойных слов в духе Лимонова(который, кстати презирает Аксенова), матерщина к месту и не к месту, как подтверждение истинной русскости автора полукровки (дескать свой в доску).

Правда, роман был написан в доперестроечную эпоху, в 1977-1978 годах. Но вот когда весь этот шмоточный дефицит - который во всех своих текстах смакует Аксенов, как заядлый фирмач, так вот, когда все это стало доступно советскому народу, стал ли он от этого счастливее и свободнее? Скажут, что Аксенов не был провидцем, не мог предвидеть к чему приведет перестройка в конце концов. Но тогда и не надо было выступать пророком и предсказателем, как это делается в "Острове Крыме". Проблема романа - противостояние западным демократическим ценностям - убожества советской действительности. Наскоки - одновременно - и на белых и на красных, на русских державников и на космополитическую элиту, на "ничтожество Сталина" и неожиданная симпатия к положительным чекистам - стукачам разных полов.

И если все это привязано к Крыму, почему вне поля зрения оказалась самая жгучая проблема этой земли - насильственное выселение коренного населения из своей исконной родины.

А к чему эта "загадочно"-проходная фраза насчет азербайджанца, который, оказываясь виноват в аресте Дубчека и его коллег?

19 августа 2012 г.
Карловы Вары

*Выступление на панихиде
Председателя Союза писателей
Грузии Гурама Панджикидзе в
Тбилиси 2 сентября 1997 года*

Уважаемый Президент Шеварнадзе! Уважаемые тбилисцы! Грузия потеряла достойного сына, литература потеряла крупного писателя, я потерял дорогого друга. Горькая весть о кончине Гурама глубокой болью отозвалась в сердцах представителей нашей литературной общественности, опечалило его друзей в Азербайджане. Гурам очень любил Азербайджан, и в Азербайджане его очень любили. У нас были изданы его произведения, он был избран почетным членом нашей Академии сельскохозяйственных наук.

Долгие годы Гурам руководил Союзом писателей Грузии. Не все знают и далеко не все понимают, какой это непосильный труд, какая тяжелая ноша. Гурам достойно нес это бремя, достойно исполнял свой долг. Когда в Баку пришла весть о кончине Гурама, кто-то спросил меня: отчего он умер? - От того, что был Председателем Союза писателей, - ответил я.

Гурам отдавал Союзу дни, месяцы, годы, которые отнимал у своего творчества. Во имя бесконечных забот о других он жертвовал собственной свободой творчества, счастьем распоряжаться своим временем и своей жизнью по собственному усмотрению и собственному желанию.

Я знаю, что грузинские писатели понимали и высоко оценивали эту самоотверженность Гурама, но мне кажется, что оценят еще выше, почувствовав его отсутствие, с еще более глубокой болью будут осознавать, кого они потеряли.

Пока живы произведения писателя, пока их читают, любят, помнят, жив и он сам. Пока живы книги Гурама, а они, уверен, будут жить долго, жив и Гурам. Жив в сердцах читателей, друзей, коллег. Он сделал столько добрых дел на этой земле, что может спать спокойно в ней.

Прощай, Гурам, дорогой друг и брат мой.

Безжалостность времени

Выдающемуся русскому поэту Евгению Евтушенко исполнилось 80 лет. Несколько дней тому назад один из московских телеканалов показал передачу о нем. Мы увидели его дом в одном из провинциальных городов США, увидели самого поэта. Лицо в морщинах, обвисшая шея, поредевшие волосы, потухшие глаза, тихий голос... Неужели это тот самый Евтушенко, который собирал стадионы, чей громовый голос звучал на площади Маяковского, завораживая многотысячную толпу поклонников поэзии, часами слушающих его декламации? Ладная, высокая фигура, выразительное лицо, умение запоминать наизусть свои стихи и читать их с неподражаемой, выразительной интонацией делали его самым популярным русским поэтом не только той поры, а возможно и всех времен.

Евгений Евтушенко

Наверное, Андрей Вознесенский или Иосиф Бродский превосходили его в чисто художественном плане, Да и сам Евтушенко семьдесят процентов своих стихов считает слабыми. Но Евтушенко знали больше всех современников. Он был в центре внимания больше, чем любой другой деятель литературы и искусства тех лет, включая самых популярных артистов и певцов. Его любили больше всех. А любовь народа не прощают никому. Евтушенко не завидовал никому, а ему завидовали многие, в том числе и друзья поэты. Бродский получил нобелевскую премию и все таки не мог мириться со славой Евтушенко, говорил с вызовом: “Если Евтушенко будет против колхозов, то я буду за”.

Я помню, как в ЦДЛ стал невольным свидетелем беседы двух русских поэтов военного поколения. Один уверял другого, что всей своей славой Евтушенко обязан не только таланту, но и КГБ.

- Но, согласись, он все же талантлив, - настаивал другой. - Конечно, я и говорю, талант вкупе с КГБ - великая сила.

Выступая на моем юбилее семидесятилетия, мой друг и однокашник по Высшим Сценарным Курсам Иван Драч вспоминал: “Как поменялось время. Тогда Евтушенко мог приглашать нас на свой вечер на стадионе, где собиралась стотысячная аудитория, и даже дипломаты не могли попасть на эту встречу.

Когда мы заходили в ресторан, он вытаскивал из кармана свой бумажник и давал сто рублей швейцару, а получали мы стипендию сто двадцать. Представляете, как мы смотрели на это.

Любомир Левчев (болгарский поэт - А.) приглашал нас в Софию и вместе того, чтобы говорить о поэзии болгарской, украинской, русской, все время говорил только о Евтушенко три часа, Евтушенко, Евтушенко, без конца... А теперь вот, пару лет назад, приехал я в Софию, был вечер Евтушенко, пришло человек двадцать примерно. Вот таким образом изменилась ситуация за эти годы, дорогой Анар...”

В годы учения на Сценарных Курсах в Москве я как-то попал на заседание в Доме литераторов. Тогда я еще не был членом Союза писателей. Не помню, где я достал пропуск и как оказался там. На том совещании расправлялись с Евтушенко и Вознесенским. Литературные генералы того времени С.Михалков, А.Корнейчук, Л.Соболев, А.Софронов, международный обозреватель Ю.Жуков всем весом своего авторитета обрушивались на молодых поэтов. И все из-за того, что Евтушенко опубликовал свою автобиографию во французском журнале. С.Михалков изощрялся: “Автобиография - это где, когда родился, папа такой-то, мама такая та... а Евтушенко пользуясь возможностью поливает свою страну...”

В том же духе выступали и другие литгенералы плюс молодой поэт В. Фирсов. Фирсов страшно завидовал известности модных поэтов и помню даже остроумную эпиграмму на него, где он будто бы жалуется, вот мол, у Евтушенко даже два Дантеса, а у меня ни одного. В Баку я с юных лет видел такие же чудовищные сборища в нашем клубе Натанов Союза писателей, а вот в Москве впервые попал на такое судилище и оно произвело на меня страшное, удручающее впечатление. Выступили и Евтушенко с Вознесенским. Вознесенский оказался неважным оратором, волнуясь, говорил невнятно, неубедительно. Полным контрастом было выступление Евтушенко. Хорошо поставленным голосом, с умелыми ораторскими приемами он выглядел на трибуне уверенно и убедительно. Да и сам он - высокий, стройный, в прекрасном костюме напоминал положительного героя какого-то дешевого водевиля, где отвратительными отрицательными героями выглядели его гонители. Свое выступление Евтушенко закончил артистическим исполнением одного из своих стихотворений. Все еще в эйфории шумных успехов многолюдных поэтических вечеров, он рассчитывал, что напором поэзии покорит публику. Но не тут-то было дело. Да и не та была аудитория. Его декламацию встретили не бурными аплодисментами, а угрюмым молчанием. В зале явственно ощущалась аура недоброжелательства, вражды, зависти. И чем эффективнее выглядел Евтушенко, герой-любовник, любимец женщин, молодой, модный, привлекательный, тем больше ненависти вызывал он у этих людей с неудовлетворенными комплексами. И все разговоры, якобы в защиту режима, идеологии, страны, были просто фиговыми листками, скрывающими потаенные и подавленные желания покорных людей с рабской психологией. Много лет спустя, уже во времена перестройки такие же (а может те же) люди во дворе Союза писателей у памятника Л.Толстому сжигали чучело Евтушенко, предварительно тщательно изготовленное (какая все же дотошность и еще большая злоба). Этой акцией самоудовлетворения завершился их бой с Евтушенко. Сжечь самого поэта было не в их силах.

В 1964 году я познакомился с Евтушенко, обедая в ресторане ЦДЛ с Максудом Ибрагимбековым и грузинским писателем Тамазом Чиладзе. Вскоре к нам присоединились

Василий Аксенов, затем Евтушенко. Но об этой встрече я рассказал в эссе, посвященном кончине В. Аксенова. Хочу здесь отметить два момента, которых я не коснулся в том эссе. Евтушенко вдруг почему-то стал вспоминать, как в него влюбилась жена советского дипломата, работавшего в нашем посольстве в какой-то стране. “Представляете, они, жены дипломатов, сто раз проверяются и перепроверяются на лояльность. А тут она готова была бросить мужа ради меня, прекрасно зная, чем это грозит для нее”.

Евгений Евтушенко и Расул Рза

Узнав, что я сын Расула Рзы, Евтушенко поинтересовался: а у вас с отцом нет конфликта поколений? - Никакого, - ответил я, - мы единомышленники во всем. Через несколько дней встретившись с отцом, он сказал ему, что у вас с сыном полное единомыслие, а в наше время это редкость.

После этого мы пару раз виделись на Пленумах Союза. На юбилее Ильи Чавчавадзе в Тбилиси он поздравил меня с избранием на пост руководителя Союза писателей: Тяжела шапка Мономаха?

Когда в начале карабахского конфликта Хураман ханым по древнему обычаю бросила свой платок, чтобы предотвратить кровопролитие, Евтушенко прочитав об этом в московской прессе, написал стихи.

Своими живыми откликами на все важнейшие события времени Евтушенко был типичным шестидесятником. Он гордился и гордится своим “шестидесятиничеством” и говорит, что презирает всех кто презирает “шестидесятников”.

Принадлежащего по возрасту к военному поколению (и участника войны) Булата Окуджаву тоже обычно причисляют к “шестидесятиникам”. Отвечая на вопросы корреспондента журнала “Огонек” Б.Окуджава говорил:

“Молодые “восьмидесятники” страшно сердиты на “шестидесятников”. Забывают, что проблема отцов и детей существует испокон веков. Естественно, “шестидесятники” были детьми своего времени. Они не были революционерами, просто были честными людьми, не могли жить в тех условиях. Они не думали менять режим, пытались его несколько очеловечить, чтобы стало немного легче дышать. Вот и все. Теперь я обращаюсь к “восьмидесятиникам”. Мы сделали все, что смогли. Теперь настала ваша очередь. Дальнейшее продолжайте вы”

В самом деле, кто бы, что бы ни говорили, в изменении настроения общества, в обновлении его нравственного климата, в очищении сознания людей, в стимулировании их более свободного мышления - и таким образом в опережении Времени - исключительно

ные заслуги “шестидесятников” - бесспорны. И, безусловно, наиболее сильное влияние на общественное сознание оказывала поэзия Евгения Евтушенко.

Булат Окуджава, Владимир Соколов, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Римма Казакова, Роберт Рождественский, Юрий Казаков, Василий Аксенов, Владимир Высоцкий, Иосиф Бродский - люди, прославившие шестидесятые годы. Безжалостное время унесло их всех одного за другим. Последним могиканином из той плеяды остался Евг.Евтушенко. Он и один из последних свидетелей той неблагодарности, какую обрушивают на “шестидесятников” некоторые представители следующих поколений. Многие ныне даже не помнят его имени, а ведь оно гремело по всей стране, по всему миру всего тридцать, сорок, пятьдесят лет тому назад. На закате жизни Е.Евтушенко оказался не только в чужой стране, но и на “чужбине Времени”.

Несомненно, Евтушенко оставил значительный след в памяти, в сознании нашего поколения. Поэтому и захотелось мне как-то откликнуться на его юбилей, хотя, прекрасно понимаю, что эти публикации в Баку, вряд ли, когда-нибудь дойдут до него. Азербайджанский текст этих заметок был опубликован в “525-чи газет” 21 июля 2012 года. К заметкам я добавил одно стихотворение поэта, переведенное мной несколько лет назад. Сейчас и в конце русского текста я также хочу поместить эти стихи, которые всегда трогали меня. Иначе ведь и не перевел бы их.

*Идут белые снега,
как по нитке скользя
жить и жить бы на свете,
да, наверно, нельзя*

*Чьи-то души, бесследно
растворяясь вдали,
словно белые снега,
идут в небо с земли.*

*Идут белые снега...
и я тоже уйду,
не печалюсь о смерти
и бессмертья не жду.*

*Я не верую в чудо,
я не снег, не звезда,
и я больше не буду
никогда, никогда*

*И я думаю грешный,
ну, а кем же я был,
что я в жизни поспешной
больше жизни любил?*

*А любил я Россию
всею кровью, хребтом-
ее реки в разливе
и когда подо льдом.*

*Дух ее пятистанок,
дух ее сосняков,
ее Пушкина, Стеньку
и ее стариков*

*Если было несладко,
я не шибко тужил.
Пусть я прожил негладко,
для России я жил*

*И надеждою маюсь
(полный тайных тревог)
что хоть малую малость
я России помог.*

*Пусть она позабудет
про меня без труда,
только пусть она будет
навсегда, навсегда*

*Идут белые снеги,
как во все времена.
как при Пушкине, Стеньке
и как после меня.*

*Идут снеги большие,
аж до боли светлы,
и мои и чужие
заметая следы...*

*Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я.*

19 июля 2012 г.

Олжас всегда Олжас

Олжас Сулейменов

му поэтическому девизу, афористично провозглашенному в его давних стихах:

*Здесь долг я понял
перейти года
возвысить степь, не унижая горы. . .*

Вся поэзия Олжаса, овеянная дыханием и ароматом бескрайних степных просторов, в то же время полна восхищения перед величием гор. Эта формула двуединства культур - составляет основу и его научных изысканий. С неподдельным интересом знакомлюсь с фундаментальными научными книгами Олжаса с дорогими для меня автографами: “Тюрки в доистории”, “Язык письма”.

Статью “Закаты и восходы тюркских солнц”, Олжас начинает фразой: “Мои друзья Анар, Эльчин и Намик Кемаль предложили написать о Деде Коркуте”. О Деде Коркуте написано немало, но вышеупомянутая статья

Олжасу Сулейменову - замечательному сыну казахского народа, выдающемуся поэту. Прекрасному ученому, общественному деятелю и дипломату, искреннему другу Азербайджана и лично моему дорогому другу - исполняется 70 лет. Из семидесяти прожитых лет, более полувека отдано истовому служению поэзии, истории и культуре тюркского мира, благородному делу не показного, а подлинного сближения народов, и в первую очередь славян и тюрков. Глубокий знаток этих двух цивилизаций Олжас всегда и везде верен свое-

Олжас Сулейменов и Анар

Олжаса Сулейменова, отличается совершенно новым и оригинальным взглядом на эпическую традицию тюркских народов, наиболее ярко отраженных в двух бессмертных дастанах - “Китаби Дедем Коркут” и “Кероглы”.

Задолго до того, как мы познакомились и подружились с Олжасом я знал его заочно по его поэзии, которая выделялась своим особым колоритом в советской поэзии шестидесятников. Почти в это же время вышла его нашумевшая книга “Аз и Я” совершившая настоящий переворот в научном освещении взаимосвязей Степи и Руси. Консервативно мыслящие русские ученые, среди которых, были к сожалению, и очень высокие научные авторитеты, встретили книгу в штыки и никак не могли согласиться с идеей равновеликости степной тюркской культуры с духовными ценностями славянского мира. И лишь отдельные ученые, в числе которых был незабвенный Л.Гумилев (который, кстати, в ссылке соседствовал на нарах с отцом Олжаса) сумевшие стать выше традиционных и косных взглядов, оценили труд О.Сулейменова по достоинству.

До книги “АЗ и Я” Олжас опубликовал в газете “Комсомольская правда” (31 октября 1970) статью “Иссыкское письмо”, привлекая внимание моего отца, поэта Расула Рзы. Отец написал одобрительное письмо Олжасу, и когда в 1975-году вышла “Аз и Я”, Олжас послал свою книгу отцу с дарственной надписью: “Уважаемый Расул ага! С благодарностью вспоминаю Ваше письмо, полученное после одной из моих статей (об Иссыкском письме). Пусть эта книжка будет началом ответа на Ваше доброе послание. Ваш Олжас. 20 июля 1975 г.”

Когда начались нападки на “АЗ и Я” Расул Рза послал Олжасу сочувственное письмо с поддержкой его позиции. И мне очень приятно, что в отличие от некоторых, Олжас сохранил это в своей благодарной памяти и написал очень теплое эссе о Расуле Рзе после его смерти.

Вообще отношение Олжаса к Азербайджану эталон дружбы и братства. Он, неизменный участник юбилеев наших классиков Низами, Физули, Самеда Вургуня. Узнав о том, что в Москве устанавливается мемориальная доска Наримана Нариманова, Олжас специально прибыл на эту церемонию и выступил с речью. Подлинно сыновнюю привязанность он чувствовал по отношению к нашему покойному Президенту Гейдару Алиеву, который, в свою очередь относился с большой симпатией к казахскому поэту. Олжас рассказывал мне, что руководитель Казахстана Д.Кунаев, который, кстати, поддержал Олжаса в дни ожесточенных нападок на его книгу, заве-

Гейдар Алиев и Олжас Сулейменов

щал Олжасу, да и всему казахскому народу, особо чтить Гейдара Алиева, ибо он был единственным в Политбюро, кто встал на сторону Кунаева, когда его на посту Первого Секретаря ЦК Казахстана заменили Колбиным.

Я знаю, с каким пиететом относится Олжас к патриарху нашей современной поэзии Бахтияру Вагабзаде.

Годы студенческой дружбы в Лит.институте связывают Олжаса с, Фикретом Годжой, Акрамом Айлисли, Аллой Ахундовой в более поздние годы его близкими друзьями стали наши писатели и поэты Юсиф и Вагиф Самедоглы, Максуд и Рустам Ибрагимбековы, Эльчин, Сабир Рустамханлы, Камал Абдулла, Чингиз Абдуллаев, художники Таир Салахов, Тогрул Нариманбеков, Фархад Халилов, музыканты Ариф Меликов, Полад Бюльбюль-оглы, Фархад Бадалбейли.

Общий интерес к Шумеру, к проблемам праязыка тюркских народов сближали его с покойным языковедом Айдыном Мамедовым. Блестящий переводчик Натиг Сафаров, которого, к сожалению, мы тоже так рано потеряли, перевел на азербайджанский язык “Аз и Я” и с этого перевода осуществлено и турецкое издание книги. В 2005-ом году в Баку вышла книга стихов и научных работ Олжаса, в переводах молодых поэтов Эльхана Зала и Акифа Ахмедгиля, с предисловием члена-корреспондента Национальной Академии наук Низами Джафарова. Режиссер и сценарист Рамиз Фаталиев снимает документальный фильм к юбилею поэта.

Лично же с Олжасом я познакомился в Москве, на заседании Комитета Солидарности стран Азии и Африки. Вторая и более запомнившаяся нам обоим встреча произошла также в Москве, на съезде писателей. Олжаса избрали Председателем Счетной комиссии, а меня членом этой комиссии. При подсчете голосов я обратил внимание, что писателей из тюркских республик четко вычеркивает одно и то же определенное количество делегатов. - “Это армяне - сказал я Олжасу, сперва он с некоторым сомнением отнесся к моим словам, но когда мы сверили количество этих голосов “против” с числом армянской делегации на съезде, сомнения отпали. Они полностью совпали, и не было ни одного исключения.

Олжас Сулейменов, Анар, Эдуардес Межелайтес в Москве на Пленуме Союза писателей СССР. 1988 г.

Но настоящую братскую дружбу Олжаса к нашему народу я почувствовал на сессиях Верховного Совета и на съездах Народных депутатов СССР. Олжас Сулейменов был едва ли не единственным депутатом из тюркских республик, который всегда, безоговорочно и мужественно поддерживал наши позиции по карабахскому вопросу и не только по карабахскому. Когда погибли в вертолете наши люди, спешащие на помощь пострадавшей от землетрясения Армении, и этот факт замалчивался, я снабдил

Олжаса соответствующей информацией, и он взволнованно сказал об этом с трибуны съезда. Как всегда в Азербайджане нашлись люди, готовые любым способом очернить наших депутатов и стали упрекать нас в том, почему не мы, а казахский представитель говорил об этом. Трудно объяснить подобным людям, что выступление депутата от другой республики, гораздо эффективнее действует на враждебно или безразлично настроенную аудиторию, чем выступление представителя пострадавшей стороны,

А разве можно забыть поступок Олжаса, когда он, после телефонного звонка Народного поэта Бахтияра Вагабзаде, прибыл в Баку в трагические дни Черного января 1990-го года. Причем приехал простуженный, с высокой температурой. Я навесил его в гостинице “Азербайджан”, которая обстреливалась с моря, и оператор, бесстрашно снимавший все это, принес гильзу от пули, выстрелянной в гостиницу, и отдал Олжасу. Выступление в прессе и на ТВ Олжаса Сулейменова в Баку были большой моральной поддержкой для нас в те страшные

Слева Леон Робель, Олжас Сулейменов, Анар в Париже

написанные на русском языке, принесли большую пользу для развития национального самосознания тюркских народов, чем сотни других произведений, созданных на национальных языках, не говоря уже о том, что донести правду о своем народе, его истории, истоках, ценностях на другом языке, не менее важно, чем те же истины провозглашать у себя дома, в кругу друзей, близких и соплеменников-единомышленников. К тому же, последнее

дней и никогда не сотрутся из памяти нашего народа.

Позже мы неоднократно встречались в Баку и Стамбуле, Москве и Париже, и во время одной из таких встреч, на каком то симпозиуме во французской столице, кто-то упрекнул Олжаса за то, что он пишет на русском языке. Я сразу дал отпор этому недалекому французскому тюркологу, подчеркнув, что “Аз и Я” и другие книги Олжаса,

Анар, Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов в Париже

Справа на лево: французский поэт-переводчик Леон Робель, Олжас Сулейменов, турецкий поэт Атаол Бехрамоглы, Анар, турецкий писатель Надим Гюрсел в Париже 1996 г.

более безопасно. Еще с одним подобным псевдопатриотическим фактом я столкнулся в Турции, когда с изумлением и возмущением обнаружил, что Олжас Сулейменов - самый яркий представитель современной казахской литературы, не включен в “казахский” том многотомного издания Антологии тюркских словесностей, по той же нелепой логике - пишет на русском.

Но все это мелкие недоразумения. В Турции, как и во всем мире, Олжаса Сулейменова хорошо знают, любят и по достоинству оценивают. Он один из основателей и активных участников “Платформы Диалог Евразия”, печатается в журнале “ДА”. Издательство платформы выпустила его отдельную книгу.

В годы, после приобретения Казахстаном независимости Олжас Сулейменов - посол своей страны в двух наиболее красивых городах мира - Риме и Париже. Он говорил мне, что согласился стать послом в Италии из-за этрусков. Хотел собрать побольше материалов об этих древних обитателях Италии, которые по его мнению, имеют генетические связи в тюрками. Сейчас Олжас посол Казахстана в ЮНЕСКО. Есть люди, которые считают, что и Олжасу Сулейменову, и Чингизу Айтматову - послу Кыргызстана в Брюсселе, повезло, в трудные времена они обрели возможность жить и работать в спокойной обстановке, благоприятствующей писательскому труду. Я думаю, было бы более справедливым считать, что и Олжас и Ч.Айтматов, больше чем кто-либо другой из этих стран, заслужили быть достойными представителями своих народов в сердце Европы.

Вспоминается одна из относительно недавних встреч с Олжасом в Париже. Он пригласил меня в ресторан в Булонском лесу. Отдавая должное монументальным научным трудам Олжаса, созданным в последние годы, я поинтересовался, почему же он давно не пишет стихов.

- Кончились рифмы, - отвечает он шуткой. - Пиши без рифмы, сейчас это модно, - говорю я, - или как утверждал ты когда-то “все стихи уже написаны”. Улыбается. В этой улыбке тайна поэта, известная только ему одному. Когда, как и каким образом поэтическая Муза призовет его к служению, неведомо никому.

Я вспоминаю давние и дивные стихи Олжаса:

*Степные дороги -
Летописные строки
Я умею читать эти тропы.
Караваны тянулись,
Траву принимали таборы.
Миновали кочевья
Оставив на глинах Метафоры.*

И еще строки:

*Мы спокойны,
Мы отстали,
Нам, приученным верхом,
надоело жизнь бегом.
Мы коней в себе загнали,
возвращаемся пешком.*

И, наконец, самое пронзительное:

*Я так поступал, клянусь
Дорога.
Не всем, кто ждал, помог,
Ведь я не Бог,
Что в силах одинокого поэта.
На все вопросы не нашел ответа
Но людям я не лгал.
Хотя и мог.*

Таков Олжас.

Париж. Булонский лес. За окнами ресторана изумительный ландшафт этого исторического парка, а за его пределами прекрасный город со своими знаменитыми бульварами, площадями, зданиями и кварталами, каждый из которых хранит аромат эпох, с кафе и бистро, помнящих Пикассо, Хемингуэя, Эренбурга, Назыма Хикмета, Париж - город художников и поэтов, влюбленных и бунтарей.

В этом городе живет и работает поэт, ученый, дипломат и гражданин, верный, надежный друг Олжас Сулейменов. Становясь с годами старше и мудрее, и всегда оставаясь самим собой. Париж всегда Париж. Олжас всегда Олжас.

“Известия” 20 мая 2006 г.

Простота и мудрость

Иван Драч

В 1962-ом году я поступил на Высшие Сценарные Курсы в Москве. На курсы поступили также москвичи, ленинградцы, представители большинства республик. Потом многие из них прославились. Имена русского Юрия Клепикова, белоруса Алесея Адамовича, еврея Фридриха Горенштейна, молдаванина Васи́лу Васи́лаки, грузин Э́рлома Ахвле́диани, Амиранэ Чичинадзе, армян Армена Зурабова, Перча Зейтунцяна, киргиза Марра Байджиева, азербайджанца Максуда Ибрагимбекова стали широко известны в области прозы, драматургии, кинодраматургии. Москвич Марк Розовский, ленинградец Илья Авербах, молдаванин Влад Иовице стали режиссерами театра и кино.

Но на курсах был еще один слушатель, хоть и нашего поколения, но к тому времени уже успевший завоевать большую славу не только на родине, но и далеко за ее пределами. Я имею ввиду украинского поэта Ивана Драча.

Увидев его фамилию среди поступивших на Курсы, я обрадовался. Читал некоторые его стихи, переведенные на русский язык, и они показались мне очень интересными.

На первой же лекции разглядывая своих сокурсников, я пытался определить, кто же из них Иван Драч. Может быть тот парень высокого роста, несколько надменно взирающий на лектора? Или вот этот с усталым лицом, усталым то ли от работ и забот, то ли от собственной известности? Или может этот франт с энергичной жестикуляцией?

Во время перерыва ко мне подошел молодой человек среднего роста, в очках, скромно одетый. С мягким украинским говором тихо спросил: “Вы - Анар? Вчера читал в “Литературной газете” вашу статью”, - и протянул руку, - Иван Драч.

Так мы познакомились. При первом же знакомстве с Драчом я вспомнил азербайджанскую поговорку: плодоносящая ветка всегда склоняет свою голову вниз. По настоящему талантливые люди почти всегда скромны и просты. В лице Ивана Драча для меня еще раз подтвердилась эта истина. За два года обучения на курсах мы с Ваней крепко подружились, и наша связь не прерывалась и после окончания учебы в Москве. Много раз

Анар с украинскими писателями: (слева) Иваном Драчом, Борисом Олейником, Виталием Коротичем

встречались в той же Москве, в Баку, в Киеве, переписывались. И годы подтвердили мое первое впечатление.

Его поэзия похожа на него самого - такая же простая и в то же время мудрая. Основная и глубокая, чуть грустная и задумчивая... Ивану и как личности присущи высокие качества - мужество, непреклонность в убеждениях, принципиальность. Наверное, именно поэтому с молодых лет Иван Драч стал гордостью украинской литературы. Литературная общественность Украины, многочисленные читатели воспринимают И. Драча, как национальное достояние, и именно в этом качестве оценивают его. Хочу сказать, что с самого юного возраста никто не относился к нему высокомерно-снисходительно, мол "молод еще", критики не пытались учить его уму-разуму, наоборот многие пытались и пытаются учиться у него. С этой точки зрения вызывает восхищение отношение к Ивану писателей старшего поколения - Миколы Бажана, Олесея Гончара и других корифеев. В этих отношениях нет ни излишней опеки, ни безразличия, ни малейших признаков ревности или зависти. Это взаимоуважительные отношения равных. Как будто азербайджанскую поговорку "Ağıl yaşda olmaz, başda olar" (Мудрость не годам, а в голове) придумали украинцы. Впрочем, вероятно, и у украинцев есть аналогичная поговорка. Несколько лет назад Иван Драч перевел стихи Вагифа Самедоглы на украинский язык и опубликовал в журнале "Жовтень". Я рад, что мы возвращаем братский долг Ване и его чудесные стихи все чаще звучат на азербайджанском языке в переводах Аббаса Абдуллы.

Газета "Azərbaycan gəncləri" 2 октября 1975 г.

*Анар, украинский поэт Иван Драч,
таджикский поэт Момин Ганоат*

P.S. Эти небольшие заметки о моем - теперь уже можно сказать старом друге - Иване Драче были написаны и опубликованы 32 года тому назад. Сколько воды утекло с тех пор, какие глобальные события произошли, какие потрясения и в личной, и в общественной жизни каждого из нас...

В 1981-ом году я, в течение ста дней потерял родителей - отца и мать, и Ваня прислал мне очень теплое, трогательное письмо с сочувствием и соболезнованием.

Распалась огромная империя - Советский Союз - и наши народы обрели независимость, о чем мы с Ваней сокровенно мечтали в годы московской учебы и делились этим - как казалось нам тогда несбыточными мечтаниями друг с другом. Я был уверен, что нам при жизни не удастся увидеть возжеленную независимость своих народов, хотя в конечной достижимости этой цели я не сомневался никогда. Иван на этот счет был более оптимистичен и говорил мне, что в отличие от меня эту уверенность ему вселяют его “крепкие крестьянские корни”. Так и говорил. “Ты говоришь будто цитатами из будущей монографии о самом себе” - шутил я.

И вот долгожданная независимость наступила. И сколько же новых проблем, потрясений, разочарований принесла она нашим народам. Как отразилась на наших собственных судьбах. Волей-волей вовлеченные в политический водоворот, мы в одно и то же время оказались Народными депутатами СССР и, встречаясь на съездах, сессиях, встречаясь уже в Кремле, а не на просмотрах в Доме Кино, делились горестными думами о том, как все неожиданно и трагически обернулось. Это было начало 90-х годов прошлого века самое страшное время для Азербайджана. Позже, к счастью, менее драматичную судьбу прожила Украина.

И уже встречаясь в сентябре этого года с Иваном Драчом в Душанбе на юбилее Джалаледдина Руми, а спустя месяц в Киеве на международном форуме писателей “Слово без границ”, я нашел Ваню более спокойным, более умиротворенным, что ли. Не знаю, каким нашел меня он. Но было очень приятно ощущать, что наша братская дружба, за все эти сложные, мучительные годы, абсолютно не поблекла.

Для меня Иван Драч всегда был и навсегда останется одним из дорогих друзей - хоть далеким по расстоянию, но неизменно верным во времени. Во всех временах...

3 ноября 2007 г.

Заметки о Мухтаре Шаханове

Поэма “Заблуждение цивилизации” Мухтара Шаханова - произведение необычайное и по форме, и по содержанию. Необычность формы заключается в том, что это некий сплав поэзии и прозы, драматургии и мемуаристики, в котором древние мифы и легенды соседствуют с газетными сообщениями сегодняшнего дня, мудрые притчи сочетаются с документальными свидетельствами очевидца, беседы с самыми разными людьми - от всемирно известных ученых, писателей до рядовых тружеников, дополняются раздумьями и выводами самого автора, ищущего ответы на самые злободневные проблемы эпохи.

Мне приятно, что в своем произведении Мухтар Шаханов отразил и памятный эпизод нашей встречи в Баку в юбилейные дни Самеда Вургуня.

“Вечер в Баку. Мы стали личными гостями Гейдара Алиева. Был Расул Гамзатов, я, Анар, Эльчин и Полад - министр, сын Бюльбюля. Ни мало, ни много, сидели до трех часов ночи. Говорили о личности, о любви к руководителям, о культе. Я сказал Президенту: Видимо, в Вашей стране вы пользуетесь большим уважением. На юбилейном вечере собравшиеся в зале не устали аплодировать Вам. Президент посмотрел грустно и сказал: Кому только не аплодировал наш народ, кому только не рукоплескал?”

К тексту Мухтара я хотел бы добавить и собственные впечатления от того вечера.

Мухтар Шаханов вспоминал слова, сказанные ему Д.А.Кунаевым о том, что когда последнего освобождали от должности, против этого решения в Политбюро проголосовал один только Гейдар Алиев.

- Запомните, - сказал Димаш Ахмедович, - за это казахский народ должен быть всегда признателен Гейдару Алиеву.

- Да, - отозвался Гейдар Алиев. - Это стало одной из причин наших разногласий с Горбачевым.

Мухтар Шаханов подарил Г.Алиеву книгу, написанную им в соавторстве с Чингизом Айтматовым. В ней были отражены беседы обоих писателей с президентами стран Средней Азии.

Мухтар сообщил:

- Чингиз хотел, чтобы мы написали о Вас, но я не согласился, так как знал Вас недостаточно. О Туркменбаши я написал отрицательно. Что это такое, повсеместно повешал свои портреты! Вся Туркмения уставлена его памятниками. Я очень рад, что нигде не увидел ваших портретов или памятников.

- Да, - согласился Гейдар Алиев, - вывесили пару моих портретов, я дал указание убрать. Один хороший человек даже на свои средства смастерил мой бюст, я ему сказал, никому не показывай, спрячь, после моего ухода установишь, если сможешь. Верно, в официальных кабинетах мой портрет вешают, это естественно, во всех странах: Прези-

дент - один из символов и атрибутов государства, но в иных местах выставлять мой портрет я запретил. Помнится, еще в советское время, до меня дошла весть, что покойный министр Зулейха Гусейнова, повесила в своем кабинете мой портрет, я позвонил ей и сказал, убери портрет оттуда, хочешь, повесь у себя в квартире, повесь в спальне, мне будет приятно, что мой портрет находится в комнате красивой женщины...

Расул Гамзатов, Эльчин, Мухтар Шаханов

ты, и основу всего этого составляет единая гуманистическая концепция - забота о торжестве духовных ценностей, подвергшихся немыслимой агрессии со стороны потребительского эгоизма рыночных отношений и пошлой маскультуры, разрушающей нравственный стержень человека.

Не раз слушая выступления Мухтара Шаханова в Турции на заседаниях Платформы Диалог Евразии, я видел, как серьезно озабочен казахский писатель дурным влиянием западных масс-медиа на нравственный климат своей страны. Мы хотели подключиться к водопроводу передовой западной культуры, а подключилась к ее канализации - постоянно повторяет он.

Позиция автора находит всеобщую поддержку среди его почитателей. Так, и спектакль по драме "Тайна, унесенная Чингиз-ханом" с большим успехом ставилась на сцене Русского драматического театра имени Самеда Вургуня в Баку.

Я с живым интересом знакомился с теми страницами в произведениях Мухтара Шаханова, в которых отражаются трагические и героические декабрьские события в Алма-Ате. Он с гордостью пишет о подвиге казахской молодежи, вставшей в защиту чести и достоинства своего народа. Мухтар был не сторонним свидетелем этих событий, а их активным участником, позже достоверным летописцем и борцом за поправленные права невинно осужденных. Таким общественно активным и граждански неравнодушным остается он и поныне.

Гости восхищались тем, что Гейдар Алиев столь прост, доступен, общителен, расположен к шутке. Он говорил:

- Сегодня с вами я провел один из очень приятных вечеров. В вашем обществе я чувствовал себя тепло и хорошо...

В другой книге М.Шаханова "Космоформуле карающей памяти" автор вновь сопрягает разные времена, разные страны и континен-

23 марта 2001 г.

Без финала

“Равновесие” - так называется новая книга стихов Бакинского поэта Владимира Портнова. Обычно поэтов определяют или по эпохе - античный, средневековый, современный, или по школе - символист, романтик, реалист, или по языку - русский поэт, французский или азербайджанский... В.Портнов современный, сугубо реалистический русский поэт, но все же настоятельно хочется назвать его прежде всего Бакинским поэтом. Дело не только в том, что его поэзия насыщена реалиями Баку, дело в каком-то особом мироощущении, мировосприятии бакинца, коренного жителя города, в котором столь издавна и столь причудливо переплелись Восток и Запад, Юг и Север, Азия и Европа, кавказский темперамент и мусульманство, традиции многовековой азербайджанской культуры и то, что внесли в образ Баку музы Маяковского и Есенина, Тихонова и Луговского. Когда мы говорим о само собой разумеющемся интернационализме Баку - мы имеем и важнейшие принципы социальной структуры и бытовые реальности обычного много-национального, многоязычного, густонаселенного и шумного Бакинского двора - и обе точки отсчета - общественно значимая и повседневная, будничная, органически сочетаясь, сплаваясь создают неповторимо специфический облик города ветров. Именно этот сплав рождает своих певцов, поэтов Баку, независимо от того, на каком языке они пишут.

***Баку был, как огромная семья,
Где разные фамилии смешались.***

В этом, быть может сродни Бакинским поэтам, музыканты Баку, в которых невытравимо остался след “Бакинского джаза”, куда бы потом они не попадали.

Наверное, точнее было бы называть В.Портнова не только Бакинским поэтом, но и поэтом Баку. И точно так же, как акцентирую эпитет “бакинский”, я подчеркиваю высокое слово “поэт”.

Хотя В.Портнов как бы вскользь упоминает о своем пока неосуществимом желании: “написал бы я роман - жизнь Бакинского квартала”, я думаю, что даже в случае воплощения этого замысла, мы познакомились бы с творением в прозе поэта. А впрочем, разве В.Портнов уже не осуществил свою заветную затею. Ведь все основные принципы сюжета, лица и голоса, детали и штрихи, настроения и интонации, которые полагают, берегутся для будущей прозы, так сказать накапливаются впрок (“чтоб сюжетом была; чтоб рождали, вырастали, знали страсти и печали, и, избыв себя дотла, в том же старились квартале”) - все это уже отразилось в его поэзии искренне и точно. Точность, пожалуй, одно из емких определений портновской поэтики - точность душевная, эмоциональная и точность в мельчайших подробностях быта, в достоверных приметах времени... Черногородский мост, который “вел в другой район, в другую жизнь, пожалуй”, бульвар, Нагорный парк, купальня и бассейн, которые потом снесли, и яхт-клуб, который исчез потом куда-то. Определения “крепостной”, “баиловский”, “арменикендский”, Сураханы и “Шемахинка”... Почему все эти приметы Баку, или говоря точнее, название улиц, районов, кварталов Баку, в книге “Равновесие” овеяны такой поэзией, зву-

Владимир Портнов и Анар

и “черты одной бакинки с Баланханского шоссе” - отчего все эти душевные отметины находят отклик и в нашем сердце, затрагивают какие-то затаенные струны нашего внутреннего существования, воспринимается нами, читателями, как проступающие из легкой дымки прошлого картинки нашего собственного эмоционального опыта. И мы вместе с автором задаемся печальным безответным вопросом: “Весь этот мир - куда он делся?” И в самом деле, милый, дорогой Володя, куда он делся, этот мир? Мир окраинных трамваев и пригородных электричек, мир поездов в стиле ретро, мир патефонов, парашютной вышки на бульваре и Парка Роте-фане, Мир взрослых, одетых в “украинки” и парусину, в тапки, которые чистят “особым” зубным порошком? Удивительная особенность жизни в большом городе, переехав из одного квартала в другой, ты годами не забредаешь в район своего старого местожительства, хотя это где-то совсем рядом, под рукой, во всяком случае, гораздо ближе, чем другие города, в которых тебе приходится бывать чаще. “Я в тех местах бываю редко”, - пишет В.Портнов, и это глубоко верно и психологически точно: есть какая-то магия невозвращения в места, дорогие для тебя ностальгической памятью ушедших лет, в эти кварталы нельзя вернуться, как нельзя вернуть Прошлое. И лишь “память - спасение и приют”, но кто может объяснить ее превратности, кто может вычислить законы воспоминаний, принципы их избирательности - почему мы помним одно, казалось бы малозначительное и забываем другое, представляющееся нам когда-то таким важным и главным... Хорошие стихи обладают удивительным свойством, рассказывая о воспоминаниях автора, она делает их и твоими, тебе кажется, что все это видел и пережил ты сам... Автор вводит меня в самоценный мир своих собственных ощущений, своего неповторимого опыта, но я воспринимаю все это, как частицу своего опыта, своего прошлого.

*В их санаториях, байдарках,
В кружении под патефон,
В значках и памятных подарках,
В неведение былых времен.
Как белых брюк и юбок много
(Как будто лето - навсегда)*

“Волейбол”

Воспоминания по своей сути - всегда ностальгичны, но эта ностальгия освящена светлой грустью - ибо поздние зарубки жизни, раскрашивают все ушедшие годы, даже самые трудные, как счастье.

Поэзия, как, впрочем, и всякое искусство - память и надежда... Чем больше и пронзительнее мы помним, тем более у нас надежды быть понятыми другими... “Я дня не мог без тебя прожить, а прожил всю жизнь”, - пишет Портнов, и еще раз убеждаешься в том, что чем личностнее ощущения художника, тем больше у него шансов быть услышанным, найти отклик в чужих душах. Но, наверное, такая сила воздействия связаны не только с искренностью и накалом поэтического чувства, но и с умением автора запомнить, запечатлеть осязаемую, “грубую, зримую” предметность места и времени действия.

*Тривиальны подробности жизни,
Человеческих дней пустяки,
Но в своем областном реализме
Я люблю помещать их в стихи.
Где мы были, что ели и пили,
Кто как выглядел, что говорил, -
Я люблю эти мелкие были,
Черновой повседневности пыл.*

Строчки эти, мне кажутся программными для В.Портнова, как следующие слова: “люблю простые вещи, густой и прочный быт. Он, словно дымкой внешней, поэзией по-вит”. Или вот такое признание: “И недаром воспевал электрички и трамваи, уличных мальчишек стаи, как учился, как служил. Я, наверное, жил как все, галереи, керосинки”... Очевидно оттого, что лирический герой портновского поколения бакинцев, вспоминает то, что так дорого им всем. “Жаль Сабунчинского вокзала. И Фиолетово закрыли. Как прошлого осталось мало”... Но этот лирический герой, также как и его сверстники “собирает в круг годы, ставшие прозрачными”...

В.Портнов остается бакинцем, Бакинским поэтом и тогда, когда пишет о “Полукруглой бухте Коктебеля” или “дождливых дачах Карелии”, или о гулких проходных дворах Ленинграда”, о “тусклом плеске каналов”. Мне нравятся (хотя и меньше) и те стихи В.Портнова, которые навеяны чисто книжными ассоциациями. Будучи изысканно литературными, они далеки как от литературщины, так и от холодного “снобизма”. В них такое же зоркое видение вещного мира, предметно осязаемая фиксация иноземного исторического реквизита, как и в стихах, основу которых составляют реальные жизненные наблюдения и впечатления. Как грациозна и точна, скажем “Шляхетская ода” или акварельно-изящное стихотворение “Круг”.

В.Портнов поведал на страницах своей книги, о мечте написать роман без финала. Мне тоже захотелось закончить эти заметки о книге поэта, моего многолетнего друга и переводчика Владимира Портнова его же собственными строчками о финале:

*А финала нет, как нет,
Нет, как не было начала.
Жизнь Бакинского квартала -
Бесконечный мой сюжет -
Обрываю как попало.*

Город и мир Орхана Памука

Орхан Памук

21 мая 2009 года состоялся XI съезд писателей Азербайджана. В числе гостей я пригласил в Баку и турецкого писателя Орхана Памука. Он с удовлетворением принял наше приглашение и вместе с известным журналистом, ныне покойным Ирфаном Улкю, впервые приехал в Азербайджан. Орхан тогда еще не был лауреатом Нобелевской премии, но и до премии многие в Турции его недолюбливали. После получения премии, число их, естественно еще больше возросло. Такова расплата за славу.

Помню, когда в Мексике в беседе с тамошними писателями речь зашла о романе “Сто лет одиночества” Маркеса, один из мексиканских прозаиков сказал, что очень удивился, когда это произведение получило нобелевскую премию. “После этого перечитал роман, - продолжал он, - и удивился еще больше решению нобелевского Комитета”.

И к Орхану Памуку в Турции у некоторых его коллег было такое же прохладное, если не сказать ревнивое отношение. Не только отрицали художественное значение его романов, но и самого писателя считали высокомерным, заносчивым, непомерно амбициозным человеком. Прочитав книги Орхана Памука я убедился в несправедливости таких оценок его творчества, а познакомившись с ним лично, понял полную несостоятельность разговоров о его заносчивости. На самом деле Орхан оказался очень простым, доступным, контактным человеком, без всякой спеси и самомнения, хотя и до нобелевской премии был уже широко известным и издающимся во всем мире писателем. Учитывая нашу возрастную разницу неизменно обращался ко мне “аби”, (сокращение от турецкого слова агабей - старший брат). Когда мы поселили его в номере люкс отеля “Азербайджан” Орхан, объездивший полмира, сказал, что никогда в жизни не жил в таких роскошных апартаментах.

Выступил и на нашем съезде. Как-то за дружеской беседой я спросил: - Орхан бей, вы - постмодернист, как это порой утверждают у нас?

- Конечно нет, - незамедлительно ответил он.
- У нас, сказал я, обычно те, кто не умеют писать, объявляют себя постмодернистами.
- У нас тоже самое, - откликнулся турецкий писатель.

Так как в постмодернисты, и не только у нас, причисляют и некоторых ныне модных на Западе писателей, к примеру Умберто Эко, М.Павича, П.Зюскинда, Х.Мураками и других, поделюсь своими соображениями на этот счет. Еще в “Ночных мыслях” я касался этой темы:

“Главной приманкой для наиболее морально неустойчивой части молодежи, особенно для падкой на быструю популярность молодой пишущей братии - стал постмодернизм.

С Орханом Памуком

Не обладая достаточно широким историческим, культурным, литературным кругозором, не владея толком русским языком, а тем более другими иностранными языками, “приобщившись” к постмодернизму лишь по самому поверхностному ряду, скорее понаслышке, творчески несостоятельные люди стали выдавать свою ахинею за новаторство, якобы соответствующую мировым стандартам, как начало нового этапа в отечественной словесности с отвержением, естественно, всего предшествующего. Дескать, до нас вообще не было литературы, все начинается с нас, даже с наших еще ненаписанных опусов”.

Ну, Бог (или черт) с ними, с нашими доморощенными постмодернистами, это проблема, оказывается, актуальна и для русской литературы. Вот что пишет об этом греческий писатель Никос Заврос: “Ну разве не стыдно смотреть на народ, позволяющий наглым, полубразованным выскочкам журналистам унижать собственную армию, позволяющий вульгарным постмодернистам - писателям унижать великую русскую культуру, позволять педагогам и директорам русских школ навязывать русским детям всякую дрянь и нечисть... Постмодернизм тщеславен, нахален, полон самомнения, и необыкновенно пафосен. *А все потому, что ущербность и грех всегда агрессивны. Пафос гомосексуализма, пафос хамства, пафос тупого ёрничества*” (курсив мой - А.)

Орхана Памука порой называют турецким Умберто Эко, что на мой взгляд, также несправедливо. Но вот что пишет сам итальянский писатель о постмодернизме:

“К сожалению, “постмодернизм” - термин годный на любой случай. У меня такое чувство, что в наше время все употребляющие его прибегают к нему всякий раз, когда хотят кого-то похвалить. К тому же его настойчиво продвигают в глубь веков. Сперва он применялся только к писателям и художникам последнего десятилетия; потом мало-помалу распространился и на начало века: затем еще дальше; остановок не предвидится, и вскоре категория постмодернизма захватит Гомера... Постмодернизм - это ответ модернизму: раз прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить, иронично, без наивности”.

Эту оценку Умберто Эко, можно подтвердить и примерами из русской и нашей азербайджанской литературы.

Если постмодернизм - это пародирование, снижение классических текстов в ироничном ключе, то до появления самого термина “постмодернизм” - этим занимался Маяковский в поэме “Хорошо” пародируя письмо пушкинской Татьяны в сатирическом преломлении, а в нашей литературе задолго до Маяковского Сабир таким же образом поступал с лирическими газелями Физули. Но ни у Маяковского, ни у Сабира это не было самоцелью. Маяковский подчинял этот прием политико-пропагандистской задаче, а Сабир пользовался этим средством в борьбе с отсталостью, невежеством, мракобесием.

Какую же цель преследуют современные постмодернисты, помимо чистого эпатажа, не ясно. (Кстати и эпатаж не новое явление в мировой литературе, вспомним ранние вещи того же Маяковского)

“Мне, честно говоря, кажется, - пишет Умберто Эко, - что мы обязаны отказаться от этой задней мысли, постоянно присутствующей в наших дискуссиях: от мысли, что скандал - единственное доказательство ценности работы...”

Приведу еще одну поразившую меня цитату из романа “Имя розы” Умберто Эко: “Это будет время, - заговорил снова Хорхе, - когда распространится беззаконие, сыновья поднимут руку на родителей, жены злоумыслят на мужа, муж поставит жену перед судьями, господа станут бесчеловечны к подданным, подданные - непослушны господам, не будет уважение к старшим, незрелые юноши потребуют власти, работа превратится в бесполезную доuku, и повсюду раздадутся песни во славу греха, во славу порока и совершенного попраania приличий”.

Этот пассаж поразил меня не только тем, что в нем выражена как бы эстетика постмодернизма, не только потому, что все сказанное удивительно совпадает с реалиями нашего времени, но еще и тем, что этот текст, почти буквально совпадает с сетованиями в одной из древних “Огузнаме”, сетований на распад семейных связей, попраania возрастной иерархии, произвол и беспредел жаждущих власти незрелых юношей. Воистину ничто не ново под луной.

Что же все-таки объединяет модных писателей разных стран конца прошлого- начала нынешнего века - итальянца Умберто Эко, серба Милорада Павича, немца Патрика Зюскинда, японца Харуки Мураками, турка Орхана Памука? Наиболее емкое и точное определение содержится в словах того же Умберто Эко: “Я всю жизнь считал, что в любом случае роман должен развлекать и своим сюжетом”.

Ученый-медиаист Умберто Эко, знаток средневековой истории Европы, религиозных течений, орденов и братств христианства, весь свой огромный запас чисто научных познаний воплотил в беллетристическом жанре романа “Имя розы”, с сильным детективным уклоном. Назвав одного из героев своего романа Вильгельмом Баскервильским, автор явно отсылает читателя к знаменитому детективу Конан Дойла “Собака Баскервильей”.

И Орхан Памук на другом историческом материале и географическом пространстве свои обширные познания в области ислама, суфизма, хуруфизма, османских традиций, средневековых школ восточных художников-миниатюристов и т. д. воплощает в своих романах, с остросюжетными поворотами. В “Черной книге” захватывающая фабула строится на поисках главного героя Галиба своей исчезнувшей(или бросившей его) же-

ны. Но отличие романа Орхана Памука от обычной детективной литературы заключается в том, что с помощью авантюрного сюжета, автор затрагивает важнейшие общественно-политические, нравственные проблемы современной Турции. Гораздо больше приключенческого сюжета меня захватили страницы “Черной книги”, посвященные Стамбулу, как бы “всплывшему” из под волн моря “когда отступили воды Босфора” (так называется одна из глав романа). Эту фантастическую версию автор описывает с такой скрупулезной дотошностью, с такой зримой наглядностью, что читатель как бы воочию видит вечный город - Стамбул-Константинополь - Византию, со всеми приметами, останками, реликтами многих веков, скрытых до этого под морем. Только истинно талантливый писатель способен создать такой живой инвентарь, никогда и ни кем не виденного подводного реквизита веков, как это удалось сделать Орхану Памуку. И в то же время Орхан - автор мемуарной книги о реальном Стамбуле, которая так и называется именем города “Стамбул”. Для Орхана Памука это не только любимый город в котором он родился, рос, прожил большую часть жизни, но это и целый мир со всеми пластами многовековой истории, котел, с удивительным сплавом разных цивилизаций, религий, культур. И в то же время Стамбул для него - город, “родимый до слез, до прожилок, до детских припухлых желез” (Мандельштам). Умение О. Памука воссоздать фантасмогарические картины подводного Стамбула равно его умению живописать современный быт, современные нравы, уклад жизни, вкусы, развлечения и семейные отношения родного города. “Стамбул”, кстати, блистательно переведенный на русский язык Тофиком Меликли, на мой взгляд, лучшая книга О. Памука. В этой книге Орхан Памук наиболее Сам. Вообще судя и по его мемуарным произведениям и по романам Орхан - глубоко впечатлительная натура, немного даже сентиментальный человек, выросший и живущий в мире книг, с ассоциациями связанными с произведениями искусства, с постоянными ностальгическими воспоминаниями о прошлом как города, так и о своем собственном прошлом, воспоминаниями о годах детства, юности, молодости...

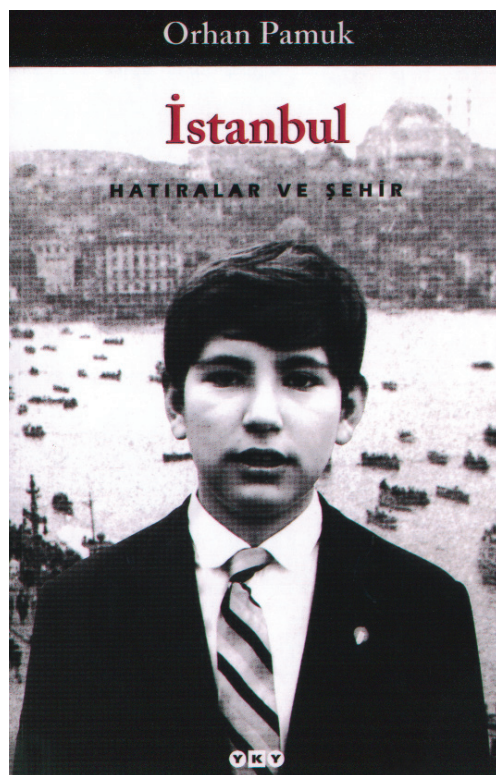
То, что ощутил я, читая роман о Стамбуле, совпало с впечатлением французского журналиста, который брал интервью у О. Памука для парижского журнала - Роман “Стамбул” пронизан ощущением одиночества, вашего одиночества, - говорит журналист, - Совершенно очевидно, что в Турции вы одиноки и как писатель. Вы выросли и продолжаете жить в мире, который вас не принимает.

Орхан Памук отвечает:

- Хотя я вырос в большой семье и меня всегда учили уважать и воспринимать сообщество, в котором я живу, с годами я стал испытывать потребность оторваться от него. Я довольно рано понял, что общество убивает мое воображение, способность фантазировать. Мне необходима боль одиночества, чтобы заставить работать мое воображение. И тогда я счастлив. Но, будучи турком, я через какое-то время начинаю тосковать по общению, мне его не хватает. Роман “Стамбул” стал причиной разрыва отношений с матерью - мы с ней больше не видимся. И конечно, я вряд ли встречу с братом. А отношения с турецкой публикой испортились после моих недавних выступлений и высказываний.

К ним, к этим высказываниям я еще вернусь, но здесь мне хотелось бы коснуться одного момента, который я подчеркнул во время чтения “Черной книги” и обнаружил сейчас перелистывая этот роман:

“Насими, сравнил Всевышнего со своей возлюбленной, за что был схвачен в Алеппо, осужден и казнен - с него живьем содрали кожу, труп вывесили на всеобщее обозрение, а потом расчленили на семь частей и в назидание, захоронили в семи разных городах”(? - А.)

Обложка книги Орхана Памука

Хорошо продаваемые книги стали считаться кое-кем наиболее ценными и в художественном отношении. Как бы забыли, что есть не только непродávающиеся личности, есть и непродávающиеся книги, что отнюдь не умоляет достоинства и тех (людей), и этих (книг).

“Нет ничего более удивительного, чем жизнь. Кроме слова” - пишет Орхан Памук выдавая эту мысль за изречение им же самим придуманного Ибн Зархани.

Ю.Лотман отмечает: “Роман Умберто Эко начинается цитатой из Евангелия от Иоанна: “В начале было Слово” - и кончается латинской цитатой, меланхолически сообщающей, что роза увяла, а слова “роза”, имя “роза” пребыло. Подлинным героем романа является Слово. Люди создают слова, но слова управляют людьми. И наука, которая изучает место слова в культуре, отношение слова и человека, называется семиотика. “Имя розы” - роман о слове и человеке - это семиотический роман”.

В этом смысле семиотическими можно назвать и романы Орхана Памука.

И уж типично семиотическим является роман Милорада Павича “Хазарский словарь” подзаголовком которого являются определение: “Роман-лексикон в 100 000 слов”.

Еще одна черта характерная для писателей новой волны - склонность к метафоричности. Широко раскрытой метафорой является в частности роман Патрика Зюскинда “Парфюмер”, роман, который мне не понравился и который я дочитал с трудом. На про-

В романе “Меня зовут красный” также встречаемся с чередой загадочных убийств, похищений, исчезновений на историческом фоне средневековья, как и в “Имени розы”, что и стало, видимо, поводом, для сравнения турецкого писателя с Умберто Эко. Но опять же средством детективного сюжета автор затрагивает серьезные проблемы взаимодействия и взаимоотталкивания Западной и Восточной цивилизаций, в частности на примеры изобразительного искусства. Стремление подражать западным приемам в отображении людей и пейзажей, в конце концов приводит к деградации великого искусства восточной миниатюры. Рассказывая свои истории, от имени не только разных людей, мужчин и женщин, но и от имени дерева, собаки и даже смерти, автор, как бы подтверждает пантеистическую идею единства всего сущего.

Острые сюжеты в книгах наиболее востребованных в наши дни мировых писателей, объясняются не только эстетическими, но и экономическими причинами. В наше время литературу и искусство все чаще стали оценивать по рыночным критериям.

тяжении 200 страниц даются дотошные сведения о том, как готовиться, из каких ингредиентов состоят духи. В отличие от обилия интересных сведений, даже в чисто научном, познавательном смысле, которое я получаю из романов У.Эко, М.Павича, О.Памука и даже из книги “Код да Винчи” Дэна Брауна (писателя ниже рангом трех названных) чисто парфюмерная информация Патрика Зюскинда меня не привлекает. Если бы мне нужны были сведения в этой области я обратился бы к специальной литературе. Ну, что еще есть в этом романе кроме изысков и секретов парфюмерии? Главный персонаж закован на давно набившей оскомину фрейдистской коллизии - ущербное детство, проблемы с матерью, подспудная сексуальная неудовлетворенность и т.д. и т.п. “Парфюмер” неинтересен и как детектив, как ее предоставляют обожатели этой книги. Какой же это детектив если с самого начала известен и убийца и мотивы убийства? Так что же остается? Метафора в самом широком смысле, как, скажем в “Чуме” А.Камю. Метафора злой силы, образ “гения злодейства”, одержимого в данном случае не жаждой власти, а идеей запахов и ради достижения “власти ароматов” готовый на преступление. Таким образом человеческая жизнь, сама по себе, не представляет никакой ценности, любой человек лишь сумма каких-то материалов (как в Освенциме такими материалами были волосы, зубы, кожа людей). Апофеоз метафоры в романе - толпа поддавшись магнетизму, харизме “гения злодейства” подобного Гитлеру, всецело подчиняется его воле (в данном случае запаху). Это тоже напоминает финал антиутопии Дж.Оруэлла “1984”, когда жертва начинает любить Большого Брата. Конечно, приобретение запаха мертвого (обязательно мертвого) тела - фантастическое допущение, но это объясняется опять-таки метафорой - дьявол получает душу убитого человека. Еще одна метафора романа - герой страдает от того, что у него нет собственного запаха, то есть он “человек без свойств”, как можно определить его по названию другого западного романа.... Человек без запаха, без свойств, - метафора не только посредственной, серой личности, но и той безликости, которая - и в этом мы убедились в конце XX века, - способна обладать миром.

Метафорическое мышление характерно и для романов Орхана Памука. Но ни Умберто Эко, ни Милорад Павич, ни Патрик Зюскинд не были удостоены Нобелевской премии, ее получил турецкий писатель. Западные писатели рассказывали своим читателям - хоть и в увлекательной форме - сюжеты из более или менее знакомой им европейской истории. Фактуру романов Орхана Памука составляла малознакомая западному читателю экзотическая жизнь Востока, поданная, однако, в привычной ему, читателю упаковке. Из турецких, восточных ингредиентов О.Памук готовит европейскую литературную пищу. Причем делает это ярко, талантливо, “вкусно”, а главное, успешно. Его романы богатством своего содержания привлекают внимание литературной элиты, а детективными сюжетами увлекают массы рядовых читателей.

И в романе “Снег” криминальный сюжет обрамляет политическую панораму современной Турции - левые, правые, коммунисты, националисты, кемалисты, исламисты - автор собрал весь спектр политического ландшафта страны в небольшом провинциальном городке Карс на востоке страны. Мне как-то довелось присутствовать на вечеринке в Стамбуле, устроенной выходцами из Карса. Кое-кто из выступающих выражали недовольство О. Памуком за неприглядное изображение их городка. Позже прочитав роман я не обнаружил там чего-либо обидного для жителей Карса.

Объясняя свой выбор место действия Орхан Памук говорит:

- Эта один из самых холодных городов Турции. И один из самых бедных. В начале 1980-х годов одна из ведущих турецких газет посвятила целый разворот номера проблеме нищеты Карса. Когда я решил отправиться туда, политическая ситуация в стране сложилась очень непростая. Окрестности городка в основном были заселены курдами, а в самом городе жили курды, выходцы из Азербайджана, турки, иногда встречались русские и немцы. Помимо проблем этнического характера, существовали и религиозные разногласия между шиитами и суннитами.

“Снег”, как и “Черная книга”, “Меня зовут красный” добротный и увлекательный роман, хотя перемены настроений героя романа Ка (так обозначен этот главный персонаж) - то счастливого, то несчастного - несколько утомляют монотонностью. То, что Ка постоянно плачет по поводу и без повода, вызывает раздражение. Но сама атмосфера небольшого городка заваленного снегом воссоздана великолепно. Запоминаются живые, яркие характеры, выписанные умелой рукой.

В сравнении с остросюжетным “Снегом” следующий роман писателя “Музей невинности” производит странное впечатление своей аморфностью. Будто он написан до знаменитых романов О. Памука, автором не умеющим отбросить ненужное, излишнее, сохранив самое необходимое, важное. О чем же этот “Музей”? Если обратиться к суровому стилю и однозначным оценкам советской критики былых лет - это маловразумительный и невероятно затянутый рассказ о некоем богаче-бездельнике, который, как говорится, бесится от жиру. Существовая в каком-то вакууме, вне реальностей современной общественно-политической ситуации Турции, с ее острыми социальными проблемами, этот персонаж по имени Кемаль, заполняет свою никчемную жизнь тем, что подобно Дон Кихоту, но без его романтической восторженности, придумывает себе Дульцинею Тобосскую (вернее даже не одну, а две Дульцинеи), чтобы в конце концов если и не погубить, то обесчестить, опозорить их в глазах общества. А у сосюте - то есть высшего светского общества, если судить по этому роману, нет иных проблем, кроме выяснения вопроса - девственницы ли эти девушки или лишились оной, что впрочем не мешает им вполне респектабельно и комфортно устраивать свою судьбу. Кемаль, нерешительный, безвольный человек, к тому же фетишист и даже клептоман.

Подобно герою “Парфюмера” он собирает, коллекционирует запахи и не только запахи, но и волосы, шпильки, заколки, серьги, окурки сигарет со следами помады любимой, пытается создать свой странный музей невинности, он же музей Счастья, музей Огорчений, музей Отчаяния. Но переходы от состояния отчаяния, печали, грусти Кемалья к его настроению радости и блаженства - мгновенны и зависят от одного прикосновения к руке Дульцинеи(она же Фюсун) или от одного ее доброго взгляда. Эти переходы от счастья к несчастью и наоборот повторяются в романе неоднократно и, видимо, по забывчивости, автор каждый раз эту минуту счастья объявляет самыми радостным в жизни героя.

Отбросим однако, стиль вульгарно-социалогической критики и попытаемся понять, что же хотел выразить талантливый писатель в своем романе. Эта, - по замыслу автора, - история любви, но любви весьма и весьма своеобразной. Метафорическому толкованию любовной коллизии мешает реалистические подробности, а реалистическому вос-

приятно мешает некая хронологическая неубедительность. Ну как можно поверить в то, что Фюсун и Ферудин, ее муж, прожили целых восемь лет в браке, ни разу не вступив в супружеские сношения.

Если возможна такая ситуация, а, она, конечно, возможна (чего не бывает в жизни), то эта тема отдельного романа с тонкими и точными психологическими подробностями, воссоздающими все перипетии, все сложности, все нюансы и оттенки этих патологических взаимоотношений. В романе Памука вся эта многосложность передается одной лишь информативной фразой, об этом сообщается как о чем-то само собой разумеющимся. Или, как с реалистических позиций можно поверить в то, что в течении восьми(!) лет Кемаль занимался только тем, что приходил в дом к ним, чтобы смотреть телевизор, пить раки, лишь бы быть рядом с Фюсун. И как это не может не надоесть. Если эта такая глубокая любовь, как она может длиться так долго без какого-либо определенного поступка. А так создается впечатление, что такое времяпровождение Кемалья обусловлено лишь бездельем, тем, что ему просто нечем себя занять. Может быть это и хотел выразить писатель, создав образ богатого бонвивана, неспособного бороться за свое счастье, за свою любовь, оставаясь лишь безвольным созерцателем чужой семейной жизни и утешая себя надеждой, что рано или поздно Фюсун и Ферудин разведутся. Тем более, как выяснилось и брака-то в подлинном смысле этого слова, не было. Описывая Кемалья с одной стороны как мужчину с постоянными сексуальными потребностями, автор пытается уверить нас в его воздержании в течении восьми лет, сгорая от страсти к одной определенной женщине. Да и сгорания нет, скорее медленное, унылое тление.

Орхан Памук, повторим это еще раз, писатель безусловно очень талантливый, и в этом романе, как и в других своих произведениях. В то же время он подвержен сильным влияниям западных авторов от Марселя Пруста до Борхеса. Влияние Пруста чувствуется и в “Музее невинности”. Но если сосредоточенность французского писателя на внутренних ощущениях персонажей, без всякой констатации их внешних поступков, в целом богата оттенками, переливами настроений, то внутренние переживания героев Орхана Памука можно выразить всего лишь двумя состояниями - счастье и несчастье. И совсем уж неожиданно финальное резюме героя о своей собственной жизни: Пусть все знают, я прожил очень счастливую жизнь.

Что это вызов всем, кто прожил более или менее нормальную жизнь и испытывает жалость к Кемалю за его неприкаянность. Или как наиболее точно звучит мысль, которой Фюсун делится со своей подругой о том, что к ним “ходит Кемаль бей, что он очень богат, но немного больной на голову человек”.

Не в этих словах ли ключ к пониманию взаимоотношений Фюсун и Кемалья: “Очень богат” - в расчете на то, что он может осуществить мечту Фюсун стать кинозвездой. “А немного больной” - причина того, что счастья с ним для Фюсун невозможно. В таком толковании гибель Фюсун в автокатастрофе можно расценить как сознательный суицид накануне якобы возможной и почти осуществимой в будущем совместной счастливой жизни.

А музей невинности, которую после гибели Фюсун создает Кемаль - по замыслу писателя эта очевидно, такая же метафора о невозможности счастья в реальном мире.

Счастья, которое может заменить лишь эфемерный мир памяти, воплощенный в экспонатах этого нелепого Музея невинности.

В книге “Другие цвета” Орхан Памук собрал свои эссе, размышления о турецких и зарубежных писателях, о прочитанных книгах, просмотренных фильмах. Особо интересны заметки писателя о своих собственных произведениях, о причинах их создания, о мотивах, которые были важны ему, как автору выразить в том или ином романе. В книгу включены также интервью и выступления Орхана в Турции и в ряде европейских стран. На одном из этих выступлений стоит остановиться. Это речь писателя на суде, которая выдержана в том же ключе, в котором высказаны и другие подобные его мысли, вызвавшие гнев турецкой общественности. Коснувшись этого вопроса выше, я обещал поговорить о проблеме более подробно.

Острую реакцию в Турции вызвали высказывания О.Памука касающиеся событий 1915-го года в связи с так называемым армянским вопросом. Именно за эти высказывания он и стал перед судом. Чтобы понять суть этих высказываний, аргументацию писателя и объяснения им своей позиции, приведу цитаты из его выступления на суде: “Меня обвиняют в “публичном оскорблении турецкой нации”, - говорит Орхан. - Прокурор будет требовать для меня три года тюрьмы. Как и мой адвокат, я верю, что выдвинутые против меня обвинения неубедительны, и не думаю, что действительно попаду в тюрьму. Я понимаю тех, кто с улыбкой говорит, что раз государство решило меня посадить, значит, я стал наконец настоящим турецким писателем.

В феврале 2005 года в интервью одной швейцарской газете я сказал, что в Турции были убиты тридцать тысяч курдов и миллион армян и посетовал на то, что в моей стране существует запрет на обсуждение этой темы. Я говорил о событиях, произошедших с армянами в османской империи в 1915 году. Среди серьезных историков нет сомнения в том, что большинство армян живших в османской империи, подверглись депортации под предлогом их неблагонадежности во время Первой мировой войны, и многие из них в процессе депортации были убиты. Официальные представители Турецкой Республики утверждают, что число погибших сильно преувеличено и что происшедшее нельзя считать геноцидом, поскольку уничтожение армян не было систематическим и к тому же во время войны армяне сами убили много мусульман.

Поскольку у меня не было желания раздувать эту историю и мне даже слышать не хотелось об этом деле, то я поначалу хранил молчание и, охваченный странным чувством стыда, пытался скрывать произошедшее. Но дело получило международную огласку, когда губернатор одной из провинций приказал сжечь все мои книги, а против меня в Стамбуле было открыто дело. Теперь я признавал, что вспыхнувшая в обществе ненависть направлена не только лично на меня. И понял, что настало время заговорить о происшедшем в Турции и за ее пределами - отчасти потому, что я был убежден: честь нации может запятнать не открытое обсуждение “темных пятен” в ее истории, а, наоборот, их замалчивание. Я был растроган международным интересом и вниманием к моей судьбе, но мне было неприятно сознавать, что я оказался между моей страной и остальным миром”.

Далее О.Памук ссылается на свободу слова, вспоминает писателей ряда стран, которые также писали о темных страницах в историях своих народов, оправдывает свой поступок тем, что для вступления Турции в Евросоюз, такое покаяние, якобы, необходимое условие.

Я не сомневаясь в личных благородных побуждениях Орхана, но, объективно подобные заявления со стороны турецкого писателя, дискредитируют его страну, льют воду на мельницу ее многочисленных недоброжелателей. Не говоря уже о том, что все аргументы О. Памука можно легко опровергнуть. Именно Турция вот уже в течении многих лет предлагает открыть все свои архивы, а также архивы других сопричастных стран, чтобы выяснить истинные причины, масштабы и последствия событий 1915 года, перевести обсуждение этого вопроса с политической плоскости в область исторических исследований. То, что число армянских жертв из года в год увеличиваются в геометрической прогрессии, является неопровержимым фактом. Неопровержимым фактом является и огромное количество турецких и курдских мирных жителей, женщин, стариков, детей, самым жестоким образом уничтоженных армянами. Мир ничего не знает, вернее, сознательно не хочет знать о неслыханных, чудовищных актах насилия, которым подвергалось мирное население не только в Турции, но в Азербайджане - в Баку, Шемахе, Нахчеване, Карабахе, Гяндже, Ленкоране, Губе в первые два десятилетия XX века. ...Кровь стынет в жилах когда читаешь документы об этих изуверских действиях армянских бандформирований. Разве Орхан Памук никогда не слышал об этих злодеяниях? Если не слышал, это очень печально, ибо писатель, высказывая суждения по столь деликатному вопросу, тем более в недружественной прессе, обязан дать всестороннюю оценку событиям, а не обвинять лишь одну сторону, молчанием как бы оправдывая другую.

В противовес цитатам из судебной речи Орхана Памука приведу такую же обширную цитату из статьи академика Зии Буниятова “Почему Сумгаит?”

“Все армянские средневековые авторы говорят о “христолюбивых” сельджукских султанах, которые разрешали армянам строить церкви и заниматься свободным предпринимательством. Безбедно жили армяне и в период правления атабеков Азербайджана, при Ильханидах, Джелаиридах, султанах Кара-коюнлу, Ак-коюнлу, при Сефевидях (за исключением начальных годов правления шаха Аббаса I), Каджарах. Нет у армян повода жаловаться и на османских султанов, которые всегда, согласно армянским хроникам, терпимо относились к армянам и выделяли войска в распоряжение эчмиадзинских духовников для охраны их владений и имущества. Неплохо жилось армянам, во всяком случае армянской верхушке, и в правлении последнего османского султана Абдулхамида II.

Все изменилось, - отмечает Зия Буниятов, - после создания партии “Дашнакцутюн”, во главе которой стали представители армянской компрадорской буржуазии, яркими представителями которого были любимцы Абдулхамида II знаменитые Акоп паша и Нубар паша. Первый был личным казначеем султана, а второй (выходец из Карабаха) был даже визирем. Впервые об армянских националистических организациях в Турции и в Европе узнали в 1885 г. Эти армянские комитеты в 1895-96 гг. создали в Турции такую обстановку, которая очень быстро перешла во взаимное отчуждение между гражданами Турции - турками и армянами. Именно в эти годы на Западе под воздействием “плача” армян возник “армянский вопрос”. Вся эта заваруха была поднята армянскими националистами после поражения Турции на Балканах и накануне захвата царскими войсками Карса, Эрзерума, Битлиса и Вана. Дашнаки полагали, что под натиском царских войск турки покинут свои родные места и им достанется огромное богатство. Дашнакские главари в Турции для вовлечения трудового армянского населения Турции в свою гнусную

деятельность шли на такие подлые дела, как убийство армян же, с последующим сваливанием вины за это на турков. Разжигая межнациональную бойню в Турции дашнаки очень надеялись на оккупации Стамбула союзниками, что развязало бы им руки для достижения далеко идущих целей.

Изложенное выше взято из донесений генерального консула в Ване, Битлисе и Эрзуруме генерала Маевского”.

Далее Зия Буниятов ссылается на донесения генералов Николаева от 1 июля 1915 г. и Боловитинова от 9 июля 1915 г. в адрес графа Воронцова-Дашкова. Оба эти генерала очень точно характеризуют террор и зверства армянских дашнаков четников Теро и Хечо, чинимых над мирными жителями турками. В январе 1917 г. когда русские войска оставили Трабзон, Эрзирум и Битлис, дашнакские четники учинили здесь настоящую бойню над мирным населением. Об этом свидетельствуют донесения генералов Пожевальского и Одишелидзе.

“Армяне, врываясь в кварталы, где поселились мусульмане, убивали всякого, кто им попадался, кромсали саблями, закалывали штыками, сжигали своих жертв, бросали детей в объятые пламенем дома и глазели, как они сгорают живьем”, - свидетельствует немец по фамилии Кульнер.

Можно привести еще более чудовищные факты злодеяний и зверского насилия над мирным населением, но не хочется нагнетать страсти.

Хорошо бы Орхану Памуку, касаясь столь чуткого и болезненного вопроса, ознакомиться со всеми фактами и только после этого высказываться столь категорично на страницах европейской прессы. А может вообще лучше было бы писателю воздержаться от подобных заявлений, предоставив этот вопрос решать историкам. Ни в коем случае не пытаюсь оправдать факты насилия над мирным армянским населением, глубоко сожалея об этой трагической и мрачной странице истории, необходимо, однако помнить и о причинах этих событий и о немалых жертвах среди мирных турков и курдов, подвергшихся уничтожению со стороны дашнакских чете. В Турции были осуждены и казнены все, кто имел хоть какое-то отношение к насилию над армянами, а был ли наказан кто-либо из армянских главарей, руки которых по локоть в крови турков, курдов, азербайджанцев?

В любом случае непродуманное заявление Орхана Памука привело к отчуждению писателя от своего народа.

Через год после этого заявления, вызвавшего бурю возмущения не только в Турции, но и в Азербайджане, Орхан Памук в 2006 году был удостоен Нобелевской премии. В связи с этим я отправил ему телеграмму следующего содержания:

“Крайне огорчаясь вашими заявлениями насчет так называемого геноцида, вместе с тем испытываем чувство гордости от того, что этой высокой премии удостоен турецкий писатель. Поздравляю вас. Анар”

Сентябрь 2012 г

Краски дружбы

(предисловие к фото альбому Расула Рзы “Хрустальное сердце”)

Отец мой умел и любил дружить с людьми разных возрастов, разных профессий, разных национальностей. Среди его близких друзей, помимо азербайджанских литераторов были Владимир Луговской и Илья Сельвинский, Михаил Светлов и Павел Антокольский, Микола Бажан, Ярослав Смеляков и Арсений Тарковский. ...Я был свидетелем большой мужской дружбы отца с Назымом Хикметом, его встреч и бесед со многими советскими писателями, с такими зарубежными литераторами как Мартти Ларни, Азиз Несин, Яшар Кемаль, Ф.Х.Дагларджа, американский публицист Скотт Неринг, индийская поэтесса Амрита Притам, чешский поэт Иржи Тауфер, литовский поэт Эдуардас Межелайтес и многие другие. Кроме серьезных, обстоятельных бесед некоторые встречи запомнились мне и любопытными подробностями. Так, например, помню как-то в гостях у отца был писатель из Швейцарии, фамилию которого, к сожалению, забыл. Во время беседы гость нечаянно разлил красное вино на белую скатерть и страшно смутился. Несмотря на то, что отец просил гостя не придавать этому значения, деликатный европеец никак не мог успокоиться. У отца был нетерпеливый нрав и в какой-то момент я почувствовал, что ему надоели все эти извинения. Чтобы успокоить гостя он взял и сам разлил остаток вина по скатерти. Никогда не забуду выражение лица зарубежного писателя. Он буквально онемел. По-моему это было одним из самых своеобразных впечатлений швейцарца от пребывания в Баку.

Но, естественно, не такими причудами запомнился отец всем, кто встречался с ним. Турецкие писатели Мелик Джевдет Андай, Халдун Танер, А.КаDIR, русские поэты Николай Тихонов, Илья Сельвинский, Арсений Тарковский, польский публицист Вацлав Кубацкий, чешская поэтесса Д.Козлова, венгерская переводчица Жужа Раб, грузинский поэт Иосиф Нонешвили - пишут о Расуле Рзе с глубоким уважением, отмечая его острый ум, широкий кругозор, твердую гражданскую и эстетическую позицию.

Мне порой представляется почти нереальным, что с самых детских лет я имел счастье видеть гостями нашего дома людей, которые ныне по праву считаются классиками многонациональной советской литературы.

Наряду с национальной классикой, азербайджанской народной поэзией в нашем доме постоянно звучали стихи Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Блока, Маяковского и Есенина, стихи, многие из которых отец, и в еще большей степени мать, знали наизусть. Вообще в духовной близости Расула Рзы и Нигяр Рафибейли немаловажным элементом были их общие литературные пристрастия, симпатии и ...антипатии: художественные вкусы обоих совпадали во многом, хотя и не во всем. Если в истории азербайджанской литературы отец преклонялся перед поэтическим и гражданским подвигом Сабира, от-

Д.Березин, И.Сельвинский, Расул Рза

ковский. Мать, кстати, не могла “простить” и Маяковского за сатирическое пародирование в поэме “Хорошо” письма пушкинской Татьяны. Любовь к русской классической и современной литературе воплощалась в конкретных делах: отец перевел “Полтаву”, “Графа Нулина” Пушкина, “Демон”, “Маскарад”, “Цыгане” Лермонтова, “Кому на Руси жить хорошо” Некрасова, все поэмы и большинство известных стихов Маяковского. Мать переводила “Послание к декабристам” и стихи, посвященные няне Пушкина, стихи Ахматовой, Цветаевой.

Основной их переводческий принцип - был единым для обоих - стремление сохранить дух, смысл, систему образов оригинала, добиться того, чтобы переведенные стихи стали фактом азербайджанской поэзии, соответствовали нашей языковой, лексической структуре: это распространялось на все, вплоть до идиоматических выражений. Критик Дм. Молдавский приводит такой факт:

“Расул Рза был знаком с Николаем Николаевичем Асеевым, тот с уважением относился к его стихам. Однажды разговор зашел о переводах из Маяковского. Строчка “Глядит как в афишу коза” - из “Стихов о советском паспорте” в переводе оказалась непонятной, лишенной юмора. Р.Рза обратился к “прастрокке”, к тому, от чего отталкивался поэт, рисуя удивление отупевшего чиновника. Вспомнилась поговорка “глядит как баран на новые ворота”. И как параллель в переводе возникло азербайджанское речение “глядит, как верблюд на наковальню”. Н.Асеев был в восторге”.

В один из приездов в Москву мы с отцом были в гостях у Сельвинских в Переделкино. В годы учебы в Москве я подружился с дочерью Ильи Львовича, талантливой художницей Татьяной, которая написала мой портрет. С И.Л.Сельвинским же Расул Рза познакомился на фронте. В 42-ом году отец оказался в Крыму, был в Керчи, где была специальная азербайджанская редакция газеты. Там они сдружились с Сельвинским, и тот сразу, по свежим следам, перевел пять отцовских стихотворений. Позже, уже в мирное время Сельвинский написал две статьи, посвященные поэзии Расула Рзы. Высоко оценивая в том числе и его цикл “Краски” И. Сельвинский писал: “Эти стихи - движение от живописи к философии. Их великолепие затмевает собой цветовую прелесть Артюра Рембо, видевшего краски в буквах”.

ношение матери к этому классику было несколько “прохладней” (осознавая все величие Сабира, она не могла “простить” ему пародирование в сатирических целях тончайших лирических газелей Физули - ее кумира), то и в русской поэзии у каждого были свои кумиры. Матери были ближе Пушкин и Блок, отцу Лермонтов, Некрасов, и, особенно, Мая-

В тот приезд в Москву, отец решил навестить больного М. Светлова, который также жил в Переделкино. М.Светлова я также помнил с детства. Приезжая Баку он всегда бывал у нас дома, или на даче в Бузовнах. Дружил и с отцом, и с матерью, переводил их. Стихи матери, посвященные Долорес Ибаррури в 37-ом году в переводе М. Светлова были опубликованы в “Известиях”. А первая

Слева Симон Чиковани, Михаил Светлов, Расул Рза

изданная в Баку книга Михаила Аркадьевича - была переведена Нигяр Рафибейли...Светлов переводил и другие стихи матери, они появлялись в периодической печати, издавались и переиздавались в книгах мамы, в поэтических сборниках. Поэтому получая порой неожиданные гонорары Светлов в шутку называл маму своей “кормилицей”. Помню и такую его телеграмму отцу, после публикации светловского перевода в Баку; “Гонорар получил, целую тебя и всю улицу”. Отец улыбался этой телеграмме, прекрасно зная бессребренничество Светлова, его полное бескорыстие в меркантильных вопросах. Просто это было обычным защитным юмором Светлова. Ведь и в Молдавию он однажды отправил такую телеграмму: “Вышлите гонорар, или переведу вас обратно”.

Мама вспоминала, как однажды Михаил Аркадьевич спросил ее: -Старушка, у тебя есть орден? - Нет, - ответила мама. -И у меня нет, - сказал Светлов, - но не расстраивайся. Вот я получу орден Ленина, разменяю его на два “Знак почета” - один тебе, один мне...

В шутках Светлова всегда была некая грустинка, печаль.

Искупавшись в море и изрядно загорев, он говорил на нашей даче: - Хотите видеть жаренного еврея?

Мне кажется в литературных кругах Москвы, Светлова любили все, даже антисемиты.

Почему-то запомнилась мне еще одна его фраза, в которой, однако, ничего смешного не было. Когда мы ехали на такси на нашу дачу, Михаил Аркадьевич вдруг показал на счетчик:

- Посмотрите, на счетчике мой возраст.

На счетчике была цифра 48, и свой день рождения Михаил Аркадьевич отмечал в Бузовнах. Сейчас, заглянув в энциклопедию, я узнал год рождения Светлова - значит этот разговор в такси был в 1951-ем году. Я присутствовал и на более позднем дне его рождения - на юбилее 60-летия. Он отмечался в Москве, в ЦДЛ. Помню фразу из выступления юбиляра: “Я человек, который может обойтись без необходимого, но не в состоянии прожить без лишнего”.

Во время нашего обучения на сценарных Курсах, наши занятия постоянно посещали киноведы Натия Амираджиби и Манана Андронникова. Натия - сестра жены Светлова Родам, грузинской княжны (их брат известный писатель Чабуа Амираджиби). Манана, дочь известного литературоведа И.Л.Андронникова. Натия в Москве жила у сестры. Мы

дружили, она рассказывала, что как-то купаясь под душем, стала насвистывать почему-то мелодию Гимна Советского Союза. Михаил Аркадьевич постучал в дверь: “Перестань старушка, мы уже полчаса стоим на ногах”.

А еще через несколько лет была грустная встреча в Переделкино, в последние дни Светлова. Увидев отца он слабо улыбнулся и сказал: - Рак есть, несите пива.

Очевидно, он не впервые так шутил, ибо вскоре эти слова повторяла вся Москва.

Вскоре после войны два стихотворения отца перевела Анна Андреевна Ахматова. Они познакомились в одном из московских издательств. Это были трудные годы для Ахматовой, и отца поразила выдержка и благородный облик поэтессы. С искренним восхищением рассказывал он маме о том, с каким достоинством держалась Ахматова.

Вообще отцу повезло с переводчиками. Говоря о том, что поэму “Ленин” Р.Рзы образцово перевел Арсений Тарковский, Борис Слуцкий перечисляет и других переводчиков отца: “Среди них Ахматова и Сельвинский, Луговской и Самойлов, Антокольский и Смеляков, Адалис и Павлова, Винокуров и Корнилов, Мориц, Алигер и очень много молодых - чуть ли не половина русских поэтов, активно занимающихся переводом. Отмечу, что все или почти все они - знакомые или друзья Расула. С одними он был на фронте, других переводил, третьим показывал Баку, с некоторыми изъездил полмира в составе советских делегаций”.

Арсений Тарковский во время работы над переводом поэмы отца целый месяц жил у нас дома. Это было в начале 50-х. Он любил играть с моей двухлетней младшей сестренкой и читал ей стишки: “Ехали медведи на велосипеде, а за ними кот, задом наперед”.

Отца много и хорошо переводила Муза Павлова. Цикл “Краски” прекрасно перевели Слуцкий, Самойлов, Юнна Мориц, Леон Тоом, Алла Ахундова. С Юнной и Леоном я дружил в годы учебы в Москве. Потом с печалью узнал, что Леон покончил с собой. С огромным потрясением я узнал и о суициде другой нашей доброй знакомой по Курсам Мананы Андронниковой. А в дни окончания курсов и прощания с Москвой в мае 1964 года все они - Сельвинская Тага с мужем, Леон и Юнна, Манана, Илья Авербах - были в гостях у меня, в квартире, которую мы с женой снимали над метро Аэропорт. “Иных уж нет, а те далече”...

Цикл “Краски”, которого вначале приняли в штыки в Азербайджане, впоследствии был переведен на многие языки мира - русский, турецкий, английский, французский, арабский, фарси, чешский, венгерский, эстонский, сербский, шведский и др.

Шведский переводчик цикла Юрис Кронбергс писал: “Краски” поэта - один из самых достойных образцов советской поэзии”.

Канадский писатель, главный редактор журнала “Северные соседи” Дайсон Картер, сообщив, что за короткое время в Канаде трижды переиздавались стихи Расула Рзы, добавляет: “В Канаде поэзию читают мало, и переиздают стихи очень редко. Однако стихи Расула Рзы отличаются таким высоким гуманизмом, что тысячи читателей в Канаде и в США покупали и читали их из месяца в месяц”.

Венгерская поэтесса и переводчица “Красок” писала после кончины Расула Рзы:

“Пустота, которая осталась после него, заполняется для нас его благородной лирой”.

А живой образ самого поэта, остался в памяти людей, которые его лично знали. Их, к сожалению, с каждым годом становятся все меньше и меньше...

1990 г.

Истоки братства муз

*(Выступление на торжественном открытии
дней Ленинграда в Баку 7-го декабря 1987-го года)*

Ни в каких духов не верим. Но мы верим в духовность, и именно в силу этой духовности, ощущаем присутствие на нынешних торжествах Пушкина и Ахундова, Римско-го-Корсакова и Гаджибекова, Вургуна и Тихонова. Шостаковича и Караева. Я не случайно называю эти имена. Муза великого Пушкина, воспевшего “Петра творенье”, пристально вглядывалась и в причудливые реалии, обычаи, обряды, фольклорные образы Кавказа, Азербайджана.

Трагедия у Черной речки глубокой болью отозвалась в сердце 25-летнего М.Ф.Ахундова (Сабухи), написавшего взволнованные стихи “На смерть Пушкина”, строки о том, как “седой Кавказ стихами Сабухи о Пушкине скорбел и справлял свой траур”. Элегия на смерть Пушкина стала первым опубликованным произведением М.Ф.Ахундова. За три дня до своей тоже трагической гибели, декабрист А.Бестужев-Марлинский перевел эти стихи на русский язык. Спустя сто лет “Евгений Онегин” блистательно был переведен на азербайджанский язык Самедом Вургуном.

По Пушкинским местам. Члены делегации Азербайджана

По Пушкинским местам. Слева Чингиз Абдуллаев, Анар, Фархад Бадалбейли Исмаил Мамедов

тогда видные ученые - Крачковский, Болдырев, нынешний директор Эрмитажа Пиотровский, поэт-переводчик Лозинский. Доклад сделал Дьяконов, явившийся на заседание

Сегодня мы ощущаем и присутствие среди нас Низами Гянджеви, точно так же, как он присутствовал в осажденном Ленинграде в грозную пору Великой Отечественной, когда в октябре 1941-го в условиях блокады ленинградцы проявили высочайший героизм духа и отметили 800-летие азербайджанского поэта в холодном помещении Эрмитажа, за затемненными окнами. Этот юбилей, проведенный по инициативе поэта Н.С.Тихонова и академика И.А.Орбели, был не только памятью поэта-гуманиста, но и символом несокрушимости культурных традиций Ленинграда. В нем участвовали

На юбилее Низами в Петербурге. Выступает А.Собчак

прямо с фронта в шинели. Стихи Низами в своих переводах с оригинала прочел сотрудник Эрмитажа поэт Григорий Птицын, который умер спустя несколько дней и его похоронили, завернув в полосатый азербайджанский ковер

Юбилей Низами в то время из всех стран был отмечен только в Ленинграде. И этот подвиг духовности для нас, азербайджанцев, факт такой же непреходящий значимости, как и знаменитое первое ленинградское исполнение Седьмой симфонии Д.Шостаковича. Называя имя этого прославленного советского композитора, мужественного защитника Ленинграда, мы с признательностью вспоминаем человека, внесшего неоценимый вклад в развитие нашей азербайджанской музыкальной культуры.

Рядом с высокими и светлыми страницами нашей дружбы есть и моменты трагических испытаний и даже трагикомические эпизоды. Когда грубой, несправедливой критике подвергся М.Зощенко, срочно стали искать его аналога в Азербайджане (как, вероятно, и в других местах) и довольно-таки быстро нашли это Сабит Рахман. Талантливейший сатирик и юморист в срочном порядке был объявлен “азербайджанским Зощенко” с соответствующими оргвыводами и критическими разносами, и когда огульной, невежественной критике подвергся великий Д.Шостакович, не потребовалось особых усилий, чтобы тут же обнаружить его азербайджанских последователей, благо К.Караев и Дж.Гаджиев были его учениками.

Я вспоминаю рассказ, который довелось слышать из уст самого К.Караева. “Как только началась кампания критики Шостаковича, - рассказывал Кара Абульфазович, - ко мне прибежал взволнованный Джевдет: “Карик, что теперь с нами будет?” Мы долго судили-рядили, потом решили “погадать по книге”. Ткнули наугад пальцем в строку и прочли “... и будут бить вас железными палками”.

Через много лет, уже после кончины К.Караева, я рассказал эту историю Дж.Гаджиеву. Сдержанный, немногословный Джевдет Исмаилович еще больше нахмурился: “Нет, это неправда”.

Я смутился. Неужели память мне изменяет, и я искажаю рассказ К.Караева. Но тут Джевдет Исмаилович не спеша, медленно так, степенно закончил свою мысль: Там было написано: “...и будут бить вас железными прутьями”.

Сейчас, в эпоху гласности, развития демократизации нашего общества, мы празднуем и торжество настоящего искусства, окончательную победу Шостаковича и Караева, Зощенко и Ахматовой над всеми временщиками с железными палками или железными прутьями. Упомянув имя А.Ахматовой, я хочу привести строчки о Ленинграде, написанные в суровые дни Великой Отечественной войны Расулом Рзой и переведенные на русский язык Анной Андреевной.

*Ленинград облекся в военный убор.
Грозно плещет волной Нева о гранит.
Устремляет стервятник на сокола взор,
Туча мрачная город собой темнит.*

Анна Ахматова перевела еще одно стихотворение Расула Рзы, которым я и хочу завершить эти заметки:

ОГНИ ЗАЖГЛИСЬ

*Пожар заката розовый, отблистав, исчез,
И забелели гроздьа звезд в вышине небес.
Кто-то неожиданно в квартире свет включил
И тем как будто птенчика в гнезде разбудил.
В твоих глазенках радостных восторг засверкал,
Ты улыбнулась, вздрогнула, твой голос прошептал:
“Как красиво, папочка, все сделалось у нас!”
Но померк стремительно блеск милых детских глаз,
И ты, в волненье горестном брови сдвинув вдруг,
Смущенно и испуганно на все глядишь вокруг.
Всю радость твою детскую смыло, как волной,
Только страх в глазах твоих, лицо полно тоской.
И, поглядев на комнату, на меня, на свет,
Ты чуть не заплакала и прошептала: “Нет,
Свет ты потуши скорей и окна закрой,
А не то с поста дежурный придет за тобой,
Разве ты не знаешь, папа, если свет горит,
Самолет фашистский дом наш разбомбит...”
Твои погладив кудри, сказал я: “Мирной будь,
свою тревогу, девочка, теперь позабудь.
Дай руку мне, милая, и выйдем на балкон,
смотри, смотри, повсюду свет, и весь город озарен!
Пусть с глаз твоих страха тень исчезнет навсегда,
от черной тучи на небе не видно следа.
Пусть окна все раскроют, свет увидишь ты!
Его мы силой вырвали из лап темноты! . . . “*

9 мая 1945 г.

Перевод А.Ахматовой.

О русской литературе в разные годы

Еще до революции лучшие умы Азербайджана понимали, что культуру одного народа нельзя отгородить от культур других народов. Они понимали, сколь важную роль в развитии национальных литератур играют взаимовлияния и взаимообогащения. Русская литература помогла становлению многих новых жанров и форм азербайджанской литературы. Азербайджанский фольклор дал ряд интересных тем и мотивов творчеству Пушкина и Глинки, Лермонтова и Толстого, Верещагина и Балакирева.

Если наша поэзия имеет многовековую историю, то проза у нас относительно молодая, и в решении сложных задач, поставленных перед ней новой, социалистической действительностью, она опиралась на опыт русской советской литературы, училась у Горького и Н.Островского, А.Толстого, Шолохова, Фадеева. Становление и развитие жанра романа в двадцатые-тридцатые годы в Азербайджане связаны с достижениями всей советской прозы в целом.

С другой стороны, азербайджанская, “бакинская” тема, а если брать шире, образы Кавказа - Грузии, Армении, Азербайджана - обогатили творчество Маяковского и Есенина, Тихонова, Луговского и Сельвинского. Особо следует отметить в связи с этим за-

Слева: Сулейман Рустам, Самед Вургун, Владимир Луговской, Нигяр Рафибейли, Константин Федин, Мирварид Дилбази, во втором ряду: Джафар Джафаров, Мамед Рагим и Осман Сарывелли

мечательную трагедию в стихах Ильи Сельвинского “Орла на плече носящий”, посвященную героическому сыну Азербайджана, вождю народного восстания IX века Бабеку. И.Сельвинский не только обращается к эпизоду нашей истории, он творчески использует формы и интонации, характерные для азербайджанской поэзии, органически сочетая их с русской поэтической традицией.

*Из статьи “Радость общения”, опубликованной
в “Литературной газете” 14 октября 1970 года.*

“Знакомство с Азербайджаном, его богатыми фольклорными традициями, его природой и колоритными людьми, образами Кавказа и Востока в целом, отразились в творчестве русских поэтов, художников, композиторов. Вспомним Пушкина и Лермонтова, Глинку, Римского-Корсакова, Балакирева, Рубинштейна, Верещагина, Л.Толстого и многих других.

Любовь к Азербайджану, его культуре и языку выразились в емких, лаконичных словах многих русских писателей. М.Горький признавался: “Я приехал в свой родной край, в пролетарский Баку, который давно полюбил и о котором уже давно мечтал”.

“Не могу долго жить без Баку и бакинцев” - это уже признание Есенина. “Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай! Хладеет кровь, ослабевают силы, но донесу, как счастье, до могилы и волны Каспия, и балаханский май” - это тоже Есенин.

“Сердце Востока - великий Баку”, - сказал В.Луговской. Назвав имя Владимира Луговского, я хотел бы сказать, что Луговской дорог нам не только как автор проникновенных стихов в книге “Каспийское море”, посвященных Баку, но и как один из вдохновителей, организаторов и создателей первой антологии азербайджанской поэзии на русском языке. А для меня лично это был первый большой - во всех смыслах этого слова - русский поэт, которого я видел в своей жизни. Он был другом моего отца, переводил его, и моя детская память запомнила его огромную фигуру, громовой голос, удивительную манеру читать стихи, которые я впервые услышал в нашем доме в Баку.

Русская поэзия так глубоко и основательно вселилась в меня, что спустя много лет, не будучи поэтом и переводчиком, я тем не менее, рискнул и перевел на азербайджанский стихи, которые всегда “носил с собою и знал назубок”: “Поэтов” Блока, “Не жалею, не зову, не плачу...” и “До свиданья, друг мой, до свиданья” Есенина, “Лиличке! Вместо письма” и “Уже второй, должно быть ты легла” Маяковского, “Зимнюю ночь”, “Гамлета”, “О знал бы я, что так бывает”, “Быть знаменитым некрасиво” Пастернака...

Но, конечно, для меня, как прозаика, насущно важными были уроки русской прозы - уроки Гоголя, Достоевского, Л.Толстого, Чехова, Бунина, Горького, Шолохова. Поразительными открытиями моего зрелого возраста были Булгаков и Зощенко. “Мастер и Маргарита” и “Голубая книга” для меня - мужественные и мудрые свидетельства писательского, гражданского, человеческого достоинства.

Большое просветительное значение в период формирования моего поколения - в середине 50-х годов - имели путевые заметки, литературные эссе, мемуары И. Эренбурга. Из современников наиболее близок мне был Ю.Трифонов, я горжусь, что в период дискуссионного отношения к его прозе я написал для журнала “Дружба народов” рецензию на его лучшую, на мой взгляд, вещь - “Другую жизнь”.

Турецкая литература - третья литература, кроме родной азербайджанской и русской, которая доступна мне в оригинале, ценна для меня творчеством Юнуса Эмре, Караджаоглана, Назыма Хикмета, Орхана Вели, Сайта Фаика, Орхана Кемаля, Яшара Кемаля и др.

Если бы мне довелось составлять очень небольшую антологию лучших зарубежных рассказов XX века, я бы включил в нее “Мертвых” Дж. Джойса, “Поджигателя” У.Фолкнера, “Снега Килиманджаро” Э.Хемингуэя, “Осень” Акутагавы и одну из новелл Хулио Кортасара...”

Из статьи “То самое, неуловимое”, опубликованной в журнале “Вопросы литературы” №12 1982.

“Настоящее произведение критического искусства способно доставить подлинное эстетическое наслаждение, равное эмоциональному удовлетворению, получаемому от высоких образцов прозы, поэзии, живописи, музыки, театра. Таким пиршеством яркой и глубокой мысли, проницательных открытий и тончайшего анализа были и остаются для меня работы покойного Бахтина с их аристократической изысканностью логических построений, строгой гармонией концептуальных установок(помня о разнице, я все же отношу эти работы не только к сфере чистого литературоведения, но и чистой критики как формы искусства слова).

Существует реальность жизни и реальность литературы, разнообразно связанная с действительностью, отражающая или дополняющая ее. Существует объективный мир и мир Достоевского или Рабле, по-своему отображающие объективный мир. Но осуществившись, воплотившись в определенных формах, миры Достоевского или Рабле уже существуют в мире, как существуют погода, природа, религия или законы математики, общественные катаклизмы и многие другие факторы, определяющие человеческую жизнь, психологию, судьбу, эмоциональный и духовный строй личности. Оно - наследие гениев - такой же элемент земной жизни, как деревья, горы, моря, может быть только более долговечное. Так вот, существует реальность постдостоевского или постраблезианского мира (как и послепушкинского, послетолстовского, послешекспировского мира), существуют и попытки, весьма талантливые и фундаментальные, объяснить, расшифровать мир Достоевского или мир Рабле. Бахтин - как мне представляется - не занимался этим. Он строил свой - третий - после жизненной и литературной - критическую реальность, исходя не только из мира Рабле и Достоевского, но и из собственно своего мира, мира, обогащенного и одухотворенного Рабле и Достоевским в том числе, но опирающемся в то же время на значительное и содержательное “я” автора-критика. “Я” Бахтина со всем его энциклопедически насыщенным интеллектуальным и духовным опытом, “я” автора, воссоздающего в своеобразной научно-аналитической и художественно-эмоциональной форме не только мир Рабле и Достоевского, но и мир, изменившийся отчасти благодаря Рабле и Достоевскому.

Из статьи “Особый дар критика”, опубликованной в журнале “Вопросы литературы” №12 1979.

Допустим, что вдруг появился в Японии, например, писатель, одаренный, как Толстой. И этот писатель задумал написать японскую “Войну и мир” о событиях второй ми-

ровой войны. Начал бы он с Пёрл-Харбора и кончил бы Хиросимой. Я думаю, что он писал бы иначе, и не только потому, что каждая писательская индивидуальность, а тем более гениальная, неповторима, не только потому, что неповторимы национальный склад мышления, национальный образ жизни, формы проявления национального характера, не только потому что изменились социальные и исторические особенности эпохи. Различия были бы обусловлены всеми этими, да и многими другими, здесь не названными факторами. Но у японского романа о войне, посвященного событиям второй мировой войны, было бы еще одно отличие - его ритм - и это отличие уже целиком зависело бы от ритма событий, что в свою очередь связано с достижениями современной техники.

Огромная Россия у Толстого и маленькая Япония, которую всю сразу можно увидеть с полета, это географическая разница, художественно акцентируется разными ритмами событий, ритмами, обусловленными и техническими достижениями. В “Войне и мире” мотив преодоления расстояния средствами минувшего века - категория историческая, философская, эстетическая. И потому адекватный ритм этих событий - толстовская эпичность, логическая последовательность событий перемежающихся с глобальными рассуждениями о судьбах всего человечества в необозримом пространстве и в нескончаемом, безначальном времени.

Ритм последней войны для Японии - это мгновенность - от внезапного налета на Пёрл-Харбор до секундной вспышки в Хиросиме. И потому толстовский герой умирает, ощущая за собой бездну времени, груз эпох, он чувственно ощущает длящийся момент перехода из все еще продолжающего бытия в небытие. Японский персонаж не может ощущать этого, потому что секунду назад был большой город - Хиросима, с сотнями тысяч жизней, с историей, с прошлым, но через секунду, в миг, ничего не стало.

Это уже другое измерение жизни и смерти. Здесь невозможны рассуждения князя Болконского под небом Аустерлица, невозможна антиномия суетной земли и вечного неба, здесь атомный гриб зловеще связал и смешал небо и землю, сместил понятие пространства и времени. И теперь мир существует в обломках разорванного, лоскутного сознания с перетасованными монтажными отрезками - прошлое вторгается в настоящее, настоящее отравляет будущее, а будущее вязнет в прошлом. Гамлетовский афоризм “попалась связь времен” характеризует наш век, возможно, лучше, чем шекспировский.

Из статьи “Перемены в вечном”, опубликованной в журнале “Дружба народов” в 1973 году

ИЗ “НОЧНЫХ МЫСЛЕЙ”:

“В 1948 году Виссарион Белинский писал: “Явилось множество маленьких великих людей и, со школьными тетрадками в руках, встали около машинки, названной ими “святая гильотина” и начали всех переделывать в римлян. *Поэтам приказали* (курсив мой - А.) *и они во имя свободы принялись воспевать республиканские добродетели, думая, что искусство должно служить обществу: мыслителям повелели* (курсив мой - А.) *тоже во имя свободы доказывать равенство прав, а кто бы из поэтов и мыслителей, следуя свободе вдохновения или мысли, осмелился воспевать и доказывать противное -*

тем во имя свободы рубили головы. Искусство и знания погибли - нет больше развития идеи, остановлен навсегда ход ума...”

Замечательно, что так высказывается “неистовый Виссарион”, сам радикал из радикалов, революционер скорее якобинского толка. И тем не менее он интуитивно предугадал трагические результаты репрессий даже во имя свободы, то, что еще более ярко прогнозировал в своих провидчески-гениальных “Бесах” Достоевский, напророчивший, по существу, всю русскую историю XX века”.

“Как объяснить графоману, что он не писатель, рифмоплету, что он не поэт, драмателю, что он не драматург. Вспомнилась, когда-то очень давно прочитанная мной мысль Чехова. “Я никак не могу объяснить, - писал Антон Павлович, - почему Шекспир пишет лучше Златовратского”.

Я бы добавил: “особенно самому Златовратскому...”

23 ноября 2007 г.

“Сейчас стало модным считать героями тех, кто в советский период писал в стол или прятал рукопись в сундуках. Низко склоняю голову перед подвигом М.Булгакова - чьи книги - на века, но на общественное сознание в период оттепели влияли мемуары Эренбурга, поэзия Евтушенко, Вознесенского ныне оболганных и несправедливо отброшенных на обочину литературы. Общественное сознание в то время формировала также проза Трифонова, Шукшина, В.Быкова, Ч.Айтматова, Астафьева, Аксенова. Великий роман “Мастер и Маргарита” же явился к читателю в те годы, когда само время изменилось в какой-то мере и благодаря той литературе, которую сейчас кое-кто называет полуправдой.

Лучше всего, конечно, полная правда, но когда для нее закрыты все пути, берусь утверждать, рискуя вызвать шквал сарказма этим утверждением, что даже полуправда все же лучше не только полной лжи, но и немоты. То, что сокрыто в сундуках не способно было влиять на умы, воздействовать на общественное сознание...”

* * *

“Ключевский отмечает чрезвычайную повторяемость русской истории” - пишет И.Бунин в своих дневниках “Окаянные дни”, посвященных событиям 18-19 годов. И в самом деле, читая эти дневники, воочию видишь, что слова Ключевского и подтверждение их Бунином - обращены не только к тем далеким эпохам, но и на нашу сегодняшнюю реальность. Все повторяется и в наши дни - нетерпимость, озлобление по поводу социальной несправедливости, культ насилия, хамство толпы, унижение русских евреев и наоборот. А социальная справедливость олицетворяется для Бунина в библейской метафоре: “Вот выйдут семь коров тощих и пожрут семь тучных, но сами от того не станут тучнее”. Далее Бунин пишет: “Вспомнилась осень 14-го года, собрание московских интеллигентов в Юридическом обществе. Горький, зеленея от волнения, говорил речь: “Я боюсь русской победы, того, что дикая Россия навалится стомиллионным брюхом на Европу. Теперь это брюхо большевистское и он уже не боится”.

“Я только что прочел новую драму Л.Толстого и не могу прийти в себя от ужаса - писал К.Победоносцев Александру Третьему 18 февраля 1987-го года - Неужели наш народ таков, каким изображает его Л.Толстой. Стоит подумать еще о том, как отзовется такое публичное представление русского сельского быта у иностранцев и за границей, где вся печать дышащая злобой против России, хватается жадно за всякие у нас явления и раздувает иногда ничтожные или вымышленные факты в целую картину русского безобразия. Вот, скажут, как сами русские изображают быт своего народа”.

Точно такие же упреки предъявлялись и Дж. Мамедкулизаде и издаваемому им журналу “Молла Насреддин” - очернил, опозорил свой народ. Иногда, наиболее разумные оппоненты соглашались с тем, что все написанное в журнале - Правда, но тут же оговаривались “не всякую правду можно и нужно писать...”

*Иные, лучшие мне дороги и права
Иная, лучшая потребна мне свобода;
Зависеть от царя,
зависеть от народа - не все ли нам равно?
Бог с ними.
Никому отчета не давать,
себе лишь самому служить и угождать;
для власти, для ливреи,
не гнуть ни совести,
ни помыслов, ни шеи*

Это написал, как всегда мудрый А.С.Пушкин...”

“Я всегда удивлялся Чехову, который писал о том, как по капле выдавливал из себя раба. Ну, какой он раб, с самой ранней юности, поры Антоши Чехонте - веселого, озорного забияки. А изгонять из себя надо было бы каждому писателю не только раба, но и господина - изгонять чувство собственной исключительности...”

“В статье Григория Померанца “Без покаяния” (“Лит. газета” 5 февраля 1997 г.) - верная мысль. Цитирую:

“Между тем политика Суслова приносила плоды. Следуя примеру польских коммунистов, московскую интеллигенцию (только ли московскую? - А.) раскалывали по этническому признаку.

Почвенники получали привилегию на открытый “реакционный романтизм”, то есть на противопоставление примитивной целостности крестьянина раздробленности и пустоте городского интеллигента, потерявшего свою русскость (читай азербайджанскость, киргизскость, литовскость - А.). На какое то время возникла иллюзия, что крестьянин, безусловно, поэтичнее горожанина и единственная возможная правда - крестьянская. (Об этой иллюзии и я говорил в выступлении за круглом столом “Дружбы народов” - А.) Собственно, идея эта была задана без нажима в “Иване Денисовиче” и “Матренином дворе”, но превосходство деревенской прозы над городской - следствие политики и цен-

зуры. Если выйти за пределы литературы, картина резко меняется. Герои Тарковского после “Иванова детства” сплошь интеллигенты; но Тарковский не уступает Шукшину... в “Сталкере”, в “Ностальгии” яркие метафоры тоски по духовной ценности, в “Сталкере” и в “Ностальгии” есть замечательные образцы юродивых, на мой взгляд - более глубокие, чем герой “Привычного дела” Белова, а это очень высокая планка”.

К этим верным мыслям стоит добавить и примеры из самой литературы, скажем, повести того же Ю.Трифонов, которые по глубине психологического мастерства не уступает прозе В. Распутина. И, конечно, приводимые примеры можно расширить и умножить и материалами так называемых национальных литератур бывшего Союза, когда крестьянская тема и пишущее на эти темы не только противопоставлялись городским, а поощрялись, выдвигались, премировались, ставились в образец городским, интеллектуальным, рефлектирующим и всем иным писателям, произведения которых определялись как периферийные, чуть ли не маргинальные по отношению к основной, магистральной дороге советской прозы...”

“Читаю Платонова. Понятно, почему Сталин возмутился “Усомнившимся Макаром”. Какая там двусмысленность? Однозначные аллюзии, касающиеся вождя и его системы. Общее между Платоновым, Зощенко, Булгаковым, при всей их разности, в том, что строй, общество, которые официальная литература стремилась выставить патетически, эти писатели выставляли в насмешливо-жалком виде, в смешном идиотизме и абсурдности...”

“Русский человек любит задаваться вопросами: “Кто виноват?” размышлял Герцен. “Что делать?” - спрашивал Чернышевский и повторял Ленин. “Кому на Руси жить хорошо?” - допытывался Некрасов. “С кем вы мастера культуры?” - пытался уточнить Горький. “Что такое хорошо, что такое плохо?” - выяснял Маяковский. Наш сосед слесарь дядя Ваня после третьей рюмки упорно добивался ответа: “Ты меня уважаешь?”. Среди этих извечных русских вопросов, есть и гениально-простодушный пастернаковский: “Какое, милые, на дворе тысячелетие?”. Все же счастливым человеком был Пастернак - не различал тысячелетий...”

Сейчас вот без пяти минут двенадцать ночи уходящего года и я с тревогой задаю себе вопрос: Какой же год мы встречаем - 1997-ой или 1937-ой?..”

31 декабря 1996 г.

“Вспоминаю высказывания Л.Толстого: “Для меня без Ясной Поляны нет России”. И эта так. Но он же не говорит, что Россия вся - только в Ясной Поляне...”

“Л.Толстой говорит, что люди делятся не на умных и глупых, а на понимающих и не понимающих. Воистину так. “Большое бремя - понимать”...

“В уединенном уголке губернии, в домике начальника станции Озалина в Астаповке умирал Толстой. 6 ноября, накануне смерти, он позвал сына Сергея и когда тот подошел, тихим голосом сказал:”Сережа. Я люблю истину, очень... люблю истину”. Это были его последние слова...”

У дачного дома Б.Пастернака

“Спустя три года после возвращения из эмиграции Александр Солженицын с горечью пишет: “И такое двоение сопровождает меня третий год: знаю, что поиски и слова мои нужны моему народу - а прорваться к нему, подействовать на его судьбу ко благу - не могу.

А ведь ехал в Россию три года назад - мне и правда казалось, что смогу повлиять - даже отчасти и на ход событий. И полное бессилие. “Свобода слова”, свобода поступков? - но и в железном СССР насколько ж я был действенной. А теперь в России воцарилась та анархия свободы слова, когда никакое слово уже ничего не весит и ни на кого не влияет”.

И это признание всемирно известного писателя, Нобелевского лауреата, одного из тех немногих, кто именно своим СЛОВОМ сокрушил железобетонную империю. Далее Солженицын пишет: “Конечно, по оставшимся срокам мне ничем этим не надо заниматься: на остаток жизни достанет с меня забот в литературном царстве. И столько недоделанных своих работ. Разве по плечу мне влезать теперь в политику? Но столько вижу каждый день неосмысленности, грязи, гнуси, обмана, наглости - как приказать сердцу не отзываться, идти мимо зажмуром?..”

ИЗ БЕСЕДЫ С КРИТИКОМ ВАЛЕХОМ РЗАЕВЫМ:

- К русской литературе, точнее говоря, к вершинным образцам русской поэзии, я общился еще в детские годы, еще на семейном, так сказать, уровне, в устной форме. В нашем доме постоянно звучали стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Маяковского, Есенина. Я и мои сестры знали наизусть отрывки из “Евгения Онегина”, “Демона”, “Облака в штанах”, “Флейты позвоночника”, целые есенинские циклы. И, может быть, оттого, что многие дивные русские стихи постоянно “звучат” во мне, я однажды, не будучи поэтом, дерзнул, перевел на азербайджанский язык несколько непереуслуженных стихотворений Блока, Маяковского, Есенина, Пастернака... Пастернак вообще, не переводился на азербайджанский язык и мои переводы были первыми попытками... Вслед за поэзией или почти одновременно с ней я открывал для себя и великую русскую прозу. Вначале - Чехов. В отроческие годы, в юности не было вечера, чтобы мы с сестрой не прочли хотя бы один рассказ Чехова. Пьесы его мы знали назубок, вплоть до ремарок. Мы обменивались мнениями по поводу прочитанного и перечитанного, часто расходились в трактовке того или иного образа, той или иной чеховской мысли... Эти домашние “чеховские чтения” - до сих для меня одни из самых теплых и светлых воспоминаний о давно ушедших годах.

Стоит мне вспомнить реплику в “Дяде Ване”: “Дитя мое, если бы ты знала, как мне тяжело” (цитирую по памяти, потому могу быть и не точным) или восхищавшую Горького фразу Астрова об Африке, или звуки духового оркестра в “Трех сестрах”, реплику

Львова, звучащую просто поразительно в контексте происходящих в пьесе “Иванов” событий: “Николай Алексеевич Иванов, объявляю по всеуслышанию, что вы подлец!”, стоит вспомнить детей в “Степи”, умирающего профессора в “Скучной истории”, Ионыча, персонажей “Именин”, “Скрипки Ротшильда”, “Горя”, “Тоски”, “Хористки”, десятков других чеховских шедевров, и душа наполняется светлой печалью.

Мало ли что читалось нами в разные годы нашей жизни? Но “кровно помним” только настоящее. Подлинное, как жизнь. Равнозначное жизни по силе воздействия. Помним Чехова. И как явление литературы, и как часть реально прожитой жизни. Только писатель сумевший воссоздать мир, столь же осязаемый, как наше реальное существование, способен стать нашим воспоминанием, нашей тоской по ушедшим годам, причиной нашей “ретро ностальгии”.

Достоевский, Толстой не только великие писатели, гениальные художники слова. Их наследие принадлежит к числу основополагающих явлений бытия, как любовь, боль, гол, рождение, смерть, море, небо, дождь...

Русская литература последних двух веков явление более всеохватное, глобальное, универсальное в своем всемирно-историческом значении, чем многие события, которые она столь блистательно отразила. Скажем, Отечественная война 1812 года - важнейшее событие русской и европейской истории XIX века, но “Война и мир” - творение на все времена и все континенты... В “Бесах” и в “Братьях Карамазовых” бушуют идейные схватки XIX века, но для нас сегодня самое удивительное в этих романах - гениальная прозорливость писателя, угадавшего “преступления и наказание” XX столетия. “Смерть Ивана Ильича” - это ведь тоже о каждом из нас.

*Опубликовано в журнале
“Литературное обозрение” №11 1986 г.*

ИЗ БЕСЕДЫ С ТАТЬЯНОЙ БЕК

Т.Бек:

- Кто с вами учился из талантливых, интересных людей на Сценарных курсах?

- Мастером у меня был И.Г.Ольшанский. Мастерами на курсах были Розов, Храбровицкий, Блейман. Из слушателей с нами учились Алесь Адамович, Иван Драч, Илья Авербах, Юрий Клепиков, Фридрих Горенштейн, Марк Розовский, Анатолий Найман. Не учился на курсах, но часто заходил Женя Рейн, который однажды познакомил меня с Бродским: они вместе забрели на наш семинар. Помню, пришел такой рыжий парень. А мне о нем уже все уши прожужжали Найман и Авербах, и я к тому времени прочел его ранние стихи, запомнились “Пилигримы”. Читал и отчет Фриды Вигдоровой о суде над ним. Но мы, увы, всерьез не разговорились.

Т.Бек:

- Кстати, вы читали очерк Бродского о Стамбуле?

- Конечно, читал и, честно говоря, немного обиделся. Там есть европейский снобизм, с которым я, естественно, не согласен. И Солженицын, которого мы считали величайшим гуманистом, как выяснилось, не чужд шовинистического духа. Его “Красное ко-

лесо” я просто не смог осилить, хотя до этого прочел все. “Архипелаг ГУЛАГ” вообще потряс меня до основ, и неважно, литература это или что иное.

Т.Бек:

- *Повлиял ли на вас Зощенко своим сказом?*

- Есть у меня цикл сатирических вещей. У нас был очень большой писатель-сатирик начала века Джалил Мамедкулизаде, вот его я могу назвать своим учителем точно. И на моей сатирической прозе есть влияние и его, и Зощенко. Даже не в стилистике, не в формах художественной выразительности, а в философии. Самое горькое и самое трудное можно преодолеть смехом, снизить, что ли...

Т.Бек:

- *А Гоголь?*

- Гоголь мрачноват... Люблю Булгакова.

Т.Бек:

- *Кого из своего поколения вы считаете своими ближайшими собратьями из сверстников в прозе?*

- Аксенов... Маканин... Битов (Маканин и Битов учились на Сценарных курсах после нас). Особенно люблю Трифонова, хотя он намного старше нас. Люблю Шукшина. Люблю Распутина, несмотря на его завихрения: большой реалистический писатель, хорошо, если бы он занимался только литературой. Особенно мне дорог его “Последний срок”.

Т.Бек:

- *Любите Пастернака? Что больше - стихи или прозу?*

- Прозу его меньше люблю. В “Докторе Живаго” меня потрясают именно стихи.

Т.Бек:

- *Когда Вы пишете свои воспоминания, то на чем больше делаете акцент - на былом или на думам?*

- В первую очередь - факты, но и, конечно, размышления по их поводу. Не расчленишь. Но кроме книги “Былое и думы” Герцена образец для меня - уже в XX веке - мемуары Эренбурга.

Т.Бек:

- *Такое нынче услышишь редко. Молодые критики считают Эренбурга “лукавым царедворцем”*

- А в чем он был “луковым царедворцем”? В годы войны писал искреннюю и потрясающую публицистику. Если там Сталин упоминался, то что делать? Люди впрямь шли на смерть с криком: “За родину, за Сталина!” Он, без всяких скидок, великолепный писатель: “Хулио Хуренито”... А стихи! А переводы Вийона!

Сейчас кажется что-то меняется. Мне нравится, что стали появляться нормальные статьи о Горьком, а то совсем уж из него монстра сделали. Маяковского люблю. Перечитываю. Особенно раннего. У меня о нем есть эссе “Косой дождь”, которое я написал в год его, почти не отпразднованного юбилея в 93-м. Извините, я себя процитирую: “Измена кумирам юности, в том числе поверженным, представляется мне предательством своего же личного прошлого”.

*Опубликовано в журнале “Вопросы литературы”
Ноябрь-декабрь 2002 г.*

Литература потерянного поколения

(Вступление к дипломной работе, защищенной во время окончания филологического факультета Аз.Гос.университета)

В 1926 году в Нью-Йорке вышла книга американского писателя Эрнеста Хемингуэя “И восходит солнце”. Книга эта была переведена на многие языки и принесла Хемингуэю всемирную известность. В 1935 году этот роман был издан у нас под названием “Фиеста”.

В этой книге - одной из самых грустных книг XX века - рассказывается о молодых американцах, путешествующих по Европе и развлекающихся. Герои “Фиесты” проживают жизнь, стараются получить, как можно, больше наслаждения от жизни, много пьют, много разговаривают, невесело острят.

Жизнь для них - это “Фиеста”, праздник, где “много вина, какая-то нарочитая беспечность и предчувствие того, что должно случиться и чего нельзя предотвратить”¹.

Герои этой книги каждый по-своему глубоко несчастен. Они - дети безвременья. Они живут в эпоху крушения старых понятий, идеалов. Отсюда их растерянность. “Мне было все равно, что такое мир, - говорит один из героев романа. - Все, что я хотел бы узнать, это - как в нем жить”.

Они не знают, во что верить. Они опустошены, не видят границ между подлинной правдой и прописными истинами, между действительно прочными нравственными началами и ханжеской моралью. Они циничны. Они довольствуются суррогатами человеческих радостей. Они несчастны.

Безысходный пессимизм, щемящая грусть этой книги усугубляются тем, что никчемность людей без идеала, их скука, их хмельная тоска, их чувства, растрчиваемые в пустых бесцельных увлечениях, упадочность их философии, ненормальность, местами уродливость их отношений превращается в нечто очень обыденное, будничное, обыкновенное.

Ненормальное, страшное, уродливое, принимая форму обыкновенного, повседневно-го, становится еще более уродливым, страшным, ненормальным.

Громче всего звучит в романе глубоко трагическая тема двух изломленных, искаленных войной людей - Джейка Бариса, и Брэт Эшли, которые любят и в то же время не могут любить друг друга. Они будто символизируют мир, где нет места подлинным чувствам, настоящим человеческим радостям, где приходится довольствоваться минутными удовольствиями, временными увлечениями, жить вспышками мгновенных желаний.

Эпиграфом к своему роману Хемингуэй поставил слова американской писательницы Гертруды Стайн, сказанные ею в разговоре: “Все вы - потерянное поколение”.

Конечно, не термины рожают понятия, направления, школы, поколения - как это утверждал Оскар Уайльд. Но термины очерчивают какие-то границы, пределы, охватывают и включают в себя иногда очень разные, очень неоднородные явления, имеющие, од-

¹ Э.Хемингуэй. Избранные произведения в двух томах. ГИХЛ, Москва, 1959 г., том 2

нако, нечто общее. Понятие “потерянное поколение” было той счастливой находкой, которая удивительно точно передавала суть определенного явления в жизни и литературе Западной Европы и США 20-30-х годов.

Этот термин прочно укрепился и в советской критике, объединяя разных писателей Запада, таких, например, как Хемингуэй, Дос-Пассос, Олдингтон, Фаллада, Ремарк и др. “Возраст” “потерянного поколения” - это “возраст” тех, кто прямо со школьной скамьи попал в окопы первой мировой войны, кто в дыму и огне войны узнавал подлинную цену “высоким” словам буржуазных лицемеров о свободе, о святине, о патриотизме, о долге перед родиной.

Самое характерное в жизненной и литературной судьбе этого поколения было то, что его летописцами стали представители этого же самого поколения, что, читая романы писателей “потерянного поколения” часто не видишь грани, отделяющей личность, судьбу, нередко и мировоззрение писателя от личности, судьбы, мировоззрения его героя-ровесника. Летописцы этого поколения были из числа тех ее представителей, которые “возвратились”.

Всех этих писателей объединяла огромная ненависть к войне, мучительные переживания ее последствий, ощущение “потерянности”, ненужности, горькое чувство бессмысленности существования.

Было много общего в восприятии войны у писателя Германии с писателями воюющих с ней стран - Англии, США, Франции. Империалистическая война, война тех, кто наживался на ней, была одинаково ненавистна и простым французским парням и многим немецким юношам, еще вчера писавшим классные сочинения.

Первая мировая война породила огромную литературу. Революционная правда об этой войне запечатлена на страницах талантливых книг крупнейшего французского писателя-коммуниста Анри Барбюса “Огонь” и “Ясность”. Барбюс, показав ужасы войны, ее страшные будни, ее античеловечность, указывая такие пути борьбы с теми, кто ее породил. “Народы - это ничто, - говорит писатель устами одного из своих героев, - а они должны быть всем”².

Высокохудожественные произведения, посвященные событиям первой мировой войны, создали крупнейшие западные писатели Арнольд Цвейг, Бернгард Келлерман, Роже Мартен Дюгар, Мартин Андерсен-Нексе, Ярослав Гашек и мн.др. Но ни один из них не поднялся до уровня Барбюса в понимании причин войны, не мог пойти дальше Барбюса в своих выводах. Их произведения пронизаны искренней ненавистью к ужасам войны, но они не указывали выхода из тупика.

Большинство честных западноевропейских писателей во главе со своим патриархом Роменом Ролланом осуждало войну, осуждало как “своих”, так и “чужих” государственных деятелей, зачинщиков всемирной бойни. Многие из них, подобно Роллану, стояли “над схваткой”, т.е. над лжепатриотическими идеями буржуазных демагогов, которые разглагольствовали о “защите отечества” пытались обмануть народные массы и старались побольше нажиться за их счет.

Вот эта ненависть к войне, к высоким словам, за которыми скрывались низкие мысли и мелкие расчеты, ненависть к позолоченной мишуре военной “романтики”, воинского подвига, “жертв во имя родины”, - все это было характерно и для писателей “потерянного поколения”. Более того, писатели “потерянного поколения” мучительнее всех переживали эту ломку старых понятий, они особенно страстно ненавидели обман, при помо-

² Анри Барбюс “Огонь”, ГИХЛ, Москва, 1959 г.

щи которого их послали на убой. Никто, как они, не презирал такие слова, как “патриотизм”, “справедливость”, “свобода” и т.п., потому что истинную цену этим словам в их буржуазном толковании они узнали под ураганным огнем.

Абстрактные слова, такие, как “слава, подвиг, жертва” или “святыня - были непристойны рядом с конкретными названиями рек, номерами полков и датами”, писал Хемингуэй в романе “Прощай, оружие”.

Одна из характерных особенностей литературы “потерянного поколения”, выделяющая ее среди прочих книг о первой мировой войне, заключается в том, что в судьбе героев этой литературы мы видим не только судьбу участников войны, но нечто большее. Это в какой-то мере судьба “молодого человека XX века” на Западе. Крушение идеалов, неверие в буржуазные принципы нравственности, ненависть к лжепрогрессу, лжецивилизации, лжегуманизму - все это выводит героев “потерянного поколения” за черту строго локализованной во времени послевоенной эпохи.

В книгах Ремарка, написанных уже после второй мировой войны, мы встречаем героев, для которых также характерна судьба представителей “потерянного поколения” и так же актуальны их проблемы. Многие из молодых людей XX века и поныне не могут “найти” то, что “потеряли” в траншеях первой мировой войны, и поэтому мучаются все теми же безответными вопросами о смысле своей жизни, о своем месте в этом мире, о цели своей деятельности.

Это больше всего относится к творчеству Ремарка, и причину этого надо искать в исторической судьбе немецкого народа. Так как в протесте “потерянного поколения” было очень много отрицания и очень мало стимулов к борьбе, то неудивительно, что большинство представителей этого поколения не знало, что делать дальше. Не случайно, среди них было так много самоубийц. Были и перебежчики вроде Жиано, Дос-Пассоса, Арчибальда Маклиша. Другие представители этого поколения, такие, например, как Хемингуэй, в дальнейшем обратились к другим темам и проблемам.

Хемингуэй, посвятивший “потерянному поколению” два лучших романа - “Прощай, оружие” и “Фиеста”, в дальнейшем участвовал в героической борьбе испанского народа против фашизма. Это помогло Хемингуэю приобщиться к новым темам, к новым проблемам, в его прозе зазвучали новые мотивы; героями его книг стали обыкновенные, простые люди, способные на подлинный героизм, на подвиг.

Английский писатель Ричард Олдингтон предпослал следующий эпиграф своему первому роману о “потерянном поколении” “Смерть героя”. “Эта книга - надгробный плач, памятник, быть может, неискusstный, поколению, которое горячо надеялось, честно боролось и глубоко страдало”. Но этот роман (кстати, опубликованный в 1929 году, что и первый роман Ремарка) не только книга о тех, кто надеялся и боролся, это скорее книга о тех, кто уже ни во что не верит. Посвятив “потерянному поколению” еще несколько превосходных романов (“Дочь полковника”, “Все люди враги”), Олдингтон в дальнейшем не возвращался к этим темам. Основное место в его творчестве, в последние годы, занимает жанр беллетризированной биографии.

Другой писатель “потерянного поколения” Джон Дос-Пассос, получивший известность как автор “жестоких” и оригинальных по форме романов о первой мировой войне, дальнейшем подпал под влияние реакции, оказался неспособным создать что-либо значительное. Но если Дос-Пассос скатился болото американской реакции, то француз-

ский писатель Луи Фердинанд Селин, которого критика в свое время тоже причисляла к “потерянному поколению”, совершил “путешествие на край фашистской ночи”, стал коллаборационистом, предателем Франции. Этим же путем пошел Дрие-ля-Рошаль.

Таким образом, мы видим, как писатели “потерянного поколения” разными путями отходят от тем и проблем волновавших их в молодости. Для одних история “потерянного поколения” закончилась в Испании; другие в поисках ответов на вопросы “потерянного поколения” обратились к истории; третьи пошли к тем, против кого они когда-то негодовали; четвертые сомкнулись с фашизмом.

Из группы писателей только Ремарк до сегодняшнего дня остается верен мучительным воспоминаниям своей молодости. В романах “На западном фронте без перемен” “Возвращение”, “Три товарища” он проследил путь, пройденный “потерянным поколением” в течение военных и послевоенных лет. Герой его “Триумфальной арки” Равик живущий в Париже накануне второй мировой войны, типичный представитель “потерянного поколения”, с его горьким опытом, трезвым и чуть циничным отношением к жизни.

В 1956 году Ремарк пишет роман “Черный обелиск” Действие этого романа происходит в Германии в 1923 году, и герои книги, ровесники Пауля Боймера и Эрнста Бирнхольца бьются над теми же неразрешимыми вопросами, что и герои романов “На западном фронте без перемен” и “Возвращение”.

Это не значит, что Ремарк остался равнодушным к другим проблемам и событиям эпохи.

В романе “Время жить и время умирать”, в пьесе “Последняя остановка”, а также в некоторых других произведениях Ремарк воссоздал мрачную эпоху гитлеровского рейха, разоблачил преступления расистов, описал ужасы нацистских концлагерей, показал борьбу патриотических сил Германии против фашистской диктатуры. В своей пока единственной пьесе “Последняя остановка” Ремарк в светлых красках рисует дни освобождения немецкого народа Советской Армией от фашистского ига.

И все же наиболее близкой для Ремарка темой является тема “потерянного поколения”. Даже тогда, когда Ремарк пишет о совершенно другой эпохе, на мировоззрении и судьбах его героев лежит печать “потерянного поколения”. Действие последнего романа Ремарка “Жизнь взаимы” протекает уже в годы после второй мировой войны. Но в образах этой книги, прежде всего в образе автогонщика Кларфэ, много черт, сближающих его с героями “потерянного поколения”, хотя по возрасту он вовсе не ровесник героям ранних книг Ремарка. В интонациях романа “Жизнь взаимы”, с которым мы, к сожалению, знакомы лишь в отрывках, много общего с романом “Три товарища”.

Творчество талантливого немецкого писателя Эриха Марии Ремарка многообразно и противоречиво. Вот почему о нем так много спорят.

В СССР его книги широко известны. Глубокими человеческими чертами своего незаурядного дарования Ремарк дорог миллионам советских читателей. У нас в стране его читают и перечитывают, издают и переиздают, любят и знают.

И не соглашаясь со многими ошибочными мыслями этого крупного и сложного художника, видя его заблуждения, осуждая неверные, иногда даже реакционные мотивы его творчества, советский читатель верить в субъективную писательскую честность Ремарка, уважает его большой талант и с сочувствием относится к его борьбе против зла и бесчеловечности.

1960 г.

Роман и время

Итак, поговорим о романе. Казалось, чего проще, мы читаем романы всю жизнь и у всякого читающего, тем более у пишущего человека, простите за каламбур, “роман с романом” длится на протяжении всего его духовного существования. В подростковом возрасте мы знакомимся с “Детьми капитана Гранта”, “Робинзоном Крузо”, “Айвенго”, “Тремя мушкетерами”, с Томом Сойером и Гекельберри Финном. В отрочестве открываем “Отверженных”, “Овод”, “Как закалялась сталь”. Немного позже и на вою жизнь приходят к нам создатели классических романов - Сервантес, Свифт, Толстой, Достоевский, Бальзак. И каждый месяц в толстых и тонких журналах или отдельными книгами - романы современных писателей - наших и зарубежных. Плюс романы писателей, которые приходят или придут к нам с некоторым запозданием что ли - Булгаков, Платонов, Набоков, Г.Гессе, Музиль.

Но вот в чем загвоздка - если мы определяем одним и тем же словом “роман” произведения, вышедшие из-под пера вышеназванных и многих других писателей, то владеем ли мы четко обозначенным понятием романа, как конкретного литературного жанра? “Семья Тибо” - роман и “В поисках утраченного времени” - тоже роман? “Сага о Форсайтах” - роман. Но и “Улисс” - роман? И “Будденброки”, и “Процесс”? Очень просто было бы разграничение провести по линии - реализм - модернизм. Но куда в этом случае отнести такие нетрадиционные романы как “Мастер и Маргарита” или “Сто лет одиночества”? Произведения раннего Эренбурга и позднего Катаева? Если провести мировоззренческую грань, то, скажем, тот же “модернистский” “Процесс” Кафки является страстно антитоталитарным романом, предсказавшим многие ужасы и произвол фашизма, а “Путешествие на край ночи” Селина - произведение, созданное в сугубо традиционной реалистической манере - роман, по сути, глубоко реакционный и антигуманный.

Великий Шолохов воссоздает жизнь в формах самой жизни, а Фолкнер - другая вершина прозы XX века - препарировывает буквально все - сознание и мировосприятие своих персонажей, логическую последовательность событий, само время. Время течет последовательно и закономерно у Горького и застывает точно под микроскопом у М.Пруста, отражается газетной хроникой дня у Дос Пассоса и растягивается на столетие у Маркеса. И все это вне сомнения романы...

Ну а в более отдаленные времена? Может, романами являются не только “Золотой осел” и “Таргантюа и Пантагрюэль”, но и “Библия” и “Илиада” с “Одиссеей”, и “Шахнаме”, и “Книга моего деда Горгуда”, и сочинения протопопы Аввакума, не говоря уже о “Евгении Онегине”, самой авторской волей определяемом как роман?

Роман, в этом крайне широком понимании, тот самый уникальный жанр литературы, который в разные эпохи истории отражал эпическую картину мира и его философскую суть в наиболее полном, глобальном и универсальном охвате, в формах, наиболее соот-

ветствующих времени. И в этом случае не столь важно, писался ли он прозой или стихами, обладал ли конкретным сюжетом, фабулой или выражался философскими проповедническими (говоря современным языком - эссеистскими) текстами. Если встать на такую точку зрения, то находит свое объяснение все многообразие современной романной формы в ее исторически прослеживаемом генезисе.

И тогда речь может идти не о кризисе романа как жанра, а о некоторой исчерпанности возможностей его, романа, определенных разновидностей. Роман же в более широком понимании - как наиболее объемная форма художественной литературы, отражающая действительность, не может исчезнуть, пока существует потребность человека понять и осмыслить мир и свое собственное место в нем. Роман может лишь видоизмениться в соответствии с особенностями, характером и потребностями времени, его социальными и эстетическими критериями.

Наглядными примерами демонстрирует это текущая проза, в частности, такие ее примечательные явления, как все тот же "Печальный детектив", не случайно оказавшийся в эпицентре наших сегодняшних литературных, да и не только литературных дискуссий. Странно читать о том, что стихия документализма, так ярко впитавшаяся в ткань астафьевской прозы, воспринимается порой как ее недостаток. Выстраданный документализм "Печального детектива", как и некоторых других образцов современной литературы, - не прихоть или стилистическое пристрастие автора, не дань моде. Он вызван характером самого времени, попыткой высказать правду живую, конкретную, без обиняков, правду первичную, а не обобщенно-отвлеченную, попыткой вернуть читательское доверие, отчасти утерянное из-за расхожих убеждений недавних времен: "жизнь одно, литература - другое".

Сколько лично я встречал писателей, которые, рассказывая о какой-нибудь реальной жизненной ситуации или непростой судьбе, неузнаваемо видоизменяли все, взявшись за перо, беллетризируя факт по критериям литературной дозволенности. Конечно, я не хотел бы выглядеть отрицателем художественного обобщения, творческого вымысла, типизации и т.д. и т.п. Ибо в этом случае мне выпала бы неприглядная роль человека, замахнувшегося чуть ли не на всю мировую литературу. Да и документализм еще не гарантия правды и не панацея от лакировки; факт тоже можно препарировать, осмыслять и видоизменять как угодно. Но видь речь идет о настоящих художниках, подчеркнем слово художник, которые вводят документ в ткань художественной прозы. А точнее, ведут поиски романной формы на стыки документализма и чистого вымысла. Думается, эти поиски продиктованы самой сутью нашей социальной действительности на данном историческом этапе. И в наши дни роман, в своих достойных образцах отражает особенности Времени.

Теперь давайте чуть отвлеченно порассуждаем о Времени самом. Что такое Время - и как историческая категория, и как метафизический феномен? Существует ли оно вообще именно как метафизический феномен бытия? Может быть Время - лишь наше представление о нем? Как определяем мы время - помимо циферблата часов и листов календаря? Планета наша совершает свой оборот - цикл дня и ночи, происходит круговорот сезонов года, меняется местопребывание Солнца и всей солнечной системы в Галактике, полумесяц становится Луной, в земле вызревают семена, превращаясь в травы,

цветы, хлеб, ребенок вырастет, взрослый - стареет. Все это происходит во Времени Верно, но ведь все это - измерители, а не само измеряемое Может быть, мы измеряем то, чего на самом деле нет. Время в метафизическом значении - это нечто, определяемое косвенными показателями - изменение, рождение, рост, смерть - то есть движение. А если Время само не движется? Если оно застывший, извечный феномен вселенной? И тогда одновременно существует Прошлое, Настоящее, Будущее. И все - живые существа, планеты, звезды - движутся в нем, во Времени, как в пространстве - из комнаты в комнату, из города в город, из одной сферы в другую. А оно, Время, - априорно существующее, завершённое по своей сути - лишь представляет нашему жизнедействию, нашей точке обзора свои определенные отрезки. И если наше сознание способно осмыслить такую особенность Времени и отобразить средствами искусства, то самый изощренный роман с невероятными временными инверсиями - с перетасованными, как в кино, монтажными кусками - Прошлого, Настоящего, Будущего - может восприниматься в совершенно реалистическом плане.

Кстати, кино - самое близкое из всех видов искусства к роману, обладает этой уникальной возможностью манипулировать Временем, способно заставить его течь вспять, останавливаться, застывать, замедляться и ускоряться и, наверное, не случайно в "Игре", романе Ю.Бондарева из жизни кинематографистов, автор широко пользуется этими "киноприемами".

Подобно внешней действительности так же реально в пространство сознания - Память о прошедшем, непосредственное восприятие настоящего, мечты, фантазии, предположения о грядущем. В сознании нашем Прошлое, Настоящее и Будущее существуют на одной плоскости - мы можем вообразить Будущее или вспоминать Прошлое так же ярко, зримо, как и переживаемое в данный момент Настоящее. Нет надобности изобретать машину времени - она существует изначально; мы можем в своем воображении путешествовать по Времени вперед и назад. Роман - это власть его творца над Временем - из существующей, завершённой и застывшей реальности Времени он создает новую реальность с субъективным Временем. Временем со своим особым ритмом - со сгущением или разрядкой минут, часов, дней, лет, веков. Временем, в котором нет привычного чередования Вчера, Сегодня, Завтра, а есть одно неизбывное Всегда (или если угодно Никогда).

Человек и Время - единственная тема романа, в бесконечных модификациях и неисчерпаемых вариантах. Человек во Времени. Человек вне Времени. Тяжба со Временем, как у Фолкнера. Упоение ушедшим Временем, как у Пруста. Парадоксальное Время, как у Булгакова: реальное время в библейском сюжете и ирреальное - в сюжете современном. Сцепление мифологического, реального и фантастического Времени, как в айтматовском романе "И дольше века длится день..." Совсем недавний пример уже из области родной мне азербайджанской прозы - роман Ю.Самедоглы "День казни". Три времени: XVIII век, 30-ые годы нынешнего столетия и наши дни присутствуют в романе, так сказать на "паритетных" началах. Ни один из этих хронологических отрезков невозможно понять автономно, они объясняют друг друга, вплетаются друг в друга единой авторской мыслью о судьбе и поступке, произволе и добре, насилии и духовных ценностях.

Разумеется, воплощение темы “Человек и Время” прослеживается и в других жанрах литературы, да и искусства в целом. Но, если можно привести в пример, скажем, пейзажную лирику в поэзии, натюрморт в живописи или непрограммную симфоническую музыку, где человеческий элемент существует лишь как авторское начало, авторская мысль или настроение, то роман без персонажей или хотя бы одного персонажа (им может быть и сам автор) - трудно представить.

Очевидно роман в его широком понимании - жанр, в котором измерителем Времени является судьба или сознание человека. В романе неизбежно Время пропущено через человека - и это наиболее общее определение - применимо, на мой взгляд, ко всему многообразию романной разновидности.

И может быть наиболее обобщенная линия раздела проходит не между реализмом и модернизмом, а внутри реализма; реализма, как способа отражения Человека во Времени, и реализма, показывающего Время в Человеке. Есть немало блистательных романов, изображающих человека столкновении со сложным, противоречивым, порой враждебным ему временем. Но есть и не менее блистательные романы, отразившие противоречия Времени, воплощенные в самом человеке. На мой, естественно чисто субъективный взгляд, в современной литературе, этот тип романного отображения не менее важен, хотя и меньше разработан, нежели первый. К чести великой советской литературы - она всегда была трезвой литературой - в самые, казалось бы неблагоприятные периоды конъюнктурных компаний, истинные образцы отечественной словесности были, прежде всего, трезвыми художественными свидетельствами времени - с честным, правдивым, совестливым взглядом на действительность. Именно по этим произведениям грядущие поколения смогут судить о нашей эпохе и делать о ней объективные, трезвые выводы. Воздадим же должное мужеству русской и всей советской литературе, в своих высоких проявлениях выдержавших испытание временем, не изменивших своей нравственной миссии, своему эстетическому и этическому достоинству, своей народной совести.

Вместе с тем, нельзя забывать и о тех печальных периодах нашей литературной жизни, когда фактически налагалось табу на изображение внутренней жизни человека с ее неизбежным драматизмом, сложностями, противоборством. Любое душевное сомнение отвергалось с порога, как признак ненужной наше обществу “рефлектирующей личности”. Попытка разобраться в самом себе клеймилась как самокопание, темы эмоциональной неудовлетворенности, человеческого одиночества, некоммуникабельности оценивались как социально подозрительные, если не опасные. Таким вот способом обедненный, усредненный, дистиллированный художественный образ, естественно, не имел ничего общего с реальными людьми, коих он якобы обобщал и воплощал. И потому такая литература, втиснутая в прокрустово ложе догматических нормативов могла отразить лишь определенную допустимую версию действительности, а не многосложность реальной жизни с ее подлинным величием и неизбежным трагизмом. Будто и не было в мире смерти, потери близких, неизлечимых болезней, неразделенной любви, самоубийств, боли.

Человек ежедневно, ежечасно сталкивается с миром, принимает, отвергает, обновляет его, наблюдает, радуется, отчаивается или борется с ним. Но величайшая, наислож-

нейшая и самая долгая из всех битв человека - это борьба с самим собой, с собственным эгоизмом, неудовлетворенным честолюбием, трудноукротимым тщеславием, трусостью, завистью, душевной ленью, равнодушием, неконтактностью, восторженностью, иллюзиями.

Когда я слышу предельно актуальный, деловой и строгий призыв “Критику надо начинать с самого себя”, я думаю о том, что в сущности эта та же кардинальная идея нравственного самосовершенствования, которая одухотворяла все великие русские романы XIX века. С чего начинать - с изменения ли обстоятельств, определяющих в значительной мере линию поведения каждого отдельного человека, или с самого человека, который, внутренне самоочищаясь, будет поступать так, чтобы и обстоятельства менялись к лучшему? Это, как мне представляется абсолютно не схоластический вопрос, а самый что ни на есть нерв наших сегодняшних общественных диспутов. И если не разрешить, то и хотя бы ставить этот вопрос должна, в первую очередь, художественная литература.

Мы живем в переломное время и человеческий фактор - главный, фундаментальный элемент обновления.

Возможно, лишь настоящая литература, с ее природной деликатностью в обращении с душевным миром, способна изменить человека, не насилуя его естества. Насилие же над естеством человека, попытка изменить его внутреннюю суть, связанную памятью генов с тысячелетним психологически наследием, так сказать, в директивном порядке, волевыми усилиями, ни к чему хорошему привести не может. Таким “селекционным” методом можно разве что вывести тип изощренного лицемера, думающего одно, говорящего другое и делающего третье.

Время как историческая категория определяется людьми, только люди могут ответить на его вызов. А люди духовно формируются в значительной степени литературой. Убедит читателя могут только романы, которые расскажут ему правду о нем самом. И о внешней жизни и о жизни внутренней - жизнь души. Современному читателю необходимы романы, объясняющие Время, не только как текучку злободневных событий, но как Память и Историю. Как Мечту и Надежду на Будущее. Шанс на Будущее.

Не забудем, что кончается не только век, но и тысячелетие. И наверное, самыми великими романами нашего времени останутся или еще станут те, в которых обобщен опыт не десятилетий, а тысячелетий. Позволю закончить эти заметки словами Пушкина, который мог в силу своего гения судить Времени в контексте Вечности: “Уважение к минувшему - вот черта, отличающая образованность от дикости... Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим”.

“Литературная газета” 7 января 1987 г.

Двое в этом мире

“Если бы мне пришлось решать, выносить из горящего дома полотно Рембрандта или живую кошку, я спас бы кошку. Между искусством и жизнью я выбираю жизнь”, - это из сценария, написанного Клодом Лелюшем.

Красная машина на фоне белого пустынного пляжа. Море, в час заката. Берег. Дороги. Автомобильный трек. Улицы и бульвары Парижа. Кадры, снятые с безупречным вкусом, с подлинно французской изысканностью и тонкостью, кадры-пейзажи, достойные музея импрессионистов, поразительное чередование цветного, черно-белого и вирированного изображения - все это работа оператора Клода Лелюша.

Фильм удивительно поэтический, родниково-прозрачный, чистый, целомудренный, можно подобрать много эпитетов, и все же их будет недостаточно - победа и открытие режиссера Клода Лелюша, который поставил картину “Мужчина и женщина”, получившую Гран-при на Каннском фестивале 1966 года, когда ему было 28 лет.

Итак, Клод Лелюш. Сценарист, оператор, режиссер. Если термин “авторский кинематограф” имеет какое-то реальное содержание, вот вам фильм, в точности соответствующий этому определению. Да, но...

Жан-Луи Тринтиньян и Анук Эме в фильме Клода Лелюша “Мужчина и женщина”

Разве это не актерский кинематограф? Разве этот фильм был бы тем, чем он является без великолепных актеров - Жан-Луи Тринтиньяна и Анук Эме!

Особенно без Анук Эме. Мне довелось видеть эту актрису во многих фильмах, и, конечно же, Маделена в “Сладкой жизни” Феллини или жена режиссера Гвидо в “Восьми с половиной” и более значительные роли, психологически глубже разработанные, с гораздо более весомым социальным содержанием. Но поверьте мне, нигде Анук Эме не прекрасна так, как в этом фильме. Никто не снимал ее так бесконечно пластично, так проникновенно, так нежно, как Клод Лелюш. Камера Лелюша буквально очарована пластикой движений актрисы; стоит ей повернуть голову, как камера так же плавно и бережно следует за ее движением, стоит ей в сотый раз откинуть прядь волос со лба своими длинными паль-

цами, и камера боится упустить этот неповторимо женственный жест. Когда она кружится в объятиях Жан-Луи, камера, опьяневшая от счастья, тоже кружится в этом грациозном ритме и волосы заливают лицо Анук Эме, а она прекрасна даже с закрытым лицом. Режиссер снимает то одни глаза актрисы, то только изгиб шеи, скрывая ту или иную часть ее лица журналом, тонкими руками или рамкой кадра, и как бы ни срезал он это поразительное лицо, а он делает это намеренно, опять это лицо останется таким же пленительным и прекрасным. И при всем при этом Анук Эме отнюдь не совершенство, не кинодива, не секс-бомба, не ослепительная звезда и не эталон красоты.

Просто она, как и Тринтиньян, на редкость точно вписывается в “пейзаж” этого фильма, точно чувствует его пластику, ритм, вернее, они сами, вместе с режиссером, создают эту пластику, этот ритм, это настроение. Превосходная музыка композитора Фр. Лоя, замысел режиссера, работа исполнителей соединяют в удивительной гармонии этот фильм с его мягкими тонами, с его плавным монтажом, с его легкостью.

И все-таки это, конечно, не актерский кинематограф, не литературный кинематограф, это кинематограф в чистом виде - стихия и торжество подлинного кино, - ибо в основе фильма лежат кинематографический образ, кинематографическое видение и кинематографические решения. Все в фильме идет от первоначального пластического образа. Однажды Клод Лелюш увидел на пустынном одиноком пляже две одинокие человеческие фигуры - мужчину и женщину. Вот исходный пластический образ фильма. Двое одиноких людей, которые встретились друг с другом. Двое на пустынном пляже. Двое в этом мире.

Мужчина и женщина. Название почти библейское. Да и в решении этой темы - что-то библейское: Адам и Ева. Правда, у Адама есть сын от первого брака, да и Ева была замужем и стала матерью до встречи с Адамом. И они, конечно же, живут далеко не в раю.

Но ощущение этой библейской первозданности, библейской исконности в отношениях мужчины и женщины не покидает тебя, и постепенно начинаешь вникать в замысел автора. Картина “Мужчина и женщина” при всей своей кажущейся идиллической асоциальности далеко не безразлична к потрясениям века. (Кстати, эта мысль подтверждается тем фактом, что следующая картина Лелюша “Жить, чтобы жить” уже непосредственно затрагивает самые острые проблемы нашего времени.) Герой этого фильма журналист-международник - на семи ветрах века, - во Вьетнаме, в Конго, в Алжире. Да, на

Анук Эме

дворе XX столетие, век революционных потрясений, войн, Хиросимы и Освенцима. Век, искусство которого часто тоже болезненно изломлено, хаотично, беспокойно. Век, который вглядывается в свой лик в зеркале экрана, полотна, партитуры, сцены, романа или антиромана, в лицо, искаженное гримасой боли, отчаяния, страха. Все это существует на самом деле. Существуют также модные, но необходимые для определения душевного настроения эпохи слова - клеймо времени; фрейдизм, экзистенциализм, философия абсурдности бытия, некоммуникабельность, отчуждение, одиночество. Да, действительно все это существует. Но, утверждает Клод Лелюш, существует и другое. Существуют Мужчина и Женщина, и однажды они встречаются на пустынном, последнем берегу, и тогда исчезает весь мир - ядерная угроза и все философские течения, и все на свете. Остаются только эти двое и, следовательно, самое главное, изначальное, исконное - любовь, жизнь, будущее. Оправдано ли это бегство от сложностей мира в любовную робинзонаду? Очевидно, не только не оправдано, но и невозможно. Но ведь Лелюш и не претендует на роль духовного пастора, провидца, он не морализирует, не философствует, не протягивает указующий перст, он лишь ищет истоки, первичные ценности бытия. Для него встреча мужчины и женщины - чудо, высочайший смысл жизни и ее глубочайшая мудрость. Встреча Адама и Евы, без которой по библейской легенде, не было бы человечества. Вы обратили внимание, как эта картина пустынна, в ней нет людей, кроме мужчины и женщины, их детей и их погибших мужа и жены в воспоминаниях. Служебным персонажам, проходящим по фильму, как статистам, напарнику Жана-Луи, консьержке, воспитательнице, отказано не только в индивидуальности, но даже в имени. Только двое царствуют в этом фильме. Он и она.

Но все это оставалось бы голой схемой, если бы автор не вдохнул бы в эту историю живую судьбу двух вполне реальных людей, достоверных и конкретных до мелочей. Именно потому, что мы ощущаем их как реальных живых людей, а не как голые абстракции идей, мы так верим им. Именно поэтому психологически точно мотивирована их тяга друг к другу, За которой угадывается тоска по человеческому теплу. Без этого человеческая жизнь бесцельна и пуста, если даже внешне она кажется благополучной и налаженной, как машины, которые испытывает Жан-Луи. И в конце такой жизни, лишенной дыхания другого человека, - одинокая старость, подобно той, которую мы видим в щемящих кадрах - старый одинокий человек со своей собакой идут хромающей походкой по мосту в сторону заката.

При всей виртуозности профессионального мастерства фильм Лелюша предельно прост по кинематографическому решению. Обычно новаторскими и смелыми кажутся картины, в которых новации выражены броско, заметно, остро.

На мой взгляд, фильм "Мужчина и женщина" - произведение принципиально новаторское. Новаторское своей необычайной смелостью. В чем же смелость этой скромной картины? А в том, что Лелюш не боится множества вещей, которых, казалось бы, бояться пристало всем уважающим себя художникам. Ведь в самом деле существуют в искусстве такие опасности, как, например, банальность, сентиментальность, надуманность, красивость. Лелюш не боится банальности, сентиментальности, надуманности, красивости, потому что он знает гораздо более важную тайну искусства - тайну его искренности и естественности.

В самом деле, банальны ли фабула, сюжет, ход событий в картине “Мужчина и женщина”? Да, предельно банальны. Сентиментальна ли эта картина? Бесспорно, воспоминания Анн о покойном муже в объятиях любовника сентиментальны, как и линия, связанная с детьми, как и многое другое в этом фильме. Надумана ли ситуация - гибель мужа Анн и жены Жана-Луи? Оба погибают одинаково случайно, художественно никак не оправданно, явно уж “понарошку”, как бы специально для сюжета.

Красивости? Сколько угодно - автомобильные гонки, лошади, и даже верблюды, как на рекламной открытке. Да, все это так, но мешает ли все это картине “Мужчина и женщина” быть высоким образцом искусства, или, поставим вопрос иначе, является ли это недостатками, в общем хорошей картины и является ли картина хорошей, вопреки этим недостаткам? Нет, не вопреки. А вместе со всеми этими банальностями, сентиментальностью, красивостями, надуманностью фильм прекрасен; все это - стилистика картины, ее нельзя расчленить, нельзя отторгнуть от нее эти качества, органически ей присущие. Просто Лелюш, как талантливый художник, знает, что самые дискредитированные в искусстве понятия, если взглянуть на них непредвзято, если увидеть их чистыми и своими глазами, не будут казаться крамольными. И художническая победа снимает все теоретические ярлыки, предрассудки, все табу искусствоведения. Каждый художник, открывая что-то в искусстве, опровергает тем самым какой-то утвержденный параграф в искусствознании. Будем благодарны Лелюшу за то, что картина его, помимо прочего, учит нас не бояться сентиментальности, если за ней стоит искренность и естественность; красивости, если за ней стоит подлинная поэзия; банальности, если за ней стоит достоверность и правда. И не так важно то, что судьба мужа Анн опереточна - несерьезна, что жена Жана-Луи погибает по мелодраматическим образцам. Примем их линию как чистую условность, ибо не о них этот фильм, и их устранение из сюжетной линии настолько же условно, насколько условно их наличие в ней. Еще один кажущийся на первый взгляд недостаток этой картины, который, в сущности, является ее достоинством - это необязательность многих сцен. Это не парадокс; функциональная оправданность каждого эпизода убила бы эту ленту - такую раскованную, свободную в своей естественности. Вот, скажем, сцены в ресторане с детьми, в машине. Какую сюжетную нагрузку они несут? Я бы не мог ответить на эти вопросы, и я легко могу представить себе ретивого редактора, каких, наверное, немало и во Франции, с его неотразимым вопросом автору: что вы хотите сказать вот этой сценой, а что потеряется, если ее не будет? На подобные вопросы невозможно ответить. Как объяснить обязательность этих необязательных сцен? Сценка в ресторане, может быть, и не обязательна для логической конструкции фильма, но она обязательна по другим - высшим меркам искусства: она обязательна своей бытовой достоверностью, наблюдательностью художника, актеров, в том числе и маленьких, психологической точностью, живой тканью человеческого существования, которое ведь не состоит из обязательных, функциональных диалогов. Правомочен не только принцип “висящее на стене ружье должно обязательно выстрелить”. Ружье может просто висеть, и привыкшие к нему персонажи могут так до конца его и не заметить. Будем же благодарны Клоду Лелюшу, Анук Эме, Жан-Луи Тринтиньяну за прелестную, мудрую и вечную сказку о том, как однажды встретились Мужчина и Женщина.

Рядом с Нотр-Дам

На площади перед собором Нотр-Дам - толпа туристов. Гиды на разных языках говорят в мегафоны о том, что с детства известно любому образованному человеку: Нотр-Дам - гордость Парижа. Если Париж называли сердцем Европы, то сердце Парижа - здесь, на острове Сите, здесь, где были заложены первые камни французской столицы. Здесь, где воздвигнут собор Нотр-Дам...

А за Нотр-Дам еще один памятник. Но он говорит не о страданиях Бога - о трагедии людей. Памятник этот скромен и прост, вроде и не очень заметен с первого взгляда, но хватает за душу именно этой своей простотой, искренностью, тихой печалью.

Памятник воздвигнут в 1962 году архитектором Дангюссо. "Воздвигнут" в данном случае неточное слово, ибо памятник этот не возвышается над землей. Наоборот, в него надо спуститься.

...Узкие, как могила, лестницы. Стены давят. Таков замысел архитектора - именно это ощущение он и хотел вызвать у всякого входящего сюда. Длинные каменные штольни-коридоры. На стенах камешки. Маленькие, одинаковые камешки, бесчисленное количество камней. Бесчисленные ли? Нет. Их точное число: сто тысяч с правой и сто тысяч с левой стороны. Двести тысяч одинаковых камешков олицетворяющих память о двухстах тысячах французов, загубленных узников нацистских концлагерей. А у входа другие камни, побольше размером - аккуратные, геометрические треугольники. Они олицетворяют такие же "аккуратные" нацистские комбинаты смерти: Освенцим, Бухенвальд, Равенсбрюк...

Педантически точная расстановка и размеры камней связаны с образным замыслом автора: ведь и фашистская "бухгалтерия смерти" была до мелочей педантически продуманной. Узники для нацистов были лишь числами, цифрами, одинаковыми и взаимозаменяемыми, как вот эти маленькие камешки: можно вынуть один и вставить другой - ничего не изменится. Но в этом памятнике не просто констатация фашистского кошмара. В нем воплощена вера в высокие жизненные силы человека, в его неповторимость и единственность.

В самом дальнем конце зловещей штольни чуть мерцает огонек: свеча надежды и борьбы, которую не погасить никаким мракобесам. У входа в памятник начертаны слова видных французских писателей, слова мужества и величия, в которых - дань памяти жертвам фашизма. Но никто из этих больших мастеров литературы - ни Элюар, ни Сент-Экзюпери - не смог сказать лучше одной маленькой девочки. "Они ушли на край земли и больше не вернулись" - начертаны в круге слова ребенка.

Среди символов памятника есть еще один, на мой взгляд, самый впечатляющий: в одной из стен прорублено окно, в нем виден "кусочек" Сены. Слышен шум воды, чувствуется ее прохлада, но реку мы видим сквозь решетку. Осматривая памятник, мы знаем, что

все это - символы, образы, художественный замысел. Вот сейчас мы выйдем из этого подземелья, спустимся в реке, дотронемся рукой до воды. Но такова уж сила воздействия подлинно большого искусства. Когда находишься в подземном памятнике, кажется, что у тебя отняли реку, деревья, небо. "Они ушли на край земли и больше не вернулись"...

Я не случайно начал рассказ о парижских встречах с этого памятника. Волнующая мысль, воплощенная в этом памятнике, пронизывала все наши встречи с Парижем: мысль о борьбе гуманистического начала против мрачного и страшного мира бесчеловечности. Эта борьба, которая началась не вчера, отражена в великих произведениях искусства в парижских музеях. А сегодня наступает день, когда идеи этой борьбы из мастерских художников, из кабинета писателей и ученых, из заводских цехов, шахт и студенческих аудиторий выходят на улицы...

28 Mai 1958. PARIS

Рисунки Абидина Дино

Нам рассказывают о вчерашнем и сегодняшнем Париже супруга Дино. Помните стихи Назыма Хикмета:

*Эти люди, Дино,
С кусками света в руках.
Эти люди, Дино,
куда идут впотьмах.
Среди этих людей, Дино,
и мы, и мы с тобою.
Мы тоже, мы тоже, Дино,
увидим голубое.*

(Перевод М.Павловой)

Поэт обращался к своему другу Абидину Дино, выдающемуся турецкому художнику. В 1948 году А.Дино вместе с двумя другими прогрессивными художниками Турции - Авни Арбашом и Селимом Тураном, спасаясь от преследований режима своей страны, эмигрировали в Париж. Спустя некоторое время из турецких застенков удалось вырваться и Назыму Хикмету. Но если Назым в нашей стране обрел свою вторую родину, то эмигрантское существование трех турецких художников было мучительным. Живя впроголодь в городе чужом и пресыщенном искусством всякого рода, они ни в чем не изменили ни своим прогрессивным убеждениям, ни своим художественным принципам: реализму, народности, гражданственности. Не отреклись они и от национальных корней своего искусства. И в этом их художнический подвиг не уступает их человеческому мужеству. Не случайно поэтому видный французский живописец Андре Фужерои назвал Абидина Дино в числе лучших художников Парижа. Нам было особенно приятно еще и потому, что Абидин Дино - большой друг нашей страны.

С нашей страной его связывают старые узы: еще в тридцатые годы Абидин учился в Советском Союзе, на его искусство оказали сильное влияние советские фильмы, особенно "Броненосец Потемкин", "Октябрь", "Стачка". Подобно Эйзенштейну, А.Дино стремился и стремится к изображению образа пришедшей в движение народной массы. Это художник пролетарских митингов и демонстраций, художник улиц, заполненных революционной толпой.

Последние работы Абидина Дино связаны с вьетнамской темой. Художник был потрясен трагедией Сонгми. Известие об этом страшном преступлении перевернуло планы Дино, который в это время работал над другим полотном. Как и у каждого большого художника, его совесть чутко реагирует на всю боль мира, поэтому тема борьбы вьетнамского народа за свою независимость ему особенно дорога.

Работ Авни Арбаша до встречи с ним в Париже мне не доводилось видеть. Но вот, рассматривая альбом репродукций его картин, я сразу узнаю одну работу: "Кони Авни?" - "Да, - улыбается художник, - стихи Назыма навеяны именно этим полотном".

Авни, как и Абидин, был близким другом поэта. Как уже говорилось, и в судьбе, и в убеждениях обоих художников, как и третьего их коллеги - Селима Турана, много общего. Но художники они очень разные. И Авни Арбаша привлекают социальные темы, но он более лиричен. Художник кварталов бедноты, перенаселенных квартир, дворов, чем-то напоминающих дворы из итальянских неореалистических фильмов, Авни Арбаш в то же время не стилизует турецкие дворы под итальянские: просто бедняки, всюду живут одинаково. Художник яростно отрицает буржуазное общество: оно обрекает людей на одиночество и одичание. Пафосом борьбы за человека, за высокие гуманистические идеалы пронизано все творчество этих замечательных прогрессивных художников, с которыми нам посчастливилось встретиться в Париже.

Париж-Баку Газета "Советская культура"
8 июля 1971 г.

Мугам в Страсбурге

Жак Дюринг, преподаватель Страсбургского университета, самостоятельно научившийся играть на таре, исполняет старинную азербайджанскую музыку - мугам. Какое-то нереальное ощущение. За окнами актового зала - готическая архитектура европейского города, вокруг незнакомые лица, с трибуны звучит чужой язык, а на диапозитивах - уголки родного Баку, стены увешаны азербайджанскими коврами из частных французских собраний, ученые из Франции, Англии, Австрии выступают с докладами о нашей истории и культуре, о проблемах азербайджанского языкознания и филологии, о градостроительстве, о мирзе Фатали Ахундове и нашем современнике Чингизе Гусейнове.

Отношения, связывающие народ нашей многонациональной страны с французской культурой, имеют многовековую историю. Насыщена множеством примечательных фактов и история франко-азербайджанских культурных взаимоотношений. Издавна тщательно изучались, переводились и издавались во Франции произведения классиков азербайджанской литературы, народно-эпические сказания.

Открывая коллоквиум, один из его организаторов, директор института тюркологии Страсбургского университета, видный ученый-востоковед профессор Ирэн Меликова говорила о своих чувствах, вызванных встречами с представителями земли, откуда родом ее предки. А мы в свою очередь были глубоко тронуты тем, что на открытии коллоквиума она прочла стихи Расула Рзы, переведенные ею на французский язык:

*Я хочу, чтобы родники
текли бы
прозрачные, как слезы,
но чтобы нигде в мире
слезы не текли бы,
как родники...*

Эти же стихи, но уже по-турецки, читает другой профессор Страсбургского университета Сарвер Танилли.

Один из корифеев французского востоковедения профессор Парижского универ-

Ирэн Меликова

В Страсбурге с Ирэн Меликовой

ситета Луи Базен несколько лет назад по заказу ЮНЕСКО перевел произведения М.Ф.Ахундова на французский язык. Причем он впервые перевел все шесть комедий Мирзы Фатали с оригинала.

Нам было приятно лично познакомиться с этим ученым и выразить ему искреннюю благодарность за неоценимый труд. Луи Базен вступил на коллоквиуме с докладом по проблемам азербайджанского языкознания, а его сын Марсель Базен, профессор Реймского университета, свое выступление посвятил проблемам градостроительства в Азербайджане.

Профессор Турхан Гянджеви сообщил об обнаруженной в Британском музее рукописи французского священника Рафаэля дю Манна, написавшего в XVII веке грамматику азербайджанского языка на латыни.

Наряду с интересными научными докладами, показавшими в целом весьма объективный подход к изучению различных аспектов нашей действительности, были и попытки манипулировать статистическими данными, делать сомнительные социологические и демографические выводы.

Особенно наглядно хочется упомянуть о встрече с многочисленными выходцами из Южного Азербайджана, которые перебрались во Францию, спасаясь сперва от шахского произвола, а затем от фанатизма и экстремизма клерикалов. Для них Советский Азербайджан - это государство, которое хранит, развивает и обогащает язык родного народа, его культуру, его историю.

Коллоквиум в Страсбурге, сердечные встречи на французской земле послужат важному делу взаимообогащения и взаимопонимания народов и, следовательно, великой цели - отстаиванию мира на нашей планете.

“Литературная газета” 1985 г.

Новая литература древнего народа

Предисловие к сборнику “Рассказы израильских писателей”

Евреи - один из древнейших народов мира. Исторически существовали народы, столь же или более древние по возрасту - шумеры, ассирийцы, древние египтяне, однако они либо вымерли, либо ассимилировались и растворились в массе позднейших рас, и ныне живут в памяти человечества лишь только в сохранившихся памятниках искусства, в исторических книгах.

Евреи же несколько тысячелетий тому назад оказались отторженными от своих исконных земель, рассеялись по свету, принимая подданство в различных странах, усваивая языки различных народов, служили на поприще политики, науки, культуры этих народов, на протяжении истории подвергались гонениям, гнету, мытарствам, даже геноциду, но не канули в небытие, смогли сохранить по меньшей мере четыре тысячелетия свою религию, свой дух, характер, самобытность. После обретения государственности в середине XX века они возродили почти забытый родной язык - иврит и создали на этом языке новую литературу.

“Рассказы израильских писателей” - представляют произведения, созданные на древнем и возрожденном иврите, новой генерацией еврейских писателей, сложившейся уже после создания государства Израиль. Жаль, что у нас мало сведений о современной израильской литературе. После знакомства с антологиями поэзии и прозы, презентованными мне послом Израиля в нашей стране Аркадием Мильманом и его супругой, я убедился в том, что эта литература отмечена блестящими мастерами и интереснейшими произведениями. Возникло желание представить азербайджанскому читателю некоторые образцы этой литературы. Я попросил Вагифа Самедоглу перевести стихи ряда поэтов. В отобранных и переведенных им стихотворениях его внимание особенно привлекло одно обстоятельство. В современной поэзии народа, на протяжении тысячелетий пережившего тьму-тьмущую бедствий, да и в наши дни пребывающего в постоянной тревоге и опасности, доминируют не воинственные, мстительные чувства, а человеческие чаяния, милосердие И любовь, желание мира. Подтверждение тому - крик души, звучащий в стихотворении “Солдат, заплакавший в эфире”, которое перевел Вагиф: “Я в жизни никого не убивал!”. Один из отобранных и, переведенных мной рассказов - “Горизонт” Бенямина Таммуза (1919-1980) и несколько стихотворных переводов Вагифа опубликовала “Адабият газети”. (“Горизонт” включен в настоящий сборник). В предисловии к газетной подборке я выразил пожелание, чтобы современная израильская литература была бы шире представлена азербайджанскому читателю. Книга, лежащая перед вами, - первый основательный шаг на этом пути, И я испытываю удовлетворение, что этот сборник рассказов израильских писателей увидел свет.

Израильские писатели в Союзе писателей Азербайджана

Прежде всего, потому, что всегда питал глубокую симпатию и уважение к этому древнему народу. Нельзя не воздать должное народу, который испокон веков сталкиваясь с великими невзгодами, сумел сохранить себя и одарил человечество неповторимыми духовными ценностями. Ряд важных прорывов в духовном прогрессе человечества связан с евреями. Одна из древнейших - первая монотеистическая религия - иудаизм; и христианство, и ислам вышли из этой религии. Десять заповедей библейского пророка Моисея (Мусы), чтимого и исламом, поныне составляют основу правил индивидуального и социального поведения людей. Дабы вытравился рабский дух из сознания народа, Моисей сорок лет скитался с иудеями по пустыне - до той поры, пока не забудется рабское прошлое и вырастет поколение, чья память не омрачена воспоминаниями рабства.

Христианское летосчисление, принятое нами, ведет начало с Иисуса Христа, распятого на кресте в тридцатитрехлетнем возрасте. Иисус Христос - родоначальник христианского вероучения, занимающего выдающееся место в мировой истории, был евреем.

Первооткрыватель Нового Света - Америки Христофор Колумб был генуэзским евреем. Также и Исаак Ньютон, открывший закон всемирного тяготения, который ознаменовал новую эпоху в физике и науке в целом... XX век невозможно представить без Карла Маркса, Зигмунда Фрейда, Альберта Эйнштейна... Изобретатель атомной бомбы Оппенгеймер... Основоположник кибернетики Норберт Винер... Нобелевский лауреат академик Л.Ландау кстати уроженец Баку. Теоретики, вдохновители и организаторы русской революции, преимущественно, были евреями - Мартов, Дан, частично по одной из генетических линий Ленин, а также Троцкий, Свердлов, Каменев, Зиновьев...

Проторившие новые пути искусству двадцатого столетия Франц Кафка и Марсель Пруст, Малер и Шенберг, Шагал и Модильяни были евреями, как и два гения кинематографа двадцатого века Чарли Чаплин и Сергей Эйзенштейн... Вспомним имя крупнейших творцов русской поэзии нашего века Пастернака, Мандельштама, Бродского. Вспомним и то, что Нобелевской премии из русских поэтов удостоились только Пастернак и Бродский.

Творцы и исполнители музыки Артур Рубинштейн, Горовиц, Леонард Бернштейн, Менухин, Ойстрах, Стерн, Гилельс... достигшие вершин шахматного искусства Ласкер, Ботвинник, Таль... В ряду трагедий нашего века - шесть миллионов истребленных гитлеровцами евреев, и среди них - Януш Корчак и Анна Франк, вознесшиеся на вершину великомученичества, гордость и боль еврейского народа. На долю еврейского народа будто выпало искупить своими страданиями грехи человечества перед Богом. И вот самый печальный парадокс, постоянно ищущая, динамичная еврейская мысль совершает новый шаг вперед в сфере духовной жизни общественного сознания, поднимаясь на новую ступень; поначалу эту новизну встречают в штыки, затем, по утверждению ее, постулаты, механизмы, идеология этих новосозданных систем обращаются против самих же евреев.

Христианство создали евреи, - и следствием явилось то, что и сам Иисус Христос, и его первые последователи подверглись мучениям и казни. После официального принятия и утверждения христианства, в первую очередь, оно было обращено против евреев. Основы революционно-коммунистического учения заложил еврей Маркс и во всесвет-

Мемориальная доска: Азербайджанский педагог М.Т.Сидги и Я.Корчак со своими учениками.
Скульптор Омар Эльдаров

У музея Холокоста в Иерусалиме. Слева Гюнель Анаргызы, Назим Ибрагимов, Азер Мустафазаде, Фикрет Годжа, Анар, Эльчин Гусенбейли в сопровождении израильских гидов

ном распространении марксизма во времена его родоначальника и в XX веке особую роль сыграли евреи. Но Сталин обратил и эту идеологию против еврейства.

При всем при том, формации, которые явно или завуалировано возводили антисемитизм в ранг официальной государственной политики, ничего не выгадали от этого, напротив, потеряли многое. Если б в свое время бесноватый фюрер не изгнал из Германии самых блистательных ученых с ярлыком “еврейской физики”, то, может статься, третий рейх получил бы ядерное оружие раньше американцев, и судьбы мира сложились бы совершенно иначе. Благо, этого не произошло, и в этом самая большая “услуга” Гитлера человечеству, неведомая ему самому... Если Сталин не клеймил бы самых передовых творцов искусства, литературы, науки советского периода, инкриминируя им космополитизм, нигилизм, то Советский Союз не отстал бы настолько в кибернетике, генетике и других современных научно-технических отраслях. Многие открытия на пути развития человечества обошлись ценою еврейской крови.

После того, как я увидел музей Холокоста в Нью-Йорке, Бабий Яр в Киеве, маленькие туфельки загубленных в Освенциме еврейских детей, ознакомился с сотнями страшных свидетельств, фотоснимков, документов, книг, мне предстала бездна бедствий, об-

рушившихся на еврейский народ и в нашем “просвещенном” веке... И, убеждаясь в том, с каким внутренним достоинством, гордым самообладанием этот народ хранит память о пережитых бедах, в том числе о геноциде, ничего не забывая, но не ожесточаясь сердцем, не питая враждебности ни к какому народу, держа свою боль при себе, я проникся еще большей симпатией к нему.

В годы учебы на курсах сценаристов в Москве, ознакомившись со стенограммой тригикомического судилища над Иосифом Бродским, завершившегося его ссылкой, с голгофой, выпавшей на долю поэта, я был готов поклониться перед стоическим терпением этого народа.

На протяжении жизни мне довелось дружить со многими евреями. Владимир Портнов, переведший ряд моих произведений, - человек, всем существом своим привязанный к Баку, к Азербайджану. Хотя он сейчас, в силу сложившихся обстоятельств, живет в Израиле, тоска по Баку, ностальгия по этому городу и его людям, сейчас, быть может, самое сильное переживание моего старого друга.

Наряду с прекрасными поэтами Анатолием Найманом, Евгением Рейном и очень талантливым кинорежиссером покойным Ильей Авербахом, с которыми нас свели сценарные курсы, всегда с добрым чувством вспоминаю бакинца, а теперь москвича Юлиа Гусмана и композитора Леонида Вайнштейна, рано ушедшего из жизни.

С признательностью хочу отметить работу актеров театра Русской драмы Р.Гинзбург, Фальковича, Тумаркиной, Шаровского, создавших замечательные образы в спектаклях по моим пьесам “Лето в городе”, “Тахмина и Заур”.

Храню благодарную память о Раисе Леопольдовне Видгоп (Раевой), о Марке Исаевиче Пейзеле, первыми в Азербайджане поддержавших в печати мои дебютные телеспектакли и театральные постановки, высказывавших добрые слова обо мне.

В годы разнузданной кампании, проводившейся советской пропагандой, я с душевной болью написал о еврейских детях, уничтоженных фашистами в освенцимском лагере смерти. Готовя к печати мою статью в газете “Баку”, заместитель главного редактора Марк Пейзель хотел сократить эти строки об Освенциме “Знаете, - сказал он, - евреи в Баку всегда жили спокойно и комфортно, любые доброжелательные слова о евреях в нынешних условиях могут вызвать в официальных кругах обратную реакцию”. Мне удалось настоять на сохранении этого абзаца, однако Марк Исаевич добавил-таки одну фразу, укоряющую политику Израильского правительства.

Действительно, мы с гордостью можем констатировать, что евреи в Азербайджане никогда не подвергались притеснениям и преследованиям, они привнесли самобытный колорит в спектр бакинской жизни. Но, если взглянуть с другой стороны, нужно ли гордиться этим обстоятельством? Если мы считаем, что антисемитизм - один из мерзейших человеческих уродств, стоит ли с особой гордостью акцентировать отсутствие такого явления у нас? Да, это элементарный показатель человечности и совести. Но фактом является и то, что симптомы антисемитизма дают о себе знать в самых крупных и цивилизованных странах, скажем, во Франции, России, Польше. Я уже не говорю о гитлеровской Германии. Верно, можно возразить, что этот маразм нельзя всецело относить к немецкому, русскому, французскому, польскому или еще какому-либо народу, это - патология, которой может быть подвержена лишь определенная прослойка, сословие, группа. Это

так, но в Азербайджане никогда не было подобных сословий, прослоек, групп с антисемитским “комплексом”, и мы, естественно, вправе говорить об этом с чувством удовлетворения.

В чем же глубинные социальные и психологические корни, зачастую таящиеся не в сознании, а подсознании причины антисемитизма? По-моему, в страхе и опасении подверженных этой напасти людей перед здоровой конкуренцией. Если в какой-либо области человек еврейской национальности сумел превзойти тебя своим интеллектом, практицизмом, настойчивостью, терпением, трудолюбием, и ты ищешь причины своей неудачи не в себе, а в мнимой чрезвычайной изворотливости еврейского конкурента или в его причастности к некоему всесветному заговору, в кознях международного сионизма и прочих подобных бреднях, то отсюда и проистекает антисемитизм. Убежден, что если речь идет о здоровой конкуренции, честном соревновании, то в гуще каждого народа могут найтись люди, способные по интеллекту, таланту, целеустремленности, трудолюбию потягаться или шагать вместе, плечом к плечу с евреями.

Но те, кто, проигрывая во всех перечисленных качествах, спекулирует национальной принадлежностью как единственным достоинством и пытается оттеснить евреев именно за счет этого “козыря”, демонстрируют лишь только свою слабость.

Оглянемся хотя бы на историю бакинского общества. Заслуги евреев в Баку перед нашим народом во многих отраслях науки и просвещения, в особенности, на поприще медицины и музыки, неоспоримы. Я уж не говорю о том, что евреи-востоковеды и тюркологи внесли исключительно значимый вклад в исследование истории Востока и тюркских пародов. В Азербайджане возвращение национальных кадров как в области науки, медицины, так и в сфере музыки стояло в ряду важнейших задач. Конечно же, вести этот процесс путем оттеснения инородцев и бездумного насаждения национальных кадров независимо от их профессиональной состоятельности ничего, кроме вреда общему делу, не принесло бы. Могу привести в пример путь, выбранный великим Узеиром Гаджибековым, как образец мудрого и справедливого решения этой задачи. Известно, что азербайджанская музыка имеет очень древнюю историю. Наше мугамное искусство - богатая сокровищница, вес еще не раскрытая до конца; традиции мугама и ашугского творчества, профессионализм их творцов и знатоков могут быть расценены самыми высокими словами. Но когда XX век, по образному выражению Сабира, начал “разговаривать” нас, перед нами как назревшая необходимость стала задача приобщения к формам мировой музыки. Предстояло создать азербайджанскую оперу, балет, симфоническую, камерную и хоровую музыку европейского типа, выпестовать исполнителей на европейских инструментах, оркестр, дирижеров, музыкальных теоретиков. И Узеир Гаджибеков для достижения этих целей пригласил в Баку профессионалов - людей различных национальностей, среди которых преобладали евреи. Например, в классе Б.И.Зейдмана, не обладавшего столь уж ярким композиторским талантом, выросли такие корифеи нашей современной музыки, как Фикрет Амиров, Джахангир Джахангиров, Солтан Гаджибеков. И пришла пора, когда в Баку вернулись Кара Караев и Джовдет Гаджиев, прошедшие школу гениального Шостаковича в Московской консерватории, и стали преподавать в композиторском классе, сменив в этом качестве Зейдмана. Не потому, что Караев был местным кадром, а Зейдман - “пришлым”. Пото-

му, что Кара Караев и Джовдет Гаджиев не только как композиторы, но и как педагоги, были в состоянии вести занятия со студентами на качественно новом и более высоком музыкальном уровне.

Делясь с читателями этими мыслями, могущими показаться отступлением от темы, хочу подчеркнуть, что нам, прежде всего, есть много чему поучиться у евреев. Конечно, немало и того, чему они могли поучиться и перенять от нас, нашей ментальности. И, быть может, именно поэтому бакинские евреи, в разное время покинувшие Азербайджан, преимущественно по экономическим причинам, и ныне проживающие в США, Европе, России, Израиле, скучают и тоскуют по Баку. Никогда не забуду встречу с бакинскими евреями в городе Балтимор. В их глазах, в их словах сквозила такая ностальгия по Азербайджану, по Баку... Они тосковали по всему тому, что покинули навсегда - по памятным бакинским улицам, бакинскому ветру, терпкому запаху нефти, по воскресным концертам мугамов, по музыке нашей речи, по нашим яствам, по Новруз байраму, им не хватало старых друзей, с которыми они расстались навсегда.

В характере, нравственном чувстве, поведении азербайджанцев и евреев есть много близких, родственных черт. И, переводя рассказ “Горизонт”, я ощутил, сколь схожи строй чувств наших народов, а порой сколь созвучно индивидуальное осознание дисгармонии среды, наконец, чувство природы, земли... Бенъямин Таммуз смог тонко изобразить контраст между впечатлительной душой мальчика, глубоко чувствующего природу, способного улавливать и воспринимать тысячу ее нюансов, контраст между истинной неоглядностью горизонтов сущего мира с официальной школярской муштрой, с омертвелыми уставами школы, с узким “горизонтом” угрюмого учителя-педанта. Такой рассказ, покоряющий тонким выражением трепетных движений ранимой души, мог выйти и из-под пера какого-либо талантливого азербайджанского прозаика, и, будь изменены имена, частично - место действия и пейзаж, отнюдь не воспринимался бы азербайджанским читателем как иностранный. Наверное, в этом и заключается одна из особенностей настоящей литературы: картины и персонажи, взятые из жизни одного народа, представляются родными и другому народу. И я надеюсь, что вслед за рассказами израильских писателей, представленными нами азербайджанским читателям, однажды и произведения наших авторов станут достоянием израильской публики, и она воспримет прочитанное как нечто близкое и родное.

Грузия - праздник, который всегда со мной

(Предисловие к грузинскому изданию романа “Шестой этаж пятиэтажного дома”)

В моем давнем рассказе “Грузинская фамилия”, опубликованном в свое время в московской “Литературной газете” (почему-то под названием “Странная фамилия”), и впоследствии переведенном на грузинский язык Дмитрием Гулисашвили, есть такой пассаж: “...в мире много прекрасного: вечерний радио-хор и старинная народная песня “Кучелере су сепмишем”, московский май, мужская дружба, прохладные женские пальцы, Грузия”...

Впервые в Грузии я побывал в очень юные годы и с тех пор влюблен в эту благословенную землю, в ее удивительно красивый, яркий народ. Народ великой духовности, таланта, благородства, гостеприимства, артистизма. Народ с неистощимым чувством юмора.

Грузия для меня - эта богатейшая литература, от Шоты до Ильи, и дальше - до замечательных современных поэтов и писателей. Эти пленительные народные песни, традиции хорового пения, когда каждый из поющих четко и точно знает свой голос, свою музыкальную партию. Это - гениально-бесхитростное искусство Нико Пиросмани. Это - ярко зрелищный театр и неподражаемая культура театрализованных застолий, как рода художественного творчества. Это - изумительное кино от Шенгелая-отца, до Шенгелая-сыновей, и, естественно, дальше, до самых молодых режиссеров. Один из самых любимых моих фильмов “Необыкновенная выставка” Эльдара Шенгелая с финалом, трогаю-

Азербайджанская делегация на приеме у Президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе в Тбилиси

щим до слез, помните, осознав в конце концов, что не сможет никогда ничего настоящего создать из заветно хранимой глыбы мрамора, герой-скульптор дарит эту глыбу молодому коллеге. Тот восторженно восклицает в счастливом прыжке: “Я такое высеку из этого мрамора”. И застывает в стоп-кадре. Еще одна иллюзия. Ведь мы передаем следующему поколению не только свой опыт, уроки, порой очень горькие, своей судьбы. Но мы передаем ему, этому поколению, и свои неосуше-

На конференции солидарности по странам Азии и Африки в Тбилиси 1984 г. Слева Е.Примаков, Лейла Эрадзе, Анар

Председатель Союза писателей Грузии Маквала Гонашвили с Анаром и Аждаром Олом

Армена, страну прекрасных писателей и поэтов, с которыми познакомился и подружился чуть позже в Бакуриани и Тбилиси - страну Чабуа Амiredжиби, Нодара Думбадзе, Гурама Панджикидзе, Тамаза и Отара Чиладзе, Джансука Чарквиани, Арчила Цулакаури, страну представленную в Азербайджане руководителями грузинского посольства Гией Чантурия и Зурабом Гумбаридзе, тоже ставшими моими друзьями. Страну Лейли-ханум Эрадзе, тбилиски и

ствленные мечтания. И свои иллюзии. Без этого нет жизни, преемственности, движения. Иллюзии также вечны, как и невозможность не иметь их.

Люблю Грузию, люблю неповторимый колорит ее горных селений, орлиных гнездовий, где всегда угостят тебя свежим лавашем, овечьим сыром и хорошим натуральным вином. Люблю Тбилиси - один из самых праздничных, карнавалых городов мира. Люблю Грузию - страну моих друзей, с которыми познакомился в годы учебы в Москве, страну Натии, Эрлома, Амираана,

Председатель Парламена Грузии Зураб Жвания в Союзе писателей Азербайджана

В Тбилиси справа Амина Юсифгзы, Лейле Эрадзе

бакинки, неутомимого труженика на ниве литературного взаимообогащения наших народов, лауреата премии имени Расула Рзы, моего глубокоуважаемого друга во все периоды жизни. Грузия - страна, которой было отдано сердце еще одного друга моей молодости, увы, так рано и трагически погибшей Диляры-ханум Алиевой, такого же подвижника взаимосближения наших наро-

дов, как и ее подруга Лейла-ханум.

Если взглянуть на карту, Грузия слева от Азербайджана. Слева, где сердце. Все, что происходит в Грузии - радостное, и горестное, всегда откликается счастьем или болью в наших сердцах. Борис Пастернак - верный и надежный друг Грузии, писал:

*Ты куришься в дыму теорий
Страна вне сплетен и клевет
Как выход в свет,
и выход к морю,
и выход в Грузию из Млет.*

В Союзе писателей Азербайджана. Слева Идаят Оруджев, Анар, Зураб Жвания, кино-режиссер Лане Гогоберидзе

Мы, азербайджанцы, “выходим” в Грузию не из Млет, но для меня лично каждый “выход” в Грузию - это ощущение яркого солнечного дня, обилие света, красок, музыки, поэтичных, глубоких и веселых слов. Чувство праздника, который всегда со мной, как говорил еще один классик и которому, увы, не довелось побывать в Грузии. Случись такое, думаю, он переадресовал бы слова с Парижа на Тбилиси. Впрочем, возможно, я чуть загнул. Но, поверьте, это - искренне, это от высокого градуса моей любви к Грузии.

И от благодарности ко всем, в первую очередь к Лейле ханым, переводчице “Шестого этажа пятиэтажного дома”, кто донес мой роман до грузинского читателя.

*11 июня 1996 г. Баку (Опубликовано в газете
“Литератур свкартвелo” (“Литературная Грузия”),
11-18 октября 1996 г.*

Об Анаре, авторе трехтомника “Литература, Искусство, Культура Азербайджана”

Китайский философ, будучи в почтенном возрасте, с горечью констатировал: “Как медленно текут дни, и как быстро летят года”.

Вот и мне с трудом верится, что этого высокого, в тяжелых роговых темных очках, молчаливого и талантливого человека я знаю более 50 лет. Кажется, это было совсем недавно: “капустники” в консерватории, театральные премьеры, книжный пассаж, книжный магазин под музеем Низами, переписанный от руки запрещенный “самиздат”, джазовая музыка, записанная на рентгеновской пленке - все это и многое другое, чем жило наше поколение, поколение “шестидесятников”. Именно в 60-е мы получили ту “закваску”, те ориентиры, которые на протяжении всей дальнейшей жизни, словно компас, направляли нас в этом бурлящем, прекрасном и беспокойном Баку. Именно наше поколение, в принципе разночинцев, отличалось особым аристократизмом, как в интеллектуальном, так и в духовном аспекте.

Блистательные остроты, которые облетали Баку и становились афоризмами, удивительная честность в отношениях, плечо друга, который поможет - обязательно поможет - в трудную минуту, правдивость в оценках, искреннее восхищение успехами даже не друзей - просто умных и талантливых людей, романтическая вера в то, что все будет хорошо, щедрость, с которой делились мы, молодые, своими знаниями, без каких-либо амбиций черпали их у друзей. В шестидесятые годы Баку был удобным городом для жизни и творчества, и мы, шестидесятники, любили его и приумножали культурные ценности своего города, были донкихотами. Этими, да и не только этими, составляющими, которых так не хватает сегодня, был пропитан воздух Баку тех лет.

Мир стал завистливее, практичнее, циничнее, и добрых и искренних слов сейчас услышишь редко. Мало кто - наверное, только выходцы из тех лет - не изменяют кодексу 60-х. Один из ярких представителей этого поколения, "шестидесятник" Булат Окуджава так просил о доброте: "Давайте говорить друг другу комплименты. Ведь это все любви прекрасные моменты".

Возвращаясь к своей юности, я вспоминаю Анара с сумкой через плечо, с которой он никогда не расставался, (сейчас такая модель очень популярна среди молодежи, а тогда она была в диковинку) и всегда, встречая его, думал, а что он в ней носит? Наверное, носил необходимое... Сейчас, работая над этой статьей, я вспомнил эту сумку, и я понял, что она была своеобразной копилкой памяти Анара, которая позже возвращает все, что он в ней накопил, отсюда он черпает темы, сюжеты. А душевное накопление, по утверждению самого Анара, важнее жизненного опыта и эрудиции. И сейчас я думаю: если бы Анару судьба подарила мудрость, перо, знания и прочее и сказала: "Это только твое - не делись ни с кем", - он бы отказался. Как он мне однажды признался: "Любое благо не в радость, если это благо дано только тебе".

Не хотел бы анализировать его человеческие качества, но без этого не обойтись. У Анара уникальное отношение к Слову (нет, не писательскому - об этом я скажу чуть позже) - к мужскому. Он всегда выполняет данное им обещание.

Я знаю, знаю точно, как ему не просто появляться в городе. Люди, интуитивно чувствуя его доброту и порядочность, обращаются к нему с просьбами и вопросами совершенно разными по тематике: от решения карабахского конфликта до бытовых передрыг. И, как правило, он помогает всем, понятно, когда это в его силах, держит данное им слово, ибо если человек не хозяин своего слова, то он не хозяин самому себе.

Обращаются к нему вовсе не потому, что эта колоритная личность публичен и достаточно часто присутствует на экранах ТВ, особенно в его бытность депутатом Милли Меджлиса. Нет, он не политик, хотя литература, так же как и любой вид искусства, является политикой. Обращаются потому, что он внушает доверие даже незнакомым людям - такую энергетику излучает он.

Как только начался карабахский конфликт, он выступил в ЦК, сказав, что надо срочно поднять вопрос об автономии азербайджанцев в Армении - это был 1988 год. Он говорил, что это наш паритет, что азербайджанцев, живущих в Армении больше, чем в Карабахе армян. Его, увы, не поняли. Позже он говорил, что первые тысячи человек, изгнанных из Армении, надо поселить в Карабахе, это приостановит армян, поскольку демографическая ситуация кардинально изменится. И вновь, увы, увы...

А вообще-то в политику он был вовлечен именно в связи с карабахскими событиями. Они тогда начались с печально известного заявления академика Аганбеяна в Париже о передаче Нагорного Карабаха Армении. И первые ноты протеста поступили именно от Союза писателей Азербайджана. Именно Анар тогда написал письмо Горбачеву. Это письмо подписала большая часть интеллигенции республики в те годы, когда коммунистическая партия стремительно теряла власть и авторитет. Наш Союз писателей, возглавляемый Анаром, был практически единственной организацией, выступающей во имя общественно-политических интересов азербайджанского народа. В Москве - в труднейших условиях, среди непонимающей, равнодушной, а зачастую и враждебно настро-

енной аудитории, Анар и все азербайджанские депутаты делали все возможное, чтобы донести правду до мировой общественности.

Позже, уже будучи депутатом Милли Меджлиса (1995-2005 гг.), Анар занимался вопросами культуры. Комиссия, которую он возглавлял в течение десяти лет, подготовила 12 важных законов, которые были приняты Парламентом.

А сколько лет он настаивал на создании Музея шехидов на Шехидляр хийябаны, в здании бывшего ресторана “Дружба”, а позже института “Дружбы народов”. Анар говорил не только о людях, переживших нынешнюю карабахскую войну, Ходжалинскую трагедию и Черный январь. Анар упоминал и 1905 год, и 18-й, и 87-й - все, что перенес наш народ в страшные годы лихолетья, было бы собрано там. Память - это святое для каждого народа, для каждого человека. Без знания прошлого нет сегодняшнего дня, нет и завтрашнего, нет будущего. И когда мы с Анаром в ноябре 2011 года посетили в Израиле музей “Холокост”, я еще раз убедился, насколько он был тогда прав.

Говорят, Анар “мальчик, родившийся с серебряной ложкой во рту”. Но положи руку на сердце, скажите, сколько таких “мальчиков” и кто из них может подписаться коротким именем из четырех букв, которые знают так многие в мире.

Я считаю, что это очень здорово - быть сыном таких родителей, как Расул Рза и Нигяр Рафибейли - ведь он наследовал от них гены, характер, именно родители дали ему образование, воспитание, устои. А это дорогого стоит. С одной стороны.

А с другой... Буду честен. Расул Рза имел, как каждый, наверное, талант, довольно непростой характер и непростую судьбу. И, конечно же, имел завистников, клеветников и просто - к сожалению, в своем окружении - булгаковских швондеров! И Анару, увы, досталось это наследство в полной мере: и друзья семьи, и ее недруги. Те, кто не любил (или просто завидовал) его отцу, его матери, автоматически перенесли эти чувства на Анара. Да есть которые не любят и которые завидуют, и те, которые сплетни плетут, но есть и те, которые любят его. Ну и что? Вспоминаю арабскую пословицу “Собаки лают, караван идет”.

А “караван” действительно идет. И караван имеет свое имя: “Анар”, который вот уже двадцать пять лет во главе Союза писателей Азербайджана.

В кабинете у Анара, который выслушивает всех, пытаюсь в каждом из посетителей - я тому свидетель - разбудить что-то доброе, позитивное. И это - подтверждение высокой и глубочайшей его интеллигентности.

Марк Захаров очень точно заметил: “Притвориться можно кем угодно, но только не интеллигентным человеком”. Да “интеллигент” - это, по моему мнению, сегодня самое почетное и очень редкое у нас звание. Можно получать государственные звания и ордена, накопить много денег, купить недвижимость, и... что? Интеллигентами от этого не становятся. Нувориши так и останутся нуворишами, которые любят себя сами собой...

Анар - истинный интеллигент - сохраняет свое лицо (как в прямом, так и в переносном смысле) при всех обстоятельствах, никогда не озлоблялся, никогда не впадал в агрессию, никогда не обещал того, чего не может реализовать.

И здесь я не могу не вспомнить наставления Сенеки: “Уходи в себя насколько можешь, проводи время только с теми, кто сделает тебя лучше, допускай к себе только тех, кого ты сам можешь сделать лучше”.

С самого детства он дружил с Эмином Сабитоглу, Аразом Дадаш-заде, Юсифом Самедоглу, Вагифом Самедоглу. Троих нет, лишь один Вагиф, с которым он часто много беседует. Поколение, с которым начиналась его жизнь, почти ушло, а с новыми находить общий язык труднее. Он очень нежно относился к родителям, и так же нежно относился к своим детям. И у меня всегда такое ощущение, что его дети на каком-то генетическом уровне причастны к таланту этого уникального рода, это, что называется, “зов крови”. Они были выращены на семейных традициях, на добропорядочных отношениях. Особо хотелось бы отметить роль супруги Анара, видного ученого Зремфиры ханум в его жизни и как хранительницы домашнего очага, и прекрасной подруги, и как жены, и как матери. Она уже стала даже многовнучатой бабушкой. Сейчас сын Анара Турал - посол Азербайджана в Кувейте, а дочь Гюнель - талантливый прозаик, которая, я уверен, займет свое достойное место в литературе.

Мне хорошо знакомы анаровские переводы Пастернака, Есенина, Маяковского, Блока, Евтушенко, Вознесенского... Да, разве можно-перечислить всех литераторов, произведения которых Анар донес до азербайджанского читателя. Это - его переводы. А сколько оригинальных произведений вышло из-под его пера! На эту тему написано не одно исследование, не одна монография, не одна диссертация. Его творчество востребовано не только в Азербайджане, не только в странах СНГ, но и в Австрии, Франции, Японии, Финляндии, на Кубе, Иране, Швейцарии, Индии, арабских странах, США, Канаде, Турции... - можно перечислить многие страны, жителей которых интересует творчество Анара. Это и понятно - перу Анара принадлежит ряд интереснейших и глубоко философских произведений, затрагивающих проблемы современности. В каждой своей книге он раскрывает внутренний мир своих героев, показывает, с какими трудностями им приходится сталкиваться, как традиционные понятия и менталитет влияют на судьбы людей.

Я не буду перечислять все его произведения - об этом напишу чуть ниже. Хочу особо отметить последние его работы в документальном, если это можно так назвать, жанре. Ему, по моему мнению, хотелось поделиться с читателем всем, что накопилось в течение долгих лет жизни, тем, что он носил в своей “знаменитой” сумке, которую он носил через плечо. Но в этой “знаменитой” сумке, которую он сохранил до сих пор, для друзей, иногда он находил бутылку дефицитного в то время чешского пива.

А если серьезно - это и прочитанное, и встречи, и поездки за границу, и в районы и села Азербайджана. Причем, он пишет обо всем этом очень удивительно правдиво, удивительно честно и все это в трехтомнике ЛИКа - “Литература, искусство и культура Азербайджана”.

В первый том вошли эссе разных лет (начиная с VII века нашей эры), посвященные классикам и современникам азербайджанской словесности. Во второй том - эссе, посвященные азербайджанским музыкантам, художникам, скульпторам, деятелям театра и кино. Третий том... А он у вас, читающим эти строки, - на столе. Так что об его содержании говорить не буду. В целом трехтомник ЛИК Азербайджана вбирает в себя основные вехи с эпохи “Деде Коркуда” до наших дней.

Он писал этот трехтомник для нас, для наших детей, внуков, чтобы они помнили историческую культуру своей родины, своего отечества, чтобы имена, включенные в этот трехтомник, были теми маяками, которых надо знать, на которых надо равняться.

...Мне запомнились несколько цитат из “Ночных мыслей” Анара. Прочитайте их - это хороший повод задуматься о нашем бытии.

...Опасайтесь людей, которые рвутся нести ваши чемоданы. Они никогда не простят вам своей услужливости, и когда-нибудь отомстят вам за свое добровольное холуйство.

...Сердце и ум не бывают ровесниками...

...Прав был Пушкин, гений не может быть злодеем. Талант - его алиби.

...Талант - это одиночество... Абсолютный талант - это абсолютное одиночество.

...Возвращаясь к началу своей статьи - к “шестидесятникам”, искренним, правдивым, откровенным, причисленных к Орденоу чистых людей. И чтобы не лгать ни себе, ни вам, дорогие читатели, не могу не сказать о тех слухах, гнусности и подметных письмах, которые касаются Анара.

Увы, зависть и до сих пор царствует на свете. И по этому поводу не могу не процитировать того же “шестидесятника” Андрея Вознесенского. “Вы не простите никогда, что вы бездарны и убоги”.

Сказано резко, но как четко и верно!

Анар, как истинный интеллигент, подавляет в себе возмущение, “сохраняет свое лицо”.

Он никогда не показывает свое негодование, сдерживая эмоции в себе, считая, что давать им выход - это ниже его достоинства. И мне пришлось на ум - может быть большую часть своей жизни он и прожил в СЕБЕ, как проживали ее многие писатели, философы, мудрецы...

Что ж, не будем спорить с историей - невежество, хамство, зависть присутствовали всегда. Человеческая натура, по утверждению такого же “шестидесятника” Георгия Даниеля, не меняется.

Меня могут обвинить в восхвалении Анара. Что ж, моим адвокатом станет Окуджава: “Давайте говорить друг другу комплименты”... Тем более что все сказанное выше - это правда. И мое уважение ни смотря ни на что, к его личности и таланту абсолютно искренне.

Зная Анара более 50 лет и будучи старше него я позволил себе так просто и свободно написать о нем некоторые свои соображения и еще раз подтвердить ничем не омраченную за многие годы нашу дружбу.

Но зная многое о нем, мне все же хотелось рассказать читателю хронологически о пройденном им пути за 75 лет его жизни и более 60 лет творческой деятельности.

Для этого я использовал прекрасный библиографический материал, скрупулезно собранный Э.Эфендиевым и З.Алиевой, который прекрасно отражает страницы жизни и творчества Анара и это дает возможность читателю еще ближе узнать этого неутомимого труженика и глубокого знатока азербайджанской литературы.

Анар (Рзаев Анар Расул оглы) - прозаик, драматург, сценарист, родился 14 марта 1938-го года в Баку, в семье писателей. Отец - Расул Рза, Народный поэт Азербайджана, мать - Нигяр Рафибейли, Народный поэт Азербайджана.

После окончания музыкальной школы-десятилетки Анар в 1955-ом году поступил на филологический факультет Азербайджанского Государственного университета, который окончил в 1960-ом году. Окончил Высшие Сценарные Курсы (1962-1964) и Режиссерскую мастерскую (1970-1972) в Москве. Работал младшим научным сотрудником в музее литературы имени Низами (1960-1961), редактором в Комитете по радиовещанию и телевидению Азербайджана (1961-1962), старшим редактором в том же

Комитете (1964-1967). В течении 19 лет - с 1968-го по 1987 -ой год был главным редактором основанного им самим альманаха искусств "Гобустан". Избирался депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР (1987-1989), Народным депутатом, Членом Совета Союза Верховного Совета СССР (1989-1991), Милли Меджлиса Азербайджанской республики (1995-2000, 2000-2005). Был Председателем постоянной Комиссии по культуре Милли Меджлиса и парламентской рабочей группы Азербайджан-Турция. Избирался членом ЦК КП Азербайджана.

В 1964-ом году стал членом Союза писателей. Член Союза журналистов, Союза кинематографистов, Союза театральных деятелей, является одним из секретарей Союза кинематографистов Азербайджана.

С 18 июня 1987-го года по сей день руководитель Союза писателей Азербайджана.

Избирался членом Правления и Секретарем Союза писателей СССР, Председателем Азербайджанского Комитета Солидарности со странами Азии и Африки, одним из заместителей Советского Комитета Солидарности со странами Азии и Африки, является Председателем Общества дружбы Азербайджана с Турцией, был членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР. Один из заместителей Главного редактора Азербайджанской Энциклопедии.

Избирался первым Председателем Платформы Диалог Евразии в Стамбуле, занимал эту должность в течении двух сроков. В настоящее время Почетный Председатель этой платформы. Был избран также председателем международного писательского форума "Слово без границ".

В составе в основном официальных делегаций, в побывал в 48 странах Европы, Азии, Африки и Америки, во всех союзных республиках СССР (кроме Молдавии). В 1993-ем году преподавал азербайджанскую литературу в Университете Мемар Синан в Стамбуле.

Литературную деятельность начал очень рано, написав пьесу в четырнадцать лет. В декабре 1960-го года в журнале "Азербайджан" были опубликованы два рассказа "Последняя ночь уходящего года", и в "Ожидании праздника". В 1963-ем году вышла первая книга "В ожидание праздника" в Баку. В последующие пятьдесят с лишним лет в Азербайджане, Москве, Турции, Иране, во всех республиках бывшего СССР, в ряде западных и восточных стран, в периодической печати и отдельными книгами выходили романы, повести, рассказы, статьи и эссе писателя, его драматические произведения. В Баку на азербайджанском и русском языках вышло более 50 книг Анара, в том числе шесть томов избранных сочинений на азербайджанском, пять томов избранных сочинений на русском языках.

Произведения переведены на 32 языка. Отдельные книги изданы в Москве (в том числе в популярных сериях "Библиотеке "Огонька", "Библиотеке "Дружбы народов") и пяти республиках СССР, в 11 зарубежных странах, в Турции, в Москве, в Иране, в Венгрии, Узбекистане, Эстонии, Польше, Болгарии, Румынии, в ФРГ, ГДР, Швейцарии, Швеции, на Кубе, в Казахстане, Таджикистане, Грузии. Две книги изданы в Баку на английском языке. Готовятся в печати двухтомник Анара в США.

Рассказ "Последняя ночь уходящего года" - знаком русским, турецким, немецким, французским, английским, испанским, польским, венгерским, эстонским, белорусским, таджикским, татарским читателям, его читают на фарси и на бенгальском языке. Рассказ "Я,

ты, он и телефон” читают на родном языке поляки и венгры, англичане и французы, немцы, испанцы, финны, японцы, поляки, чехи, персы, арабы, украинцы, таджики, казахи, туркмены. Этот рассказ был издан в США (в нью-йоркском журнале “Нью уорлд ревью”) и в Канаде. Еще раньше появился русский перевод, опубликованный в Москве, в “Неделе”.

Роман “Шестой этаж пятиэтажного дома” переведен на русский, немецкий, болгарский, чешский, словацкий, венгерский, эстонский, узбекский языки, дважды издавался в Москве большими тиражами, три раза в Турции, а также в ГДР, ФРГ, в Швейцарии. Повесть “Белый лиман” печатался в журнале “Дружба народов”, издавался в журнале “Литература на свече” и отдельной книгой в Польше, выходил в Москве, Венгрии, Болгарии, Эстонии, Турции, Казахстане, Узбекистане. Повесть “Контакт”, опубликованный в журнале “Дружба народов”, был издан отдельными книгами в Москве, в Турции, Венгрии, Эстонии, опубликован в парижском журнале “Анка”, в альманахах в ГДР и Чехословакии. “Юбилей Данте” печатался в Москве, Венгрии, Эстонии, Таджикистане. Повесть “Белый овен, черный овен” публиковался в журнале “Дружба народов”, вышел в книге “Наваждение” в Москве, в Турции - отдельной книгой и с продолжением в нескольких номерах газеты “Орта Догу”, отдельными книгами в Румынии (на румынском и албанском языках). Он вышел и на английском и казахском языках. Рассказ “Красный лимузин” опубликован в журнале “Дружба народов”, в Турции, США, Польше, Австрии, на Украине, Литве... “Деде Горгуд” издавался отдельными книгами в Москве (трижды, большими тиражами), в Турции, Иране (на азербайджанском языке арабской графикой и на фарси), в Казахстане, в Швеции...

Следует сказать, что ни один из представителей азербайджанской литературы на родном языке не издавался столь широко и часто в мировом масштабе”.

В Москве статьи, эссе, рассказы Анара помимо “Дружбы народов” публиковались в журналах “Новый мир”, “Советская литература” (на иностранных языках), “Вопросы литературы”, “Литературное обозрение”, “Литературная учеба”, “Советская музыка”, “Музыкальная академия”, в газетах “Правда”, “Литературная газета”, “Советская культура”, “Комсомольская правда”, “Литературная Россия” и др. В журнале “Театр”, помимо отдельных статей Анара, была напечатана его пьеса “Цепочка” удостоенная премии на всесоюзном конкурсе комедий, в журнале “Современная драматургия” была опубликована пьеса “Уйди из моих снов” (“Тахмина и Заур”).

Пьесы Анара поставлены во всех театрах Азербайджана (пять из них в Академическом Национальном театре драмы, два в русском драматическом театре, два в театре юного зрителя), а также в Москве (в театре Миниатюр Р. Рудина), в Турции (в муниципальном театре Стамбула), в Польше, Болгарии, Молдавии, Татарстане, Кыргызстане, Туркменистане, Армении, в Дербенте. По мотивам пьесы “Цепочка” узбекский композитор Э.Калантаров создал музыкальную комедию, которая успешно ставилась в Государственном театре имени Мукими в Ташкенте. На либретто Анара композитор Васиф Адыгезалов написал сценическое произведение, которая была поставлена в театре Музыкальной комедии. Анар - автор либретто удостоенного Государственной премии Азербайджана одноактного балета Фикрета Амирова “Сказание о Насими”. Рассказы “Последняя ночь уходящего года”, “Я, ты, он и телефон”, пьеса “Сны пустыни” были показаны по Первой программе Центрального телевидения Москвы.

По сценариям Анара поставлены 12 полнометражных художественных фильмов (пять из них двухсерийные, в том числе первый азербайджанский двухсерийный фильм “Свет погасших костров” (“Деде Горгуд”)) на киностудии “Азербайджанфильм”, более десяти телевизионных и документальных картин. По мотивам рассказа “Я, ты, он и телефон” на киностудии “Мосфильм” была снята картина “Каждый вечер в одиннадцать”. Два художественных фильма по произведениям Анара были сняты в Турции (по мотивам повести “Юбилей Данте” и рассказа “Я, ты, он и телефон”). В качестве режиссера Анар поставил три художественных фильма по собственным сценариям: “Юбилей Данте” (совместно с Гюльбенлиз Азимзаде), две двухсерийные картины (“Узеир Гаджибеков. “Аккорды долгой жизни” и “Окно печали” - самостоятельно). Анару посвящены два телевизионных фильма, снятые в разное время режиссером Рамизом Гасаноглы.

За пьесу “Лето в городе”, поставленную Тофиком Кязымовым в Аздраме, Анар в 1980-ом году был удостоен Государственной премии Азербайджана. Он удостоен также звания Заслуженного деятеля искусств (в 1976-ом году) и Народного писателя (в 1998-ом году). Ему первому среди прозаиков Азербайджана был вручен высший орден страны “Истиглал” (в 1988-ом году). Также первым среди писателей он получил премию имени Гейдара Алиева (в 2012-ом году). Анар удостоен трех высоких премий трех различных авторитетных общественных организаций Турции и премии Союза балканских писателей, наград Украины и Казахстана. В 2012 году ему была присуждена Премия Министерства культуры и туризма Азербайджана, в том же году в Турции Анар был объявлен “Человеком года тюркского мира”. В 2013 году награжден орденом “Шараф”.

Супруга Анара Сафарова Земфира Юсиф гызы, музыковед, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Национальной Академии Наук Азербайджана, Заслуженный деятель искусств.. Сын Турал Рзаев - Чрезвычайный и полномочный посол Азербайджана в Кувейте. Дочь Анара Гюнель Рзаева (Гюнель Анаргызы), известный писатель, основатель и главный редактор журналов “Эль”, “Пенджере”, “Олкем”...

У Анара четыре внука.

Творчеству Анара посвящены около двадцати книг, изданных в Баку и в Турции, в том числе книга московского критика Людмилы Лавровой и турецкой исследовательницы Айше Атай. Книга бесед Натаван Фаиг с Анаром вышла в Баку и Румынии.

Сотни статей и рецензий, посвященных его произведениям вышли в Азербайджане, России (Москве и Ленинграде), в Турции, Иране, в западных странах, в арабских странах и в странах СНГ.

Некоторые из высказываний об Анаре приводятся в переводе на русский язык из книги Л.Лавровой “Знакомый незнакомец”.

Заканчивая свою статью об авторе ЛИКА - Анаре хотел бы, чтобы читатель знал, что за годы моей долгой жизни у меня были хорошие друзья. Многих из них уже нет в живых, некоторые не вынесли долгой дружбы, а некоторые оказались не теми и поэтому к моим годам их осталось очень мало. Я очень рад, что во главе их - Анар. Да, мы оба уберегли и сохранили эту ценность, потому что он - это Анар, потому что я

Назим ИБРАГИМОВ

*Первый секретарь
ЦК КП Азербайджана
Гейдар Алиев
вручает Анару
Государственную
премию Азербайджана*

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
О НАГРАЖДЕНИИ А.Р.РЗАЕВА ОРДЕНОМ “ИСТИГЛАЛ”.

За большие заслуги в развитии азербайджанской литературы наградить Анара Расул оглы Рзаева орденом “Истиггал”.

ГЕЙДАР АЛИЕВ
Президент Азербайджанской Республики,
г. Баку, 13 марта 1998 г.

Президент Азербайджана Гейдар Алиев вручает Анару орден Истиггал

ПИСАТЕЛЮ АНАРУ

Уважаемый Анар!

Сердечно поздравляю Вас - известного писателя, драматурга и общественного деятеля нашего народа в связи с 60-летним юбилеем.

Вы являетесь одним из видных представителей поколения писателей, принесших в 60-х годах в нашу литературу новое дыхание. Ваши произведения, на высоком художественном уровне отображающие богатый духовный мир, заботы и проблемы наших современников, всегда были в центре внимания любителей литературы. Ваше многогранное творчество, составляющее органическое единство общечеловеческого с чисто национальным, послужило развитию национального самосознания в нашем обществе и тому, что наш народ узнали во многих странах.

Ваши пьесы, воспевающие идеалы чистоты, в частности пьеса “Лето в городе”, наряду со своей художественной ценностью привлекла внимание нашего общества ко многим моральным проблемам.

Именно Ваше творчество сделало для современников более родными и дорогими героев древнего эпоса “Деде Горгуд”, являющегося символом гордости, чести и достоинства. Необходимо особо отметить и Ваши усилия, приложенные к тому, чтобы этот эпос занял исключительное место в воспитании молодого поколения.

Заслуживает внимание и Ваша деятельность, давшая новую жизнь на нашей сцене и журналистике традициям “Молла Насреддина”, национальным урокам мудрого Мирзы Джалила. Темы Узеира бея, найдя свое успешное отображение в Ваших произведениях, еще раз подчеркнули необходимость осознания по-новому нашего исторического прошлого. Созданный по Вашей инициативе сборник “Гобустан”, став глашатаем идей азербайджанства, сыграл большую роль в формировании национальных, морально-нравственных устремлений и ощущений целого поколения.

Происходящие в стране и обществе изменения принесли писателю Анару также славу публициста и исследователя. Ваша общественная деятельность - наглядный пример реализации мыслей и идей, содержащихся в Ваших художественных произведениях.

В Ваш юбилейный день с чувством большой благодарности вспоминаю наших любимых поэтов Нигяр Рафибейли и Расула Рзу, которые заняли видное место и имели большие заслуги в истории азербайджанской литературы и испытываю чувство удовлетворения от того, что Вы являетесь достойным сыном этой семьи.

Надеюсь, что Вы и впредь не пожалеете своего богатого опыта и умения на пути развития независимой Азербайджанской республики.

Желаю Вам долгих лет жизни, здоровья и новых творческих успехов.

ГЕЙДАР АЛИЕВ

Президент Азербайджанской Республики.

г. Баку, 13 марта 1998 г.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА,
НАРОДНОМУ ПИСАТЕЛЮ АНАРУ**

Уважаемый Председатель! Сердечно поздравляю Вас, видного представителя современной азербайджанской литературы, с юбилеем 70-летия, желаю вам долгой жизни и новых успехов в Вашей работе.

Своими произведениями, созданными в различных жанрах и посвященных судьбоносным проблемам, Вы внесли достойный вклад в развитие литературного процесса в нашей республике. Ваше творчество, отличающееся жизненностью, естественностью, красочностью языка и разнообразием стиля, сыграло значительную роль в формировании художественно-эстетического вкуса современного азербайджанского читателя.

Вы - мастер пера, отличающийся многогранностью деятельности. Зрители всегда с большим интересом встречали Ваши произведения для театра и кино. Художественные фильмы, снятые по Вашим сценариям и поставленные Вами, принесли Вам известность как профессиональному деятелю кино. Ваши литературно-критические и научно публицистические статьи, эссе, опирающиеся на идеологию азербайджанства, являются продуктом Вашего таланта прозаика и публициста. В этих текстах нашло свое исчерпывающее отражение исследовательское отношение к ценным памятникам нашей национальной культуры, ко многим личностям и событиям в истории нашей классической и современной литературной мысли.

Ваша работа как общественно-политического деятеля также была широкой и всеобъемлющей. А ваша многолетняя работа на ответственной посту Председателя Союза писателей Азербайджана свидетельствует о Ваших больших организаторских способностях.

Уверен, что, как мастер слова, переживающий самый зрелый период своего творчества, Вы и впредь будете прилагать усилия во имя обогащения нашей литературы.

С наилучшими пожеланиями

ИЛЬХАМ АЛИЕВ
Президент Азербайджанской Республики
г. Баку, 13 марта, 2008 г.

Президент Азербайджана Ильхам Алиев вручает Анару премию имени Гейдара Алиева. 2011 г.

Мой Анар!

Мой дорогой сынок, брат мой, моя надежда, верная опора, мой достойный товарищ Анар, детка, ну почему ты так беспокоишься? Разве ты не знаешь, что твой отец с первых дней вступления в литературу прошел через всевозможные преграды, суровые жизненные испытания годов, дней? Почему ты сомневаешься в моей силе, воле, терпении и упорстве, почему волнуешься? Разве выбирая свой жизненный и литературный путь, я мало подвергался укусам литературной и нелитературной мошкары, мало слышал ее писка? Мой Анар! В последнее время я пишу юмористические стихи. Разве это не показатель моего отношения ко всем этим нападкам. Сынок! Если человек способен понимать, его не могут поколебать никакие лишения, никакие трудности, удары судьбы. Я счастлив, что способен понимать. Если бы я не знал, почему так поступают литературные сплетники, не знал, что вызывает их гнев, не понимал, что собирает в одну свору противников сегодняшнего обновления нашей литературы, в особенности, появление новых голосов, с каждым днем все громче раздающихся в азербайджанской поэзии, возможно, я расстроился бы, упал бы духом. Но так как я осознаю истинную причину этих событий (если их вообще можно назвать событиями) то больше, чем когда-либо чувствую в себе силы для будущих творческих битв. Пишу новые стихи. Ты знаешь, для того, чтобы выиграть бой, мы должны быть достойны победы втройне...

Сынок, самое большое достоинство человека в том, что при всех этих зноев, холодов, света, тьмы, он прошел бы свой путь как Человек. Возможно, литературная мошкара, прочитав эти слова, скривит губы: "Опять абстрактный человек" - запищат они. Пускай. Разве не лучше быть абстрактным человеком, чем конкретным скотом.

РАСУЛ РЗА.

Из письма Анару в Москву в 1963-ом году

* * *

Мой Анар! Я поздравлю тебя с днем рождения, прижимаю к груди, крепко-крепко целую. 26 лет тому назад тебя не было, я чувствовала себя одинокой и беспомощной. Потом на свет появился ты, внес в мою жизнь столько невообразимой радости, надежды и смысла. Спасибо мой друг и товарищ. Очень по тебе скучаю. По сравнению с прошлыми годами, у меня в этом году с сердцем неплохо. Пока чувствую себя хорошо. Мой Анар! У каждого на свете есть свои увлечения, моим увлечением с самых юных лет, была работа. Я с очень малых лет привыкла трудиться и теперь не могу оставаться без работы. Большая часть моей жизни прошла за письменным столом; писала, переводила или читала толстые книги. После того, как мне изменило безжалостное сердце, я большее время провожу на кухне, за плитой. Была бы счастлива, если бы умерла у плиты или за корытом с бельем, или за письменным столом. Я даром хлеб не ела. Если эти слова покажутся тебе излишними, прости.

Твоя мама Нигяр (Н.РАФИБЕЙЛИ)

10 марта, 1964 года, письмо написано в Москву.

Анар с родителями Расулом Рзой и Нигяр Рафибейли

Высказывания об Анаре

АЗЕРБАЙДЖАН

Рассказы Анара в течении короткого времени привлекли внимание читателей не только в Советском Союзе, но и за его рубежами. Когда думаешь о причинах этого интереса приходишь к выводу, что молодой талант вносит в литературу свежесть новизны. Очень сильно воздействие повести “Юбилей Данте”. В рассказе “Я, ты, он и телефон” незатейливый розыгрыш оборачивается сильным и впечатляющим событием, сказкой, легендой, затрагивает еще не зажившие раны человеческой души, пробуждает чистые чувства. Читатель не знакомый с Анаром не поверить, что он так молод. Потому что темы, которые он затрагивает, могут вылиться только из под пера человека с богатым жизненным опытом. Анар, пишущий о молодых, пишет и о пожилых людях, отцах, матерях, раскрывает характеры стариков. Как живо и естественно смог воссоздать автор в “Последней ночи уходящего года”, художественный образ Гамида-хала! Чуткое, влюбленное наблюдение за жизнью, серьезное и искреннее вдумывание в человеческие судьбы, как и подобает истинному гуманисту, - эти качества представляют Анара старше своего возраста. В этом отношении рассказ “Цепочка” - произведение совершенное по своему идейному содержанию и оригинальности формы. Рассказ отображает один из серьезных недостатков нашей жизни в художественном стиле, который можно смело назвать классическим...

МАМЕД АРИФ

*критик, литературовед,
Вице-президент Академии Наук Азербайджана.*

“Лето в городе” спектакль, который заставляет размышлять и взволноваться. Ясность авторской мысли нашла яркое сценическое воплощение от мизансцен до малейших нюансов, штрихов, интонаций в актерском исполнении.

Читатели знают Анара как автора ряда прекрасных рассказов и литературных статей. “Лето в город” - его дебют в театре и очень удачный, отрядный дебют... Эта пьеса - произведение таланта, пристально наблюдающего жизнь, имеющего собственную ясную гражданскую позицию по отношению к ней, сумевшего частное возвысить до типического, пропустив жизненный материал сквозь призму художественности...

...На наш взгляд “Тахмина и Заур” заметное литературное событие последних лет. Эта психологическая драма, которая захватывает зрителя буквально с первых же сцен, пробуждает в нем неподдельный интерес к происходящему, и это чувство не оставляет нас на протяжении всего спектакля.

Пьеса доказывает хорошее чувство сцены Анара, свидетельствует о совершенствовании его профессионального мастерства. В пьесе проявление таланта Анара, который прививает людям высокие моральные качества, воспитывает в них хороший вкус.

МИРЗА ИБРАГИМОВ

*Народный писатель, академик,
Лауреат Государственной премии СССР,
Герой социалистического труда.*

Анар правильно воспринял основную идею эпоса Деде Горгуд, тщательно ознакомился со всеми исследованиями, посвященными этому памятнику, и как талантливый писатель успешно решил задачу воплощения эпоса на киноэкране. Я считаю фильм “Деде Горгуд” большой удачей киностудии “Азербайджанфильм”. Уверен, что он будет встречен с большой любовью широкой зрительской аудиторией и за пределами нашей страны.

ГАМИД АРАСЛЫ

*академик, впервые издавший эпос
“Книгу моего Деда Горгуда” в Азербайджане.*

Анар пишет сочные, интересные рассказы, С интересом я прочел юмористическо-сатирические рассказы Анара, собранные под заглавием “Молла Насреддин-66” и проблематикой связанные друг с другом. Юмор более всего ощутим в рассказе “Цепочка”, написанном в причудливой форме, напоминающей народные сказки. Анар мастерски использует этот ход. Путь юмориста, сатирика - тернистый путь. Опасный путь. Но труд его благороден и добр. Желая Анару, вступившему на эту трудную стезю, успехов.

САБИТ РАХМАН,
комедиограф.

Одно из хороших качеств Анара как писателя то, что он досконально изучает тему, за которую берется, ведет поиски, как исследователь, и, только усвоив все это, приступает к письму.

Это можно видеть на примере таких научно-публицистических, эссеобразных работ, как “Большое бремя - понимать” и “Мир Деде Горгуда”. Мне кажется, что “Мир Деде Горгуда” - произведение, написанное с учетом всех научных изысканий о Деде Горгуде”, с отмежеванием от их закрепощающих колодок, на основе самостоятельных умозаключений, - произведение столь же эмоциональное, сколь и научное.

ИСМАИЛ ШИХЛЫ,
Народный писатель Азербайджана.

Герои Анара будто видят жизнь в кривом зеркале. Мир героев повести “Белый лиман” состоит всецело из деформаций и галлюцинаций. Их жизнь протекает между сном и реальным существованием. Во сне они видят длинные очереди, полосатую одежду и полосатые шлагбаумы. А в жизни Мамед Насир постоянно пьян, в учреждении он играет в нарды с самим собой. Сафдар днем находится в мире цифровых галлюцинаций, а ночью, в своей квартире, набрав номер своего собственного телефона, пытается беседовать с самим собой. История с магнитофоном - намек на бессмысленность, абсурдность жизни. Все герои Анара, включая артистов (“Юбилей Данте”), разговаривают на грубом жаргоне, автор вульгаризирует самые обычные слова.

СЕЙФУЛЛА АСАДУЛЛАЕВ
*доктор филологических наук,
профессор Азербайджанского
Государственного университета.*

У Анара особое место, особый почерк в поколении, пришедшим в литературу в шестидесятые годы. Я, можно сказать, читал все его произведения. Меня больше всего в писателе Анаре привлекает психологизм его произведений. Повесть “Юбилей Данте” является одним из очень любимых мною произведений, которое я всегда перечитываю с болью в сердце. Повесть “Комната в отеле”, которую я прочел недавно, рождает такие же чувства сострадания, но в другом аспекте. Я бы назвал пьесу “Последняя ночь уходящего года” поэмой о матери, а фильм “День прошел” - поэмой о несостоявшейся любви. Одной из прекрасных особенностей его творчества советского периода является протест против общества, выраженный с большим мастерством в таких произведениях, как “Сказка о добром короле”, “Большое бремя - понимать”, “Человек человека” и в ряд телеспектаклей...

...Интеллект - наше духовное богатство. Надо беречь и заботиться о таком национальном достоянии. Но давайте признаемся - мы мало того, что не бережем и не печемся о ценных личностях. Ну, какая была нужда почем зря уязвлять и третировать такого интеллигента как Анар, посвятившего жизнь изобличению бед нации, подрыванию корней тоталитарного режима, при котором мы все жили долгие годы? Ведь в последние два-три года наши газеты только тем и занимались, что жалили таких уважаемых интеллигентов, как Анар. Сегодня, после обретения нами независимости, вместо того, чтобы оценить заслуги Анара, рубившего под корень советский империализм, что в те времена требовало большой смелости, заниматься его беспардонным “изобличением” и всевозможными выпадами против него - подобает ли это культурному народу?

БАХТИЯР ВАГАБЗАДЕ
*Народный поэт, академик,
лауреат Государственных премий
СССР и Азербайджана.*

С прочтением первого же рассказа Анара у меня сразу же появился интерес к его таланту. В рассказе “Последняя ночь уходящего года” я увидел способности в достаточной степени грамотного, подготовленного молодого писателя, обладающего к тому же тонкими, оригинальными наблюдениями, умением донести до читателя суть предмета. В последующие после этого два года я прочитал рассказы Анара “В ожидании праздника”, “Рассказ гардеробщицы”, “Дождь перестал”,

“Четыре четверки” и другие. В этих произведениях, я увидел те же особенности, о которых говорил выше. Я верю, что тематический горизонт Анара будет расширяться, он будет совершенствоваться как ни на кого не похожий прозаик.

*Из рекомендации Анару для вступления
в Союз писателей 14 ноября 1962*

Таким образом, вокруг меня зародилось новое литературное поколение. Этим путем пошли Анар, Эльчин, Мовлуд. Дорога прогресса в литературе связана с ними. Они достойны войти в мировую литературу. Я высоко ценю произведение Анара “Белый овен, черный овен”. Написал даже статью об этой повести, назвав ее шедевром. Думаю, что не ошибся.

Читая эту повесть, я вспомнил годы, когда Анар начинал свой творческий путь. Уже по книге “Молла Насреддин 66” можно было определить, кто такой и кем будет Анар. Сохранивший на всю свою жизнь влюбленность в Мирзу Джалила, он в нашем кино, наряду с Мирзой Джалилем, обратился к еще двум гениям - Узеиру Гаджибекову и Гусейну Джавиду, доказав тем самым свою верность высоким целям. Высокие цели - удел больших личностей. То, что в ряду общечеловеческих проблем, присущих его рассказам, повестям, романам, одно из самых мудрых своих произведений он посвятил тревогам по поводу судьбы Азербайджана, а также его широкая общественная деятельность, его выступления на съездах, в Милли Меджлис, на общественно-политических мероприятиях, его статьи лишний раз подтверждают значительность его личности.

ИСА МУГАННА

*Народный писатель Азербайджана.
Из интервью 27 августа 2012 года и статьи
о “Белом овне, черном овне”.*

Анар пытается в своих рассказах употребить новые выражение, отличаться от других. Но незнание жизни, его соли и сладости, делают рассказы Анара неестественными. Автор порой видит новаторство в моде новых одежд, в форме, в употребляемой пище. В рассказе “Последняя ночь уходящего год” речь идет о встрече нового года. Тофик и его друзья предпочитают плову, приготовленному матерью Гамидой ханым, консервы. Непонятно только почему плов перешел в список архаичных блюд. И это еще не все. С каких это пор консервы стали

символом свободы, счастья, молодости, а плов - несчастья, прошлого, старости и ограниченности? Поверхностное понимание современности, ее упрощение, примитивизация наблюдается и в рассказе “Такси и время”. И здесь сказывается незнание автором жизни.

ГУЛУ ХАЛИЛОВ,

*доктор филологических наук. (из статьи в
газете “Азербайджан гянджлери” 1961)*

С этой точки зрения особенно отличается Анар. Чуткая наблюдательность, умение вникнуть в проблемы всех слоев общества - характерные черты его писательской манеры и это придало его творчеству широкий масштаб. Анар еще больше углубил волнующие его проблемы в таких серьезных произведениях как пьеса “Лето в городе”, роман “Шестой этаж пятиэтажного дома”. Интересно и то, что Тахмина, героиня повести “Белый лиман”, написанный десять лет назад, в новом романе приобрела еще более выпуклое воплощение.

Все тот же ГУЛУ ХАЛИЛОВ

тридцать лет спустя.

“Роман “Без вас”, вышедший из-под пера выдающегося азербайджанского писателя Анара - одно из серьезных достижений современной азербайджанской литературы. Это произведение сотворено из слез и пламени сердца, написано с самыми благородными думами и переживаниями. В этом романе Анар возродил образы Расула Рзы и Нигяр Рафибейли. Это произведение - песнь о горе, печали, боли и поддержке. Художественная исповедь сына, потерявшего в течении ста дней отца и мать. Слова автора - “боюсь, что перо мое изойдет кровью” - словно говорит о том, каким образом рождался, писался роман... Язык его также представляет особый интерес с точки зрения развития и обогащения нашего современного литературного языка. Язык художественной прозы Анара - это язык художника-реалиста, постигшего глубинные пласты жизни и человеческого существа, стремящегося точно выразить тончайшие мысли и чувствования и добивающегося этого. А мои заметки - слово, идущее от сердца поэта, питающего большое почтение к обоим героям произведения и его автору.

ХАЛИЛ РЗА УЛУТЮРК

Народный поэт Азербайджана.

“Белый лиман” - первое крупное произведение молодого писателя Анара, знакомого до сих пор читателям, как автор небольших интересных рассказов. Надо откровенно сказать, что если в “Белом лимане” чувствуется совершенствование Анара как писателя, мысли и чувства, которые он предлагает читателям по своей общественной сути, эстетическому воздействию вовсе не радостны. После знакомства с судьбой и с мыслями основных персонажей “Белого лимана” возникает логический вопрос: что это за люди как личности, в чем заключается их убеждения и желания на самом деле? Почему они потеряли любовь и веру в жизнь, в людей, даже в семью. Причина этого в том, что герои “Белого лимана” воссозданы в отрыве от общей борьбы общества, в котором люди - друзья, братья друг другу, общества, строящего, постоянно движущегося вперед - описаны автором в отрыве от целей и задач этого общества. Вместе с этим за мыслями этих людей скрывается вредная, чуждая нам идеология, мировоззрение. Откровенные, натуралистические сцены в повести, странности, растерянность, неприкаянность в характерах связаны именно с этими эстетическими принципами вредного мировоззрения. Содержание, средства выразительности повести наглядно показывают: когда писатель отдалается от метода социалистического реализма, не изучает глубоко жизнь и людей, когда он не способен поймать пульс времени, он докатывается до подобных провалов. Редакция журнала “Азербайджан”, предложившая читателям идейно порочную повесть “Белый лиман”, была свой долг - относиться к молодым авторам с необходимой требовательностью.

ХАЛИД АЛИМИРЗОВ

доктор филологических наук,
профессор Аз.Гос. университета
(Из большой статьи в газета “Коммунист”,
органа ЦК КП Азербайджана. 11 июня 1967 г.)

В газете “Коммунист” была резко раскритикована повесть “Белый лиман” талантливого молодого писателя Анара. Когда речь идет об описании советской жизни, не может быть никаких уступок даже талантливым авторам. “Белый лиман”, опубликованный в журнале “Азербайджан”, был раскритикован в нашей газете. А спустя некоторое время без всякого редактирования и изменения, повесть была переведена на русский язык и без учета критических заме-

чаний опубликована на страницах такого солидного московского журнала как “Дружба народов”. Прошу, чтобы читатели меня правильно поняли. Здесь речь не о престиже нашей газеты, не о том, чтобы оправдать ее позицию. Я выражаю мнение литературной общественности Азербайджана. Спрашивается, к чему такое пренебрежение к мнению широкой общественности?

АГАБАБА РЗАЕВ,

Главный редактор газеты “Коммунист”
(Из статьи опубликованной в журнале
“Азербайджан коммунисти”, органе
ЦК КП Азербайджана, июль 1971 г.)

Уважаемый Анар! Я сознательно выражаю свое отношение к премии, которой удостоен, несколько запоздало, ибо пытаюсь делать это с трезвой и холодной головой. Эту премию, как и прежде, могли бы и не дать мне, и литература от этого ничего не потеряла бы. Но для меня ценны Ваша забота, настойчивость и принципиальность в этом деле. Такое отношение возлагает на меня серьезную ответственность, вызывает к тому, чтобы я больше работал, отвечая за свою работу перед искусством, перед народом, перед самим собой, чтобы быть рабом правдивого Слова. Благодарю Вас и всех, кто проголосовал за присуждение этой премии мне. С уважением

МАМЕД АРАЗ,

26 мая 1988 г.

(За год до этого Мамед Араз был представлен на Государственную премию Азербайджана и не получил ее. В следующем году избранный руководителем Союза писателей Анар вновь выдвинул его на эту премию и настоял на том, чтобы прекрасный поэт получил ее. С истинным благородством и скромностью Мамед Араз в своем письме благодарит Анара именно за это. - Ред.)

Социалистическая действительность - макросреда, обеспечивающая всестороннее гармоническое развитие личности. Но рядом с ней может существовать и выражение ее противоречий-микросреда. Микросреда, оторванная от магистрали века, сможет существовать и в наше время и молодой писатель Анар в повести “Белый лиман” описывает именно такую среду.

Здесь не чувствуется качество трудовой дисциплины, а наоборот ощущается застой, стабильность в плохом смысле этого слова, стандартизация, прозаизм.

Марксисты, говоря о развитии, подразумевают диалектическое противоречивое развитие. Я в корне не согласен с эстетическим идеалом писателя. Во-первых, искать эстетический идеал в далеком, экзотическом лимане, обрамленном желтыми, красными песками, не очень оригинальная идея. Подобные образы мы видели в современной западной литературе и в произведениях русского писателя В.Аксенова. Главный пафос повести “Белый лиман” - критика и разоблачение уродства жизни. Но уродства не представляют суть нашей жизни. Суть социалистической действительности надо искать в труде, в социальных связях, в красоте.

АСИФ ЭФЕНДИЕВ

критик, кандидат филологических наук.

Жизненность, реализм, современность творчества Анара дают нам полное право говорить о его принадлежности к подлинной литературе. Анар как писатель, эссеист и кинематографист в своих произведениях смог соединить многие сферы современного искусства, и не эклектично, а цельно, органично... Именно поэтому, когда мы сегодня говорим о том, что азербайджанская проза последних лет поднялась на качественно новую ступень, мы имеем в виду литературу, обладающую новым мышлением, новым содержанием, литературу широкомасштабную, по настоящему реалистическую. И в первых рядах этого обновления успешно идет Анар со своим голосом, своим дыханием.

ЮСИФ САМЕДОГЛУ

Народный писатель Азербайджана

Анар не просто писатель. Это человек, ставший явлением культуры Азербайджана. Это человек, впитавший в себя две культуры - Запада и Востока, два языка - азербайджанский и русский, два мира - мусульманский и христианский, и потому так всесторонне и многогранно пропагандирующий азербайджанскую культуру во всем мире, в том числе и в самой республике. Здесь его заслуги настолько бесспорны и неопределимы, что, думаю, вряд ли кого-нибудь можно поставить рядом с ним. Если у нас есть подлинные послы нашей культуры, то самым бес-

спорным лидером среди них является Анар. Он по праву может представлять азербайджанский народ в любой аудитории, в любой стране мира, оставаясь настоящим патриотом своей Родины, подлинным сыном азербайджанской земли. Его любовь к Родине может быть эталоном для наших детей. Он замечает все недостатки, видит все пороки, не проходит мимо ошибок и преступлений, но более всего он ценит истину и оттого он так искренне любит свою страну и свой народ, свой язык и свою землю.

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

Народный писатель Азербайджана

Поистине ренессансная широта творческих проявлений Анара, помимо способностей и интересов, прежде всего, имеет нравственные истоки... Именно этот глубинный побудительный мотив объединяет все, что сделано Анаром за годы работы, и столь разнообразная, многожанровая деятельность моего друга образует собой цельную, выверенную душой и необходимую его современникам программу жизни. Уникальность Анара - личности, художника, общественного деятеля - в азербайджанской культуре очевидна, такого органического сплава таланта, широчайшей эрудиции, подвижнического стремления быть полезным своему народу, стране с предельно точным чувством Времени, пожалуй, ни у кого больше я не встречал.

РУСТАМ ИБРАГИМБЕКОВ

*Народный писатель Азербайджана,
лауреат Государственных премий Азербайджана,
СССР, России и премии Оскар
американской киноакадемии.*

Наверное, мы счастливые люди, что живем в одно время с Анаром, дружим, общаемся, бываем вместе в поездках, бываем за дружескими столами, говорим друг о друге тосты. Мы с Анаром проводили очень важные и нужные мероприятия, я, будучи Министром культуры и Анар, как председатель Союза писателей. Анар вообще генератор идей, и очень многие его начинания и инициативы претворяясь в жизнь, имели большое значение. Еще в советское время он написал сценарий о Деде Горгуде. И уже в эпоху независимости Азербайджана Анар выдвинул идею, которую поддержал наш независимый Президент Гейдар Алиев, о масштабном, всемирном праздновании юбилея Деде

Горгуда и по инициативе Анара была издана энциклопедия Деде Горгуд, главным редактором которой он является.

ПОЛАД БЮЛЬБЮЛОГЛЫ

Народный артист Азербайджана.

Книга “Комната в отеле” еще раз показывает, что, и в 90-ые годы Анар идет в авангарде общественно-литературной жизни Азербайджана, как и в 60-ых, в 70-ых годах. События, происходящие в обществе, социально-нравственные проблемы перед которыми оказывается азербайджанец наших дней все больше интересуют его как писателя-публициста, писателя-философа, расширяют масштабы его творчества. Совершенство методологии, уровень мышления, сила эмоций, величие стиля, выдвигает Анара в число самых больших писателей мира.

НИЗАМИ ДЖАФАРОВ

критик, литературовед, член-корреспондент Академии Наук Азербайджана

“МОСКОВСКИЕ” АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ

Под впечатлением только что просмотренного художественного телефильма о гордости азербайджанской музыкальной культуры Узеир беке Гаджибекове, спешу поздравить Вас, дорогой Анар, с большой удачей в создании замечательного произведения искусства, достойного памяти великого композитора. Крепко жму Вашу руку и желаю новых достижений в вашей многогранной деятельности.

АЗИЗ ШАРИФ

*доктор филологических наук,
профессор Московского Государственного
Университета.*

По мотивам “Книги Деда моего Горгуда” азербайджанский писатель Анар написал повесть “Деде Горгуд”. Повесть выстроена так, что здесь освещены, можно сказать, все сюжетные линии, эпизоды и даже отдельные мотивы древнего памятника. Вместе с тем, повесть эта - совершенно оригинальное произведение. Создав повествование с целостной композицией из разносюжетных дастанов-первоисточников, Анар проявил большое мастерст-

во. Фактически он обобщил эпическую историю огузов, художественно осмыслил то, что было пережито ими, как и какими идеалами они жили.

ХАЛЫГ К“РОГЛУ

*московский тюрколог-горгудовед,
доктор филологических наук.*

Уже в самые молодые годы Анара я почувствовал, что это - неординарная личность. Эта личность, которая будет услышана так мощно, что это будет крупнейшим событием в азербайджанской литературе. Я помню, с первых рассказов Анара в журнале “Азербайджан” я был потрясен. Он потрясал новыми сюжетами, новым жанром, новыми стилевыми открытиями... Последняя повесть Анара “Белый овен, черный овен” - потрясающее произведение и журнал “Дружба народов” проявил действительное мужество, опубликовав эту вещь. Никто не может отрицать, что Анар - крупнейшее явление в азербайджанской литературе.

ЧИНГИЗ ГУСЕЙНОВ

писатель, критик-литературовед.

Я очень заинтересован в том, чтобы Анара знали историки, потому что, далеко не все писатели обладают таким даром исторического чутья. Важно, чтобы писатель не думал о том, какое место он занимает в литературе, а задумывался над историческими процессами, в которых он участвует. Именно так поступает Анар. И достаточно уже мною прочитанного, чтобы понять, как болит душа этого человека, как он переживает за несправедливость в этом мире, как он чувствует и переживает и пытается, ответить на очевидные глупости жизни, на очевидные мерзости, с которыми он сталкивается. Не каждый писатель на это способен.

АХМЕД ИСКАНДЕРОВ

*член Российской Академии Наук,
Главный редактор журнала “Вопросы истории”.*

Сегодня роль писателя в жизни общества девальвировалась. Появились писатели-шоумены, но есть и писатели-тяжеловесы. Вас, Анар-муаллим, я считаю тяжеловесом и могу сравнить с Лихачевым. То, что он сделал для русской культуры, вы делаете для культуры азербайджан-

ской. Такие люди говорят мало, но говорят очень правильно. Такие люди - не только лицо народа, нации, но и честь, и совесть народа.

МАМЕД АЛИЕВ

академик Российской Академии Наук.

Из выступления на юбилее 70-летия Анара в Москве, в Центральном Доме Литераторов.

СТРАНЫ СНГ

Анар один из ярких и интересных представителей поколения шестидесятников, к которому с гордостью причисляю себя и я, хотя я несколько старше по возрасту... Анар очень близкий мне собрат по перу, с которым за долгие годы контактов нас связывают взаимные симпатии. С интересом прочел последние вещи Анара - повесть "Комнату в отеле", навеянную турецкими впечатлениями. Я знаю, что Анар очень любит это страну, хорошо знаком с ее историей, культурой. Но вместе с тем он в этой повести не боится писать и о том, что для него неприемлемо. Трагическая судьба главного персонажа повести - азербайджанского ученого в Турции - в каком-то смысле крах многих иллюзий.

Своеобразна и последняя крупная вещь Анара "Белый овен, черный овен". Отталкиваясь он фольклорного образа в двух частях своего произведения писатель воссоздает две модели будущего своей родины - Азербайджана.

Я желаю Азербайджану, родине Анара, приблизиться к тому идеалу, который в своих мечтах увидел писатель. И чтобы все опасности, от которых он предостерегает, никогда не осуществились в действительности. . .

Сегодня в Средней Азии и в большинстве стран СНГ не действуют Союзы писателей. Для меня очень радостно видеть, что Союз писателей Азербайджана продолжает свою деятельность и сохраняет свои традиции. Если бы не Анар, прекратил бы свое существование и Союз писателей Азербайджана.

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ

народный писатель Кыргызстана, академик,

*Герой социалистического труда, лауреат
Ленинской и Государственной премии СССР*

Дорогой Анар!

Из осенней, грустно притихшей Сибири поклон Вам и благодарность за Ваше теплое письмо. И еще - в "Литературке" я прочел Вашу ум-

ную и печальную статью. Я совершенно согласен с Вами, и пока от раздоров и разъединения мы ничего не приобрели, но потеряли многое. Я думаю, что национальные наши литературы начнут затухать от того, прежде всего, что у них не будет выхода на широкого читателя, в самих же республиках читают мало и уровень читательский невысокий. Писатели обречены будут вращаться в собственном кругу и писать друг для друга. Азербайджану, быть может это угрожает меньше, чем другим соседним республикам, у него есть давняя историческая связь с Турцией и через нее выход в широкий мир, но соседи Ваши, опьяневшие от свободы, начатой с кровопролитий и мордования малых народов, эти одичают очень быстро.

Ну да никто, как Бог, а Бог, сказали мне в Боснии, разрешая посетить мечеть, везде один. К сожалению, я был в тайге, когда пришло Ваше письмо, и дома сложности большие, не всегда могу я поехать куда-либо, но все равно я благодарю Вас за приглашение и за добрые слова. Желаю Вам и народу Вашему не озлобиться, не потерять облик человеческий, мирного труда желаю и покоя под крышей дома своего. А в сердце Бога и веры в лучшую долю детей своих.

Низко Вам кланяюсь, братски обнимаю

ВИКТОР АСТАФЬЕВ,

27 октября 1991 г. Красноярск

Дорогой Анар! Спасибо Вам за Ваш новогодний подарок. Я сразу начал читать книгу, благо оказался в Москве. "Юбилей Данте" я знаю уже давно, по этому рассказу я впервые узнал Вас как писателя, помню и другие в небольшой белой книжке. В этом однотомнике много нового для меня. Разумеется, он будет изучен весь, но Вы поймете, что я не мог не начать с завершающего книгу романа и читал его всю ночь до рассвета (имеется в виду "Без вас"). Это очень искренняя проза, Анар, и в этом романе отражены не только Ваши родители, но и их сын, с не меньшей, если не с большей полнотой. Но честно могу сказать, что если бы Ваш отец и мать не оставили после себя ни единой строчки, жизнь их все равно была бы оправдана тем, что они сумели поселить в Вашей душе такую любовь, самоотверженность, преданность. Вы прекрасно воссоздали жизнь Вашей семьи и жизнь всего клана, объединенного родоначальниками, более того - бакинскую жизнь, с тем, что в ней есть щедрого, теплого,

великодушного и с тем, что не могло не отравить существование человека масштаба Расула - ограниченностью, недостаточной образованностью и всякого рода мышшиной возней (помню, как часто жаловался мне на непонимание покойный Рафили). С предельной тщательностью Вы привели в порядок, систематизировали всю эпистолярию, назвали всех корреспондентов отца, но, конечно, главная прелесть книги в том, что эта история любви двух красивых, талантливых, предназначенных друг другу людей, прошедших под незабываемым апшеронским небом свой почти полувековой совместный путь, познавших редкое счастье полного взаимодовольствия и радость продолжения себя в детях, и упоение творчеством, и трагедию конца. Я же знал Ваших родителей до Вашего рождения, я же помню Нигяр в черном берете, который чудом удержался в Вашей памяти. Для меня слова книжный пассаж, неопределенная Кривая, неразрушенный Парапет, старые названия кинотеатров весь этот шелест другой жизни, дошедший из тридцатых годов, полон особого значения.

Грустная, возвышенная книга! Я понимаю, какой непосильный груз Вы носили в своей душе. Жить Вам станет несколько легче - это проверено. Единственная привилегия писателя - он может справиться со своим страданием, написав о нем. Думаю, что богатство, которым одарили Вас эти два человека, поможет Вам сотворить еще множество отличных книг. А к юности Вы еще не раз будете возвращаться. Однажды мы долго беседовали с Чингизом Айтматовым - и пришли к тому, что литература - эта память. Добавлю еще, - не в последнюю очередь - память о детстве. Пусть прекрасные тени тех, кого уже нет с нами, помогут живым. Крепко жму Вашу руку

ЛЕОНИД ЗОРИН

(Леонид Зорин - известный драматург, старый бакинец - Ред.)

Хотите посмеяться? Хотите познакомиться с веселым человеком? Прочтите рассказы бакинского писателя Анара "Молла Насреддин -66".

Я знал Анара до обидного мало, и вовсе не как юмористического писателя. Ему принадлежит, например, прекрасный лирический рассказ "Я, ты, он и телефон", безжалостно испорченный впоследствии кинематографом. Поэтому его веселые рассказы для меня - настоящее сча-

стливое открытие. В рассказах Анара присутствует некая веселая серьезность, или, если хотите, серьезная веселость. Вещи, о которых говорит писатель, действительно очень важны и серьезны, но говорит он о них весело, ибо уверен, что смех и сатира, юмор и шутка - тоже оружие. И он прав. Анар - умный и интересный собеседник, рассказчик. Чувствуется, что он много знает, много видел, о многом задумывается. Он любит свой народ, свою землю, свою историю. Я рад, что познакомился с одним веселым и талантливым человеком.

НИКИТА БОГОСЛОВСКИЙ

*композитор, Народный артист СССР.
"Литературная газета" 19 декабря 1970 г.*

Уважаемый Анар Расулович! Вы доставили мне большое удовольствие своей статьей в "Литгазете" (имеется в виду статья "Нити нежности, нити грубости", в которой Анар полемизировал с критикой в адрес Ю.Трифоновой, А.Крона, выступив против обвинений критика Ю.Андреева - Ред.) не потому, что Вы дважды добром упомянули меня, и тем самым косвенно поддержали мою "Бессонницу", подвергающуюся планомерной атаке с тех самых позиций, которым вы дали прекрасную отповедь в своей статье. Конечно, мне это приятно, но не это главное. Главное - это уровень, до которого не поднимался еще никто, ни в этой, ни в предшествующей дискуссии на страницах "ЛГ", о "беллетристике". Вы сумели противопоставить ходячим вульгарно-социалогическим штампам, демагогии и маниловщине, которыми изобилуют многие статьи - не только Ю.Андреева, с которым вы напрямую полемизируете, настоящий профессиональный разговор о нашем нелегком ремесле, спокойный тон и понимание действительности.

АЛЕКСАНДР КРОН

*Переделкино, 31 августа 1978
(А. Крон - известный драматург. - Ред.)*

Дружба народов - это прежде всего дружба людей, конкретных людей. И вот Анар как раз и та личность, которая представляет азербайджанский народ. Расул Рза - это очень уважаемый мной человек, один из учителей моих. Он много мне подсказал и в литературе и в понимании азербайджанского духа. И я очень рад, что все эти качества передались его сыну Ана-

ру. С ним всегда интересно говорить. Я знал, что ему не надо много объяснять, и он знал, что мне не надо много объяснять. И когда, допустим, трудности случались в Азербайджане, я его понимал с полуслова, с одного намека. Мы с ним вместе работали в Верховном Совете, вместе работали и в Союзе писателей СССР. Я очень рад, что судьба встретила нас, надеюсь что - это взаимное обогащение, я по крайней мере, стал богаче, когда познакомился с Анаром, с его литературой, с его изысканиями по Горгуду.

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ
Народный поэт Казахстана

В нестихающих и поныне спорах о Деде Горгуде, мне ближе позиция Анара, который в своей книге - эссе "Мир Деде Горгуды" по новому взглянул на застрявший в зубах ученых, как жвачка, вопрос и создал труд сродни труду Олжаса Сулейменова "Аз и Я".

ТИМУР ПУЛАТОВ
Народный писатель Узбекистана

Я в эти несколько дней взял его книжки, которые он мне подарил и сам я привез из Киева. Просматривал и удивлялся, как много он успел. Как он сумел это сделать и рассказы свои удивительные написать, и новеллы, роман, пьесы, и какие эссе, удивляюсь и поражаюсь его мастерству, и думаю, как он успевает все это делать. Я не успел поклониться великому Феллини, за то, что он нас учил. Анар успел это сделать, он успел написать книжку о Назым Хикмете, кстати, я мечтаю получить ее. А сегодня я ходил в музей азербайджанского ковра. Перед тем я прочел его удивительное эссе о ткачихах, которые делают это прекрасное искусство Азербайджана, которое завоевало мир.

Я очень люблю этого человека, я радуюсь, что у вас есть Анар, я всегда знаю, что если есть Анар - за этим стоит ум, порядочность, совесть и чистота. Я думаю, что ему удалось в какой-то мере воплотить в себе тот идеал, о котором мечтал наш Тарас Григорьевич Шевченко. Этот человек - Анар.

ИВАН ДРАЧ
Народный поэт Украины
Из выступления на юбилее
70-летия Анара в Баку.

Я начну с признания, что Анар - один из самых выдающихся писателей и культурных деятелей того пространства, которое называлось Советским Союзом. Но есть и личные отношения. Вы знаете, Анар муаллим, как я люблю Азербайджан, и как я уважаю и люблю лично Вас. И как для меня дорого то, что вы и сейчас - на вашем семидесятилетии - такой молодой, красивый и шикарный мужчина. Когда я впервые появилась в Баку и уже кем-то была, с какой-то судьбой поэта, то ваше имя уже тогда было легендарным, и я считала, что вы - эта вершина, до которой не добраться, даже и мечтать не надо. Потом шли годы, я всегда читала вас. Последняя ваша вещь, которую я прочла - "Белый овен, черный овен". Я была потрясена. Я подумала, что в современной азербайджанской литературе есть вещи, которые сильнее, серьезнее и глубже того, что пишут сегодня русские писатели. Это не в обиду русским писателям. Это доказывает, что вы действительно человек мыслящий, понимающий жизнь, глубоко чувствующий проблемы Азербайджана и не только Азербайджана.

Вы - старший в своей писательской семье, вы старший и для меня.

РИММА КАЗАКОВА
поэтесса

Из выступления на юбилее 70-летия Анара в
Москве в Центральном Доме Литераторов.

Дорогой Анар! Мне бы следовало написать тебе, но, как бывает, к сожалению, все время что-то отодвигало это письмо. Большое спасибо за присланную книгу. Я прочел ее внимательно, с подлинным интересом и сочувствием к твоему стилю - умному, отточенному, лишенному всяких признаков сентиментальности, чем еще грешат вокруг тебя, да и в русской прозе. Прекрасно написан "Контакт", неожиданно воскрешающий "готику" в наши дни. Да и реалистические вещи "Цейтнот", "Шестой этаж..." выполнены превосходно. (Только быстрая смерть Тамины показалась мне некоторым беллетристическим нажимом). Не знаю, что происходит сегодня в азербайджанской поэзии (кроме Фикрета Годжи мало читаю ее из - за плохих, наверное, русских переводов), но "новая" проза талантлива бесспорно, и ты, конечно, один из самых для меня представительных в ней.

ЕВГЕНИЙ СИДОРОВ
критик
Председатель Союза писателей Москвы.

Анар был первым, кто вошел в контакт. В 1970 году повесть “Белый лиман” - “Круг в русском переводе - неожиданно мощно отрезонировала во всесоюзной читательской аудитории. С той поры имя Анара прочно ассоциируется с обозначившимся на карте советской литературы новым направлением.

Анар - тонкий аналитик среди своих собратьев. Густой графический штрих его письма почти не нуждается в цветовых пятнах, но как интенсивно здесь прорисовка слов... Тихая точность вдумывания и застенчивое ясновидение делает его уникальным мастером... Боль его спрятана, прикрыта, загнана глубоко внутрь и почти уже заговорена светлым разумом - но тем сильнее бьет - неожиданно и страшно.

ЛЕВ АННИНСКИЙ

критик

Дорогой Анар! Я все же думаю, что со временем ты выкроешь вечер и напишешь о своей жизни. Леон (Леон Тоом - друг Ю.Мориц. Ред.) говорит, что ты станешь Министром кинематографии - это правда?. По-моему, такие министры бывают только во Франции. Я по-прежнему безнадежно, но героически обороняю земли “духовной поэзии” от нашествия “эстрадников”. Если будешь в Москве приходи к нам на кофе и на стихи.

ЮННА

(Юнна Мориц - поэтесса)

Вчера вечер провел в застолье с писателем и философом Анаром и художником Тогрулом Нариманбековым. Мои собеседники из элиты азербайджанской. Дед Нариманбекова был мэром Баку, а когда возвращались, прошли мимо дома, где мемориальная таблица родителей Анара: “Здесь жили поэт Расул Рза и поэтесса Нигяр”. Вот ведь какой корень у Анара, интеллигента в каком поколении. Да и имя его - не имя, а музыка! И оказывается такого имени не было, оно было изобретено и первовведено родителями Анара. А теперь уже многим дают это имя.

ГЕОРГИЙ ГАЧЕВ

философ и культуролог

В одну из центральных газет пришло письмо. “Хотелось бы знать, - спрашивал читатель, - что такое интеллигентность... Я живу в областном городе, но не уверен, что среди знакомых

есть интеллигентные люди. Спросил у партийного работника: “Есть ли в нашем городе хоть один интеллигентный человек?” Он подумал и ответил: “Скорее всего, нет”... Этот же вопрос я задал своему бывшему учителю. Не задумавшись, он ответил: “Конечно, нет”. Так вот... Хочу спросить, что такое интеллигентный человек, чем он отличается от неинтеллигентного, и правда ли, что интеллигентность обязательно в крови и передается от поколения к поколению?”

- Как странно, - подумала я, - среди моих знакомых есть врачи, педагоги, физики, юристы. А вот интеллигенты... Неужели ни одного?

И тут я вспомнила об Анаре.

Жизнь Анар знает прекрасно, во всех ее измерениях. Зато поступает, как Дон Кихот. При любых обстоятельствах говорит только правду. Мягко, доброжелательно, стараясь не обидеть, но все равно правду. Даже в том случае, если все молчат. Может сказать “нет”, когда остальные говорят “да” и наоборот. Что и говорить, Анар интеллигент в лучшем смысле этого слова.

В трудные для всех нас 70-е годы Анар думал и писал о том, как разъединяет душу человека ложь, разлад между словом и делом. Сегодня, когда все мы искренне хотим правды и активности, Анар напоминает о другом - о том, что самый хрупкий, ломкий материал - это сами люди, и они способны погибнуть от любого неосторожного слова, любой несправедливости. Анар хочет, чтобы в суете бесконечных забот мы не забывали об этом.

Не знаю, есть ли в областном городе, откуда пришло письмо, интеллигентный человек. Знаю, однако, в Баку такой человек есть.

АННА ЗЕМНОВА,

театровед, журнал “Театр” №8, 1987.

Работа над книгой об Анаре раскрыла передо мной целый мир. Он - настоящая академия литературы и культуры Азербайджана. Эта личность обладающая тонким и многогранным творческим талантом и потенциалом. Сколько разных сюжетов, открытий содержать его “Ночные мысли”, каждая из них могла бы стать основой целой книги. Анар щедро рассыпает их. Есть писатели, которые со скупостью относятся к каждой своей находке, опасаясь, что кто-то присвоит их. Эта чувство чуждо Анару. В русской литературе, таким может быть, был только Пушкин, который с душевной щедростью дарил другим свои сюжеты, темы, мысли. В Азер-

байджане форму “Ночных мыслей” Анара продолжили в дальнейшем Афаг Масуд, Камал Абдулла. Азербайджанская литература должна быть счастлива, что в ней есть такой писатель, как Анар. Он вносит новизну и в русскую литературу. Анара хорошо знают и ценят и в России.

ЛЮДМИЛА ЛАВРОВА

критик, прозаик, автор книги
“Знакомый незнакомец” об Анаре

Дорогой Анар! Закончил перевод Вашей пьесы, на днях вышло экземпляра. Когда вплотную приступил к делу и вошел в пьесу, она меня просто по-человечески захватила: стал ясен ее внутренний драматизм и даже трагизм. Причем, не столько в образе Тахмины (что, в общем очевидно), сколько в Зауре. Этот бытовой кошмар, когда благожелательная, даже любящая среда давит и в конце концов ломает человека, желая ему добра, отбирает у него возможность счастья, впечатление производить очень сильное. Когда получу от Вас ответ(если перевод Вас в принципе устроит) попробую предложить пьесу в “Современную драматургию”

ЛЕОНИД ЖУХОВИЦКИЙ

(Л. Жуховицкий - драматург. Пьеса Анара в его переводе была опубликована в журнала “Современная драматургия”)

Тюркские народы выдвинули личности мирового уровня- Чингиза Айтматова (Кыргызстан), Мухтара Шаханова (Казахстан), Анара (Азербайджан). Сегодня они в первых рядах мировых писателей. Они стремились и стремятся познакомить мир с нами и в борьбе за это восходят на литературный Олимп

ЮНУС КАНДИМОВ

Крымско-татарский писатель

ТУРЦИЯ

Анар - писатель, известный в Азербайджане и за его пределами, книги его изданы во многих зарубежных странах, человек очень популярный и всенародно любимый в Азербайджане. Эта любовь унаследована им от своего отца. Но и сам, своей личностью, своими произведениями он занял место в сердце азербайджанского народа. Идем по улице, все его узнают, почтительно

приветствуют. Он один из тех, кто говорит по-турецки наиболее правильно. Если написанные им произведения будут изданы латиницей, без сомнения, он станет одним из наиболее читаемых, любимых писателей и в нашей стране.

ОКТАЙ АКБАЛ

известный турецкий писатель,
экс-председатель Синдиката писателей Турции
газета “Хюрриет”, 24 января 1990

Мы посмотрели по телевидению созданный в Азербайджане фильм “Деде Горгуд”. Прежде всего, мы благодарны нашим братьям азербайджанцам, сделавшим этот фильм. Почему? По крайней мере за дело, которое надлежало совершить нам и за напоминание о том, что у нас есть такой дастан, как Деде Горгуд, за то, что в атмосфере священной легенды они поведали нам о доблестях, подвигах, обрядах нашего рода, о почитании Аллаха и державы, о ненависти ко лжи, о праведных битвах, чистой любви. . Как хорошо показана любовь огузов к Отечеству, к земле родной. Так могли быть отображены и их истое и чистое боголюбие. Но наши азербайджанские сородичи могут справедливо возразить: мы - младшие братья, если мы смогли совершить такое при режиме, отмечающем религию и нацию, то и это должно быть сочтено за подвиг и успех. Где же ваши режиссеры, актеры, композиторы? Где ваши поэты, литераторы, которые смогли бы собрать воедино двенадцать сказов “Деде Горгуда” и вывести на свет один из прекраснейших в мире дастанов? Почему же вы не обращаетесь к несравненному языку огузов, сородичей ваших, к их обрядам, верованиям?

АХМЕД КАБАКЛЫ

историк литературы,
газета “Тарджуман 1983

Известный и уважаемый азербайджанский писатель Анар подарил мне составленную им книгу “Огузская поэзия тысячи пятисот лет”. Обратите внимание, не турецкая и азербайджанская поэзия, а поэзия всех тюркских-огузских народов. У нас такой антологии нет. Я был взволнован и открыто выразил свои мысли: “Вы больше турки, чем мы!”

АТИЛЛА ИЛЬХАН

поэт
газета “Джамхуриет” 30 июня 2004

Анар прославился такими произведениями как “Юбилей Данте”, “Белый лиман”, “Молла Насреддин-66”. Особенно полюбилось последнее. Азербайджанский вариант известного нам Насреддина Ходжи - Молла Насреддин, если бы он жил в 1966-ом году, над чем бы посмеивался, над чем бы поиздевался? Анар пишет именно об этом. Жаль, что мы недостаточно хорошо знакомы с творчеством писателя, у которого восемь изданных книг.

ФАКИР БАЙКУРТ

*прозаик
газета “Йени гюн” 4 июня 1975*

Экранизация и показ по телевидению “Деде Горгуда” - величайшего и ценнейшего творения тюркской культурной истории - большое событие в искусстве и культуре. Создание этого фильма в Азербайджане имеет особую значимость и духовном смысле.

Несмотря на то, что Азербайджан - тюркская страна, пребывающая за “железным занавесом”, не нужно забывать, что там национальной культуре служат лучше нас и в более серьезных масштабах. Экранизация этого творения - событие, которое составит нашим азербайджанским братьям духовное удовлетворение, сопоставимое с Независимостью.

НИЯЗИ ИЛЬДРЫМ ГЯНДЖОСМАНОГЛЫ

*поэт, газета “Йени дюшендже”,
8 июля 1983 г*

Когда я смотрю на Анара, всегда замечаю грусть в его глазах. Много лет назад познакомившись с ним, я почувствовал, что он полон печали. Позже, когда я прочел его книги я и в них увидел эту печаль. Но из этой печали вытекает глубокая страсть и протест и, в конце концов, читатель получает истинное наслаждение. Странные дела творятся на свете. У кого-то выходят книги, он получает даже нобелевскую премию, но вот я купил книгу этого писателя, стал читать, прочитав две-три страницы, бросил. А книги Анара так увлекают человека, что не можешь оторваться от них.

НАМИК КЕМАЛЬ ЗЕЙБЕК

*Экс Министр культуры Турции
Из выступления на юбилее
70-летия Анара в Анкаре*

В настоящее время Анар занимает особо почетное место в Азербайджане и тюркском мире. Без него интеллектуальная система тюркского мира была бы неполной. Особая нужда в Анаре чувствуется сейчас, в этот трудный переходный период Азербайджана. Он всегда действует по принципу “Будь полезен не мне, а моему народу”. В тюркском мире он пользуется огромным авторитетом. И в будущем на интеллектуальной вершине тюркского мира непременно будет Анар.

ФИКРЕТ ТЮРКМЕН,

*доктор филологии,
профессор Эгейского университета*

В первой из сказок, составляющих книгу “Белый овен, черный овен” писатель рисует утопическую картину своей родины, в которой решены все проблемы. И это идеальное общество описано настолько реалистично, что убеждает нас в своей достоверности.

Во второй части книги Анар рисует картину более страшную, чем та, которую описал Джордж Оруэлл в своем знаменитом романе “1984”. Когда я читал эту вторую сказку, у меня волосы стали дыбом, я как бы ужаснулся зловещим призракам. Если эта так действует на читателя, каково же было писателю, описывающему все эти кошмары. Эта книга в ряду таких произведений, как “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына, “Тьма и вечность” Артура Костнера, “Роковые годы” Чингиза Дагчи, “Записки из мертвого дома” Достоевского. Все эти книги - документальные свидетельства ужасов. Дай бог, чтобы осуществилась утопия первой сказки любимого Анара. Дай бог...

ФИРАТ ГЫЗЫЛТУГ

*Из статьи в журнале
“Тюрк эдебиаты” июнь 2004*

Каждое произведение Анара само по себе - литературное событие в азербайджанском читающем обществе. Его стиль и повествовательная манера весьма привлекательны и интересны.

Анар с его изысканным стилем, живыми характеристиками и прочной романной композицией - одно из сильных и действенных перьев современной тюркской литературы. В его произведениях ощущается лиризм и глубина. Современная тюркская литература еще более обогатится произведениями, которые написаны и пишутся

Чингизом Айтматовым, Чингизом Дагчы, Анаром и еще несколькими романистами.

БИЛЬГЕ ЭРДЖИЛАСУН
профессор, доктор филологии

Анар, наконец, уступив неоднократным настойчивым усилиям своих друзей, открыл свой веб-сайт. В прошлом, в Азербайджане, который был частью Советского Союза, он порой иронически, порой в кафкианской манере отражал отчуждение людей в этом обществе, их одиночество. В написанном в те годы романе “Цейтнот”, изданным в Турции под названием “Если у меня была бы возможность”, он беспощадно критиковал советский образ жизни, превращающий человека в робота. В его сайте помещен также недавно написанный рассказ “Наваждение”, который, на мой взгляд является вершиной творчества Анара.

На меня произвела огромное впечатление его повесть “Комната в отеле” и как художественное произведение и как факт общественной жизни. Повесть написана с мастерством, сравнимым со “Смертью Ивана Ильича” Л.Толстого. Но дело не только в художественных достоинствах произведения. Повесть важна и с точки зрения освещения суровых реальностей в отношениях Турции с Азербайджаном и другими тюркскими республиками.

Самый любимый писатель в Азербайджане и самый читаемый азербайджанский писатель в Турции Анар известен своей любовью к тюркскому миру, своей заботой о его судьбе. Его последнее произведение “Белый овен, черный овен” имеет все особенности политического романа. Этим романом Анар проливает свет на грядущее не только Азербайджана, но и всего тюркского мира, и в этом смысле предупреждает нас. “Белый овен, черный овен” необходимо читать очень внимательно.

ИРФАН УЛЬКЮ

турецкий публицист.

Из статей в газете “Йени чаг” 17 октября 2003 и “Орта Догу” 2 сентября 2000 и 28 декабря 2001г.

В “Комнате в отеле” Анар мастерски знакомит нас с азербайджанским обществом, современным Азербайджаном на одном из драматических эпизодов его истории. Роман наполнен глубоким смыслом. Этот роман созвучен с про-

нией Гоголя, грустью Чехова, интеллектуальным мышлением Томаса Манна. Я говорю Анару, сыну национального поэта Азербайджана Расула Рзы: добро пожаловать в наши ряды.

ФИРУДИН АНДАЧ,
критик,

*из статьи в газете “Джумхурийет”
16 ноября 2000г.*

Анар прежде всего патриот. Он не из тех, кто рекламирует свою славу, не из тех, кто упивается своими успехами. Совсем наоборот. Вся его деятельность и на посту председателя Союза писателей, и как редактора журнала, направлены на благо азербайджанской литературы и культуры. Таких людей мало, их можно встретить редко. Таким был, безусловно, Назым Хикмет, куда бы он ни ездил, где бы ни был, он поднимал знамя Турции, турецкого языка. Таким был Азиз Несин, которого я знал очень близко. Анар тоже из такого рода людей, из редких, “священных” для меня писателей. Сегодня Анар главный архитектор интереса в Турции к литературе братского Азербайджана. Я сердечно приветствую моего брата Анара - большого писателя Азербайджана, сумевшего построить мост общения между азербайджанской и турецкой литературой.

АТАОЛ БЕХРАМОГЛУ
поэт,

*из статьи, опубликованной в журнале
“Кардеш калемлер”*

Я испытывая уважение к творчеству Анара и Эльчина, с которыми меня связывают дружеские отношения. Анар очень талантливый писатель, общение с ним очень приятно.

ОРХАН ПАМУК

*писатель, лауреат Нобелевской премии,
газета “Эхо” 24 августа 2005*

ИРАН

Уважаемый писатель и ученый, устэд Анар-бей! Для меня вдвойне приятно, что в связи с юбилеем 500-летия Физули, удалось посетить Баку и встретиться там с людьми, которых люблю и уважаю. Сколько бы ни благодарил за это - будет мало.

Из-за напряженности программы мероприятий не смог пообщаться с Вами вдоволь. Но все

время чувствовал Вашу заботу и принимал долю от Ваших лучей. Спасибо вам за постоянную опеку и внимание к нам. Верю в наши будущие встречи и кончаю свое письмо с самыми благими пожеланиями в Ваш адрес.

ГАМИД НИТГИ

*ученый и поэт из Южного Азербайджана,
живущий в Англии, профессор Университета
Ноттингем. 19 ноября 1996 г.*

Это дастан о тех мужчинах, чья воля столь же внушительна и тверда, как горы отечества. Перевод, представляемый любезным читателям, выполнен с произведения большого современного писателя Анара, произведения, созданного им на основе знаменитых дастанов “Деде Горгуд”. Стилль героического дастана, упоминаемые там персонажи возрождены писателем с самобытным мастерством в новой форме.

*Из предисловия к повести Анара “Деде Горгуд,
переведенной Ибрагимом Дарабаи
на фарси и изданной в Иране.*

Читая эту книгу, я думал, что она отличается от всех изданных текстов эпоса и его переводов на разные языки. Это совершенно другой “Деде Горгуд”, новый “Деде Горгуд”, созданный Анаром. По существу и сам Анар стал Деде Горгудом.

АЛИ КЕРИМИ

*другой переводчик на фарси книги
“Деде Горгуд” Анара.*

Ознакомившись более подробно с произведениями Анара, я открыл для себя вновь очень крупную личность, необычайный феномен азербайджанской культуры. Анар вошел в современную литературу как художник-новатор, а в историю общественной мысли своей страны как передовой мыслитель. В процессе обновления литературы и национального общественного сознания Анар шел впереди своего поколения. В отличие от многих других писателей советского периода в его книгах не описываются фабрики, поля, труженики сельского хозяйства. Главные темы его творчества определяются национальным самосознанием, любовью к родине, желанием сберечь духовные ценности прошлого и донести для современников. Его всегда волнует проблема понимания. В “Ночных мыс-

лях” это проявляется очень зримо. Анар - большой азербайджанский и тюркский интеллигент. Это особенно подтверждается в его эссе “Раздумья об азербайджанстве”.

Я опубликовал это эссе в своем журнале “Варлыг” и сказал автору, что многие его рассуждения абсолютно созвучны моим мыслям.

ДЖАВАД ХЕЙЙАТ

*врач-хирург, литературовед,
член Парижской академии хирургов,
профессор Тегеранского университета,
основатель и главный редактор журнала
“Варлыг” в Тегеране.
Из статьи в мартовском номере журнала за
2008 г.*

В годы советской власти, глаза людей были зашорены и, казалось, они не видят фальсификацию истории, жестокие репрессии, заставляющие людей молчать. Все были настолько ослеплены внешним “спокойствием”, “радостным существованием”, что не способны были вникнуть в суть событий. Настоящую картину советского периода мы можем видеть лишь в произведениях писателей, пытавшихся раскрыть глаза людям на реальную действительность, очистить запыленные мозги. Многие рассказы Анара служат именно этой цели. Они раскрывают истинную сущность советского режима. Таковыми являются рассказы писателя “Утро той ночи”, “Четыре четверки”, “Сердце болит”, “Теория относительности”, “Совесть страдания”.

КЕНУЛЬ ИБРАГИМГЫЗЫ

*литературовед.
Из статьи “Проблема человека и времени
в современной прозе. На основе рассказов Анара”.
Журнал “Йашимаг”, летний номер за 2007, Иран.*

ИРАК

Антология “1500 лет огузской поэзии”, составленная Анаром, имеет право называется поистине Книгой Века - минувшего XX столетия. Эта книга - шедевр, преподнесенный всему тюркскому миру, и спустя столетия эта книга золотыми буквами впишет Азербайджан и его великого писателя Анара в историю культуры.

*Из рецензии “Книга века и Анар”
в газете “Туркман эли”, июнь 2002, Ирак.*

Анар - один из виднейших и блестящих молодых писателей советского Азербайджана. Он многогранный, многосторонне развитый, одаренный писатель с богатым творчеством. Звезда Анара взошла на литературном небосклоне весьма стремительно. Рассказы и критические статьи Анара, за короткий рок пробившего себе дорогу собственным истинным талантом, начали публиковаться в самых авторитетных советских газетах и журналах на русском языке. Наряду с успехами в новеллистике и критике, он является и талантливым сценаристом. У Анара свой голос и отличающийся выразительностью свой индивидуальный стиль.

ДЖОВДЕТ БИЛАЛ ИСМАИЛ

Журнал "Ас-Сакафи", май 1973 г. Ирак, Багдад.

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНОГО КИПРА

Роман с оригинальным названием "Шестой этаж пятиэтажного дома" привлекает внимание еще и тем, что помогает узнать Баку советского периода и сравнить его с сегодняшним днем. Читатель верит реальности изображенных событий, не сомневается в абсолютной достоверности картин, вышедших из-под пера Анара, писателя, обладающего даром точного воспроизведения жизни. Еще одним подтверждением этого дара является повесть "Комната в отеле". Вы убедитесь в полной достоверности всех деталей в описании путешествия, начавшегося на дороге Анкара-Стамбул и продолжающегося в самом Стамбуле. Для того, чтобы знакомиться с улицами Стамбула, это произведение может служить надежным путеводителем. Все соответствует действительности - проспекты, улицы, остановки, пристани.

КАФИЙЕ ЙЫНАНДЖ

литературовед,

из статьи "Взгляд на социально-культурную жизнь Баку 1965-го года с "Шестого этажа пятиэтажного дома" в журнале "Турналар", апрель-июнь 2007, Турецкая республика Северного Кипра.

США

Как представитель поколения, родившегося в 1938 году, писатель Анар уже не обладает личными воспоминаниями о революционных истоках

советской республики Азербайджан. Его внимание концентрируется на проблемах любви в среде развивающегося класса новой технической интеллигенции и интеллектуалов города Баку.

ЭРНСТ РОУЗ

Из рецензии, опубликованной в журнале "Уорлд литератур тудей", издаваемом Оклохомским университетом.

Трудности и проблемы человеческой жизни в нестабильной среде - одна из главных тем современной азербайджанской литературы. Повесть и рассказы в книге Анара "Комната в отеле" выдержаны именно в этом ключе. В рассказе "Наваждение" писатель вывел внешне благополучного человека, который однако живет в страхе потерять свой привычный образ жизни. В повести "Комната в отеле" рассказывается о преподавателе, который подобно тысячам своих соотечественников вынужден покинуть родину. В рассказе "Красный лимузин" также выражены эти настроения. Главный персонаж в этом рассказе поднимает голову к небу и видит дождь - это единственное, что ему знакомо в родном городе. "Будто этот дождь, шел не из облаков, а из прошлого".

ШОЛА ВАТАНАБАДИ

сотрудник кафедры Общей литературы Нью-Йоркского университета.

Из статьи опубликованной в журнале "Уорлд литератур тудей" ("Мировая литература сегодня") Оклохомского университета.

ФРАНЦИЯ

Молодое поколение воспитывалось творчеством Анара, который создал лучшие азербайджанские романы на международном уровне. Его книги переведены на русский, болгарский, немецкий, английский, французский языки.

Роман "Шестой этаж пятиэтажного дома" отразил самую современную историю любви в Баку в последние годы.

Французский журнал "Анка", Париж

Уважаемый коллега Анар!

Прежде всего, благодарю Вас за статью, посвященную мне. Наш друг Рамиз Абуталыбов сказал, что хотите напечатать ее в 1988-ом году. Ваше

внимание очень трогает меня. Приглашение участвовать на юбилее М. Ф. Ахундова также тронула меня. Я хорошо знаю его заслуги в области литературы и философии. Но по некоторым причинам я, к сожалению, не смогу принять Ваше приглашение. Нельзя ли повторить его в другое, более удобное для меня время? Если бы удалось посетить родные места весной, это было бы прекрасно. Хотела бы еще раз увидеть Баку и Мардакяны, где я провела счастливые годы своей жизни.

У меня такой возраст, что я не могу путешествовать одна и потому хотела бы приехать вместе со своими друзьями.

Рамиз высоко отзывается о ваших качествах, и я хорошо знаю Вас как замечательного романиста и эссеиста.

Примите мои самые искренние чувства симпатии.

БАНИН (УММУЛЬБАНУ)

*азербайджанка, французская писательница
Париж, 8 октября 1987*

ГДР

В одном эпизоде текста мы словно слышим песню героини Гете Гретхен. Эта песня о короле; возлюбленная перед смертью преподносит ему золотую чашу. Отчего в нас отзываются эти строки? Ведь правителя, воспетого в “Фаусте”, отделяют от героев Анара целые миры; последние живут, любят и умирают в сегодняшнем Баку. По-видимому, сходство литературных мотивов и вызывает такие эмоциональные ассоциации и переживания. До сих пор у нас знали рассказ “Я, ты, он и телефон” и повесть “Контакт” Анара. А этот его роман (“Шестой этаж пятиэтажного дома”. Ред.) трогает нас до слез. Писатель сознательно реабилитирует “сентиментальность”. Для него эмоциональность - правомерное дополнение к общественным событиям в жизни и литературе. Роман звучит как романс с трагической развязкой в большом городе.

МИХАИЛ ФАРЕНГОЛЬЦ

*из статьи “Эмоциональная проза Анара”
в газете “Лейпцигер фолкцайтунг” август 1983 г.*

Сорокалетний азербайджанский писатель Анар в своем читабельном романе рассказывает историю обманутой любви. Восточный колорит, нравственная чистота, подлинная действительность - основные свойства этого романа. С

самого начала произведение Анара создает яркие жизненные картины.

ТАГЕ ЗОММЕРФЕЛЬД

*из статьи “Короткий медовый месяц”
в газете “Юнгвельт”,
от 12 апреля 1983 года, Берлин.*

Роман азербайджанского писателя Анара - превосходное литературное произведение; во-первых, оно глубоко отображает действительность, а во-вторых, пробуждает в читателе мысли об идеале.

*Из статьи “Действительность и идеал”
в газете “Зоннтаг” от 3 апреля 1983 года,
Берлин.*

Анар - один из ведущих представителей нового направление в азербайджанской литературе. Опубликованная в 1967 году его повесть “Белый лиман” показала, что этот оригинальный писатель, являясь представителем “нового поколения”, сделал первые шаги на пути создания “новой прозы”. Произведение “Шестой этаж пятиэтажного дома” задуманное как продолжение “Белого лимана”, еще раз показало, что Анар на верном пути.

Первые немецкие читатели, прежде всего, сотрудники кафедры русской и советской литературы Лейпцигского университета и отдела советской литературы издательства “Фольк унд вельт”, ознакомившиеся в рукописи с русским вариантом произведения, очень высокого мнения о новом романе Анара. Мы уверены, что по выходе из печати на немецком языке талантливый роман “Шестой этаж пятиэтажного дома” найдет своего читателя и у нас.

ФРЕДЕРИКА БУХНЕР

литературовед, Берлин.

ФРГ (до воссоединения с ГДР)

Произведение Анара - точно изложенная горькая история любви с трагическим концом. Но содержание “Шестого этажа пятиэтажного дома” не сводится только к этому. В романе, показано глубинная буржуазная сущность советского общества, невидя на семидесятилетний режим социализма.

В обществе, опирающемся на устаревшие нравственные ценности, любовь обречена на

крах. В виде нынешних тревожных событий и гласности в Азербайджане новый перевод романа Анара на немецкий язык имеет особое значение. Социально-критический роман советского автора изображающий события в кризисном регионе - серьезный успех писателя.

ШТЕФАН ПРОЙС

*из статьи "Любовь на Востоке"
в газете "Тезларин цайтунг" 12 мая 1989*

Хочется сказать: "Все это было". Но в любом случае этот роман нов и его стоит прочесть. Это связано с тем, что советский писатель Анар изображает социальную среду, где протекает любовная история. Исламские традиции и социалистическая действительность - можно ли представить обстоятельство, более противоречивое?

*Из статьи в газете "Аусберг алгемайне цайтунг"
17 марта 1989*

За проблематикой любви Анар в критическом плане изображает обветшавшие обычаи и моральные представления, алчность, жажду наживы, любовь, отвергаемую обществом. В романе это - социалистическое общество. Общество, чьи табу, традиции - по сути мелкобуржуазная мораль и социалистический миф. Этот мастерски написанный социально-критический роман обладает аналитическими достоинствами.

*Из статьи "Социалистический миф"
в газете "Вельт" от 24 июня 1989г. Берлин.*

Хорошим адресом для турецкой литературы является издательство "Дагели" во Франкфурте-на-Майне. Одну книгу я хочу Вам особенно рекомендовать. События в предлагаемом романе происходят в Баку и в Москве. Тот, кто во время уроков географии играл в карты, теперь скажет: "ради всего святого, где находится Баку?"

Баку - столица советской республики Азербайджан. Там живет писатель Анар, который при Брежнев испытывал трудности с публикацией своих произведений, но сейчас избран первым секретарем правления Союза писателей Азербайджана.

В этом произведении Советский Союз играет роль кулис. Эта история могла бы произойти в любой восточной стране, стоящей на пути к западному модерну, но находящейся во власти

старых традиций. Роман Анара можно рекомендовать всем, кому интересны любовные истории. В конце читатель может узнать, почему у пятиэтажного здания есть шестой этаж.

ТОКС
Берлин

На днях прибывший из Азербайджана прозаик Анар отправился в поездку по нашей стране с чтением своего произведения. Анар у себя на кавказской родине привлекает внимание прозой и сценическими произведениями. Несмотря на это, он, как и другие азербайджанские писатели, пока не столь известны в Европе. Франкфуртское издательство "Дагели", имеет опыт в издании образцов тюркской литературы, ныне это издательство выпустило в свет произведение Анара "Шестой этаж пятиэтажного дома".

Эта история обманутой любви, написанная азербайджанским автором Анаром, удивительно правильно ставит проблему устаревших потребительских отношений и смело раскрывает ошибочное поведение человека.

ХЕЛЬГА ХАЙНКЕ
*Из статьи в газете "В. Морган"
от 5 марта 1983 года . Берлин.*

Дорогой Анар-бей, привет и уважение!

Вчера получил газету "Эдебиат ве инджесенет", где опубликована Ваша статья и весьма опечалился. Какие нелепые обвинения выдвигают против Вас всегда такого сдержанного, солидного писателя(иметься в виду, опубликованный в газете ответ Анара на обвинения армянского писателя Перча Зейтунцяна. - Ред.) Я еще раз убедился, что Ваши соседи очень нечестные, наглые люди. Попытка договориться с ними, будет воспринята как слабость. Сожалею, что когда Вы были здесь, я не смог оказать Вам достаточную помощь. Этому помешала болезнь моя и моей жены. И все же мы участвовали на одной из Ваших встреч и были возмущены выступлением одного из наших братьев из Южного Азербайджана, я еле удержал свою жену-тюрчанку, от того, чтобы не вызвать скандал. Мы еще раз убедились, какой вы выдержанный и мудрый человек, когда с таким достоинством ответили этому человеку (Анар резко ответил провокатору из Южного Азербайджана, утверждавшего что южные и северные азербайджанцы -это два разных народа - Ред.)

В эти трудные дни я с Вами мыслями, сердцем, духом. Я уверен, что унаследованное вами от отцов и дедов мудрость, благородство и выдержка победят ваших зарвавшихся соседей. Так как я хорошо знаю характер тюрков, не сомневаюсь - когда ваша чаша терпения переполняется, это плохо кончается для ваших врагов. А поэтому Ваши соседи кажутся мне не только наглыми, но и глупыми.

Я желаю удачи дорогому для меня Азербайджанскому народу, лично Вам и Вашим коллегам.

Ваш друг и брат Г.АХМЕД ШМИДЕ

немецкий тюрколог,

принявший ислам.

6 сентября 1989 г. Берлин.

Уважаемый Анар муаллим! Для меня было очень радостным событием встретиться с Вами вновь в Дрездене. К сожалению, из-за ограниченности во времени мы не смогли побеседовать с Вами дольше. Жаль. Лишь бы сердца были близки. Остальное не столь важно. Снова и снова хочу поблагодарить Вас за подаренные мне книги. Это очень ценные подарки для меня.

Несмотря на редкие встречи у нас с покойным Расул-муаллимом было очень теплое общение. Он ценил меня, а я относился к нему, как недостижаемому литературному памятнику. Больше всех его стихов я люблю "Чинару". Я полагаю, что в символе Чинары Расул Рза воплотил идею величия тюркской культуры. Составленную Вами антологию "1500 лет огузской поэзии", как очень нужную и крайне необходимую книгу буду хранить в своей библиотеке. Естественно, наряду с другими Вашими книгами. Еще раз спасибо.

Ваш брат Г.АХМЕД ШМИДЕ.

19 октября 1999. Берлин

АВСТРИЯ

С прочтением двух романов Анара и Эльчина, мое представление об Азербайджане существенно изменилось. В последние годы только эти произведения полностью переведены на немецкий язык, и их можно приобрести на книжной ярмарке немецкоязычной литературы. Эти книги завороживали с первых же фраз и прочитанное об этой стране я впоследствии увидел воочию.

Первое, что я прочел, был роман "Шестой этаж пятиэтажного дома" Анара.

Анар, старавшийся с первых своих произведениях дистанцироваться от политики, стал одним из приверженцев перестройки. В его первых книгах есть острый анализ советского образа жизни в Азербайджане. Он и сегодня внимательный наблюдатель социальных перемен. И в эту пору он ничуть не сторонится резкой позиции и тематики.

Анар умеет мастерски сочетать традиционное сознание эпического повествования Востока с художественными приемами и формами, присущими Западу.

В то время как литературы ближневосточных стран постоянно оставались в традиционной повествовательной манере, на азербайджанскую литературу, вследствие происходивших в стране исторических перемен, существенное влияние оказали также русская и европейская литературы.

Однако в произведениях Анара как всегда, вновь проявляет себя черты восточной мудрости.

УЛИ РОТФУС

ШВЕЙЦАРИЯ

Это азербайджанский роман о несчастной любви. Знаменитый и чтимый прозаик, эссеист и драматург Рзаев известен широкой публике под именем Анар. Когда его "Шестой этаж пятиэтажного дома" - горестная история любви - переведился на немецкий язык, регион, где протекали события романа, занял первые полосы газет мира. В результате многонациональных конфликтов края, прежде не известным многим, стали вовсю склоняться в средствах массовой информации.

В этом романе мы не сможем найти ответа на вопрос: "Почему там народы убивают друг друга?", но это произведение сообщает нам об очень многих вещах. Этот роман не предназначен для истолкования актуальных политических новостей, но это произведение столь же значимо, как подробнейший отчет о политической ситуации в деле постижения того, что тамошний мир куда богаче, многомернее, противоречивее, чем нам представлялось. Во всяком случае, роман Анара - роман о любви, не меньше, не больше.

Создание произведения на вечную тему любви вершинный момент в жизни любого писателя. У Анара весьма удачно изображение подлинных чувств и эмоционального напряжения.

Из статьи "Между исламскими традициями и коммунизмом" в газете "Нойе Цюрихер цайтунг" 7-8, 1990. Цюрих

ШВЕЦИЯ

В Стокгольме издана повесть Анара “Деде Горгуд”. Книга издана азербайджанцами, живущими в Швеции. Ахад Ашриз, подготовивший издание, пишет: “Книгу Анара “Деде Горгуд” прочел на кириллице с большим трудом, но и с огромным интересом. С литературной точки зрения книга написана на самом высоком уровне. Вместе с моей супругой мы перевели эту книгу, знакомящую нас с историческим эпосом азербайджанцев, с нашими корнями”. В книгу наряду с повестью “Деде Горгуд” вошло и эссе Анара “Мир Деде Горгуда”.

ВЕНГРИЯ

Стоило ознакомить венгерских читателей с творчеством азербайджанского писателя Анара. Эта книга (“Белый лиман” - Ред.), изданная в серии “Современная библиотека” - своеобразная смесь литературных традиций и новых изобразительных средств воплощения современной поэзии. Повесть насыщена цитатами из древних поэтов, реалиями национальной жизни и, вместе с тем, там явственно ощущается чувство одиночества, присущее всем современным людям.

Из статьи в газете “Маджар намзат”.

Анар - многогранный талант, он всегда обращается к самому адекватному виду искусства для воплощения своих актуальных замыслов. Наиболее привлекает его кино и проза. И стиль повести “Белый лиман” характеризуется изобразительными средствами, близкими кинематографу. Анар - мастер диалога, мастер эскизно короткого и в то же время экспрессивного, напряженного письма. Хотя Анар больше всего изображает людей, впадших в депрессивные раздумья, он не пессимист. Он творит своих героев, с чувством глубокого гуманизма. При всей насыщенности его произведения символическими элементами, Анар не выстраивает формулы, он выводит на арену живых, меняющихся, развивающихся и формирующихся людей. Его изобразительный метод психологически точен.

Из статьи в еженедельнике “Кенновидас” (“В мире книг”)

Повесть Анара начинается сновидением на вокзале и завершается сном героя. Настоящее название повести “Круг”, на венгерском языке название “Белый лиман”, вызывает несколько сентиментальный настрой. Некоторая сентиментальность ощущается и в хорошо выписанных любовных сценах, но главная и более значимая часть книги свидетельствует, что автор не привержен плаксиво-ноющей сентиментальности; его эмоциональность несет в себе органично мужественное свойство. Анар строит сюжет строго и жестко, стиль его изыскан, повесть читается “по-французски” легко, тонкое психологическое чутье автора заметно по тому, что Неймат и Тахмина не вспыхнули любовью друг к другу. Отдельные части повести написаны как самостоятельные новеллы. Одна из них “Заклятие одиночества” выражает самые прекрасные гуманистические возможности советской прозы в самой совершенной форме.

ЗОЛТАН ИСЛАИ

*из статьи в газете “Канувек”
 (“Жизнь и литература”).*

Анар, относящийся к молодому поколению азербайджанских советских писателей, все более уверенно сочетает изображение все более урбанистического, с самыми современными приемами литературного построения. Таким образом, он верен традициям и является новатором. Этим объясняется то, что его оригинальные произведения вызвали интерес и признание не только в родных краях, но и по всему Советскому Союзу и далеко за его пределами. Десятилетний творческий путь Анара представляет интересную единую картину, характерную постоянными темами, мотивами, образами, проблемами. Кажется, самым важным вопросом для него является проблема одиночества человека в цивилизованной среде.

ЛАСЛО ЗАХЕМСКИЙ

литератор, переводчик.

Сборник азербайджанских рассказов, составленный Гусейном Аббасзаде и Ласло Захемским, знакомит венгерского читателя с представителями послевоенной прозы. 22 рассказа сборника представляют нам 15 современных писателей. Уровень рассказов далеко не равенцен, как это вообще бывает в антологиях.

Все-таки она порадовала читателей несколькими настоящими шедеврами. Повесть Анара “Юбилей Данте” – самое лучшее произведение антологии. Повесть Анара именно поэтому очень хороша, что не предлагает нам однозначного суждения.

МАГДА БАН

*из статьи “Новеллы из страны огня”
5 ноября 1977*

СЛОВАКИЯ

Повесть Анара “Шестой этаж”, примечательна для творчества современных азербайджанских писателей, лучших представителей “шестидесятников” как они себя называют, ибо они вошли в литературу в шестидесятые годы. Для большинства из них, таких как братья Максуд и Рустам Ибрагимбековы, Эльчин и некоторых молодых поэтов, характерно стремление освободиться от литературных шаблонов прошлого в передаче черт современности.

Главной героиней повести можно считать Тахмину. Помимо предрассудков, вставших на пути глубокой любви между замужней Тахминой и свободным Зауром, в повести детально изображена погрязшая в мещанстве семья Заура. Заур поддается давлению родителей. Он осознает, что никогда не обретет покоя, что в жизни ему будет не доставать глубоких человеческих отношений, которые связывали его с Тахминой.

Анар делает эту тему проблемной, заставляет читателя “докончить” произведение, задуматься над рассказанным и о себе.

*Из аннотация к книге “Шестой этаж”
на словацком языке.*

РУМЫНИЯ

Богатый жизненный опыт, глубокое знание сложного пути азербайджанского общества от тоталитарной советской системы к свободе, реальной демократии и процветанию, близкое знакомство с социальными и политическими проблемами своей родины позволяют Анару создать подлинную художественную панораму и

каждый объективный читатель не может оставаться равнодушным к этой картине, рассматривать эту картину без волнения. С первых же страниц “Белый овен, черный овен” привлек меня искренностью выражаемых в этом произведении суждений. Анар – художник-мечтатель, с особыми мастерством он внушает нам мысль, что будущее может быть воздвигнуто только на фундаменте прошлого, со всем хорошим и плохим, что в нем было и если народ забывает свое прошлое, у него не может быть и будущего. Анар – гуманист, он считает, что люди по природе добры, чисты и прекрасны. Он с иронией относится к мысли Оруэлла: все люди равны, но некоторые более равны, чем остальные.

Проза Анара полна красотою родной земли, ассоциациями с историческими событиями, именами деятелей политики, культуры. Каждый, читающий это произведение, хочет побыть в местах, описанных с такой обстоятельностью и любовью. Его проза оригинальна с эстетической точки зрения и поучительна в смысле обилия информации.

Анар как личность и как писатель создал своим творчеством синтез двух цивилизаций, тысячелетних культур Азии и Европы. Рассуждения писателя вводят нас в мир Востока – мир мечтаний, грез, но вместе с тем, стремление к цели, присущее его героям, более характерно для западного индивидуализма. Враг всяческой автократии Анар выражает чаяния современного человека – его жажду свободы, счастья, единства со всеми людьми. В конце произведения герой, столкнувшись с печальной действительностью, все же не отчаивается. В его чистой душе все еще теплится надежда. Эта надежда своими корнями связана с азербайджанскими народными сказками, и эта надежда позволяет герою победить одиночество и страх. Своим оригинальным творчеством, лаконичным стилем, прибегая порой и к метафизическим элементам, Анар рассказывает о судьбе своего народа и занимает заслуженное место в современной азербайджанской литературе.

ДИМИТРУ БАЛАН

*писатель,
переводчик на румынский язык повести
“Белый овен, черный овен”.*

“Анар - это целый мир. Рисовать его можно без конца, он хорошо позирует: уходит в свои мысли, сопереживает. Скоро я начну работать на большом полотне, “окунусь” в мир Анара”.

Таир САЛАХОВ,

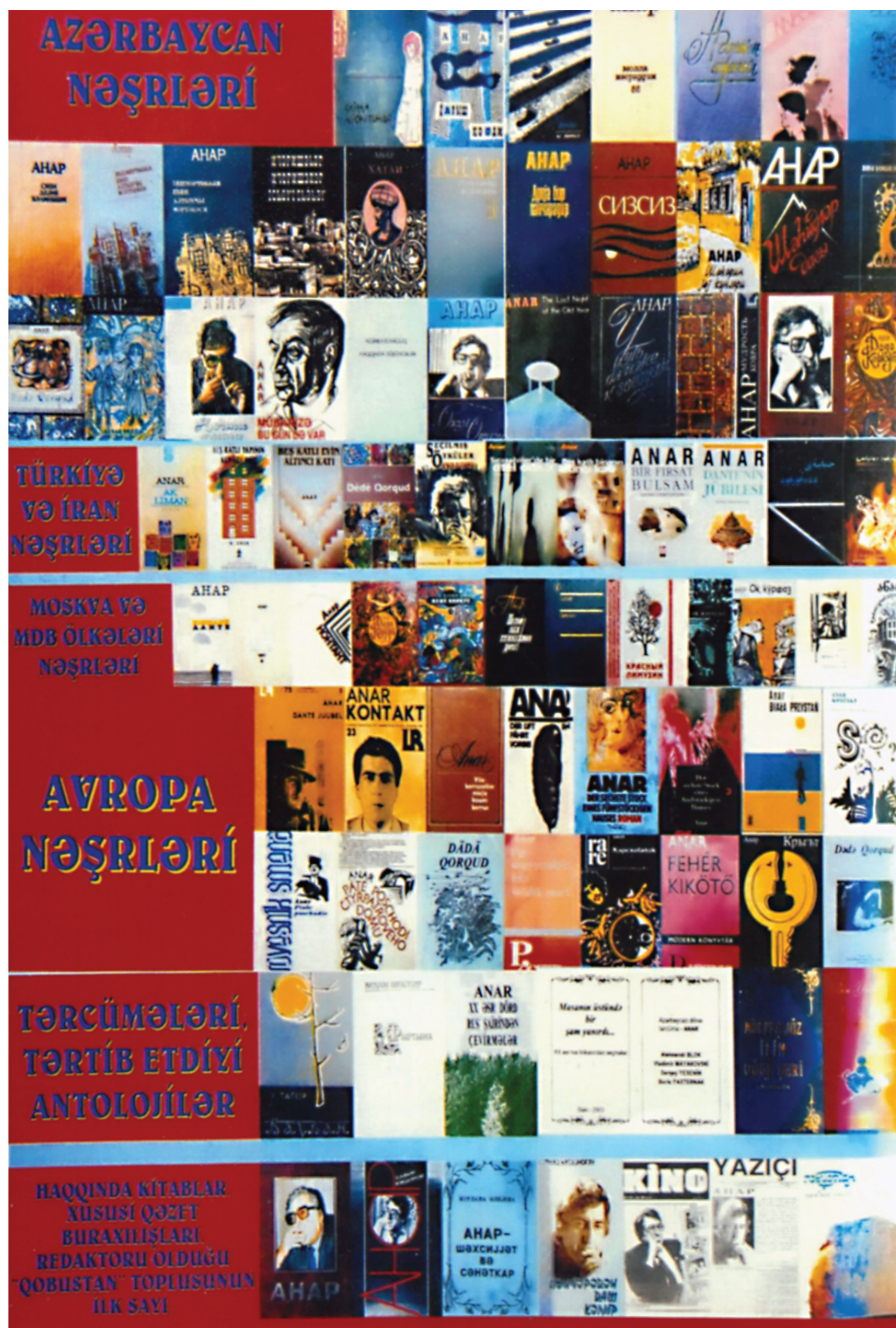
*Народный художник СССР и Азербайджана,
Лауреат Государственных премий
СССР и Азербайджана,
Герой социалистического труда,
Вице-Президент Академии художеств России.*

“Я бываю в Таллине, Москве, Риме, Париже и во многих мегаполисах мира, глядя оттуда на Азербайджан, всегда видел Анара”.

Тогрул НАРИМАНБЕКОВ,
*Народный художник СССР и Азербайджана,
Лауреат Государственных премий СССР и Азербайджана,
действительный член Академии художеств.*

Обложки книг Анара, книг о нем

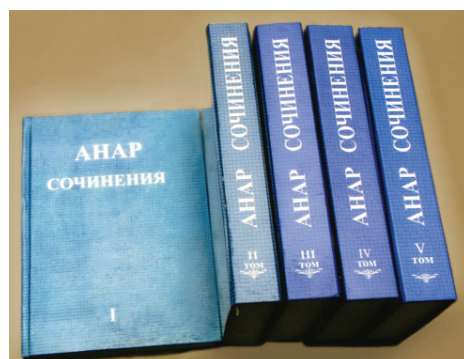
Обложки книг Анара, книг о нем, афиши спектаклей и фильмов

Книги Анара и книги о нем, изданные уже в XXI веке.

Шеститомник
на азербайджанском языке

Издания, редактором, составителем
или автором предисловия был Анар

Пяти томник на русском языке

*Зарубежные журналы и альманахи, в которых опубликованы произведения Анара.
Издания связанные с именем Анара*

Московские журналы и издания восточных стран, в которых опубликованы произведения Анара

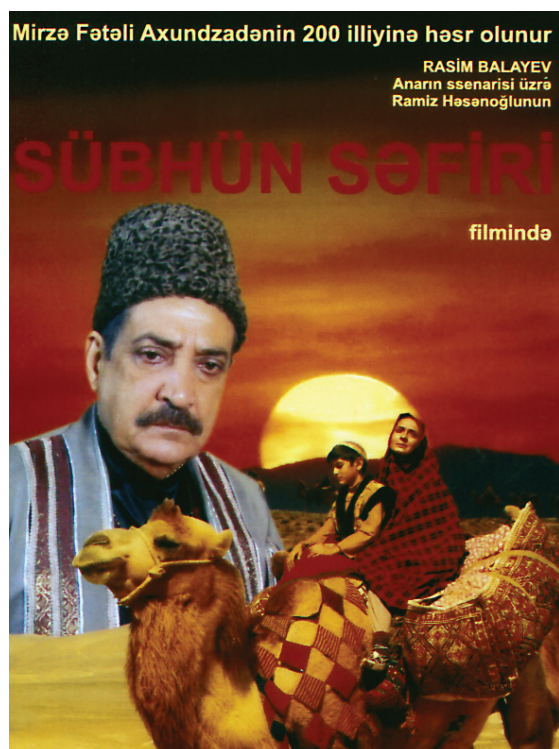

*Московские журналы и издания
восточных стран, в которых
опубликованы произведения Анара*

*Журналы стран СНГ и турецкие издания,
в которых опубликованы произведения Анара*

Афиша фильма “Голос рассвета”
по сценарию Анара

Приз платформы “Диалог Евразия”.
Посол Евразии

Призы и премии Турции, которых удостоен Анар

Послесловие автора

Итак набраны в типографии и прочитаны последние страницы трехтомника “Литература, Искусство, Культура Азербайджана”. Эта книга моей жизни, поскольку она писалась в течении 55-ти лет. Под первой - по времени написания, - статьей об “Обманутых звездах”, включенной в первый том, стоит дата 1957-ой год. Эссе об Орхане Памуке в третьем томе, закончена неделю тому назад. Этот трехтомник - книга моей жизни не только по столь длинному хронологическому отрезку создания входящих в него текстов. Он важен тем, что в трех томах рассматривается весь путь истории развития литературы и искусства Азербайджана от Деде Горгуда до наших дней, даны портреты наиболее значительных представителей нашей культуры - классиков и современников. Но эта книга не только о других, но и обо мне самом, о моем восприятии и понимании классиков и современников, о моем участии в литературно-художественной, общественно-политической жизни страны. Поэтому эта книга(все три тома я считаю единой книгой) - еще и воспоминания с размышлениями о прожитом и пережитом, о прочитанном, просмотренном, прослушанном.

Я искренне благодарен моему другу Назиму Ибрагимову за большие усилия по изданию этих томов на высоком полиграфическом уровне, за удачный дизайн, за биографическую справку обо мне, опирающуюся на сведения из библиографической книги Эмина Эфендиева и Закиры Алиевой, за отбор высказываний из книги Людмилы Лавровой “Знакомый незнакомец”.

В очень раннем возрасте вступив на литературную стезю, я всегда мечтал написать большой семейный роман типа “Саги о Форсайтах”, “Семьи Тибо” или “Будденброков”. Конечно, я знаю, что это не самые великие книги западной литературы и, скажем, “Будденброки” не лучшая книга Томаса Манна, автора “Доктора Фауста”. Но мне хотелось создать семейный роман именно такого типа, взяв за основу судьбу нашей собственной семьи. Представители нашего рода - Мамедханлы со стороны отца и Рафибейли со стороны матери, начиная с моих прадедов и дедов, включая моих родителей, да и я сам принимали участие во многих значительных событиях общественно-политической и культурной жизни страны и таким образом семейная история могла бы перерасти в более широкую панораму, отображающую судьбу нашего народа в течении всего XX века, с отступлением в век XIX и с небольшой зацепкой XXI столетия.

В течении всей творческой жизни я пользовался определенным методом: вначале собирал документальный материал, факты, воспоминания современников и свидетельства участников событий, прежде чем приступить к чисто беллетристическому освоению темы. Таким образом в разное время появились несколько моих произведений документально-мемуарного характера. Эта книга “Мубаризе бу гюн де вар” (“Борьба вершится и сегодня”) о моем отце Расуле Рзе, “Сизсиз” (“Без вас”) о последних днях моих роди-

телей, “Жизнь болит” о моем дяде, двоюродном брате отца, писателе Энвера Мамедханлы, и только что законченный, но еще не опубликованный документальный роман “Асрим ве неслим” (“Мой век и мой род”) о наших предках. Сейчас приступаю к еще одному произведению в этом же жанре - “Йашамаг заманы, йазмаг заманы” (“Время жить и время писать”) уже о лично моей жизни и о представителях моего поколения, моих друзьях и недругах, о времени, в котором нам пришлось существовать, жить и писать. После завершения этого последнего опуса образуется “Пятикнижие” (“Пятерица”) под общим заглавием “Кечен кечди, олан олду” (“Было и прошло”) на основе которого в будущем можно будет приступить, если Бог даст срок, к чисто художественному семейному роману. Трактат “Право на жизнь”, которым открывается данный том, является также как бы матрицей, на основе которой может быть воссоздана общественно-политическая картина Азербайджана на протяжении всей его трудной истории.

К этим моим текстам вплотную примыкают и две книги написанные другими авторами, книга мемуаров моей супруги Земфиры Сафаровой “Арды йашанылыр” (“Продолжение - в жизни”) и “Рафибейлилер” (“Рафибейли”) Рафаеля Гусейнова. Косвенным образом касаюсь некоторых событий в нашей семье и в двух документальных книгах - “Унудулмаз герушлер” (“Незабываемые встречи”), посвященной Гейдару Алиеву и “Керем кими” (“Как Керем”) о Назыме Хикмете.

И трехтомник “Литература, Искусство, Культура” Азербайджана в некотором роде примыкает к этим книгам. Общее у “ЛИК-а” со всеми вышеназванными книгами то - что у них единый герой - ВРЕМЯ. А различие в том, во всех вышеприведенных книгах ВРЕМЯ рассматривается в пределах XX века, а трехтомник охватывает ВРЕМЯ - с эпохи Деде Горгуда (то есть с VII века, периода жизни пророка Мухаммеда) до начала Третьего тысячелетия. Таким образом и “ЛИК” является как бы основой для семейного романа, поскольку, в трех томах выписаны портреты современников и друзей моих родителей и людей моего поколения, моих сверстников. Это как бы фон для развития фабулы семейного романа. Реальные письма и дневники, рассказы современников и соучастников событий, стихи, рассказы, очерки и статьи моих родителей и дяди, залежи моей собственной памяти - все это благодатная и необходимая почва, на которой разыгрывает творческая фантазия для создания чисто художественных образов.

Удастся ли мне воплотить в реальность эту грандиозную затею? Не знаю. Сроки сильно поджимают.

Я не люблю и не хочу кокетничать со смертью, постоянно говорить и писать о ней. Хотя великий Назым Хикмет считал, что бояться смерти или думать о ней не стыдно. Во всяком случае, у меня такое предчувствие, что я не буду болеть долго и нудно, в тягость близким, а уйду внезапно и сразу от сердечной недостаточности. Когда это произойдет - ведомо одному Богу. Надеюсь, не скоро.

Заканчиваю эти заметки, а вместе с ними и эту книгу - трехтомник, вопросом самому себе:

- 14 марта 2013 года тебе исполнится 75 лет. Где и как ты думаешь отметить эту дату?
- Очень надеюсь, что на земле, а не под землей.

1 октября 2012 г.

